

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ананьев Денис Анатольевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Резникова Мария Александровна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Дашинамжилов Одон Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Романов Роман Евгеньевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Кириллов Алексей Константинович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Чернова Ирина Сергеевна Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Петров Станислав Геннадьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	
■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша	Дацышен Владимир Григорьевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
	Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия	Ильиных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
	Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай	Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
	Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь	Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессо</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецко, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающие редакторы
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

доктор исторических наук С.А. Красильников
доктор исторических наук Н.Н. Аблажей
кандидат исторических наук Н.А. Потапова
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	7
From the Editors	8

■ Этатизация труда (общие вопросы) в советском обществе

<i>С.А. Красильников.</i> Управляемый труд в раннесоветском обществе: границы и практики достижимости	9–20
<i>А.П. Килин.</i> Частная торговля и обобществленный труд в многоукладной экономике 1920-х годов	21–32
<i>Е.Г. Водичев.</i> Труд, собственность и экономические свободы в концептах и советских реалиях	33–49
<i>А.Г. Тепляков.</i> Социальная справедливость и труд в СССР: феномены маргинализации и криминализации	50–64

■ Труд как социально-политический ресурс власти

<i>А.И. Савин.</i> От звания «Герой Труда» к званию «Герой Социалистического Труда. К вопросу о моральном поощрении трудовой деятельности в Советской России в начале 1920-х – первой половине 1930-х годов	65–77
<i>А.А. Кожяева.</i> Труд как основание для восстановления в правах инструмент социализации по-советски (1926–1936 годы) (на материалах Западной Сибири)	78–89
<i>Д.И. Петин.</i> Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири)	90–104
<i>Е.А. Игнатьева.</i> Деятельность в мобилизационном режиме: агенты власти в сибирской деревне в 1929–1930-х годах	105–115
<i>Д.А. Мамонтова.</i> Освещение идеи трудового перевоспитания преступников в советской периодической печати (журнал «Еженедельник советской юстиции» и газета «Советская Сибирь») в 1922 и 1928 годах	116–128
<i>О.А. Белоусова.</i> Кадры отечественной уголовно-исполнительной системы (1917–1941 гг.)	129–140
<i>А.Л. Белоногов.</i> Кадровый состав аппарата руководящих партийных органов Ленинграда в 1935–1940-е годы	141–153
<i>Н.Н. Аблажей, А.С. Жанбосинова.</i> «Защитить трудящийся советский народ...»: рабочие как контингент приказа НКВД СССР № 00447 (по материалам Казахстана)	154–166
<i>Р.Е. Романов.</i> Нарушители указа от 26 декабря 1941 года в «оборонке» Западной Сибири в начальный период Великой Отечественной войны: люди и судьбы	167–177

■ Рутинизация труда

<i>Н.А. Потапова.</i> Государственное регулирование отходничества в 1920-е годы (на материалах Сибири)	178–185
<i>В.Г. Зеляк.</i> Золотопромышленные конторы Сибири в 1923–1925 годах: основные итоги деятельности	186–196
<i>В.А. Ломанов.</i> Особенности функционирования немецких колхозов на территории Северо-Запада РСФСР в 1930-е годы	197–207

<i>Д.Л. Островкин, М.В. Попов.</i> Здоровоохранение и санитарно-эпидемическое состояние уральской деревни в 1920–1930-е годы	208–219
<i>В.Б. Лапердин.</i> Оплата труда рабочих МТС в Западно-Сибирском крае в 1930-е годы	220–229
<i>О.В. Рябкова.</i> Салехардский лесотарный завод: достижения и проблемы развития во время Великой Отечественной войны	230–239
<i>В.А. Выборнова.</i> «Строительство коммунизма» в Новосибирском государственном университете как ответ на решения XXII съезда КПСС	240–250

CONTENTS

From the Editors (<i>in Rus.</i>)	7
From the Editors	8

■ Etatization of Labor in Soviet Society (General Issues)

<i>S.A. Krasilnikov.</i> Managed Labor in Early Soviet Society: The Limits and Practices of Achievability	9–20
<i>A.P. Kilin.</i> Private Trade and Socialized Labour in the Mixed Economic Order Economy of the 1920s	21–32
<i>E.G. Vodichev.</i> Labor, Property and Economic Freedoms in Concepts and Soviet Realities	33–49
<i>A.G. Teplyakov.</i> Social Justice and Labor in the USSR: The Phenomena of Marginalization and Criminalization	50–64

■ Labor as a Socio-Political Resource of the Government

<i>A.I. Savin.</i> From the “Hero of Labour” to the “Hero of Socialist Labour”. The Moral Incentives of Labour Activity in Soviet Russia in the Early 1920s – First Half of the 1930s	65–77
<i>A.A. Kozhaeva.</i> Labor as a Basis for the Restoration of Rights and a Tool of Socialization in the Soviet Way (1926–1936) (Based on the Materials of Western Siberia)	78–89
<i>D.I. Petin.</i> Dismissal of Ex-Officers during the Purges of Soviet Institutions 1928–1929 (On the Example of the District Financial Departments of Siberia)	90–104
<i>E.A. Ignat’eva.</i> Activity in the Mobilization Regime: Agents of Power in the Siberian Village in 1929–1930	105–115
<i>D.A. Mamontova.</i> Representation of the Idea of Labor Re-Education of the Criminals in the Soviet Periodicals (Magazine “Ezhenedelnik Sovetskoy Yustitsii” and Paper “Sovetskaya Sibir”) in 1922 and 1928	116–128
<i>O.A. Belousova.</i> Cadres of the Penal System of the Our Country in 1917–1941	129–140
<i>A.L. Belonogov.</i> Senior Cadres of the Leningrad Party Organization in 1935–1940	141–153
<i>N.N. Ablazhey, A.S. Zhanbosinova.</i> “To Protect the Working Soviet People ...”: Workers as a Contingent of the USSR NKVD Order No. 00447 (On the Materials of Kazakhstan)	154–166
<i>R.E. Romanov.</i> Violators of the Decree of December 26, 1941 in the “Defense Industry” of Western Siberia in the Initial Period of the Great Patriotic War: People and Destinies	167–177

■ The routine of Labor

<i>N.A. Potapova.</i> State Regulation of Otkhodnichestvo in the 1920s (On the Materials of Siberia)	178–185
<i>V.G. Zelyak.</i> Gold-Mining Offices of Siberia in 1923–1925: Main Results of Activity	186–196
<i>V.A. Lomanov.</i> Features of the Functioning of German Collective Farms in the North-West of the RSFSR in the 1930s	197–207
<i>D.L. Ostrovkin, M.V. Popov.</i> Health Care and Sanitary-Epidemic State of the Ural Village in the 1920–1930s	208–219

<i>V.B. Laperdin.</i> Remuneration of MTS Workers in the West Siberian Region in the 1930s	220–229
<i>O.V. Ryabkova.</i> Salekhard Forestry Plant: Achievements and Development Problems during the Great Patriotic War	230–239
<i>V.A. Vybornova.</i> “Building Communism” at Novosibirsk State University as a Response to the Resolution of the XXII Congress of the CPSU	240–250

2023 · № 1 (27)

Тема номера:

**ЭТАТИЗАЦИЯ ТРУДА И БЫТА
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

ОТ РЕДАКТОРА

Разнообразные по содержанию публикации авторов выпуска расширяют спектр ретроспективного анализа границ и возможностей советской государственной политики в сфере труда и реакции социума и личностей на содержащиеся в ней догматы и принципы всеобщности, обязательности труда. Журнальные статьи размещены в трех отражающих тематику советского труда разделах: этатизация труда (общие вопросы); труд как социально-политический ресурс власти; рутинизация труда. В первом из них ставятся и анализируются проблемы пределов монополизации партийным государством трудового потенциала самодеятельного населения страны, издержек и результатов централизованного управления и контроля над ним. Второй раздел включает публикации, где анализируются разнообразные аспекты практической реализации государством трудовой политики, сердцевину которой представляли механизмы преобразования потенциала различных слоев трудоспособного населения в управляемый социально-политический ресурс партийной власти. Третий раздел представлен статьями, в которых отражены различные аспекты трудовой повседневности, где зримо воплощен феномен рутинизации труда (оплата труда, материально-бытовые условия работников, организация и управление трудовыми процессами на уровне отдельных производственных объединений и предприятий и т.д.).

*Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Сергей Александрович Красильников
доктор исторических наук
Наталья Николаевна Аблажей*

<i>Выпускающие редакторы</i>	доктор исторических наук С.А. Красильников доктор исторических наук Н.Н. Аблажей
<i>Ответственный секретарь</i>	кандидат исторических наук Н.А. Потапова
<i>Корректор</i>	Т.В. Соболева
<i>Верстальщик</i>	В.В. Введенский
<i>Интернет-верстальщик</i>	К.А. Васильев

2023 · No. 1 (27)

The Theme of the Issue:

THE ETATIZATION OF WORK AND LIFE
IN THE SOVIET ERA

FROM THE EDITOR

Diverse in content, publications of this issue expand the range of a retrospective analysis of the boundaries and possibilities of the Soviet state policy in the sphere of labour, and the reaction of society and individuals to the dogmas and principles of universality and obligation of labour contained in such a policy. The papers are placed in three sections reflecting the themes of the Soviet labour: etatisation of labour (general issues); labour as a socio-political resource of power; routinisation of work. In the first of them, the problems of the limits of monopolisation of the labour potential of the country's active population by the party state, the costs and results of the centralised management and control over population are posed and analysed. The second section includes papers in which the authors study various aspects of the practical implementation of the state labour policy, the core of which was the mechanisms for transforming the potential of various segments of the able-bodied population into a controlled socio-political resource of the party power. The third section is represented by the articles which reflect different aspects of everyday work, where the phenomenon of labour routinisation is visibly embodied (wages, material and living conditions of workers, organisation and management of labour processes at the level of individual production associations and enterprises, etc.).

Executive editors:

Doctor of Historical Sciences

Sergey Aleksandrovich Krasilnikov

Doctor of Historical Sciences

Natalia Nikolaevna Ablazhey

Executive editor

Doctor of Historical Sciences S.A. Krasilnikov

Doctor of Historical Sciences N.N. Ablazhey

Executive secretary

Candidate of Historical Sciences N.A. Potapova

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil'ev

С.А. Красильников*

**УПРАВЛЯЕМЫЙ ТРУД В РАННЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ГРАНИЦЫ И ПРАКТИКИ ДОСТИЖИМОСТИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-1
УДК 94(47+57).084

Выходные данные для цитирования:
Красильников С.А. Управляемый труд в раннесоветском обществе: границы и практики достижимости // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 9–20. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-01.pdf>

S.A. Krasilnikov*

**MANAGED LABOR IN EARLY SOVIET SOCIETY:
THE LIMITS AND PRACTICES OF ACHIEVABILITY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-1

How to cite:
Krasilnikov S.A. Managed Labor in Early Soviet Society: The Limits and Practices of Achievability // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 19–20.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-01.pdf>]

Abstract. Along with the property of universality, labor has such a qualitative, attributive characteristic as its social value. The inclusion of labor in social relations leads to the perception of its bearers from the standpoint of the significance of their activities for others, the hierarchy of the statuses of various types of labor, regulation and consolidation of these statuses. In the post-revolutionary period, values in this area acquired a dichotomous dimension: the principles of universality and obligation of labor, its social utility were opposed to exploitative, parasitic, useless activities. The mechanisms of realization by the early Soviet state of the desire to achieve a monopoly on the establishment of the hierarchical value of types of labor and the disposal of the labor potential of the population are considered. The manageability of labor relations under state control was achieved by a combination of soft and hard practices – from hiring to mobilization and forced labor with the vector of growth of the last two since the early 1930s. It was found that the total statistic of labor potential was limited by the human factor with its behavioral practices and motivational values that did not coincide with state imperatives.

Keywords: Social justice, Communist Party, nomenclature, marginalization, criminalization, society.

The article has been received by the editor on 29.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Наряду со свойством универсальности труд обладает такой качественной атрибутивной характеристикой, как его социальная ценность. Включенность труда в социальные отношения приводит к восприятию его носителей с позиций значимости их деятельности для других, иерархии статусов различных видов труда, регулированию и закреплению этих статусов. В постреволюционный период ценности в данной сфере приобрели дихотомическое измерение: принципы всеобщности и обязательности труда, его общественной полезности противопоставлялись эксплуататорской, паразитической, бесполезной деятельности. Рассмотрены механизмы реализации раннесоветским государством стремления к достижению монополии на установление иерархической ценности видов труда и распоряжению трудовым потенциалом населения. Управляемость трудовыми отношениями под контролем государства достигалась сочетанием мягких и жестких практик – от найма до мобилизации и принуждения к труду с вектором нарастания двух

* **Сергей Александрович Красильников**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com
Sergey Aleksandrovich Krasilnikov, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

последних с начала 1930-х гг. Установлено, что тотальную этатизацию трудового потенциала ограничивал человеческий фактор с его поведенческими практиками и мотивационными ценностями, не совпадавшими с государственными императивами.

Ключевые слова: КЗоТ, трудовые повинности, социально-трудовые отношения, мобилизационные кампании, формы принудительного труда.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022 г.

При множестве аспектов рассмотрения феномена труда устоявшимися выступают такие его измерения, как экономическое, социальное и правовое. Наиболее разработанным является экономическое измерение, поскольку оно имеет под собой фундаментальное значение труда как основы жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом. Здесь учитываются такие его свойства, как сознательность, целеполагание, рациональность и т.д. На этой основе разработана видовая классификация труда по содержанию, форме организации, степени сложности, по предмету труда, условиям его осуществления и др. Менее определены черты труда как социальной ценности. Здесь ориентирами выступают некоторые общие принципы, связанные с включенностью труда в социальные отношения, содержащие такие параметры, как идентификация работников с точки зрения значимости их деятельности для других, иерархия статусов различных видов труда, регулирование и закрепление этих статусов и т.д. При этом возникают такие ценностные понятия, как общественно-полезный труд, необходимый труд, всеобщий труд и, в противовес этому, труд бесполезный, не необходимый и т.д. Правовой аспект труда подразумевает регулирование как процесса труда, так и отношений, возникающих в ходе его осуществления. Главным образом законодательно он охватывает сферу труда по найму, т.е. несамостоятельного труда, поскольку труд самостоятельный, или самодеятельный, обладает иными механизмами выбора и его регулирования.

Для исследования заявленной нами проблематики о границах и возможностях достижения государством полного управления трудовым потенциалом населения страны в 1920–1930-е гг. следует поставить несколько вопросов. Во-первых, в отличие от средств производства и предметов труда, которые поддаются подчинению, экспроприации, национализации, работник обладает не только личными и неотчуждаемыми профессиональными способностями, собственными мотивациями и позициями при оценке и выборе действий, но и возможностями маневрирования при защите своих интересов, т.е. действует человеческий фактор, а не обезличенная рабочая сила. Во-вторых, существуют различные виды труда, не только контролируемые государством, но и сохраняющие самодеятельный характер, экономически самодостаточные (отходничество, работа на дому, единоличники в деревне, лица свободных профессий в городе и т.д.), контроль над которыми возможен был только через налогово-финансовые структуры. В-третьих, значительными факторами, осложнявшими реализацию государством политики прикрепления к определенным территориям и видам необходимой государству трудовой деятельности, выступали объективно происходившие социальные процессы – мобильность, миграции, маргинальность, полностью контролировать которые государственные институты оказались не в состоянии. В совокупности это порождало неустраняемый процесс «текучести кадров». Наконец, при реализации политики управления ресурсами труда сами государственные органы допускали возникновение непреднамеренных последствий и результатов, т.е. возникало несоответствие планировавшихся целей и фактических результатов.

При ретроспективном рассмотрении типологии труда, сложившейся в раннесоветском обществе под воздействием государственных императивов в данной сфере, воспользуемся несколько иным подходом, расположив проявления труда в зависимости от принципов его реализации: доступность, обязательность, принуждение. В первом случае речь идет о харак-

тере нормативного распределения работников: труд управляемый и подконтрольный государству; труд самостоятельный и независимый от государства, представители которого определяют процесс своего труда, регулируя свои взаимоотношения с государством (предприниматели, лица свободных профессий и др.); труд по найму (договорной между работником и работодателем в устной или закрепленной письменно форме, подразумевающий взаимные обязательства и ответственность); труд служебный (профессиональный корпоративный труд в сфере управления, прежде всего подразумевающий особые условия, нормы и регламентацию его осуществления).

Далее располагаются разновидности обязательного недобровольного труда, среди которых различаются: труд обязательный – определяемое государством требование занятия трудовой деятельностью и выполнения общественно-полезного труда; труд повинностный – как разновидности обязательного труда, установленного государством либо для всего гражданского трудоспособного населения в годы Гражданской войны, либо для определенных групп населения, в частности сельского, главным образом крестьянства (повинности крестьянства, установленные еще с дореволюционного времени, такие как трудгужевая на лесозаготовках, дорожная и др., сохранившиеся и после революции, к которым затем прибавилась отработочная в колхозном производстве с установлением необходимой выработки годового минимума трудодней); труд мобилизационный (особая разновидность обязательного нормативного труда, предусматривающая его избыточность, сверхнормативность с санкциями за неисполнение); труд милитаризованный (закрепленное институционально использование труда военнообязанных для оборонных и хозяйственных программ, например трудовые армии, тыловое ополчение, военно-строительные части, колхозный корпус в составе ОКДВА).

Принудительный труд выступает крайней формой проявления государственной монополии распоряжения трудоспособным потенциалом населения. Принудительный труд в СССР воплощался в двух номинациях. Первая из них представлена трудом при отбывании сроков наказания в местах заключения (лагеря, колонии) и судебной и внесудебной ссылки (спецпоселения), ставшего основой формирования лагерно-комендатурных производственных комплексов, созданных для реализации государственных программ и проектов; распространился в 1930-е гг. на все базовые сферы и инфраструктурные элементы экономики страны. Вторая номинация представлена определяемыми законодательно и в судебном порядке наказаниями, исполнение которых происходит с применением труда осужденных в различных формах, не связанных с лишением свободы. Принудительные работы здесь реализуются путем привлечения осужденного к оплачиваемому труду с вычетом из его заработной платы определенной суммы, как правило, не превышавшей 25 %. Делятся на два вида: а) отбываемые по месту работы осужденного; б) отбываемые в местах либо в районе жительства осужденного или в других местностях. Эта форма весьма широко применялась государством начиная с 1920-х гг., но особенно значительные масштабы приняла перед войной, в годы войны и в послевоенный период.

При рассмотрении приведенной выше типологии труда нетрудно заметить существовавшую между ними и внутри них взаимозависимость, обусловленную тем, что их связывала и отличала друг от друга та или иная степень зависимости от государственного контроля и управления. В одних случаях государство в лице его органов выступало как регулятор трудовых отношений, не обладая императивным правом на их подчинение (труд самостоятельный), в других располагало инструментами для управления и распоряжения трудовым потенциалом (труд обязательный, служебный, повинностный, милитаризованный, принудительный), нередко перемешивая в своих интересах один тип труда с другим в зависимости от своего целеполагания. В частности, трудовая повинность одновременно являлась и мобилизацией, носившей характер принуждения к труду. Если опираться на положения, объявленные в Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1936 г., то государственным приоритетом считалась обязательность труда, соответственно это ограничивало право работников на свободу распоряжения своим трудом и устанавливало монополию государства на

распоряжение трудовым потенциалом работавшего населения как собственным политико-экономическим ресурсом.

Другим важнейшим принципом государственного управления трудом, в процессе реализации которого государство стремилось реализовать свою монополию, выступала дисциплинарная функция, т.е. установление и поддержание ответственности работников перед государством через систему мер стимулирования труда и наказания трудом. Здесь также обращает на себя внимание то явление, при котором происходит диффузия, взаимодействие мер противоположного действия. Так, в практике действия в системе принудительного труда существовала как позитивная мотивация труда (возможность досрочного освобождения за производительный труд), так и наказание за его некачественное исполнение или отказ от труда. Тот же принцип действовал в несколько расширенном диапазоне в «обычных» трудовых отношениях на производстве, где работник мог стимулироваться поощрениями в денежном, натуральном (жилье, формы продовольственного и потребительского назначения), побудительном (награды, звания и т.д.) выражении, и в противоположность этому вводилось дисциплинирование угрозой или страхом наказания (взыскание, выговор, возможность потери работы и т.д.).

Большевистское партийное государство уже в первые месяцы и годы своего утверждения продекларировало, а затем и ввело ряд базовых принципов, ставивших целью достижение монопольного контроля и распоряжения потенциалом трудоспособного населения страны. В ленинской работе «Как организовать соревнование», написанной в конце 1917 г., но опубликованной лишь 20 января 1929 г. в газете «Правда», предельно четко формулировалась доктринальная установка на всеобщность и обязательность труда, которая предусматривала его дисциплинированность комбинацией мер контроля, не останавливаясь перед применением крайних мер принуждения, направленная не только против «паразитических элементов», но и в отношении недостаточно «добросовестных трудящихся»¹.

Принятый в разгар Гражданской войны в декабре 1918 г. первый Кодекс законов о труде (далее – КЗоТ) РСФСР включил в себя ряд основных требований, рожденных революцией 1917 г. (8-часовой рабочий день, минимум заработной платы, ежегодные отпуска и т.д.), но в практике остался более политической декларацией, поскольку, провозглашая право на труд, государство вводило всеобщую трудовую повинность².

Гражданская война дала большевистскому руководству опыт проведения всеобщей трудовой мобилизации и милитаризации сферы труда, который оценивался двояко: он признавался неизбежным и необходимым в чрезвычайных военных условиях, но оказывался тупиковым, поскольку лишал работавших мотивов и стимулов к производительному труду (рост трудового дезертирства, для предотвращения которого создавались первые лагеря; развал производства и дефицит всех видов ресурсов порождал процессы так называемого деклассирования рабочих, маргинализации средних слоев общества и т.д.). Происходило слияние трудовых повинностей с мобилизацией (военизация профессиональных групп – медиков, инженеров и др., которые приравнивались к военнообязанным и подвергались соответствующим наказаниям, вплоть до лишения свободы (лагеря принудительных работ)).

В силу данных причин большевистское руководство после окончания острой фазы Гражданской войны осуществило демонтаж структур, обеспечивавших тотальную трудовую мобилизацию, отменив и принципы милитаризации трудовой деятельности. Важнейшим показателем «трудовой демобилизации» явилось утверждение осенью 1922 г. КЗоТ РСФСР в новой редакции, отличной от принятого в 1918 г. тем, что в нем утверждалась система регулирования наемного труда независимо от различия его применения в различных хозяйственных укладах. Сторонам трудовых отношений (нанимателям и работодателям) предоставлялись права определять условия труда по взаимному соглашению. Закрепилась защитительная функция профсоюзов – представлять интересы работников по всем вопросам

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 195–205.

² Бахутов А.М. Советское трудовое законодательство за десятилетие существования советской власти // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 91–100.

организации труда и быта. Для урегулирования порядка возникавших споров и конфликтов создавались специальные органы в лице Расценочно-конфликтных комиссий (РКК), Примирительных камер (ПК) и Третейских судов (ТС).

КЗоТ 1922 г. структурно состоял из 17 глав, включавших в себя в совокупности 193 статьи: общая часть; порядок найма и предоставления рабочей силы; порядок привлечения к трудовым обязанностям (в исключительных случаях); коллективные договоры; трудовые договоры; о правилах внутреннего распорядка; о нормах выработки; о вознаграждении за труд; гарантии и компенсации; рабочее время; время отдыха; об ученичестве; о труде женщин и несовершеннолетних; охрана труда; профсоюзы; органы по разрешению конфликтов; социальное страхование³.

Ниже приведем перечень устанавливаемых КЗоТ восьми положений, которые декларировались незыблемыми, «неубиваемыми», как они определялись в передовой статье ведомственного журнала НКТ РСФСР «Вопросы труда» за 1923 г. (хотя в большинстве своем они в начале 1930-х гг. оказывались элиминированы партийно-государственными решениями):

1. КЗоТ распространяет свое действие на всех лиц, работавших по найму вне зависимости от форм хозяйственной деятельности (за исключением категорий военнослужащих).

2. Привлечение к труду осуществляется в порядке добровольного найма (привлечение к труду в принудительном порядке является исключительным).

3. Для определения на работу безработных создаются Биржи труда.

4. КЗоТ закрепляет за работниками минимум гарантий от их эксплуатации со стороны нанимателей, предоставляя работникам возможность улучшения условий труда путем заключения коллективных и трудовых договоров.

5. КЗоТ значительно ограничивает права нанимателей особенно в отношении увольнения.

6. При определении вознаграждения за труд госорганами устанавливаются только минимальные размеры заработной платы, конкретные ее размеры устанавливаются договорными отношениями.

7. КЗоТ впервые законодательно устанавливает деятельность профсоюзов по представительству и защите интересов работников.

8. КЗоТ вводит порядок государственного вмешательства в трудовые конфликты, создавая для этого специальные органы для их разрешения в судебном или договорном порядке⁴.

В то же время КЗоТ 1922 г. потенциально сохранил и возможность применения государством при определенных условиях мобилизационных технологий. Так, в ст. 11–14 определялся порядок привлечения граждан к трудовой повинности «в исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий) граждане <...> могут привлекаться к труду в порядке трудовой повинности, согласно специальных постановлений Совета Народных Комиссаров»⁵. Данные статьи вплоть до конца 1920-х гг. оставались своего рода «спящими», дававшими тем не менее основания для объявления и осуществления переходных форм в виде осуществления мобилизационных кампаний на недобровольной основе с применением административного ресурса (решения правительственных органов, подкрепленные партийными директивами).

Центральное положение государственного регулятора в сфере труда и его законодательства занимал союзно-республиканский Наркомат труда (НКТ). По своей встроенности в иерархию институтов власти и управления, т.е. по административному весу, НКТ РСФСР с 1917 г., а затем и НКТ СССР с 1923 г. занимали свое неотъемлемое место среди народно-хозяйственных наркоматов, близкое к ключевым, к которым следовало отнести ВСНХ, Госплан, НКПС, НКЗемледелия. Это соответствующим образом фиксировалось в достаточно весомых статусах наркомов труда. Первый союзный нарком (1923–1928) В.В. Шмидт,

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 90. Ст. 903.

⁴ См.: Вопросы Труда. 1923. № 1. С. 2–3.

⁵ Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

будучи членом ЦК с 1918 г., даже с этой должности продвинулся выше по служебной лестнице, являлся одним из замов председателя СНК СССР (1928–1930), однако далее его карьера прервалась из-за близости взглядов с «правыми». В должности наркома его сменил Н.А. Угланов (1928–1930), напротив, занимавший до этого высокие посты в партийной иерархии будучи руководителем московской парторганизации, кандидатом в члены Политбюро (1926–1929), также обвиненный в «правом уклоне», как и В.В. Шмидт. Сменивший Н.А. Угланова на посту наркома труда А.М. Цихон проработал в этой должности с 1930 по 1933 г. вплоть до ликвидации наркомата. Впрочем, вне зависимости от своих заслуг в развитии советской трудовой политики все из названных выше руководителей были уничтожены в годы «большого террора».

Здесь же уместно упомянуть и том, что деятельность союзного и республиканских наркоматов труда оказывалась теснейшим образом координирована с профсоюзным ведомством, а руководители НКТ входили в его руководящий состав будучи членами Президиума ВЦСПС. Соответственно, смена профсоюзного руководства (М.П. Томский и его ближайшее окружение) в конце 1929 – начале 1930 г. по обвинениям также в «правом уклоне» означала радикальный разрыв в сложившейся на протяжении 1920-х гг. межведомственной связке между двумя организациями в осуществлении политики в сфере труда. Следует отметить, что для профсоюзов защитительная функция прав и интересов работников считалась базовой функцией в их деятельности, поддерживавшей их авторитетность в рабочей среде. Но именно данное обстоятельство послужило одним из главных обвинений в адрес руководства ВЦСПС, с конца 1920-х гг. которому ставилось в вину «скатывание в тред-юнионизм», вместо того чтобы выполнять мобилизационную функцию в сфере труда, которая объявлялась теперь приоритетом для профсоюзов. Вновь пришедший к руководству ВЦСПС в 1930 г. Н.М. Шверник оказался удобной фигурой, осуществивший в 1933 г. функциональное поглощение НКТ, превратив профсоюзы в фактический придаток к госорганам, решавшим теперь проблемы труда и рабочей силы в зависимости от их административного веса в системе власти. Исчезновение профильного наркомата труда из государственных структур практически на шесть десятилетий (Министерство труда было воссоздано в структуре российского правительства только в 1992 г.) следует расценивать как сокрушительный удар по всей сфере социально-трудовых отношений, лишившейся своего органичного регулятора.

Между тем нельзя не отметить действительно уникальное место НКТ в структуре государственных органов 1917 – начала 1930-х гг. Выступая в роли регулятора на рынке труда, наркомат благодаря этому функционально оказывался необходим и востребован практически всеми организациями, поскольку труд по найму носил всеобъемлющий характер. Соответственно, регулятивные функции НКТ ставили его в центр социально-трудовых отношений, связывая воедино и координируя в сфере труда государственные сектора занятости с негосударственными. «Густота» связей НКТ с многочисленными структурами ставила проблему субординации с ними, что предусматривало и взаимную ответственность, и контроль в ходе регулирования сферы труда.

Так, функция контроля над реализацией политики в сфере труда другой своей частью предусматривала наличие органов надзорного характера, решения которых носили директивный характер. В частности, уже с первых лет после окончания Гражданской войны в силу того, что в сфере труда возникали дела правового характера, учреждается специальный орган прокуратуры по трудовым делам в составе Верховного Суда с ее функцией надзорного характера в сферах судебной юрисдикции. Известный революционер, затем государственный деятель, инициатор и руководитель прокуратуры по трудовым делам РСФСР (1924–1929) А.М. Стопани длительное время фактически совмещал работу в НКТ, входя в его коллегию, с членством в Верховном Суде РСФСР.

Наряду с этим правами контроля над исполнением трудового законодательства обладал и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), проверявший условия труда и его рационализацию на предприятиях и в учреждениях, выявление должностных нарушений, контроль над ставками заработной платы, штатами работников, организацию и осуществ-

ление разнообразных аппаратных «чисток» и т.д. Добавим также, что особыми охранительными полномочиями вмешиваться в трудовые отношения и кадровые процессы располагали органы ОГПУ.

Охранительные органы играли либо «теневую» роль, давая свои рекомендации по поводу приема и увольнения на работу конкретных работников, либо прямо входили в состав комиссий, которые осуществляли всевозможные кадровые «чистки» в 1920–1930-е гг. Еще более значимой роль спецслужб в сфере труда стала с момента формирования и форсированного роста системы лагерей с конца 1929 г., а с 1931 г. и системы крестьянских спецпоселений. Фактически именно охранительное ведомство заложило основы возникновения и дальнейшего существования феномена *режимного труда*, закрытого для общегосударственного законодательного регулирования. Отметим, что в ходе работы межведомственной комиссии Политбюро, созданной летом 1929 г. для рассмотрения вопроса о возможностях и перспективах создания лагерной системы, куда входил и нарком труда Н.А. Угланов, последний занимал критическую позицию в вопросе о придании особых полномочий ОГПУ в сфере массового применения труда заключенных в экономике⁶.

Центральными и фактически надведомственными директивными полномочиями в решении принципиальных вопросов труда обладали высшие партийные органы. Именно Политбюро, аппарат ЦК и его отделы формировали вектор приоритетов трудовой политики и их изменений, либо наделяя НКТ в ходе кампаний трудовых мобилизаций периода первой пятилетки широкими полномочиями в сфере оргнабора (вербовки) рабочей силы, либо упраздняя сам наркомат в 1933 г. В частности, важнейшие решения о смене вектора в сфере труда с его переориентацией на мобилизацию трудоспособного населения страны принимались высшими партийными органами и только затем оформлялись «в советском порядке» как правительственные решения.

Отмеченные выше факторы создавали своего рода альтернативную ситуацию в сфере труда и границ возможностей государственной управляемости в данной сфере. Наличие рынка труда и законодательных принципов, увязывавших между собой в трудовых отношениях права и обязанности работников и нанимателей, создавало пространство выбора для работника между работой не только в государственном, но и негосударственных секторах и хозяйственных укладах. Мобильность в сфере труда определялась социально-экономическими интересами работников. Трудовые миграции носили не только плано-организованный и подконтрольный государству характер приоритетов и целей переселенческой политики, но и вольные, а также стихийные миграции, не связанные с государственными интересами и потребностями.

Следует иметь в виду значительное несоответствие и «разрывы», связанные с реальными процессами, происходившими в структуре занятости трудоспособного населения страны, и целью государства в краткие сроки (годы первых пятилеток) изменить ее в ходе создания современного типа экономики путем форсированного формирования индустриально-транспортного сектора. Показатель структуры занятости по секторам экономики, где учитывается труд, реализуемый в трех секторах (традиционный сектор – сельское хозяйство, лесозаготовки, промыслы и т.д.; индустриальный – промышленность, транспорт, строительство; услуги – ремесло, работа на дому, торговля, общественное питание и т.д.) дает важную картину происшедшей здесь динамики за период первых пятилеток. Так, доля занятых в традиционных отраслях с 1928 по 1940 г. уменьшилась с 71 до 54 %, доля занятых в современных отраслях увеличилась с 18 до 28 %, а в сфере услуг – с 11 до 18 %. Безусловно, здесь отражены значительные сдвиги в отраслевом размещении трудовых ресурсов, предпринятые усилиями государства в 1930-е гг. В то же время следует критически расценивать происшедшую структурную динамику: вопреки утверждениям пропаганды о том, что к началу Отечественной войны страна из аграрно-индустриальной превратилась в индустриально-аграрную, более половины занятого населения продолжало заниматься в

⁶ Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 1929–1930 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 145.

традиционных отраслях тяжелым ручным, почти немеханизированным трудом, а структура занятости работавших в 1940 г. даже после индустриального «скачка» в целом соответствовала структуре занятости населения США в 1870 г., т.е. времени первой промышленной революции⁷.

В литературе существуют различные цифры, отражавшие структуру занятости групп трудоспособного населения в народно-хозяйственной сфере. Традиционно для этого применяются данные переписей 1926 и 1939 гг., чтобы выяснить динамику сдвигов среди занятого населения страны в межпереписной период. Так, А.К. Соколов приводит данные, согласно которым в 1926 г., пользуясь сведениями о доле разных социально-учетных групп, дает следующие цифры: доля рабочих города и села составляла 18,8 %, служащих – 9,2 %, крестьян всех категорий – 53,3 %, кустарей и ремесленников – 5,3 %, торговцев и предпринимателей – 2,4 %, безработных – 2,6 %, прочих (куда включались иждивенцы, прислуга, лица свободных профессий и т.д.) – 8,4 %⁸. Автор справедливо указывает, что такого рода деление групп занятого населения не «схватывало» ряд важных процессов социальной мобильности между ними, отмечая значительную величину крестьян-отходников, достигавшую в 1929 г. величину в 4 млн чел., т.е. около 10 % занятого населения на тот момент⁹, которую государство стремилось подчинить и контролировать путем создания системы организованного набора (вербовки).

Более точно А.К. Соколов вычленяет из переписи 1939 г. распределение занятого населения по отраслям народного хозяйства: в сельском и лесном хозяйстве было занято 53 % работавших, в промышленности, на транспорте и в связи – 23,3 %, в торговле, снабжении и общественном питании – 6 %, в строительстве – 4 %, в науке, культуре, образовании и здравоохранении – 6 %, в сфере управления – 3 %¹⁰. При некоторой несопоставимости данных переписей 1926 и 1939 гг. в отношении того, что в первом случае указана структура занятых социально-учетных групп, а во втором – распределение работавших по отраслевой занятости, очевидны значительные сдвиги, ставшие результатом высокой социально-трудовой мобильности трудоспособного населения за период первых пятилеток, но в то же время этого оказывалось недостаточно для того, чтобы совершить «перелом» в структуре занятости в пользу более передовых сфер труда в сравнении с традиционными сферами экономики, где сохранились доиндустриальные типы труда. Об этом свидетельствуют произведенные по разным основаниям подсчеты экономистов (Б.П. Орлов) и историков (А.К. Соколов), но они в целом зафиксировали сходные тенденции, свидетельствовавшие о том, что государство проводило целенаправленную и длительную политику в сфере управления трудом и трудовым потенциалом, однако за межпереписной период и в основном мобилизационными мерами добилось того, что возник феномен «очаговой индустриализации», принципиально сохранивший и даже усиливший различия и разрывы между городом и деревней как в сфере труда, так и в социально-культурной сфере.

Приведем также характерный факт, указывавший на то, какое место в 1920-е гг. занимало самозанятое население, наличие которого ограничивало стремление государства к монополии в сфере труда. Рассмотренные в разрезе структуры занятости в секторах экономики, роль и значение тех, кого политический режим относил к «эксплуататорам» или «паразитическим элементам», окажется даже более существенным, чем их номинальная численность. По данным налогообложения в 1927 г. их доля (если сюда отнести не только зажиточную часть крестьянства, городских торговцев и предпринимателей, работавших на дому, но и лиц свободных профессий, кустарей и ремесленников) составляла не менее 15 %, т.е. примерно шестую часть всего занятого населения страны во второй половине 1920-х гг.¹¹

⁷ Орлов Б.П. Цели среднесрочных планов и их осуществление // ЭКО. 1987. № 11. С. 35, 38; Зоркальцев В.А. Экономика СССР и Великая Отечественная война (с использованием материалов лекций Б.П. Орлова). Иркутск, 2009. С. 11–12.

⁸ Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 154.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 258.

¹¹ См.: Там же. С. 154.

Выше отмечалось одно из основных противоречий управления в сфере труда и трудовых отношений, заключавшееся в недостижимости полного превращения, требуемой трансформации трудового потенциала населения в учтенный и подконтрольный трудовой ресурс, «рабочую силу» в силу взаимосвязи труда с социальными отношениями, где цели государства сталкивались с интересами и потребностями самих работников, с их поведенческими практиками, трудовой мотивацией, мировоззренческими стереотипами и т.д. Рассогласования государственных интересов с индивидуальными, групповыми, корпоративными потребностями работников не могли быть устранены внеэкономическими мерами, поскольку имел место феномен всеобщего дефицита: дефицита легитимности власти (доверия к ней со стороны работников); дефицита всех видов ресурсов, особенно потребительского характера, которые могли удовлетворить потребности работников; дефицита квалифицированных работников, которые могли повернуть, использовать их востребованность и необходимость в свою пользу и т.д.

Ниже обозначим ряд направлений, где сами трудовые процессы в своем протекании оказывались лишь отчасти управляемыми государственной политикой. Прежде всего, речь идет о недостижимости полного трудового закрепления работавших на производстве и в управленческих структурах экономическим интересам государства. Текущая кадровая являвшаяся масштабной, достигая в отдельных отраслях, особенно в строительстве, размеров, когда в течение года приток и отток рабочих и специалистов уравнивали друг друга. Расширение спектра мер, связанных с различного рода наказаниями за нарушения дисциплины труда, наталкивалось на стремление работников к поиску лучших условий труда, быта удовлетворения своих жизненных потребностей.

Несмотря на значительные усилия по упорядочению трудовых миграций путем введения организованного набора, органам в лучшем случае удавалось лишь добиваться снижения текучести до (вербовки) рабочей силы, в том числе управляемости процессами отходничества из деревни, предотвратить приток на производство стихийной рабочей силы, в том числе беженцев из деревни, прежде всего «кулачества», а также от голода и эпидемий в города и на стройки, что также не могло быть подконтрольно, а только минимизировано.

В переселенческой политике, направленной на укрепление трудоспособным населением регионов, где в силу различного рода причин возникала трудонедостаточность, также проявляли себя разнонаправленные процессы. В одних случаях действовали ординарные традиционные переселенческие программы, направленные на перемещение крестьянства с семьями из центральных районов страны в восточные. В других случаях имели место специфические красноармейские переселения, выполнявшие не столько экономические, сколько геополитические функции – перемещение демобилизованных красноармейцев с семьями в приграничные западные и дальневосточные территории. Обе из них, даже в случае первоначальных успехов, теневой стороной имели недостаточную закрепляемость, приживаемость на местах нового вселения и сопровождалась частичным оттоком, «обратничеством», сравнимым с эпохой столыпинских переселений. Так, по данным Н.И. Платунова, среди семей, охваченных программой сельскохозяйственных переселений в 1930-е гг., доля выбывших из мест вселения, прежде всего из-за хозяйственной неустроенности, достигала 20,9 %¹². Еще более неудавшейся оказалась амбициозная кампания создания красноармейских колхозов. Убыль из них на западных границах в первой половине 1930-х гг. составила от 30 до 50 %, а на Дальнем Востоке в 1930–1933 гг. – 80 %. По мнению исследовавшего данную кампанию Д.Д. Миненкова, она ни в экономическом, ни в военно-стратегическом плане поставленных целей не достигла¹³.

Особое значение государство уделяло кадровым мобилизациям, которые были призваны демонстрировать особую сознательность и приверженность ее участников больше-

¹² Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 240.

¹³ Миненков Д.Д. Красная Армия как мобилизационный инструмент «социалистического переустройства» // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 265–338.

вистскому режиму. Как правило, они носили характер мобилизационных кампаний по перемещению на определенные сроки или без их указания самих агентов власти, должностных лиц, членов партии, а также их сторонников из числа комсомольского, профсоюзного, рабочего актива. Здесь возникала возможность достижения максимальной управляемости их функциональной деятельностью. Перечислим наиболее значимые мобилизации: для этатизации деревни это 25-тысячники, уполномоченные и др.; мобилизации специалистов с перемещением и прикреплением для работ по специальности и их разновидность – обязательное распределение для работы на производстве молодых специалистов на трех-, затем пятилетний период после окончания вузов и техникумов; партийно-комсомольские в индустрию на «ударные стройки»; выдвиненчество; «парттысячники» в вузы и научные учреждения и т.д. Все они несли в себе типичные черты мобилизационных кампаний: агрессивность, идеократическое сопровождение, конфронтационность, ресурсозатратность, которые либо снижали достижение провозглашенных целей, либо сопровождалась масштабными практиками пассивного неповиновения, «дезертирства с трудового фронта» и иными протестными формами.

В частности, исследовав процесс адаптации 25-тысячников к условиям их экстремальной деятельности в Западной Сибири, Н.Д. Страбыкина пришла к выводу, что уже через год, к весне 1931 г., в регионе осталось не более двух третей от прибывших, а к 1933 г. их насчитывалось менее половины, что свидетельствует об экстенсивном использовании мобилизованных рабочих в качестве расходного кадрового ресурса¹⁴. Проведенное исследование осуществления мобилизационной кампании по перемещению («переброске») групп специалистов из различных регионов для восполнения нехватки инженерно-технических кадров в районы «ударныхстроек», а также по перераспределению кадров для их работы по полученной специальности с использованием широких мер наказания, вплоть до уголовных для «отказников», показало, что в среднем их результативность не превышала 50 % (соотношение между контрольными и фактическими цифрами мобилизации). Тем самым основная задача – восполнить нехватку специалистов в регионах форсированного индустриального освоения и рационально использовать труд ИТР в соответствии с полученной специальностью – оказывалась малореализованной. Даже в случае состоявшихся «перебросок» специалистов их закрепление в новых местах работы представляло собой еще менее успешную задачу. Так, по оценке сектора кадров НКТ СССР, за период с ноября 1930 по ноябрь 1932 г. 90 % из них «дезертировали». Следует признать справедливость оценочного вывода, сделанного авторами: «Несмотря на низкую эффективность, мобилизационные кампании стали неотъемлемой частью системы административного регулирования трудовой деятельности <...> Вопрос о неэффективности системы трудовых мобилизаций по самой своей сути не ставился. Мобилизации играли важную политическую роль, являясь одним из средств давления в данном случае на интеллигенцию. Для власти это было делом не менее важным, чем экономический эффект кадровых перебросок»¹⁵.

С данной оценкой солидарен и исследователь проблем трудовых отношений в СССР изучаемого периода Е.А. Андрюшин: «Процесс мобилизации не столько отражает хозяйственную необходимость, результат планирования, сколько служит цели приучить человека к его подчиненному статусу, элиминировать какую бы то ни было самостоятельность <...> так что человеком оказывается уже совокупность определенных документов»¹⁶.

Тем не менее, как отмечалось выше, взаимоотношения в системе «государство – труженик» не принимали однолинейного характера: на государственный диктат подчинения находился ответ работника в практиках возможного в существовавших условиях ему неповиновения.

¹⁴ Страбыкина Н.Д. Двадцатипятидесятые в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 252, 260.

¹⁵ Пыстина Л.И., Шер О.В. Мобилизация специалистов (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 132–133.

¹⁶ Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. С. 181.

Литература

Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. 464 с.

Бахутов А.М. Советское трудовое законодательство за десятилетие существования советской власти // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 91–100.

Зоркальцев В.А. Экономика СССР и Великая Отечественная война (с использованием материалов лекций Б.П. Орлова). Иркутск, 2009. 42 с.

Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 1929–1930 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 145–156.

Ленин В.И. Как организовать соревнование? // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1965. С. 195–205.

Миненков Д.Д. Красная Армия как мобилизационный инструмент «социалистического переустройства» // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 265–338.

Орлов Б.П. Цели среднесрочных планов и их осуществление // ЭКО. 1987. № 11. С. 34–53.

Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. 283 с.

Пыстина Л.И., Шер О.В. Мобилизация специалистов (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 96–168.

Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. М.: Высшая школа, 1999. 272 с.

Страбыкина Н.Д. Двадцатипятидесятники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 168–264.

References

Andryushin, E.A. (2012). *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of the Labor Legislation of the USSR and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources]. Moscow. 464 p.

Bahutov, A.M. (1927). *Sovetskoe trudovoe zakonodatel'stvo za desyatiletie sushchestvovaniya sovetskoy vlasti* [Soviet Labor Legislation during the Decade of the Existence of Soviet Power]. In *Voprosy truda*. No. 10, pp. 91–100.

Krasilnikov, S.A. (1997). *Rozhdenie GULAGa: diskussii v verkhnikh eshelonakh vlasti. Postanovleniya Politbyuro CK VKP(b) 1929–1930 gg.* [The Birth of the Gulag: Discussions in the Upper Echelons of Power. Resolutions of the Politburo of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union 1929–1930]. In *Istoricheskiy arhiv*. No. 4, pp. 145–156.

Lenin, V.I. (1965). *Kak organizovat' sorevnovanie?* [How to Organize a Competition?]. In *Polnoe sobranie sochineniy*. 5th ed. Moscow, pp. 195–205.

Minenkov, D.D. (2018). *Krasnaya Armiya kak mobilizatsionnyy instrument "sotsialisticheskogo pereustroystva"* [The Red Army as a Mobilization Tool of Socialist Reconstruction]. In *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-h – 1930-e gg.)*. Moscow, pp. 265–338.

Orlov, B.P. (1987). *Tseli srednesrochnykh planov i ih osushchestvlenie* [Objectives of Medium-Term Plans and Their Implementation]. In *ECO*. No. 11, pp. 34–53.

Platunov, N.I. (1976). *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.)* [The Resettlement Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk. 283 p.

Pystina, L.I., Sher, O.V. (2018). *Mobilizatsiya spetsialistov (konets 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.)* [Mobilization of Specialists (late 1920s – early 1930s)]. In *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)*. Moscow, pp. 96–168.

Sokolov, A.K. (1999). *Kurs sovetskoy istorii* [Course of Soviet History. 1917–1940]. Moscow. 272 p.

Strabykina, N.D. (2018). Dvadsatipyatitysyachniki v Sibiri (1929–1933 gg.) [Twenty-Five-Thousanders in Siberia (1929–1933)]. In *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)*. Moscow, pp. 168–264.

Zorkaltsev, V.A. (2009). *Ekonomika SSSR i Velikaya Otechestvennaya vojna (s ispol'zovaniem materialov lektiy B.P. Orlova)* [The Economy of the USSR and the Great Patriotic War (Using Materials of Lectures by B.P. Orlov)]. Irkutsk. 42 p.

А.П. Килин*

**ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ И ОБОБЩЕСТВЛЕННЫЙ ТРУД
В МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКЕ 1920-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-2
УДК 94(47+282.247.42)"1921/1929"+
331.5.024.5+339.16.012.32-052*Выходные данные для цитирования:**Килин А.П. Частная торговля и обобществленный труд в многоукладной экономике 1920-х годов // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 21–32.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-02.pdf>*

A.P. Kilin*

**PRIVATE TRADE AND SOCIALIZED LABOUR
IN THE MIXED ECONOMIC ORDER ECONOMY OF THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-2

*How to cite:**Kilin A.P. Private Trade and Socialized Labour in the Mixed Economic Order Economy of the 1920s // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 21–32.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-02.pdf>]*

Abstract. The article examines the role of private entrepreneurship as an alternative sphere of employment for a significant mass of the population during the years of the NEP. Incentive mechanisms of citizens' involvement in trade are considered, assessments of their activities by the merchants themselves are given. The emphasis is placed on the negative consequences that trade entailed, including disenfranchisement. The conclusion is made about the negative social dynamics or statics in the destinies of private entrepreneurs, which indicates the implementation of the mechanism of negative social selection, which went in parallel with the process of forming a new Soviet man. The elimination of mixed economic system, the unification and hybridisation of economic structures, the socialisation of not only material, but also labour resources, deprived private entrepreneurs of an economic basis. As a result, most of them tried to join the state or cooperative way of life, guaranteeing access to channels of distribution of material goods and certain social protection. A small part joined the ranks of the shadow sector of the economy, which existed throughout the Soviet period. The author concludes that along with the fight against illegal forms of trade, the authorities objectively formed the prerequisites for its existence, since defects in the distribution system and chronic commodity shortages created a steady demand for products and services of the shadow economy and the black market.

Keywords: NEP, private trade, entrepreneurship, mixed economic order, private entrepreneurial way of life, socialised labour, personal autonomy, employment sphere, politics, economy.

*The article has been received by the editor on 30.11.2022.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается роль частнопредпринимательского уклада как альтернативной сферы занятости для значительной массы населения в годы нэпа. Рассматриваются побудительные механизмы вовлечения граждан в торговлю, приводятся оценки своей деятельности самими торговцами. Сделан акцент на негативных последствиях, которые повлекло за собой занятие торговлей, в том числе лишение избирательных прав. Делается вывод о негативной социальной динамике или статике в судьбах частных предпринимателей, что свидетельствует о реализации механизма негативной социальной селекции, который шел параллельно с процессом формирования нового

* **Алексей Павлович Килин**, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru
Alexey Pavlovich Kilin, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

советского человека. Ликвидация многоукладности, унификация и гибридизация хозяйственных укладов, обобществление не только материальных, но и трудовых ресурсов лишали частных предпринимателей экономической основы. Как следствие, большинство из них пытались включиться в государственный или кооперативный уклад, гарантирующий доступ к каналам распределения материальных благ и определенную социальную защиту. Малая часть пополнила ряды теневого сектора экономики, который существовал на протяжении всего советского периода. Автором делается вывод, что наряду с борьбой с нелегальными формами торговли власти объективно формировали предпосылки для их существования, поскольку дефекты распределительной системы и хронический товарный дефицит создавали устойчивый спрос на продукты и услуги теневой экономики и черного рынка.

Ключевые слова: нэп, частная торговля, предпринимательство, многоукладность, частнопредпринимательский уклад, обобществленный труд, автономия личности, сфера занятости, политика, экономика.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022 г.

Введение. Общественно полезный труд, являющийся маркером настоящего советского человека, исходя из классовых установок мог быть реализован исключительно в обобществленном секторе экономики¹.

Негативно оценивая «стихию рынка» и абсолютизируя плановые начала, лидеры большевистской партии и правительства стремились к тотальному контролю за ресурсами, к обобществлению всех видов деятельности и, соответственно, к унификации хозяйственных укладов, чередуя на пути к этой цели как откровенно административно-репрессивные, так и экономические (или представляемые как экономические) методы воздействия.

Парадокс ситуации заключался в том, что тотальное обобществление создавало предпосылки для существования рынка в широком спектре нелегальных практик. Годы нэпа демонстрируют ряд трансформаций: например, миграцию частных предпринимателей из легального в нелегальное поле, выбор в качестве доминирующего уклада в процессе самоидентификации – государственного взамен частнопредпринимательского, процесс обобществления труда и исчезновение автономно существующих хозяйствующих субъектов.

Историография. Социальная проблематика нэпа и тема труда привлекали внимание исследователей как непосредственно в 1920-е гг., так и на протяжении советского и постсоветского периодов. Очевидна и эволюция взглядов на частных предпринимателей в новейшей отечественной историографии. Если в 1990–2000-е гг. их рассматривали исключительно как жертв режима или как носителей предпринимательских традиций, которые необходимо возродить в современной России, то со временем, по мере введения в оборот новых источников и погружения в тему, картина стала приобретать дополнительные оттенки. Черно-белую гамму сменила яркая палитра разнообразия, противоречивости и непоследовательности процесса: государственная политика перемежала тактику отступления и наступления на позиции предпринимателей; частный и обобществленный сектор выступали не только как антиподы, но и дополняли друг друга в системе многоукладной экономики; легальные и криминальные торговые практики тесно переплетались друг с другом; интересы частного и представителей региональных органов власти были построены не только на конфронтации, но и на консолидации усилий при решении проблем снабжения населения.

Дискриминация и маргинализация частнопредпринимательских слоев под влиянием классовой доктрины вырабатывали пренебрежительное отношение к «изгоям». Внимание к этим темам актуализировалось в последнее время, когда в противовес «основным» классам –

¹ При этом внешнеэкономическую деятельность, которая осуществлялась по правилам рынка, но рассматривалась как одно из проявлений классовой борьбы, мы намеренно выносим за рамки данного исследования.

рабочим и крестьянам – на авансцену были выдвинуты локальные, а порой и маргинальные социальные группы (торговцы, «спецы», «лишенцы», спецпоселенцы и т.п.). Значительная часть литературы, вышедшей в свет в 1990–2000-е гг., посвящена социальной мобильности в раннесоветском обществе, включенности (или исключенности) отдельных групп в социальную структуру общества (С.А. Красильников, С.В. Шейхетов, Д.Д. Миненков, А.И. Савин, Л.И. Сосковец, А.А. Шадт).

Оценки могли меняться на диаметрально противоположные в рамках «советской» и «постсоветской» историографии. При этом общий недостаток сводился к тому, что авторы идеализировали «своих» и демонизировали «чужих» (кооператор/нэпман, бедняк/«кулак», рабочий/«спец» и т.п.). Существенную роль в формировании гипертрофированных образов антагонистов сыграли не только исторические исследования, но и произведения изобразительного искусства, художественной литературы и кинематографа. Как отмечает Т.М. Смирнова: «Ими был создан в значительной степени клишированный, гротесковый образ “бывших хозяев жизни” – “буржуинов”, на которых, по образному выражению М. Горького, “классовый признак” наносился на лицо, “словно бородавка”»². Внимание к маргинальным слоям населения, какими бы причинами это исключение ни вызывалось, также весьма симптоматично. Проблемой «исключительности исключенных» занимаются многие исследователи; по этой причине частные торговцы привлекают их внимание³.

Частные предприниматели зачастую могут быть изучены на основе материалов правоохранительных органов, поскольку в сводках ОГПУ уделяется значительное внимание потенциальным недругам советской власти, к которым относились и торговцы⁴.

Внимание к «исключенным» вполне закономерно, поскольку в период политических и экономических преобразований подавляющая часть населения оказалась в роли маргиналов. Новая экономическая политика как результат синкретизма плановых и рыночных начал сформировала новые правила игры не только для прежних предпринимательских слоев, но и для революционно-настроенной части населения, которая ностальгировала по максималистским принципам гражданской войны и также ощущала себя ущемленной.

Многоукладность. Абсолютное большинство населения, интуитивно понимая рыночные принципы хозяйствования, стремилось реанимировать прежний дореволюционный уклад жизни, адаптироваться к условиям хронического дефицита и методам государственного регулирования, носившим спонтанный и ситуативный характер, очевидно являясь реакцией на кризисные ситуации, порожденные самой этой политикой.

Идеальная модель, которая предполагала ликвидацию товарно-денежных отношений и базировалась на идее устранения торгового посредника, вступила в жесткое противоречие с реальной хозяйственной практикой. Как следствие, был вызван к жизни «дьявол рынка», а подавляющая масса населения была предоставлена сама себе как в части занятости, так и в сфере обеспечения материальными благами.

Дефицит ресурсов, которые находились в распоряжении властей, заставлял раз за разом ограничивать доступ граждан к «пирог», отсекая сначала «бывших», затем нелояльных, а впоследствии и часть класса гегемона, как переходивших в разряд безработных, так и работников убыточных или не выполняющих план предприятий.

Многоукладность отечественной экономики – объективное условие и институциональная константа в условиях асимметрии регионального развития. Уникальное сочетание различных хозяйственных укладов, предопределенное географическим положением, ресурсным потенциалом, особенностями хозяйственного оборота и спецификой отдельных

² Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг. автореф. дис. ... др-а ист. наук. М., 2010. С. 9.

³ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М., 2003; Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов. 2-е изд. М., 2017; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). М., 2017; Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; New York., 2003.

⁴ Клиин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: научная монография. Екатеринбург, 2018.

видов деятельности позволяло в более полной мере вовлечь в хозяйственный оборот разнообразные, в том числе и трудовые ресурсы.

Одной из наиболее приемлемых ниш для маргиналов являлась частная торговля. Она позволяла получить доступ к ресурсам, которые формировались как в государственном, так и в кооперативном и частнопредпринимательском хозяйственном укладах. Торговля являлась наименее затратной сферой деятельности как с точки зрения первоначального капитала, так и профессиональных навыков и умений, она позволяла получить минимальные средства к существованию как для самого торговца, так и членам его семьи, находившимся у него на иждивении.

Эта форма самозанятости минимизировала негативные последствия массовой безработицы, которая была повсеместно распространена в 1920-е гг. Сыграл свою роль и тот факт, что потеря кормильца в военное время побуждала к занятию торговлей женщин, которые ранее вели исключительно домашнее хозяйство.

Отметим особую эффективность синтеза частнопредпринимательского и диаспорного укладов, когда, помимо профессиональной общности, торговцев объединяли этнические, конфессиональные или кровнородственные связи. Это, с одной стороны, является традиционной и «исторически сложившейся» практикой, поскольку было обусловлено торговой специализацией, с другой, было вынужденной мерой в условиях агрессивной внешней среды, сформированной идеологическим и экономическим давлением со стороны государства.

Замкнутый круг частного сектора хозяйства как реакция на внешнее воздействие демонстрирует стремление дистанцироваться от любых форм государственного вмешательства, обеспечить стабильность хозяйственных связей, базирующихся на общем коммерческом интересе, оптимизировать затраты на производство, сбыт и логистику. Вопреки идеологическим установкам на потенциальные угрозы социалистическому сектору со стороны «круга», стремящегося, по официальной версии, к восстановлению капитализма, замкнутость и изоляционизм являлись тупиковым вариантом развития.

Полагаем, что оценка замкнутого круга в системе координат «капитализм – социализм» может быть поставлена под сомнение. Помимо того, что рыночная экономика и капитализм не являются тождественными понятиями (Ф. Бродель), это был шаг назад по сравнению с той системой, которая на рубеже XIX–XX вв. воспринималась как капиталистическая. А в качестве инновации это явление можно рассматривать исключительно в период свертывания нэпа. По сути, это был пример архаизации рыночных механизмов, пример ретроинновации, корни которой уходят в прошлые века. Ф. Бродель называл это «противорынком» и рассматривал на примере Англии XVIII в.⁵

Изоляционизм частнопредпринимательского уклада говорит скорее о его слабости, а не силе, об ориентации на стратегию выживания, а не развития. Но именно эти хозяйственные ниши являлись альтернативой для тех граждан, которые не могли или на первых порах не хотели вовлекаться в орбиту обобществленного сектора экономики, в который, помимо государственного, был искусственно включен и кооперативный хозяйственный уклад. Результатом процесса гибридизации стала «советская кооперация», которая выполняла функции распределительного механизма государственного сектора экономики, но была лишена кооперативных начал.

Компромисс. На восходящей стадии нэпа занятие частной торговлей могло носить не только вынужденный, но и вполне осознанный и добровольный характер, поскольку позволяло обеспечивать более высокий, по сравнению с государственным сектором, уровень благосостояния. Несмотря на это, полагаем, что в абсолютном большинстве случаев занятие торговлей было вынужденным шагом. Показательным является тот факт, что в сферу частной торговли были вовлечены практически все слои населения – от коммунистов до анархистов, от сотрудников правоохранительных органов до административных ссыльных, а торгово-посреднической деятельностью занимались все без исключения организации и

⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 32–33.

учреждения вне зависимости от сферы деятельности, уставных целей и формы собственности. Не тягой к наживе, а дефектами распределительного механизма и тотальным дефицитом объясняется это повальное увлечение торговлей. В качестве усугубляющих ситуацию факторов следует назвать гиперинфляцию, бартер, дефицит товаров повседневного спроса и продовольствия. «Кто не торгует, тот не ест», – этот слоган отражает процесс депрофессионализации торговой деятельности.

Обратим внимание на тот факт, что частнопредпринимательский уклад функционировал в условиях, которые были максимально приближены к рыночным. Частник не пользовался льготами и преференциями, доступными обобществленному сектору хозяйства. Он был исключен из централизованного распределительного механизма (по крайней мере официально). Частный сектор хозяйства в полной мере можно считать индикатором качества кредита (денежного и товарного), его функционирование могло свидетельствовать об эффективности денежного обращения (особенно после денежной реформы 1922–1924 гг.), а цены частной торговли позволяли судить о реальной рыночной конъюнктуре. Помимо этого, нами отмечалась роль частного сектора хозяйства как индикатора качества государственного регулирования и планирования, в том числе при проведении административно-территориальной реформы.

Таким образом, занятие торговлей являлось взаимовыгодным компромиссом между государством и личностью, достигнутым вопреки идеологическим установкам, но предотвращенным неспособностью новой власти организовать прямой товарообмен и централизованное распределение. Государство пошло на уступки, допустив автономное существование личности в рамках частнопредпринимательского хозяйственного уклада, осознавая тот факт, что своими силами наладить товарооборот оно не в состоянии.

Этот компромисс был весьма условным, поскольку даже после легализации частной торговли политико-административные практики ее криминализировали. Лишение избирательных прав граждан, занятых торговлей, торговым посредничеством (барышники и прасолы), дискриминировало частных предпринимателей. Помимо невозможности избирать и быть избранными, т.е. политической ущемленности, частники отсекались от «государственного пирога» – социальной поддержки и нормированного распределения. Полагаем, что эта экономическая составляющая «лишенства» могла играть более значимую роль, чем политическая, поскольку выборные процедуры все больше подвергались формализации, по сути выхолащивались. Сопутствующие лишению избирательных прав ограничения, накапливаясь как снежный ком, впоследствии стали распространяться на членов семьи (иждивенцев), что привело к формированию в раннесоветском обществе отдельной и весьма обширной социальной группы «лишенцев», имевших специфический правовой статус и являющихся объектом пристального внимания правоохранительных органов. Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволил Ш. Фицпатрику говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе⁶.

После принятия Конституции 1936 г. массовое лишение избирательных прав уже не применялось, но использовалось в качестве меры наказания по решению суда. На смену одним «мерам социальной защиты» пришли иные, порой более суровые, поскольку, как полагают исследователи, среди «врагов народа», которых повсеместно выявляли в каждой организации и в каждом населенном пункте или даже доме, было немало бывших «лишенцев».

Отметим, что нэп дал возможность новой власти осмыслить и даже провести натурный эксперимент процесса модификации рыночного механизма. Благодаря этому практическому опыту пришло осознание того, какие экономические законы и в какой степени можно нарушать, не приводя к коллапсу хозяйство страны.

Потенциал частнопредпринимательского уклада. Трудно предположить что человек, который на начальной стадии нэпа начинал торговать, не просчитывал возможные риски. Полагаем, что в случае вынужденных и неблагоприятных обстоятельств, которые

⁶ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванчество в России XX века. М., 2011. С. 9.

побуждали гражданина, ранее не занимавшегося торговлей, встать за прилавок, «чаша весов» с рисками была существенно легче «чаши» с нищетой как своей собственной, так и членов своей семьи.

При этом не стоит игнорировать и то обстоятельство, что в первые годы нэпа стремление властей реанимировать торговлю было намного явственнее и декларативнее, чем призывы к репрессиям по отношению к частникам. Предположим, что это обстоятельство могло ввести в заблуждение часть новоявленных торговцев.

В заявлении Павла Ивановича Батуева говорится: «Наш молодой союз находился в периоде возрождения, что было важнее – крепить оборону страны или же сидеть сложа руки? Правительство обратилось к населению за помощью. Совет Народных комиссаров, если Вы еще не забыли это, издал приказ об организации кустарного промысла, была разрешена частная торговля. Ведь в тот период как раз кооператива еще не было, а районные лавки еле дышали. Создавались на правах конкуренции лавки различных организаций. В тот период правительство не говорило об избирательных правах, тогда избирательных прав лишались только “бывшие люди”»⁷.

Многоукладность экономики, множество свободных хозяйственных ниш, возможность самозанятости и самообеспечения наряду с относительно лояльной политикой государства в отношении частной торговли – все это служило существенной основой и весомым аргументом для занятия торговлей. Не все новоявленные торговцы влачили жалкое существование. Наиболее устойчивой группой являлись торговцы, которые приобретали промысловый патент третьего разряда, поскольку эта форма являлась оптимальной как по разнообразию ассортимента, так и по тяжести налогового бремени. Встречаются примеры, когда частные торговцы откровенно демонстрировали свое преимущество по отношению к кооперативной и государственной торговле, обобществленной системе хозяйствования в целом.

Андрей Иванович Франко (чехословацкий поданный, 36 лет, содержатель частных бань и номеров) купил здание бывшего кожевенного завода, идущего на слом. Его обвиняли в даче взятки должностному лицу, он выступал обвиняемым в судебном процессе, и на допросе показал следующее: «Здание бывшего Белоусовского завода я купил целиком <...> Подал заявление в комиссию Госфонда <...> За завод я предложил 1 500 руб., с условием выплаты 500 руб. наличными, а остальные в рассрочку не более как на два месяца. Это заявление и условия в Госфонде приняли и через пару дней об этом объявили. На покупку была заключена сделка, зарегистрированная на Свердловской товарной бирже. Никого [из представителей Госфонда. – А. К.] не знаю. <...> Взятки при покупке не давал никому. Купил действительно дешево, но кто же виноват, что в учреждении, производящем продажу, сидят дураки, ничего не понимающие»⁸.

Вопреки идеологическим установкам, в заявлениях бывших торговцев, которые они писали в избирательные комиссии с просьбой о восстановлении в избирательных правах, встречаются не только слова раскаяния и самобичевание, как, например, в заявлении Павла Дмитриевича Акулова: «Частная торговля, как говорится, зараза – заразился и я...»⁹, но и утверждения о пользе частной торговли и даже гордости за свое дело. Бывший торговец Иван Дмитриевич Беседина писал: «Как государственные, так и общественные платежи и повинности выполняю без замедления, считая, что аккуратность моя в платежах должна служить на пользу нашему государству. И вот, по своему мнению, торгуя мясом, я считаю, что не вред приношу государству, а скорее пользу и одновременно удовлетворяю потребности населения, ибо если не я, то все равно кто-нибудь другой занялся бы этим делом. Притом в торговле моей участвую только я один, наемных рабочих я не имею и думаю, что

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88 – Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 6. Д. 556. Л. 14–16 об.

⁸ ГАСО. Ф. Р-148 – Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР. Свердловск. Оп. 1 (1921–1934). Д. 381. Л. 105–106.

⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 93. Л. 3.

торговля моя есть подсобный промысел в хозяйстве и лишать меня за это права голоса безрассудно»¹⁰.

Излишне самоуверенным может показаться ответ Лейбы Залмановича (Льва Соломоновича) Миркина на вопрос следователя: «Почему ваша фирма – крупнейшая в галантерейной частной отрасли Урала – существовала и процветала, тогда как другие закрывались?» «Ответ: Наша фирма – крупнейшая в Свердловске, но не на Урале. <...> Наша фирма процветала и существовала до настоящего времени, потому что мы работали честно и соблюдали закон, ведя точную отчетность. Другие фирмы закрывались по разным обстоятельствам, в большинстве ввиду непризнания Финотделом их отчетности»¹¹.

Примечательно, что в качестве кодового слова для шифрования ценников на товарах сотрудники магазинов братьев Миркиных использовали фразу «Будем жить». Нельзя не признать, что это словосочетание, с учетом времени (1929 г.) и места торговой деятельности (город Свердловск – «сердце пролетарского Урала»), было слишком оптимистичным¹². Возможно, что оно должно было оказать мотивирующий и отчасти психотерапевтический эффект на сотрудников фирмы.

Активизация товарооборота, наполнение рынка продуктами питания и потребительскими товарами происходила не без участия частного сектора. Это отчасти снимало социальную напряженность, которая возникала в связи с дефицитом продовольствия и товаров повседневного спроса. Выступая в качестве коммерческого посредника, частник позволял наладить деятельность обобществленного сектора там, где это было выгодно предпринимателям и где они не вступали с ним в прямую конкуренцию. Темпы развития обобществленного сектора были недостаточно высокими, и в полном объеме кооперация и госторговля заменить частника не могли. Система централизованного распределения была не в состоянии удовлетворить запросы населения. Это обстоятельство было очевидно региональным руководителям, поэтому форсированное уничтожение частника сулило им массу проблем, решение которых далось бы с большим трудом и могло поставить под сомнение сохранение ими своих постов. Насколько это понимание ситуации выливалось в реальное противодействие конкретных руководителей, сложно сказать. Обращение к судебным делам позволяет обнаружить факты саботажа генеральной линии, основанные не только на личных, но и региональных интересах. Это особенно важно по причине того, что традиционно рассматриваются прямо противоположные явления: примеры радикализации провинциальных управленцев, ситуации, при которых декларируемые на высшем уровне власти задачи реализовывались на местах с большим рвением, чем первоначально планировалось (пресловутые «перегибы на местах»).

Можно утверждать, что потенциал нэпа не был исчерпан и частнопредпринимательский уклад имел экономические перспективы для своего существования. Ш. Мерль отмечает: «Мелкое производство не было обречено на гибель ни в ремесле, ни в сельском хозяйстве. Его требовалось лишь реструктуризировать, чтобы благодаря специализации повысить производительность и сделать конкурентоспособным»¹³.

Нисходящая социальная мобильность и обобществление. Нэп никогда не был задуман и не являлся на практике «золотым веком» частного предпринимательства, а «разгул нэпа», который ассоциировался с необузданным личным потреблением, был уделом узкого слоя нэпманов или, как говорили, «нэпачей».

«Командные высоты», монополия внешней торговли, сужение для частников легальных каналов получения фабрикатов, постоянно меняющиеся правила игры и усиление фискального бремени (потерявшего экономическое содержание и базирующегося исключительно на идеологических установках) – эти реалии нэпа с неизбежностью лишали легальной экономической базы «нежелательные» или «недружественные» хозяйственные уклады. Они,

¹⁰ Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа... С. 554.

¹¹ Там же. С. 449.

¹² Там же. С. 446–448.

¹³ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016–17. С. 311.

по мнению властей, конкурировали с обобществленным сектором экономики, ограничивая его доступ к дефицитным ресурсам, провоцировали рост цен. Почва уходила из-под ног легального частного предпринимательства, при этом освободившаяся ниша не могла быть в полном объеме заполнена обобществленным сектором. Вполне закономерно, что это обстоятельство послужило предпосылкой для формирования чрезвычайно обширного и устойчивого к внешним воздействиям теневого сектора отечественной экономики. Он благополучно просуществовал весь период советской власти и в 1990-е гг. послужил базисом для формирования нового российского капитализма.

По мнению Ш. Мерля, с 1932 г. командная экономика начала сливаться с «теневой». Задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала управленческое поведение, в сущности, противоречившее ей. Сталин для оправдания своего господства нуждался в экономическом успехе. В итоге его действия привели к симбиозу командной и «теневой» экономик¹⁴.

По мнению отечественных экономистов, ограничение на развитие рыночных отношений, так же как и их деформированный характер, приводило к тому, что все остальные, кроме государственного, уклады, без которых в принципе невозможно развитие социально-экономических отношений в стране, прежде всего мелкотоварный, вынуждены были становиться неформальными. Они существовали параллельно с разрешенными и институционально оформленными структурами, что нарушало узаконенную систему общественных отношений, но в то же время объективно давало этой системе возможность функционировать и даже развиваться¹⁵.

Каковы были стратегии поведения частных торговцев в условиях сужающегося окна возможностей?

Абсолютное большинство стремилось порвать с частной торговлей, реабилитироваться, «переродиться», принять «советское крещение» и вписаться в качестве наемного работника в обобществленный сектор. Меньшая часть перешла на нелегальное положение, модифицируя свою деятельность в рамках теневого сектора экономики, при этом внешне демонстрируя лояльность советской власти. Из-за острого дефицита в кадрах некоторым даже удавалось устроиться на государственную службу.

Это вполне рациональная и адаптивная стратегия, направленная на минимизацию рисков и трансформацию автономной личности в наемного работника, ориентированного на этатизированный труд, гарантирующий как доступ к каналам централизованного распределения, так и определенную социальную защиту.

Стремление восстановить свои гражданские права было предопределено не только социально-политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки (в том числе связанные с лишением прав, неучастием в выборах; более высокими затратами на самообеспечение; приобретение товаров исключительно на рынке; более высокой арендной платой; повышенным уровнем налогообложения) признавались допустимыми. По мере того как доходы от торговли переставали покрывать расходы на содержание себя и членов своей семьи, а на рынке труда появлялись реальные альтернативные варианты занятости, прекращение торговли виделось более привлекательной перспективой. Отчасти нереализованный предпринимательский потенциал мог реализовываться в теневом секторе экономики, имевшем массу тонов и полутонов в широком диапазоне от блата до контрабанды.

С ликвидацией многоукладной экономики нэпа исчезали легальные альтернативы для самозанятости, а статус «лишенца» как «клеймо нэпа» мог являться препятствием для получения работы в обобществленном секторе. Следуя принципам конструирования «нового человека» и с целью социальной реабилитации, бывшие торговцы были вынуждены начи-

¹⁴ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки... С. 314, 319.

¹⁵ Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы М., 2009. С. 26.

нать с нуля, с низкоквалифицированной и грязной работы. В конъюнктурных обзорах Кредит-бюро отмечается: «Ушедший с рынка частник в связи с неблагоприятной для него конъюнктурой держит себя крайне осторожно. Достаточно сказать, что многие частники работают на черных работах, на которые неохотно идут даже рабочие с биржи. Работа эта состоит главным образом из распилки дров, поставки каменного угля и т.п. Идя на эту работу, частник имеет в виду зарекомендовать себя в качестве общественно полезного работника с тем, чтобы впоследствии перейти на более легкую работу. Кроме того, частники руководствуются моментами фискального характера – представить себя неимущими для органов фиска»¹⁶.

Таким образом, занятие торговлей приводило к деградации социального статуса индивида в идеологической и политической системе координат. Можно говорить о двухступенчатой нисходящей мобильности: производитель (рабочий, крестьянин) становился частным торговым посредником (спекулянт), а затем лишался избирательных прав, переходил в категорию неполноправных свободных. Падение было стремительным, напротив, восстановить свой статус, реабилитироваться было намного сложнее, и восходящая социальная мобильность требовала больших затрат времени и сил.

Диктатура, используя механизм террора, дискриминируя отдельные социальные группы (среди которых были и бывшие торговцы), преследовала несколько целей. Помимо устрашения всего населения, репрессии позволяли перенаправить внимание дискриминируемых групп с будущего на прошлое. Вместо отстаивания своих прав, требований привести в соответствие экономический и политический статус человек стремился вернуть то, что потерял, реабилитироваться, восстановить status quo, возратить утраченное, включиться в сконструированные для него социальные рамки, «стать как все». Даже несовершенно и ущербная социальная модель поведения становилась желанной, «лишенец» к ней стремился. Таким образом, биографии бывших торговцев демонстрируют отрицательную социальную динамику или социальную статику. Дискриминация наиболее экономически активных социальных групп органично вписывается в процесс унификации шкалы укладов, приводит к негативной социальной селекции и обобществлению индивида, поскольку подлинная автономия без собственной экономической базы невозможна. Гражданин «обобществлялся государством», утрачивал свою субъектность не только в экономической, но и в политической, и в социальной сферах. Гражданин из актора, т.е. субъекта, осознающего свои интересы и предпринимающего реальные шаги для их реализации, превращался в «актера» советской действительности, для которого была характерна имитационная модель поведения¹⁷.

Ситуация, при которой гражданин думал одно, говорил другое, а делал третье, т.е. дискретность поведения и сознания, их раздвоенность, являлась атрибутивным свойством «советского» человека, своеобразным способом адаптации к советской действительности.

Теневой сектор экономики был местом применения предпринимательской активности до той поры, пока она не угасала или субъект не попадал под санкции. Механизм репрессий сыграл весьма существенную роль в унификации и усреднении человеческого потенциала в Советской России.

Самый экстремальный вариант «ухода» от действительности был связан с болезнями и суицидом. Личные дела «лишенцев» побуждают нас обратить внимание на проблему жертв социального инжиниринга, в том числе на судьбы тех, кто тяжело заболел, сошел с ума или покончил жизнь самоубийством¹⁸. В 1920-е гг. эти социальные явления стали предметом изучения специальной дисциплины – моральной статистики. Исследователи проводили опросы, накапливали материал и анализировали полученные данные с целью выработки

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7624 – Смешанное акционерное общество по выдаче справок о кредитоспособности. Оп. 1. Д. 127. Л. 110.

¹⁷ Килин А.П. Актеры и «актеры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 156–163.

¹⁸ Килин А.П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишенки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3. С. 83–98.

противоядия от девиантного поведения, работая на доминирующую цель – формирование нового человека.

В своих работах отечественный правовед и криминолог М.Н. Гернет рассматривает проблему суицидов в Советской России и делает вывод о причинах самоубийств среди мужчин и женщин по различным профессиональным группам: «Статистика самоубийств по профессиям в связи с мотивом также в полном согласии с нашими ожиданиями подчеркнула громадную роль мотива материальных лишений у безработных мужчин и женщин; у этой же группы мужчин оказался самым высоким процент самоубийств вследствие изменения материального положения»¹⁹.

Таким образом, мы можем найти подтверждение тому, что тяжелое материальное положение «лишенцев», исключение их из системы централизованного распределения материальных благ (лишение продуктовых карточек и заборных книжек) наряду с отсутствием реальных и легальных альтернатив для самозанятости могло провоцировать мысли о суициде.

Материалы биографий частных торговых предпринимателей демонстрируют тенденцию политической маргинализации наиболее активных в экономической сфере индивидуумов. В этой связи можно говорить о негативной социальной селекции. Негативной с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования.

Выводы. Рассматривая частных предпринимателей как акторов, т.е. не только носителей идей, но и активных и деятельных участников борьбы за реализацию собственных интересов, полагаем, что их роль в процессе догоняющего развития должна была быть решающей. Однако реальный социальный статус наиболее экономически активной части населения был низким. Негативное отношение к частному предпринимательству усилилось после октября 1917 г., и даже в годы нэпа, когда этот вид деятельности был легализован, существовали законные, но противоправные по своей природе механизмы, обуславливающие дискриминацию этой социальной группы. Реализовывалась модель двухступенчатой нисходящей социальной мобильности, при которой человек, оказавшись в маргинальном положении (безработный, «бывший»), приступая к занятию легальным видом деятельности – торговлей, опускался еще на одну ступень в социальной иерархии и лишался избирательных прав. Торговые практики в условиях нэпа являлись широко распространенным способом адаптации, позволяли выжить, а некоторым – существенно продвинуться в той иерархической системе, которая была построена на оценке уровня дохода. Такого рода противоречие (экономическое благополучие и политическая дискриминация) отчетливо прослеживается на всем протяжении нэпа и отражено в личных делах граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей.

Большинство «новых богатых» (очевидна аналогия с современным термином «новый русский», обращая нас к французскому «нуворишу») были выходцами из представителей непривилегированных сословий и необеспеченных социальных групп. Разумеется, те из них, кто в прошлом имел профессиональный опыт (например, приказчики), могли добиться больших успехов и в годы нэпа. Среди торговцев была заметна доля чистых пролетариев, которые были вынуждены оперировать на рынке не только как покупатели, но и как продавцы, сглаживая тем самым недостатки централизованной распределительной системы.

Особое место в социальном конструировании раннесоветского общества занимала процедура лишения и восстановления в избирательных правах. Лишая своих граждан избирательных прав во внесудебном и массовом порядке, власть давала населению сигнал о том, какая модель поведения являлась одобряемой, а какая порицалась. Стремление дистанцироваться от собственного прошлого, декларировать новую личную идентичность можно считать реальным продуктом социального конструирования. В этом случае заявитель описывал себя в категориях, предписанных господствующими идеологическими установками и нормативными актами.

¹⁹ Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. 2-й вып. «Моральной статистики». М., 1927. С. 226.

Говорить о подлинной самостоятельности личности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, семейного, мелкотоварного или частнопредпринимательского укладов либо различных порожденных ими гибридных форм. Ликвидация многоукладности привела к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях Советской России оказывалась как минимум проблематичной.

Проблема существования замкнутого круга частного сектора хозяйства, активно обсуждавшаяся в конце 1920-х гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывая его с контрреволюцией.

В раннесоветском обществе доминировали патрон-клиентские отношения, культивировался патернализм со стороны государства, насаждался повсеместный тотальный контроль над гражданами, в том числе и через систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Эти обстоятельства создавали условия, при которых частные предприниматели вытеснялись из легальных хозяйственных связей, исчезали как социальная группа либо пополняли ряды представителей теневого сектора экономики.

Литература

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 123 с.

Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее: 2-й вып. «Моральной статистики». М.: ЦСУ СССР, 1927. 270 с.

Килин А.П. Актеры и «актеры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 156–163.

Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Килин А.П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишешки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3. С. 83–98.

Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2017. 550 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, М.С. Саламатова и др.; отв. ред. д-р ист. наук С.А. Красильников. 2-е изд. М., 2017. 598 с.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016–17. С. 303–349.

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: сборник / отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М.: Ин-т экономики, 2009. 286 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 300 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 375 с.

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2003. 243 p.

References

Alexopoulos, G. (2003). *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press. 243 p.

Brodel, F. (1993). *Dinamika kapitalizma* [Dynamics of Capitalism]. Smolensk, Poligramma. 123 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off Your Masks! Identity and Imposture in Russia of the 20th Century]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond Prezidentskiy tsentr B.N. Eltsina. 375 p.

Gernet, M.N. (1927). *Prestupnost' i samoubiystva vo vremya voyny i posle nee: 2-y vyp. "Moral'noy statistiki"* [Crime and Suicide during and after the War]. Moscow, TsSU SSSR. 270 p.

Kilin, A.P. (2015). *Aktory i "aktery" modernizatsii v ural'skoy provintsii v gody nepa* [Actors and "Players" of Modernization in the Ural Province in the Years of the NEP]. In *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vekov: sb. nauch. st.* Yekaterinburg, pp.156–163.

Kilin, A.P. (2018). *Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsialnye aspekty: monografiya* [Private Trade and Credit in the Urals in the Years of the NEP: Economic, Political and Social Aspects: Monograph]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 606 p.

Kilin, A.P. (2021). *Sel'skaya uchitel'nitsa Serafima Kilina: rekonstruktsiya biografii "lishenki" 1930-kh gg.* [Rural Teacher Serafima Kilina: Reconstruction of the Biography of "the Deprived Woman" of the 1930s]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 83–98.

Krasilnikov, S.A., Pystina, L.I., Salamatova, M.S. (Comp.). (2017). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Outcasts in Society. Outcasts as a Society. Siberia (1920s–1930s)]. 2-e izd. Moscow. 598 p.

Krasilnikov, S.A., Shadt, A.A. (Eds.). (2017). *Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e – seredina 1950-kh godov* [Outcasts in the Soviet Society. 1930s – mid-1950s]. 2-e izd. Moscow, ROSSPEN. 550 p.

Kuznetsova, T.E. (Ed.). (2009). *Mnogoukladnost' Rossii: istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy: sbornik* [Mixed Economic System ("Mnogoukladnost'") of Russia: Historical Roots, State and Prospects]. Moscow, Publ. Institut ekonomiki RAN. 286 p.

Merl', Sh. (2017). *Sovetskaya ekonomika: sovremennye otsenki* [Soviet Economy: Modern Assessments]. In *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. T. 2016–17, pp. 303–349.

Smirnova, T.M. (2003). *"Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg.* ["Former People" of Soviet Russia: Survival Strategies and Ways of Integration, 1917–1936]. Moscow, Mir istorii. 296 p.

Smirnova, T.M. (2010). *"Byvshie lyudi" v sotsial'noy strukture i povsednevnoy zhizni sovetskogo obshchestva: 1917–1936 gg.* ["Former People" in the Social Structure and Everyday Life of the Soviet Society: 1917–1936], D-ra Hist. Sci. Diss. Abstract. Moscow. 300 p.

Е.Г. Водичев*

**ТРУД, СОБСТВЕННОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ
В КОНЦЕПТАХ И СОВЕТСКИХ РЕАЛИЯХ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-3
УДК 351.746 "192"(093.3)

Выходные данные для цитирования:
Водичев Е.Г. Труд, собственность и экономические свободы в концептах и советских реалиях // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 33–49.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-03.pdf>

E.G. Vodichev*

**LABOUR, PROPERTY AND ECONOMIC FREEDOMS
IN CONCEPTS AND SOVIET REALITIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-3

How to cite:
Vodichev E.G. Labour, Property and Economic Freedoms in Concepts and Soviet Realities // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 33–49.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-03.pdf>]

Abstract. The paper touches upon the key issues of economic theory such as the problems of ownership of the means of production and the product produced, labour and labour relations, as well as socio-economic inequality as presented in the research paradigm of the famous political economist Ya.A. Kronrod, which are also applied to the Soviet practices of etatisation. Relationships between these concepts are established. The reflection of the factor of etatisation in the "classical" model of Stalinist socialism, as well as the evolution of the role of this determinant in the conditions of Khrushchev's democratisation, are shown. It is concluded that the retained etatisation of property, production and labour relations, as well as etatisation of labour in general, in the face of new challenges in the transforming economy, gradually led to the collapse of the Soviet system.

Keywords: Ya.A. Kronrod, USSR, social oligarchism, property, labour relations, etatisation of labour, motivation of labour.

The article has been received by the editor on 25.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье в приложении к научной парадигме известного политэконома Я.А. Кронрода рассматриваются проблемы экономической теории – проблемы собственности на средства производства и произведенный продукт, труда и трудовых отношений, а также социально-экономического неравенства в условиях советских практик этатизации общества. Устанавливаются взаимосвязи между этими понятиями. Показано отражение фактора этатизации в «классической» модели сталинского социализма, а также эволюция роли этого детерминанта в условиях хрущевской демократизации. Сделан вывод, что сохранявшаяся этатизация собственности, производственных и трудовых отношений, а также труда в целом в условиях новых вызовов в трансформирующейся экономике постепенно привела к коллапсу советской системы.

Ключевые слова: Я.А. Кронрод, СССР, социолитархизм, собственность, трудовые отношения, этатизация труда, мотивация труда.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022 г.

* **Евгений Григорьевич Водичев**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: vodichev@mail.ru

Evgeny Grigorievich Vodichev, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: vodichev@mail.ru

Эта статья навеяна размышлениями, связанными с личностью и творческим наследием одного из «знаковых», по нашему мнению, но ныне почти забытых экономистов недавнего прошлого – Якова Абрамовича Кронрода, одного из немногих, кто осмеливался в советское время бороться против «безрыночного» социализма¹. 2022 год – год 110-летия со дня рождения этого, на наш взгляд, крайне интересного исследователя, сумевшего подняться от «политэкономии социализма» до социологии в широком понимании этого термина и даже до историсофии, и от догмат марксизма до объективного структурного анализа современного ему общества, оставаясь в рамках марксистской диалектики. Но именно поэтому 2022 год одновременно стал годом еще одного «юбилея» – пятидесятилетия с момента окончательного разгрома возглавляемого им подразделения в структуре Института экономики АН СССР и созданного Кронродом научного направления в экономической науке. Автор будет удовлетворен, если кто-то из читателей, тем более непрофессионалов в области экономики, вспомнит это имя или вновь откроет для себя работы Я.А. Кронрода. Читатель, знакомый с некоторыми деталями профессиональной биографии автора этого текста, возможно, увидит в нем и определенные личные мотивы, побудившие обратиться к этой теме. И будет прав.

Тема текущего выпуска журнала обозначена как «этатизация труда». И эта проблема позволяет под несколько иным углом обратиться к принципиальным аспектам научных концептов Кронрода, поскольку проблема труда и трудовых отношений является одной из ключевых в политэкономии (или макроэкономике) и позволяет выйти на широкие обобщения и связать экономические отношения с анализом социума. Обычно под понятием этатизации труда понимается процесс распространения государства на сферу трудовых отношений. При этом возникает вопрос: всегда ли такая коннотация имеет негативную окраску и возможна ли в принципе ситуация в обществе, при которой государство не вмешивается в эту важнейшую область социально-экономической политики? Думается, что ответ на оба вопроса будет отрицательным, поскольку государство представляет собой социальный институт, обеспечивающий гармонизацию интересов других институтов общества в различных сферах его жизнедеятельности. Отказ государству в праве на осуществление таких функций – это иллюзия в духе анархизма или сентенций о его постепенном «отмирании», которыми были насыщены коммунистические мифологемы в определенные исторические периоды. Представить себе область трудовых отношений без регуляторного вмешательства государства в принципе вряд ли возможно: именно для этого существуют нормы трудового права, как и конституционно зафиксированное право на труд. Весь вопрос заключается в том, какие инструменты и методы и в какой мере используются государством для регулирования трудовых отношений в обществе. А выбор, как известно, широк – от монархизма до тоталитаризма. И в данном отношении советская история предоставляет немало информации к размышлению, которая может существенно повлиять на традиционные представления на этот счет.

Сферу трудовых отношений и роль государства сложно анализировать исключительно как теоретическую проблему вне исторического контекста. При постановке вопроса «в общем и целом» возникает вполне гламурная схема, при которой государство сбалансированно использует правовые нормы, выступающие в качестве условного «пряника», чтобы поощрить представителей общества к эффективному труду, и «кнут», чтобы сформировать понимание его значимости у тех, кто не вовлечен в сферу трудовой деятельности или вовлечен, но выполняет свои функции непроизводительно. Коммунистическая идеология вписывала в этот контекст труд как естественную потребность и обязанность «индоктринированного» ею человека, что на самом деле уже является искажением фундаментальных прав человека и свободы личности: труд является правом, но не обязанностью, свободным

¹ Воейков М.И. Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (К 100-летию со дня рождения) // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10, № 2. С. 59.

выбором, а что касается потребности, то этот вопрос следует рассматривать исключительно индивидуально. Вполне можно представить себе ситуацию, при которой у того или иного человека не существует материальных стимулов к выполнению трудовой деятельности.

Однако советская практика свидетельствует о том, что подобные схемы совершенно не работают по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что в политико-идеолого-экономическом субстрате, которым являлись советское общество и государство, традиционные концепты и принятые в их рамках категории не обеспечивают реального понимания ситуации. В феномене советского общества оказались воедино слиты экономические отношения, совершенно не укладывающиеся в рамки «классической» экономической теории, политическая система, не имеющая ничего общего ни с «диктатурой пролетариата» на его раннем этапе и «общенародным государством» на более позднем, ни с коммунистическим идеалом, положенным в основу всего исторического предназначения СССР как «социалистического» государства. Это позволяет рассматривать труд и проблему этатизации труда в СССР, представленную в историческом контексте, в тесной связи и с ключевой категорией политэкономии – категорией собственности, и с коммунистическим идеалом, постулированным в последней версии программы КПСС в качестве цели и «путеводной звезды» к светлому будущему не только для «новой исторической общности – советского народа», но и для всей цивилизации.

Все концепты макроэкономики (или политэкономии в традиционной коннотации) основаны на категории собственности. В отличие от теории капитализма в разных ее реинкарнациях, базирующихся на различных моделях рыночной экономики и принципе частной собственности как отправного понятия экономической деятельности, все модели анализа советской экономики, независимо от опорного методологического концепта, естественным образом построены на реалиях отсутствия частной собственности на средства производства. Но в обществе, где нет частной собственности и слиты воедино идеологические и политические факторы, определяющие развитие экономики (а не наоборот, как утверждает теория марксизма), принципиально важные экономические категории приобретают совершенно иное звучание. В качестве контртезы частной собственности обычно рассматривается общественная собственность на средства производства, которая всегда была «альфой и омегой» политэкономического концепта социализма. Но ныне уже банальным является утверждение, что к советским практикам такое определение имеет весьма отдаленное отношение, поскольку теория радикально разошлась с реальностью. Становление советской системы, окончательно происшедшее в 1930-е гг., означало формирование социальных институтов и экономических механизмов, существенно отличающихся от того, о чем теоретизировали «классики» марксизма.

Теоретически принцип общественной собственности на средства производства означал, что прибавочный продукт оказывался в распоряжении общества в целом, которое в идеале должно было обеспечить его справедливое распределение. Но в условиях советской системы общество оказалось замещенным государством, которое посредством сформированных для этого институтов и владело, и распоряжалось собственностью, а также практически полностью контролировало систему распределения произведенного продукта, включая модели, принципы и механизмы их использования. Фактически произошла не столько этатизация труда, сколько этатизация экономической деятельности, в которой все ее компоненты – от ресурсов до произведенной продукции и системы потребления – оказывались лишь функцией государственных институтов. Этот принцип распространялся и на непосредственных участников экономической деятельности, которые вопреки теоретическим построениям и идеологемам «классиков марксизма» фактически рассматривались не как субъекты производства, обладающие творческими интенциями и проблемой выбора оптимальных сценариев трудовой деятельности, т.е. как человеческий капитал, а лишь как «трудовые ресурсы» наряду с ресурсами материальными.

Таким образом, принцип общественной собственности в рамках реальной практики советского социализма практически полностью оказывался замещенным государственной

монополией на собственность. Судьба кооперативной собственности была исторически предопределена в ходе уничтожения крестьянства и весьма тонкого слоя предпринимателей, возникшего в годы нэпа. Тем более государство не допускало и мысли о возможности существования частной собственности, которая являлась предпосылкой экономической самостоятельности и свободы в формировании индивидуальных сценариев хозяйственной жизни. Для замещения этого «недостающего звена» была изобретена личная «квазисобственность». Приставка «квази» здесь совершенно неслучайна, потому что в рамках личной собственности пользование (в отличие от права частной собственности, «по умолчанию» интегрировавшего в себе владение, пользование и распоряжение) всегда оставалось ограниченным и кондициональным, т.е. его возникновение и прекращение обуславливались рядом условий, большая часть которых не имела непосредственного отношения к трудовой деятельности и ее результатам.

Такой специфический характер советской экономики и связанной с ней социальной структуры был осознан некоторыми отечественными экономистами еще в советское время, хотя говорить об этом открыто даже в условиях хрущевского «строительства коммунизма» или брежневского «развитого социализма» означало подписать себе приговор, по крайней мере на занятие профессиональной деятельностью, а в более ранние периоды советской истории этот приговор вполне мог стать и фатальным. Поэтому изобретались альтернативные концепты, способные «обелить» социализм, если не советский, то некий его теоретический идеал, и охарактеризовать советские практики «эзоповым» языком. Самые интересные попытки такого рода концептуализации как раз и содержатся в работах Я.А. Кронрода, творческое наследие которого настолько объемно, что было бы наивно пытаться охарактеризовать его в данной статье². На самом деле Кронрод, который работал на основе марксистского диалектического метода, подписал смертный приговор социализму и коммунизму, но не объявил об этом предельно открыто, оставив для себя и своих сторонников «лазейку» в виде рассуждений о том, что сформировавшаяся система не соответствует социалистическому концепту. Однако его разработки позволяют глубже осмыслить и понять многие принципиальные исторические процессы, в том числе и имеющие отношение к проблеме трудовых и производственных отношений в советской модели социализма с политико-экономической точки зрения.

Концептуально Кронрод разделял социализм и сложившуюся в СССР систему социально-экономических отношений и механизмов политической власти, считая, что сам по себе социализм не может существовать без рыночных практик и товарно-денежных отношений. Для того чтобы охарактеризовать советскую реальность, он использовал термин «социолигархизм», который вошел в название его небольшой, но очень плотной по содержанию «экономсофской» (по аналогии с историософией) работы. По формулировке Я.А. Кронрода, «Определение социолигархизма берет свое начало в двух понятиях – социализация (обобществление) и олигархия (власть немногих, их политическое и экономическое господство). Им выражается некоторый социально-экономический феномен, возникший и развившийся в сложных перипетиях борьбы исторических сил за утверждение социализма в XX столетии. Соединение национально-государственного обобществления решающих средств производства с тоталитарной диктаторской властью слоя, правящего государством, что исключает реальную политическую демократию, превращает правящий слой в особый привилегированный слой политических и экономических олигархов в социолигархию. Исторически специфический принципиальный признак социолигархии состоит в том, что она представляет собой политическое и социально-экономическое новообразование – особый, противопоставленный всему остальному обществу правящий слой (монополизировавший в своих руках все функции управления – политического, экономического и др.)»³. Как утвер-

² См. об этом, например: *Воейков М.И.* Кронрод и дилеммы советской политэкономии... С. 54–65; Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М., 1992; Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория. М., 1996; и др.

³ *Кронрод Я.А.* Социолигархизм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 122.

ждает Кронрод, это «новообразование» «воплощает в себе власть бюрократического милитаристского правящего слоя общества, осуществляемую в форме персональной тоталитарной диктатуры. Причем эта последняя вершит свою власть преимущественно методами насилия (а в известных исторических обстоятельствах – и массового террора) через аппарат бывшей правящей партии, которая из партии в действительности превращена в разветвленный, проникающий в общество на всех его уровнях и во всех его звеньях послушный механизм отправления власти диктатора в сочетании с подчинением аппарату партии аппаратов государства, хозяйства и всех других областей общественной жизни»⁴.

Таким образом, если продолжить эту мысль, в основе формирования подобного общества лежало «обобществление», т.е. предельная этатизация собственности, не общественная, как в теории, а государственная, как на практике, собственность, субъектом владения, использования и распоряжения которой является специфический социальный слой олигархии. Решение вопроса о собственности предопределяло и характер трудовых отношений – потенциал человека полностью оказывался в руках государства, труд становился обязанностью, создавался механизм принуждения к труду и к выполнению тех видов трудовой деятельности в тех объемах и на тех условиях, как это требовалось государству в лице «выразителей его интересов», вводилась система наказаний за уклонения от труда и нарушения продиктованных государством его условий, воплощенная в правовых механизмах и вне его норм. Жесткие формы проявления этатизации труда – прямые репрессии. Более мягкие формы выражения этатизации труда – замена социального запроса на подготовку специалистов определенного профиля государственным заказом, система обязательной отработки после получения специальности в указанных государством местах, запрет на увольнение и смену места работы и многое другое. Иными словами, как уже говорилось выше, это лишение субъектности всех, кто так или иначе вовлечен в процесс трудовой деятельности: субъектом регулирования труда во всех его проявлениях становилось государство. Нетрудно продолжить эту линию рассуждений с отношений между государством и личностью до взаимоотношений государства в виде соответствующих институтов и хозяйствующих субъектов. При этом на историческую арену выходит плано-распределительная система с Госпланом, Госснабом и подобными бюрократическими институтами – с одной стороны, и субъекты промышленного и сельскохозяйственного производства, а также сферы услуг, работавшие по предписанным сверху сценариям, – с другой. В итоге этатизированные трудовые отношения логически интегрируются в совокупность определяемых государственной монополией на собственность систему производственных отношений в целом. Таким образом, все упирается в вопрос огосударствления собственности на средства производства, потребляемые ресурсы и производимые продукты. По словам Кронрода, в такой системе «Экономические методы осуществления хозяйственного процесса, экономическое соревнование и материальные стимулы к труду ущемлены или вовсе ликвидированы, их заменяет принуждение. Палка преобладает над экономическим стимулом. Громоздкий, неповоротливый, косный, дорогостоящий аппарат и механизм хозяйственного управления порождает прямо-таки вакханалию расточительства труда живого и прошлого, равно как и естественных ресурсов»⁵.

Нетрудно заметить, насколько такая теоретическая схема близка к историческим реалиям, в которых формировался, жил и работал ее автор. Она фактически концептуализирует тот вариант общественного развития, который он мог наблюдать из окна своего рабочего кабинета. При беспристрастном взгляде на подобную конструкцию можно легко сделать вывод, что из нее «торчат уши» советского государства времен сталинизма, т.е. вполне реальной, «классической» и относительно законченной модели социализма. А также всего того, что описывается в рамках этатистских тоталитарных и авторитарных систем фашистского толка, базирующихся на госкапитализме, где государство глубоко «врастало» в корпоративную собственность, формируя с ней единый субстрат.

⁴ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 122.

⁵ Там же. С. 124.

Действовавшие в такой системе экономические отношения и механизмы неоднократно описаны в литературе. Одной из наиболее удачных и до сих пор широко используемых «социологизированных» (т.е. фактически политэкономических) концептов советской экономики стала модель административно-командной системы⁶. В ней уже содержатся более конкретные макроэкономические особенности советской социально-экономической модели. Считается, что в своем «классическом» формате она характеризовалась такими признаками, как «тотальное обобществление средств производства (в виде почти полного огосударствления промышленности); наличие иерархической структуры управления с жестким подчинением по вертикали; централизованное директивное планирование по принципу “сверху вниз”; мелочная регламентация из Центра всех управленческих функций (вплоть до оперативных) и соответствующих материальных, финансовых и людских ресурсов для решения как важнейших государственных, так и текущих задач; отраслевая структура управления экономикой; наличие серьезных диспропорций в структуре экономики (преобладающее значение военно-промышленного комплекса в ущерб остальным отраслям экономики); оценка результата работ (главным критерием) по валу, т.е. исключительно по количественным показателям; отказ от товарно-денежного регулирования экономики и, соответственно, широкое использование внеэкономических методов»⁷.

Но теория всегда отличается от реальной жизни, и в жизни все было несколько иначе. Эта модель, как и любая теоретическая конструкция, выглядит упрощенно, однако она содержит в себе основные характеристики той системы, которая сложилась в стране в 1930–1940-е гг., и иногда также называется мобилизационной экономикой или даже «советской индустриальной цивилизацией», отличительной чертой которой была военно-промышленная направленность⁸. Любой историк, занимающийся «структурами повседневности», найдет массу примеров общественной жизни и трудовых отношений, не укладывающихся в общее русло. Но это не препятствует релевантности ее фундаментальных характеристик, сформулированных выше, в том числе почти предельной этатизации и государственной регламентации труда. В этом смысле ясно проступает и социально-экономический идеал такой системы, при этом неважно, как она будет называться в зависимости от методологических позиций исследователя – «классический» сталинизм, советский вариант тоталитаризма, или, как у Кронрода, социогархизм. В любом случае она будет предполагать обобществленную (государственную) собственность на средства производства и систему распределения продуктов и услуг, этатизированный труд и, соответственно, производную от этого структуру общества.

В теории социальная структура советского общества базировалась на идеологеме всеобщего равенства, а социальное равенство подразумевало и отсутствие выраженной экономической дифференциации. В реальности госсобственность и экономическая платформа предполагали равенство в бесправии, а отсутствие экономической дифференциации – существование в тех условиях, которые государство определит в качестве нормы. В 1930–1940-е гг. равенство в бесправии дополнялось равенством в нищете и бедности. В условиях СССР в ходе форсированной индустриализации государство начало систематически отправлять большую долю инвестиций на развитие производства средств производства, рассматривая население исключительно как ресурс и максимально зарегулировав потребление.

⁶ Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

⁷ Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41; См. также: Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161; Яшин В. Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145–147; Коржихина Т.П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М., 1992. С. 4–26; и др.

⁸ Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 90-х гг. М., 1997. С. 3–4.

Кронрод подчеркивал, что в СССР «Индустрия создавалась за счет не знавшего границ наступления на жизненный уровень трудящихся, расточения их сил, здоровья, жизней, уровень с которыми могут разве что идти подвиги первоначального накопления капитала»⁹. Но даже в условиях хорошо отлаженной карательной машины при формировании инвестиционных стратегий руководству страны приходилось постоянно балансировать на грани обострения социальных проблем на фоне растущей интенсификации труда¹⁰. Однако такой вариант не гарантировал стабильность системы и по другой причине: она должна была обеспечить устойчивость мотивации не только для экономического развития, но и для укрепления системы контроля, надзора, регулирования и принуждения. В силу этого слабая дифференциация населения, отражавшаяся в статистически фиксируемых доходах, имела мало общего с реальными характеристиками экономического неравенства, поскольку эта конструкция эффективно дополнялась внеэкономическими элементами¹¹. Советская идеология представляла советское общество как меритократическое, но на самом деле это было совершенно не так. Чтобы как-то «договориться с реальностью», идеология «стремилась оправдать существование социального неравенства (пусть и временного) тем, что объективные механизмы, создающие это неравенство, подчинены глобальной задаче по ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем»¹².

На самом деле неравенство в СССР носило системный характер и было мало связано с результатами труда. Это позволяет интерпретировать советскую систему в целом как «этакратическую», «социальная дифференциация при которой имела неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии, носила сословно-слоевой характер»¹³. Но и там возможности распоряжения имуществом были ограничены даже для тех, кто им обладал, поэтому в полной мере относить его к категории собственности в классическом смысле этого понятия невозможно. Это и предопределяло использование термина «личная собственность» вместо частной собственности, которая всегда предполагает не только владение, но свободу использования и распоряжения собственностью, в том числе и для извлечения прибыли. Реализованная в СССР квазифеодальная модель по российской традиции предпочитала возможность приближения к власти условных «дворян», полностью зависимых от «государя», но не позволять им становиться «боярами».

Формальные показатели дохода по труду, выраженного в денежном эквиваленте, конечно, имели определенное значение, но для понимания социальной основы экономической модели важнее был статус человека в иерархии государственных институтов. Переходя от экономики в область социальных отношений, Кронрод жестко формулировал: «Социалистическая тенденция реализуется также и в формах правосословного закрепления привилегий всяческого рода. Правосословное оформление социалистической многообразно: правовое закрепление кастово-привилегированных и обособленных верхушек – партийная и государственная “номенклатура”, военный, охранный, а также охватывающий все ширящийся круг гражданских отраслей деятельности (дипломатия, юстиция) “табель о рангах”, т.е. пожизненное закрепление чиновничье-кастовых преимуществ и прав; фактически наследственные преимущества в закреплении должностей олигархии, в частности при помощи предоставления детям олигархов неограниченных преимуществ в получении высшего образования и совершения карьеры под беззастенчивой опекой отцов, использующих свои связи; развитый nepotизм; внутриолигархические браки, накопление крупных потребительских имуществ, передаваемых по наследству, и т.д.»¹⁴. По утверждению С.Г. Кордонского, который переосмыслил ситуацию в новых условиях спустя несколько

⁹ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 140.

¹⁰ Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. М., 2008. С. 128.

¹¹ См.: Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71.

¹² Вальдера Хиль Х. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. 2015. № 24 (4). С. 54–55.

¹³ Шкартан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 10.

¹⁴ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 130.

десятилетий, но позиция которого в этом отношении принципиально не расходится с Кронродом, «Новая огосударствленная социальная структура основывалась на распределительных отношениях, а не на отношениях к средствам производства, полностью национализированным. <...> На советском административном рынке политическая и экономическая реальности составляли единое целое, где все деятельности были иерархизированы. <...> Экономическое положение членов групп социалистического общества было однозначно связано с их политическим (в специфическом для социализма смысле) статусом. Система политических статусов (социальное происхождение, образование, социальное положение, место жительства и т.п.) задавала экономическое положение гражданина СССР»¹⁵. Таким образом, неравенство доходов, получаемых в виде заработной платы или иных формах, не отражало градиент неравенства в потреблении. Тем более что это касалось не только товаров, но и услуг, таких как потребление в системах медицины, образования и трудоустройства. В СССР «характер потребления определяется социально-учетными параметрами, такими как прописка и место жительства, должность, занятость в более и менее важной отрасли народного хозяйства»¹⁶, т.е. системой приоритетов, которые устанавливает государство. По мнению С.А. Красильникова, в Советском Союзе произошла рефеодализация общества, в условиях которой значительно возросла роль государства и прав, привилегий и повинностей по отношению к государству¹⁷. А в условиях феодальной структуры общества говорить о доходах индивида по затраченному труду как об основном источнике благосостояния не имеет особого смысла. О «логике и практике советской сословности» в рамках такой системы рассуждений убедительно пишет С.Г. Кордонский уже в другой своей работе¹⁸.

Некоторые другие методологические платформы приводят специалистов, по сути, к тем же выводам. Например, О.Э. Бессонова, социолог и экономист, формулирует свой оригинальный концепт «раздаточной экономики» и справедливо отмечает: «Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т.д. Другими словами, это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование»¹⁹. Все это в совокупности как раз и отражало реальное неравенство в обществе.

В этих более поздних выводах и заключениях, представленных в виде научных концептов, нет эмоциональных характеристик советского (но без указания на это!) общества, которые присутствуют в уже упомянутой и некоторых других работах Кронрода. Отличает их и тот факт, что, в отличие от Кронрода, они все же так или иначе принимают базовую концепцию сформированной в СССР системы как социалистической или же не затрагивают этот вопрос, оставляя за читателям право делать самостоятельные заключения. Кронрод, пытаясь работать в рамках марксистской формационной парадигмы, считал советское общество неким внеформационным образованием, своего рода историческим тупиком. Собственно, как представляется, для этого им и был изобретен термин «социолигархизм». Но в целом упомянутые характеристики основ «классической» советской системы, возникшей в СССР накануне Второй мировой войны, в контексте форм собственности, организации труда и системы производственных отношений, потребления, а также социально-политической надстройки, обеспечивающей функционирование этой системой, весьма близки независимо от названия. Ясно, что в рамках такой системы провластным идеалом организации труда и оптимальной формой трудовых отношений выступает система

¹⁵ Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 14, 62.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): учеб. пособие. Новосибирск, 1998.

¹⁸ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 44-56.

¹⁹ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М., 2006. С. 91.

трудовых и концентрационных лагерей. Советскую систему ГУЛАГ можно рассматривать как крайние проявления такой модели трудовых отношений, где *Arbeit macht frei*, свободных от всего, в том числе и от распоряжения собственной жизнью. Но в некотором смысле эта идеология распространялась и на всю экономическую систему с лишенными субъектности экономическими акторами. Фактически таким трудовым лагерем с разным уровнем ригидности в его отдельных сегментах выступала вся страна. Иногда для смягчения акцентов СССР называют USSR Ltd.²⁰, хотя, как нам представляется, назвать такую систему корпорацией – значит сделать ей большой комплимент.

Смерть Сталина, утверждение у власти Н.С. Хрущева, XX съезд КПСС и десталинизация не привели к изменениям фундаментальной экономической основы советского режима. В стране сохранялись прежние отношения собственности. Развал ГУЛАГа привел к тому, что из экономики выпал огромный сегмент дешевого принудительного труда. Прочие трудовые отношения были также модифицированы: например, устранена криминализация труда, смягчена система наказаний за нарушение трудовой дисциплины и т.д. С началом выдачи паспортов колхозникам для половины населения страны важнейшим фактором в праве на определение жизненных траекторий стала возможность менять место работы и сферу деятельности, перемещаясь из деревни в город и из аграрного сектора в индустриальный. Но основы системы этатизированного труда и распределения его продуктов и благ при всепоглощающей роли государства в этом процессе не подвергались сомнению. Более того, «окостенение» экономической платформы советского общества привело к тому, что в послевоенные годы в нем окончательно закрепились система политических статусов (в интерпретации С.Г. Кордонского) и оно все более тяготело к перерождению в сословно-кастовое общество, что определяло и место в иерархии неравенства. Соответственно, несмотря на вновь усилившиеся при Хрущеве меритократические тенденции, не изменилась ситуация и в отношении экономического (социально-экономического) неравенства, которое по-прежнему носило системный характер.

Однако структура экономики в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. уже изменилась. В основе этого лежали объективные факторы: увеличение масштабов производства, изменение технологической основы экономики, формирование новых технологических укладов, прежде всего в сфере ВПК, и повышение роли научно-технического прогресса (НТП) в целом и, в конечном счете, изменение характера труда. Это требовало дальнейшей корректировки экономических связей и отношений на разных уровнях: от народно-хозяйственного комплекса в целом до отдельных субъектов производственной деятельности. Противоречия новой ситуации с классической моделью экономики и механизмами регулирования производственных, а значит и трудовых отношений все более нарастали. К тому же с отказом от лагерного сталинизма и распадом системы ГУЛАГ она лишилась своего важнейшего сущностного компонента. Это могло стимулировать экономическое развитие, но лишь при условии, что будет найдено, чем можно в этой модели заменить выпавший фрагмент, либо модифицировать саму модель, тем более что результаты экономического развития страны после в целом успешных 1950-х гг. к концу этого десятилетия стали более чем тревожными²¹.

Именно такую цель со свойственным ему энтузиазмом и поставил перед собой Н.С. Хрущев. И сразу же столкнулся с несколькими принципиальными проблемами. Задачу ускорения экономического развития Хрущев попытался интегрировать в более широкую программу – программу построения коммунизма, которой со второй половины 1950-х гг. оказался подчинен весь идеологический и политический дискурс и вся программа экономических реформ. Третья программа КПСС, как и сам по себе коммунизм, стала ключевой идеологией хрущевского времени. В основе хрущевского (впрочем, как и сталинского) коммунизма лежал материально-технический базис, по сути – политэкономическая

²⁰ Nove A. *The Soviet Economic System*. London, 1977. P. 7.

²¹ См. об этом, например: Кудров В.М. *Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления*. М., 1997; Ханин Г.И. *Экономическая история России в новейшее время*. Новосибирск, 2008. Т. 1; и др.

платформа. И в этом отношении, при всем различии формулировок и стремлении максимально дистанцировать «вождя народов» от концепта новой программы компартии, Хрущев «верной дорогой» шел по стопам Сталина²².

«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – так звучал самый известный слоган хрущевского времени. Он «открывал» для советских людей «дорогу в светлое будущее» и перспективу жизни при изобилии и благоденствии, тем самым обладая огромным потенциалом манипулирования. Хрущев не ставил под сомнение тезис, что «идеи овладевают массами», и в этом смысле он разворачивал и конкретизировал идеологему в понятном для населения направлении, связанном с экономикой. В ходе одной из встреч «с народом» Хрущев подчеркивал, что «...Разрабатывается проект новой Программы партии, которую примет XXII съезд КПСС. Это будет не какой-то прогноз, а конкретный план действий по строительству коммунизма в нашей стране»²³.

Программа КПСС содержала определение коммунизма. Оно имело описательный и весьма размытый характер. Формулировалось, что при коммунизме «все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”»²⁴. В этом смысле, кстати, проектировки Хрущева не отличались от более ранних сталинских редакций. Но народу был ближе другой, более лаконичный тезис, прозвучавший в докладе Хрущева: «Чаша коммунизма – это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад и каждый из нее черпать»²⁵.

Для адаптации провозглашаемой стратегии к новым социально-экономическим условиям и глобальным вызовам было использовано понятие НТП, на основе которого предполагалось достигать провозглашенных целей. В дальнейшем возник тезис о соединении достижений НТП с преимуществами социализма, который положили в основу теории научно-технической революции (НТР), ставшей советским ответом на западные концепции постиндустриального общества. На протяжении ряда лет некоторые философы и социологи возлагали на НТР большие надежды, предполагая, что на ее базе реализуются концепты конвергентного развития и на СССР распространятся глобальные тренды социально-экономического прогресса. Тот же Кронрод писал: «...Подавление творческих начал труда приходит в непримиримое противоречие с объективными условиями функционирования социально-производственной и экономической систем, требуемых научно-технической революцией. Потенциал самодействия и творчества личности, неотвратимо реализуемый всем механизмом функционирования современных производительных сил, точно так же как и рост ее образованности и уровня интеллектуального развития, становится мощной энергией ее общественного сопротивления социализму»²⁶.

Однако затем наступило разочарование. В итоге марксистская теория НТР фактически стала очередной идеологемой, где были сформулированы «официальные» представления о путях вхождения СССР в новое цивилизационное пространство. Теория НТР предполагала концентрацию внимания на научных, технико-экономических и технологических достижениях мировой экономики, полностью игнорируя социально-экономические факторы, породившие эти достижения, а также социально-экономические последствия их использования. Предполагалось, что социализм создает все необходимые условия для использования научно-технических достижений в экономической практике. Естественно, что теория НТР не затрагивала и базисные элементы советской социально-экономической платформы. Факти-

²² Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347.

²³ Беседа со знатными людьми Дона в станице Вешенской. 31 августа 1959 г. // Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 4. С. 46.

²⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 3. С. 274.

²⁵ Доклад Н.С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза» // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. I. С. 167.

²⁶ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 129.

чески в рамках такой концептуализации НТР, сформулированная в жестких рамках марксистско-ленинской методологии, становилась тормозом социально-экономического развития страны в условиях постиндустриальных изменений²⁷. В контексте новой программы КПСС и строительства коммунизма теория НТР, по сути, выполняла подчиненную, служебную функцию.

Два аспекта формировали основное содержание экономической парадигмы строительства коммунизма «по-хрущевски» – социально-экономический эгалитаризм и консюмеризм. Вопреки реально сложившейся в СССР практике «статусного» распределения продуктов потребления и услуг вне трудовых отношений и результатов труда, принцип экономического эгалитаризма фактически доминировал в хрущевской стратегической программе. Он проявлялся в том внимании, которое уделялось в стратегии Хрущева опережающему развитию общественных фондов потребления, а также в реальной экономической политике, в рамках которой происходило снижение дифференциации формальных доходов населения²⁸. Очевидно, что принцип эгалитаризма следует интерпретировать в контексте прочих идеологем хрущевского времени. Обществом это воспринималось как некая «справедливая уравниловка» в потреблении на пути к богатству и благополучию. Естественно, что в условиях весьма низких стандартов потребления это обеспечивало таким идеям широкую популярность.

Однако эгалитаризм в экономической парадигме Хрущева сочетался с другой особенностью – консюмеризмом, ставшей следствием увлечения экономикой потребления. Соединение в социально-экономической стратегии эгалитаризма, т.е. стремление к уравнительному распределению ресурсов и благ как основному способу устранения противоречий в экономике и обществе, весьма утопическое по своей природе, и консюмеризма, направленного на стимулирование потребления, выглядело достаточно парадоксально, особенно в условиях непреодоленной структурной бедности. Справедливо отмечается, что «Можно предположить, что коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой»²⁹, и такое мнение имело под собой основания.

Экономический эгалитаризм вполне согласовывался с огосударствленной собственностью и этатизированной системой распределения результатов труда, оставляя «за скобками» все то, что касалось привилегированных социальных страт, вовлеченных в систему управления, контроля и надзора. Но далее возникала проблема с декларированным консюмеризмом. Обозначенный уровень доходов был, во-первых, совершенно недостижим на имеющейся экономической основе даже при условии дальнейшего количественного наращивания ее потенциала, что позволяет рассматривать его даже не как идеологему, а как мифологему в рамках политики популизма. Во-вторых, консюмеризм в конечном итоге даже в теории предполагал иной формат постановки и решения проблемы собственности, возникающей в качестве результата труда (и не только, например, наследования имущества), связанный с утверждением полных прав собственника над имуществом и распоряжением им. Модель «общества потребления» вступала в конфликт с традиционной для СССР моделью военизированной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом и заведомо проигрывала последней. Эта проблема оставалась незамеченной, хотя она подрывала политэкономические основы сложившейся в государстве модели отношений

²⁷ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 115–117.

²⁸ Novokmet F, Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge, MA, USA, 02138. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 22.12.2022); Век расслоения: шесть графиков о неравенстве в России. 23 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://aurora.network/articles/6-jekonomika/54657-vek-rassloenija-shest-grafikov-o-neravenstve-v-rossii> (дата обращения: 22.12.2022); Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм...

²⁹ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 36.

собственности и, соответственно, производственных и трудовых отношений. Это также говорило о том, что декларированные принципы экономической стратегии на деле оставались лишь идеологемами и не были предназначены для реализации на практике. Обозначенный в качестве ориентира высокий уровень жизни на основе социально справедливого и относительного равного, но разумного потребления выглядел привлекательно для массового потребителя. В то же время вопрос о том, что «в системе, в которой отношения собственности по владению, распоряжению и использованию разделены, а цены устанавливаются директивно, исходя из политических и иных целей, говорить о распределении богатства и доходов в общепринятом смысле достаточно бессмысленно»³⁰, просто не поднимался и не мог ставиться. Соответственно, в условиях этатизированных трудовых отношений не имело смысла говорить и о затратах труда, и о потреблении по труду.

К тому же консюмеризм не мог не стимулировать стремления к праву на полное распоряжение имуществом. В общем смысле это противоречило государственной идеологии и практике потребления и распоряжения имуществом на основе статуса в иерархизированной бюрократической системе. В исследованиях справедливо подчеркивается, что «...в планах советский человек оказывался не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно было быть в гардеробе. Естественно, все это обосновывалось научными данными и экспертными заключениями. Человек оказывался не принадлежащим себе и при этом максимально рационализированным»³¹. И это противоречие, как представляется, тоже имело свои корни в специфике отношений собственности, производственных и трудовых отношений и не могло рано или поздно не выйти на поверхность.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну связанную с вышеперечисленными проблему, с которой постоянно сталкивались все субъекты экономики – это проблема мотивации к производительной деятельности. Наука не придумала ничего эффективнее дихотомии «кнута и пряника». С «кнутом» при «классическом» социализме в его сталинской версии все было в порядке, но после ликвидации массового принудительного труда возникла потребность в более изобретательном поиске новых форм стимулирования к труду, избегая прямого насилия, а сложившаяся на заре индустриализации мобилизационная экономическая платформа легче всего воспринимала именно простые формы принудительного труда. С «пряниками» в условиях десталинизации дело обстояло несколько хуже: места для «пряников», под которыми в данном случае понимается проблема мотивации труда, в производственной системе нужно было находить фактически заново. Хрущев, выступая как популист, предпочитал делать явный упор на моральные стимулы, которые традиционно дополнялись жестким планированием и регулированием. Собственно, все декларированные идеологемы как раз и выступали в качестве таких моральных стимулов, и на этом строилась переживавшая при Хрущеве «апгрейд», но сохранившая прежнюю «элементную базу» политика индоктринации. Главным из идеологом был сам лозунг о построении коммунизма и достижении всеобщего благосостояния в обозримый период, фактически при жизни одного поколения. Однако, как убедительно свидетельствует вся мировая практика, моральные стимулы действуют лишь короткое время и только тогда, когда они эффективно дополняются материальными. И с этим возникла большая проблема. Советская система «классического сталинизма» их не исключала, но в ней они эффективно работали лишь в рамках приоритизированных сегментов экономики и социальных страт, наиболее очевидным примером которых было решение «Задачи № 1» – программы создания ядерного оружия³². Теперь же возникала задача перезапустить обновленную систему стимулирования для экономики в целом с тем, чтобы резко поднять эффективность производства. И в этом отношении политэкономическая система уперлась в глухую стену: моральные стимулы, выраженные в

³⁰ Клисторин В.И. Россия в XX веке. Цена революции // ЭКО. Всероссийский экономический журнал, 2017. № 11. С. 41.

³¹ Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 433.

³² См., например: Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

лозунгах и призывах, быстро теряли свою работоспособность, система «кнута» больше не работала, поскольку в условиях десталинизации и либерализации режима исчез репрессивный механизм, который ранее служил универсальной основой организации труда, а полномасштабное использование факторов материального стимулирования фактически «подрывало основы» политэкономической платформы, поскольку неизбежно обращалось к проблеме товарно-денежных отношений и экономических методов хозяйствования не так, как их постулировала «политэкономия социализма», а более или менее нормальным, рыночным образом.

Рассуждая об этом, Кронрод писал: «Следующая закономерность, порождаемая и развиваемая всем ходом изменений современного индустриального общества (во всех его социально-экономических формах), – необходимость в экономической свободе производителя и коллективов производителей. Современное концентрированное и централизованное (в национально-общегосударственных и даже межгосударственных рамках) производство находилось бы в непримиримом противоречии с самой сущностью интеллектуально-творческих функций трудящихся, равно как и с элементарными требованиями политической демократии, если оно лишено было бы экономической автономии отдельного индивида, их коллективов в общественном труде, превращало бы их в автоматических исполнителей команд сверхцентрализованного экономического механизма»³³.

Иными словами, должна была измениться вся система производственных и трудовых отношений, полностью монополизированная государством в условиях предельной этатизации труда и производства. Более того, при этом возникал вопрос о характере собственности на средства производства и механизмах производства и использования прибавочного продукта, совершенно запретный в советские времена, поскольку он противоречил основам марксизма. Именно в эту проблему как в стену и уперлась экономическая реформа Косыгина (по сути, второй этап реформы управления народно-хозяйственным комплексом, инициированный Хрущевым). Понимание этой проблемной ситуации не могло не прийти в голову тех экономистов, кто был способен отрешиться от марксистских догм и идеологием, но оставался в рамках марксистской парадигмы. Но также было понимание и того, что декларирование таких принципов – это как минимум обвинение в ревизионизме. И все же в работах академиков Арзуманяна, Немчинова и некоторых других «столпов» официальной экономической науки можно увидеть слабые намеки на необходимость активации материального стимулирования экономических акторов. Более явно они прослеживаются в известной и нашедшей статью скромного провинциального профессора Е.Г. Либермана³⁴, за спиной которого, как полагают некоторые исследователи, стояли более знаковые фигуры экономического истеблишмента. Но все они хорошо понимали, чем чревато раскачивание ситуации с продвижением программы экономических методов регулирования и формирования системы материального стимулирования производства и на какие проблемы оно выводило с политэкономической и философской точек зрения, а также чем могло закончиться для их личных научных карьер.

К чести Н.С. Хрущева, он не препятствовал начавшемуся экономическому дискурсу. Заслугой Хрущева справедливо считается то, что он «санкционировал» реформы, в рамках которых формировался своеобразный бюрократический рынок, построенный на обмене, осуществляемом как органами власти, так и отдельными лицами, и возникал новый вариант управления экономикой – экономика согласования, включавшая в себя механизм обратной связи³⁵. Основой модифицированной системы становилось «итеративное планирование,

³³ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 128.

³⁴ Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

³⁵ Аввен П.О., Широкин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 34; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя. М., 1991. С. 31–62; Найшуль В. Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5–14; и др.

включающее в себя многократное согласование плановых заданий между “заказчиками” и “исполнителями”, и «планы, распределение ресурсов, административные инструкции, власть и положение в иерархических структурах. Как предмет административно-бюрократической торговли выступали планы. <...> Сама система согласований действовала по принципу *liberum veto*, который предусматривал принятие компромиссного решения всеми заинтересованными участниками административно-бюрократической торговли. Поэтому отныне распоряжения центра не являлись столь категоричными императивами для местного руководства»³⁶.

Как показала дальнейшая практика, эта модель также была далека от оптимальной, а «бюрократический рынок» оказался совсем не тождественным нормальным товарно-денежным отношениям в экономике, стимулирующим конкуренцию производителей снизу доверху. Что касается планов, то по мере прогрессирующего усложнения экономики они лишь увеличивались в масштабах и окончательно становились нереализуемыми не только на практике, но и в теории, все более переходя из сферы экономического планирования и прогнозирования в область идеологии. И это сказывалось на всех субъектах экономической деятельности. Как не вспомнить в этой связи известное изречение Ф. Хайека из его знаменитой «Дороги к рабству»: «Чем больше государство планирует, тем труднее становится планировать индивиду». Представляется, что одной из причин нарастающего коллапса в экономике СССР как раз и стала нерешенная проблема этатизации – этатизации собственности, этатизации производственных и трудовых отношений, этатизации труда в целом, как, собственно, это можно было представить в рамках экономических и историософских концептов Кронрода, созданных более полувека назад. К чему это привело, теперь уже хорошо известно.

Литература

Авен П.О., Широнин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 33–37.

Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: РОССПЭН, 2017. 341 с.

Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347.

Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436.

Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 90-х гг. М.: Мосгорархив, 1997. 214 с.

Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 142 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с.

Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161.

Вальдера Хиль Х. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. 2015. № 24 (4). С. 54–55.

³⁶ Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 37.

Воейков М.И. Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (К 100-летию со дня рождения) // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10, № 2. С. 54–65.

Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.

Клисторин В.И. Россия в XX веке. Цена революции // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 11. С. 37–46.

Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 238 с.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.

Коржихина Т.П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М.: РГГУ, 1992. С. 4–26.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 119–145.

Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 126–141.

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 301 с.

Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя. М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.

Найшуль В. Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5–14.

Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода) / отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Наука, 1992. 211 с.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с.

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск: НГТУ, 2008. Т. 1. 515 с.

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Высшая школа экономики, 2012. 525 с.

Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория. М.: ИЭ РАН, 1996. 157 с.

Яшин В. Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145–147.

Nove A. The Soviet Economic System. London: Allen & Unwin, 1977. 399 p.

Novokmet F, Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge, MA, USA, 02138. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 22.12.2022)

References

(1992). Sudba uchenogo i tragediya nauki (K 80-letiu so dnya rozdeniya Ya.A. Kronroda) [The Fate of a Scientist and the Tragedy of Science (To the 80th Anniversary of Ya.A. Kronrod). Edited by L.I. Abalkin]. Moscow, Nauka. 211 p.

(1996). Ya.A. Kronrod: lichnost uchenogo, politicheskaya situatsiya, ekomomicheskaya teoriya [Ya.A. Kronrod Personality of a Scientist, Political Situation, Economic Theory]. Moscow, IE RAN. 157 p.

Artemov, E.T. (2017). *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic Project in the Coordinates of the Stalin's Economy]. Moscow, ROSSPEN. 343 p.

Artemov, E.T., Vodichev, E.G. (2021). Po stalinskim lekalam: ekonomicheskie strategii kommunisticheskogo stroitelstva v programnykh ustanovkakh khrushchevskogo rukovodstva [According to Stalin's Patterns: The Economic Strategy of Communist Construction in the Program Settings of the Khrushchev Leadership]. In *Idei i idealy*. Vol. 13, No. 4, part. 2. Pp. 324–347.

Aven, P.O., Shironin, V.M. (1987). Reforma khozyaistvennogo mekhanizma: realnost namechennykh preobrazovaniy [Reform of the Economic Mechanism: The Reality of the Planned Transformations]. In *Izvestiya SO RAN SSSR. Seriya ekonomiki i prikladnoy sotsiologii*. No. 13, Is. 3. Pp. 33–37.

Bakanov, S.A., Fokin, A.A. (2019). “A pri kommunizme vse budet...”: gosudarstvennoe planirovanie urovnya zhizni sovetskogo cheloveka k 1980 godu [“And under Communism Everything will Be...”: State Planning of the Standard of Living of a Soviet Person by 1980]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 9, No. 2. Pp. 420–436.

Belonogov, Yu.G. (2014). Evolutsiya Sovetskoy Modeli Ekonomiki 1950–1960-kh v otechestvennoy istoriografii [The Evolution of the Soviet Model of the Economy of the 1950s–1960s in Domestic Historiography]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. No. 1, pp. 35–41.

Bessonova, O.E. (2006). *Razdatochnaya ekonomika Rosii: Evolutsiya cherez transformatsii* [Distribution Economy of Russia: Evolution through Transformations]. Moscow, ROSSPEN. 142 p.

Bezborodov, A.B. (1997). *Vlasti i nauchno-tekhnicheskaya politika v SSSR v seredine 50-kh – seredine 60-kh gg.* [Power and Scientific and Technical Policy in the USSR in the mid-50s – mid-90s]. Moscow, Mosgorarkhiv, 214 p.

Bokarev Yu.P. (2007). *SSSR i stanovleniye postindustrialnogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody* [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West, 1970–1980s]. Moscow, Nauka. 380 p.

Borisov, Yu.S. (1989). Stanovlenie komandno-burokraticheskoy sistemy [The formation of the command-bureaucratic system]. In *EKO. All-Russian Economic Journal*. No. 1, pp. 145–161.

Fokin, A.A. (2017). “Kommunizm ne za gorami”. *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism is not Far Off”. Images of the Future in the Power and Population of the USSR at the Turn of the 1950–1960s]. Moscow, ROSSPEN. 221 p.

Gregory, P. (2008). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 398 p.

Khanin, G.I. (2008). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya* [Economic History of Russia in Modern Times]. Novosibirsk, NSTU, Vol. 1. 515 p.

Klistorin, V.I. (2017). Rossiya v XX veke. Tsena revolyutsii [Russia in the 20th Century. The Price of the Revolution]. In *ECO. All-Russian Economic Journal*. No. 11, pp. 37–46.

Kordonsky, S. (2006). *Rynki vlasti. Administrativnye rynki v SSSR i Rossii* [Markets of Power. Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI. 238 p.

Kordonsky, S.G. (2008). *Soslovnaia struktura post-Sovetskoi Rossii* [Social structure of post-Soviet Russia]. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation Publisher, 216 p.

Krasilnikov S.A. (1998). *Na izlomakh sotsialnoi struktury; marginaly v post-revolutsionnom Rossiiskom obshchestve* [At the Breaks of the Social Structure: Outcasts in Post-Revolutionary Russian Society (1917 - Late 1930s)]. Novosibirsk: NSU Publisher, 91 p.

Kronrod, Ya.A. (2016). Sotsoligarkhizm kak psevdosotsializm XX veka [Socialist Oligarchism as Pseudo-Socialism of the 20th Century]. In *Voprosy politicheskoy ekonomii*. No. 3, pp. 119–145.

Kronrod, Ya.A. (2016). Sotsoligarkhizm kak psevdosotsializm XX veka [Socialist Oligarchism as Pseudo-Socialism of the 20th Century]. In *Voprosy politicheskoy ekonomii*. No. 4, pp. 126–141.

Kudrov, V.M. (1997). *Sovetskaya ekonomika v retrospektive: Opyt pereosmysleniya* [Soviet Economy in Retrospect: A Rethinking Experience]. Moscow, Nauka. 301 p.

Nayshul, V. (1994). Kluch k reformam nakhoditsya v nerynochnoy sfere [The Key to Reforms is in the Non-Market Sphere]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 5–14.

Nove, A. (1997). *The Soviet Economic System*. London, Allen & Unwin. 399 p.

Novokmet, F, Piketty, T., Zucman, G. (2017). From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge, MA, USA, 02138. 2017. Aug. Available at: URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (date of accesses 22.12.2022).

Popov, G.Kh. (1987). S tochki zreniya ekonomista [From the Point of View of an Economist]. In *Nauka i zhizn*. No. 4, pp. 54–65.

Shkaratan, O.I. (2012). *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost* [Sociology of Inequality. Theory and Reality]. Moscow, Higher School of Economics. 525 p.

Vodichev, E.G. (2022). Ekonomicheskoe neravenstvo i sovetskiy egalitarizm: idei i idealy ot Stalina do Khrushcheva [Economic Inequality and Soviet Egalitarianism: Ideas and Ideals from Stalin to Khrushchev]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (74), pp. 63–71.

Voeykov, M.I. (2012). Ya.A Kronrod i dilemmy sovetskoj politekonomii (K 100-letiu so dnya rozhdeniya [Ya.A. Kronrod and the Dilemmas of Soviet Political Economy (To the 100th Anniversary of His Birth)]. In *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 10, No. 2, pp. 54–65.

Waldera-Gil, H. (2015). Legitimatsiya sotsialnogo neravenstva v sovetskoj ideologii stalinskogo perioda [Legitimation of Social Inequality in the Soviet Ideology of the Stalinist Period]. In *Mir Rossii*. No. 24 (4), pp. 54–55.

Yashin, V. (1992). Prichiny krizisa administrativno-komandnoy sistemy i ee protivorechiya [Causes of the Crisis of the Administrative-Command System and Its Contradictions]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 1, pp. 145–147.

А.Г. Тепляков*

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ТРУД В СССР:
ФЕНОМЕНЫ МАРГИНАЛИЗАЦИИ И КРИМИНАЛИЗАЦИИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-4
УДК 351.746 "192"(093.3)

Выходные данные для цитирования:
Тепляков А.Г. Социальная справедливость и труд в СССР: феномены маргинализации и криминализации // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 50–64. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-04.pdf>

A.G. Teplyakov*

**SOCIAL JUSTICE AND LABOR IN THE USSR:
THE PHENOMENA OF MARGINALIZATION
AND CRIMINALIZATION**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-4

How to cite:
Teplyakov A.G. Social Justice and Labor in the USSR: The Phenomena of Marginalization and Criminalization // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 50–64. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-04.pdf>]

Abstract. The socialist system in the USSR demonstrates various practices of manipulating the principle of social justice, having come to a relatively stable socio-political system with signs of a paternalistic welfare state. The concrete practice of the USSR period provides a lot of historical material, allowing us to highlight the problems of marginalization and criminalization of workers as a circumstance that turned out to be particularly negative for maintaining the principles of social justice. The actual return of Russia under the Bolshevik regime to the estate model of building society has singled out privileged and discriminated segments of the population in society. Changes in the ratio of these strata directly depended on political and ideological changes within the Soviet state. The article examines the dynamics of changes in state policy towards citizens in order to manipulate them, as well as the formation of a hierarchy that assigns power to the Communist Party and its subordinate structures. As a result of the ideologically motivated influence of the state, labor relations immediately acquired a deformed character, responding to the needs of the ruling elite in the marginalization of a significant part of society. The marginality of Soviet society is an integral part and consequence of deep and conscious criminalization that has engulfed both the ruling class and a significant part of the population. Historical experience shows the successful elimination of the marginalization of Soviet society and the survivability of various criminal practices.

Keywords: Social justice, Communist Party, nomenclature, marginalization, criminalization, society.

The article has been received by the editor on 30.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Социалистическая система в СССР демонстрирует различные практики манипулирования принципом социальной справедливости, придя к относительно устойчивой социально-политической системе с признаками патерналистского социального государства. Конкретная практика периода СССР дает большой исторический материал, позволяя особо выделить проблемы маргинализации и криминализации трудящихся как обстоятельство, которое оказалось особенно негативным для поддержания принципов социальной справедливости. Фактическое возвращение России при большевистской власти к сословной модели построения общества выделило в социуме привилегированные и дискри-

* **Алексей Георгиевич Тепляков**, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru
Aleksey Georgievich Teplyakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

минированные слои населения. Изменения в соотношении этих слоев прямо зависели от политических и идеологических изменений внутри советского государства. Статья рассматривает динамику изменений государственной политики в отношении граждан с целью манипулирования ими, а также выстраивание иерархии, закрепляющей властные полномочия за коммунистической партией и подчиненными ей структурами. В результате идеологически мотивированного воздействия государства трудовые отношения сразу приобрели деформированный характер, отвечая потребности правящей верхушки в маргинализации значительной части социума. Маргинальность советского общества – неотъемлемая сторона и следствие глубокой и сознательной криминализации, охватившей как правящий класс, так и значительную часть населения. Исторический опыт показывает успешное изживание маргинализации советского социума и живучесть разнообразных криминальных практик.

Ключевые слова: социальная справедливость, коммунистическая партия, номенклатура, маргинализация, криминализация, социум.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022 г.

Извечно желаемая массами социальная справедливость – одна из основных жертв всегдашней социальной демагогии. Даже в развитых правовых государствах элиты, клянясь принципом справедливости для всех, то и дело злоупотребляют властью или должностным положением ради дополнительных привилегий. Но если в обществе ликвидирована элементарная правовая справедливость, то в получившейся диктаторской и закрытой системе останутся только призраки обещаемых массам преференций. Социалистическая система, пройдя внушительный путь развития и пытаясь это делать на своей собственной основе, демонстрирует различные практики манипулирования принципом социальной справедливости, в итоге приходя к относительно устойчивой социально-политической системе с признаками патерналистского социального государства. В такой системе трудовые отношения также подвергаются деформациям и только официальной пропагандой признаются основанными на принципах социальной справедливости.

Проблематика социальной справедливости советской эпохи привлекала и привлекает в основном внимание социологов, экономистов, юристов и философов¹. Однако конкретная практика периода СССР дает большой исторический материал, в частности для особого выделения проблем маргинализации и криминализации трудящихся как того обстоятельства, которое оказалось особенно разрушительным для принципов социальной справедливости. Фактическое возвращение при большевиках к сословной модели построения общества диктовало необходимость выделения в нем более привилегированных частей. И изменения в соотношении этих привилегированных слоев и прослоек прямо зависели от политических и идеологических изменений внутри советского государства². Статья рассматривает динамику изменений государственной политики в отношении более и менее ценных для нее граждан с целью манипулирования ими, выстраивания иерархии, закрепляющей властные полномочия за партией и подчиненными ей структурами.

Большевистская революция, Гражданская война и последующие главные события советской истории, с одной стороны, тесно и неразрывно связаны с лозунгами социальной справедливости, особенно притягательными для масс, боровшихся против материального и правового угнетения. Идея социальной справедливости воодушевляла многих представи-

¹ Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 13–26; Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М., 1989.

² Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008; Илюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

телей активной части населения и с исключительной эффективностью была использована большевиками в ходе революции. Правда, с их стороны данный принцип сразу получил грубое искажение в виде реализации права угнетенных классов на социальный реванш, явное желание поменяться местами с привилегированными слоями населения. Конституции 1918 и 1924 гг. прямо заявляли о лишении политических прав всех бывших «эксплуататоров», что в реальности означало и отказ в праве работать в государственной экономике, и превращение «бывших людей» в приоритетную мишень для усилий карательно-репрессивных органов. Таким образом, часть социума обрекалась на нисходящую мобильность, что влекло к неизбежной маргинальности.

Ленинско-сталинский период прошел под лозунгом социальных чисток и дискриминаций с целью достижения классовой однородности и полной покорности общества. Принцип «Разделяй и властвуй» четко отразился не только в первых советских конституциях. Все советское законодательство изначально закладывалось с «двойным дном»: одно – официальное – для подавляющей массы населения, второе – предназначенное для партийно-советских функционеров и представителей «вооруженного отряда партии» в лице органов ВЧК-МГБ, что давало им широкие привилегии.

Государственный патернализм на основе постоянной общественной мобилизации подразумевает открыто провозглашаемый принцип манипулирования социумом, объясняемый необходимостью научного управления им. Реальное же управление обществом с целью его контроля и нужных для власти деформаций (прежде всего социальная, идейная, национальная и материальная однородность) осуществлялось большевиками с помощью множества мобилизационных практик, сочетавших вульгарный обман с изощренной демагогией о царстве справедливости и доходивших вплоть до использования голода, принуждения и террора. Обилие дискриминационных способов воздействия имело целью поддержание, по выражению того времени, «ярости масс», что позволяло наглядно делить целые слои на «чистых» и «нечистых», новую пролетарскую элиту и презренных «лишенцев».

В результате идеологически мотивированного воздействия государства трудовые отношения сразу приобрели деформированный характер, отвечая потребности правящей верхушки в маргинализации значительной части социума. Лица, признанные негодными для жизни в совершенном обществе нового, коммунистического типа, должны были быть дискриминированы и как-то использованы либо физически уничтожены. Лишенный собственности «маленький человек», идеально зависимый от государственного патернализма и насилия, рассматривался как идеальный гражданин, которому за лояльность полагались какие-либо льготы (либо просто избавление от дискриминации, которая доставалась менее лояльным и ценным). В лекции «Красное право и красный суд» нарком юстиции УССР А.И. Хмельницкий в 1922 г. провозглашал, что советское законодательство особо «...заботится о том, чтобы так называемая частная инициатива, даже проявляющаяся в недрах трудовых масс, была сведена на нет, чтобы она была заменена инициативой публичной. <...> Социалистическое государство, применяя труд тех или иных граждан, не вступает с ними в договор... государство выступает как орган власти, проводящий трудовую повинность граждан. Необходимо истребить самый дух частной инициативы, необходимо истребить дух самопомощи и заменить его принципом помощи сверху, принципом государственной помощи ...»³.

При этом ответственность правящего класса перед обществом фактически исключалась. Номенклатурные работники, вроде главы Саратовского губкома РКП(б) М.И. Васильева-Южина, выпускали брошюры с названиями «Лишние рты и коммунистический строй» (Саратов, 1918) либо, как С.И. Гусев, выступали в качестве равнодушных регистраторов социальных катастроф. Считающиеся относительно мягкими большевиками Л.Б. Каменев или М.П. Томский допускали оглушительные по цинизму заявления: «Мы не буржуазия, а социалистическая республика, и можем производить опыты, которых не в силах произ-

³ Рылов В.Ю. По ленинскому пути: к вопросу о становлении советской системы принудительного труда // Исторические записки. Воронеж, 2010. Вып. 14. С. 64–103.

водить ни одно государство»⁴ (Каменев, 1920); «Так как мы гениально грабили всю Россию для Красной армии, [то] приступим к такому же широкому грабежу всей России во имя улучшения интересов рабочего класса...» (Томский, 1920)⁵. Настоящие «специалисты» по маргинализации населения (вроде С.И. Гусева) могли в своих брошюрах оправдывать разруху городского хозяйства необходимостью победить белых: «Но не тонуть же в нечистотах, не вымирать же от эпидемий? – скажут мне. А почему бы и нет! Отчасти тонуть, отчасти вымирать...»⁶. Любые провалы и массовые репрессии интересовали власть только с точки зрения ее возможной дискредитации, сочувствия к жертвам в ее документах совершенно незаметно, поскольку это всегда лишь абстрактные «трудящиеся массы», «трудовые советские люди», «человеческие ресурсы» и просто «рабсила».

Политика «военного коммунизма», включавшая милитаризацию труда и классово дифференцированную пайковую систему, привела к деклассированию и пролетариата, и служащих, и значительной части крестьянства. «Передовой пролетариат» должен был в благодарность за «раскрепощение» работать в условиях трудовой повинности. Голодный паек, неэффективность новой администрации, террористические методы принуждения привели к массовому исходу рабочего класса в деревню. Другая часть была мобилизована в РККА и продотряды, влилась в ряды мешочников, пополнила криминальную среду. Среди интеллигенции, помимо эмигрантов, потеряли статус юристы, историки, преподаватели иностранных языков, независимые журналисты, которые не были отнесены властями к тем «спецам», чей труд признавался необходимым. Огромный процент студентов был вычищен в 1920-е гг. из вузов за неподходящее происхождение, что маргинализировало часть выходцев из интеллигенции.

Большевики раздавали и убирали привилегии в соответствии с политическими потребностями в тех или иных специалистах. Так, в годы Гражданской войны военнопленные, особенно мадьяры, поляки, немцы и австрийцы, массово становились кондотьерами в Красной гвардии, РККА и ВЧК, делали яркие партийно-советские, военные, судебно-прокурорские и чекистско-милицейские карьеры. То же относилось к деятелям Коминтерна. Однако впоследствии иностранцы, как с советским гражданством, так и без такового, были признаны потенциально нелояльными, истреблены или изгнаны, к концу 1930-х гг. практически полностью потеряв какое-либо номенклатурное значение. Среди силовиков особую роль играли служившие в РККА и органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. У военных был высокий статус красных воинов, будущих героев битв мировой революции. А вот чекисты имели сверхстатус и считали это совершенно справедливым, расценивая себя как «передовой вооруженный отряд партии». Внутри самих карательных органов отдельно достаточно высокое положение имели даже лица вспомогательного состава: коменданты – исполнители смертных приговоров, массово получавшие ордена за выполнение «особых заданий правительства» и нередко попадавшие после завершения чекистской карьеры в номенклатуру среднего уровня, и тюремные надзиратели, в 1937 г. бывало щеголявшие в шинелях расстрелянного генералитета. Характерно, что строительство огромных номенклатурных дач для партийно-советского начальства с начала 1930-х гг. сочеталось с возведением комфортабельных многоквартирных домов для сотрудников ОГПУ, а в годы Большого террора дачи массово стали строиться и для сотрудников НКВД, причем нередко на месте расстрельных полигонов.

В обществе после катастрофической Гражданской войны были заметны не только миллионы безработных, инвалидов и психически неполноценных граждан, не только 7,5 млн беспризорников, но и сотни тысяч военных и гражданских функционеров эпохи «военного коммунизма», выброшенных с руководящих позиций из-за десятикратного уменьшения армии, почти пятикратного уменьшения чекистской численности (причем нередко за счет

⁴ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. М., 1997. С. 240.

⁵ Борисова Л.В. «Принудительная ускоренная самоорганизация рабочего класса»: дискуссия о принципах организации труда в Советской России в 1920 г. // Вестник РУДН. 2010. № 3. С. 46.

⁶ Наше Отечество. Ч. II. М., 1991. С. 81–82.

руководящих представителей «искореняющей» профессии, привыкших к неограниченной власти), недоверия власти к бывшим красным партизанам, а также хозрасчета, поставившего крест на множестве убыточных учреждений и предприятий, безжалостно закрытых в нэповское время. Эти люди остро переживали потерю привилегий и необходимость заниматься менее престижным трудом, включая физический. Наличие небольшой, но бросавшейся в глаза прослойки временных хозяев жизни – нэпманов – способствовало обострению социальных противоречий, опять-таки использованных властью для натравливания одной части общества на другую, якобы «нетрудовую».

Дальнейшая государственная политика где-то пыталась выправлять самые явные перекосы, но с эпохой «великого перелома» смогла окончательно переделать общество под свои потребности, лишив его и настоящего крестьянина-собственника, и свободного распоряжаться своей рабочей силой пролетария, и независимо мыслящего интеллигента. Элита стала антиэлитой, воспроизводя бюрократическое однообразие, утопические представления о путях развития страны и рабскую готовность к любому извику политики верхов, включая даже частичное самоистребление, как в 1937–1938 гг. В этих условиях важным новым регулятором трудовых отношений выступал политический донос, особенно актуальный в силовой, творческой и номенклатурной среде, где на смену старым специалистам либо оказавшимся в немилости функционерам приходили малограмотные выдвигенцы из низших слоев общества. Отмечено, что для тоталитаризма характерна фактическая приватизация государства путем доносов и манипуляций биографией, что было доступной, хотя и рискованной практикой для любого гражданина⁷. Это способствовало закреплению во власти вышедших из низов «специалистов ни по чему», т.е. грубых и необразованных администраторов, проявляющих принуждение по любому поводу, понимающих донос как один из необходимых элементов клановых взаимоотношений, а также инструмент возвышения в случае, когда верно угадывается текущая либо грядущая конъюнктура.

Маргинализация в сочетании с определенными привилегиями для «класса-гегемона» и других значимых для номенклатуры слоев сохранила привычный для «разрытого до основания» старого мира институт прислуги, казалось бы, отмененный социальным переворотом. По переписи 1897 г., в России было более 2 млн слуг. В 1923 г. в городах европейской России проживало 220 тыс. представителей прислуги, из которых 63 % были женщинами. Среди городского населения прислуга составляла 4,4 %, в Москве – 7,8 %⁸. В 1929 г. в СССР было 527 тыс., а в 1939 г. – 535 тыс. домработниц, но эти данные считаются сильно заниженными. Профсоюзная статистика от 1934 г. утверждает, что более двух третей нанимателей составляли служащие, а еще около четверти – рабочие. Таким образом, в довоенный период наличие домработниц в советских семьях было очень распространенным явлением городской жизни⁹. Несмотря на свои невысокие зарплаты, горожане могли себе позволить держать прислугу, согласную на символическое жалованье в обмен на городскую прописку и возможность легально жить в благоустроенном жилье.

Возможность даже представителям рабочего класса в 1930-е гг. массово содержать прислугу была противоречивым феноменом, вытекавшим из колоссального разорения деревни и неразвитости социальных услуг в крупнейших городах. Хотя лозунг освобождения пролетариата от любой эксплуатации абсолютно противоречил использованию прислуги, но власти, сами не в силах обходиться без слуг, не только легализовали их в качестве «домашних работниц», но и создали для них профсоюзные организации. Официальная пропаганда представляла труд прислуги как социальный лифт, позволяющий в дальнейшем получить образование и более престижную работу. Точнее будет сказать, что оседание в семьях в качестве домработниц было спасением для голодавших колхозниц, легально обре-

⁷ Alexopoulos G. Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power Culture, and the Limits of Legal Order*. New York, 1997. P. 168–189.

⁸ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1998. С. 51, 62, 70.

⁹ Клоц А.Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. С. 17, 20.

тавших городскую прописку и своей крохотной зарплатой нередко выручавшей и деревенскую родню.

Как отмечают современные авторы, в 1930–1940-х гг. советская маргинальность приобрела системный и устойчиво застойный характер. По сути, основная часть населения находилась в полумаргинальном положении¹⁰, довольно легко – благодаря постоянным политическим извигам и настоящим социальным катастрофам – теряя те немногие экономические и правовые опоры, которые у нее еще оставались. Отметим, что некоторой компенсацией для ограбленных и униженных колхозников-крепостных был 15-кратный рост на продукты питания, зафиксированный на рынках с 1941 по 1943 г. Это привело к появлению маленькой прослойки богатых крестьян, торговавших с громадными наценками, к примеру, медом личных пасек, и затем откупавшихся от налогового внимания государства самолетами и танками, приобретаемыми за свой счет для фронта. Все же подходы к трудовым отношениям со временем менялись, с разной степенью эффективности применялись стимулы для дополнительных производственных свершений, вплоть до относительно успешных попыток героизации труда. А с ростом экономики все больше внимания уделялось материальным стимулам, что позволяло развивать сырьевые труднодоступные регионы, привлекая туда работников с помощью высоких зарплат – компенсацией за бытовые лишения и тяжелые условия труда. Официально поощряемые студенческие стройотряды и неформальные кочевые бригады строителей-шабашников, разрешение частной врачебной и юридической практики, высокие гонорары для творческой интеллигенции позволяли иметь крупные заработки заметному числу работников. Разница официальных минимальных и максимальных зарплат была примерно десятикратной, но в реальности многие шахтеры, золотодобытчики, «шабашники», таксисты, разъездные фотографы, популярные музыкальные исполнители, актеры, писатели и другие имели доходы гораздо выше тех, которые официально считались максимальными.

Все провозглашенные для трудящихся права воплощались в советский период частично либо просто отсутствовали, несмотря на постепенную эволюцию государства к более мягким формам управления. Но трудовые конфликты решались в пользу администрации, и только в послесталинский период не такие уж редкие забастовки обычно позволяли рабочим добиваться исправления наиболее вопиющих недостатков. Очень слабой была охрана труда – и считалось вполне справедливым возмещать работникам вредных производств потерянное здоровье льготами, включая досрочный выход на пенсию. Характерно, что до самого краха СССР самый тяжелый труд нередко доставался женщинам. Но также необходимо отметить, что существенной чертой манипулирования вкладом в общественный котел был процесс постоянного расширения привилегированных контингентов. Новые возможности, открывавшиеся после прекращения террора, резкое повышение уровня жизни и расширение контактов с внешним миром обеспечивали многим активным гражданам невидимые государством доходы.

Всякий труд объявлялся пропагандой одинаково важным для общества, но это было лицемерием. Имелись особо важные занятия, особенно при наличии партийного билета, и, соответственно, менее важные. Труд рабочих считался серьезнее труда и крестьян, и интеллигентов. Но многие люди, лицемерно принимая эту идеологию, считали умственный труд почетнее и стремились к «чистой работе». Экстенсивная плановая экономика, требовавшая увеличения валовых показателей, опиралась на труд прежде всего рабочего класса, квалифицированные и даже неквалифицированные представители которого теперь зарабатывали зачастую гораздо больше, чем служащие, врачи, преподаватели, научные и творческие работники. Так, в позднесоветский период дефицит трудовых ресурсов порождал уродливые формы реагирования на него в виде сохранения на рабочих местах пьяниц и бракоделов, высокую оплату самого неквалифицированного труда в ущерб сложным видам деятельности.

Принцип разрыва между словом и делом рождал многочисленные симулякры: «социалистическая законность» не мешала массовому террору, репрессиям и дискриминациям;

¹⁰ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004. С. 4, 5.

право на жилье – оставлению на улице выпускников многочисленных детдомов и отбывших наказание заключенных; право на труд – запрету на профессии для определенных слоев и даже наций (евреи и немцы не могли поступить во многие престижные вузы, работать в определенных сферах государственного управления даже в позднесоветский период); женская безработица всегда ощущалась как в республиках Кавказа и Средней Азии, так и в семьях офицеров Советской армии. Образование в старших классах средней школы и вузах с 1940 г. в течение полутора десятилетий было платным; для колхозников и многих категорий рабочих отсутствовала свобода передвижения; женщины, лишенные на два десятилетия права на аборт (с 1936 г.), зачастую не могли реализовать себя в трудовой сфере. Пренебрежение правами социально ущемленных слоев было таким устойчивым, что даже в 1980-х гг. пенсия инвалиду детства (20 руб.) была в три с половиной раза меньше минимальной зарплаты (70 руб.), а трудящиеся имели отпуск всего в 15 рабочих дней. Маргинализация постепенно переставала быть такой массовой, как в первые десятилетия существования СССР, оставаясь актуальной для спившихся личностей, ведущих асоциальный образ жизни, криминалитета, нищих бродяг из бывших заключенных, некоторых нацменьшинств (цыган), детдомовцев, инвалидов и пр. Эти категории либо продолжали испытывать дискриминацию со стороны государства (сектанты, диссиденты), либо не замечались им.

Каиновой печатью советского социализма было его криминальное происхождение. Если маргинализация игнорирует и извращает социальную справедливость, то криминализация ее просто взрывает, уродуя весь социум. Криминал лишает жизни, имущества, чести, надежд на лучшее. Размах криминала опирается на маргинализацию и одновременно поощряет ее, легко превращая самую радикальную часть маргиналов в уголовников. Политик, одержимый идеей фикс, не разбирает путей. Отсюда манипулирование, ложь и избыточное насилие как принцип действий. Криминальное насилие запугивает общество, привлекая на верхние позиции его неустойчивую и худшую часть. Идеиная уголовщина коммунистов базировалась на маскируемом демагогией о народном государстве бюрократическом произволе, выступавшем в качестве цели и результата достижения диктаторской власти.

Маргинальность советского общества – неотъемлемая сторона и следствие глубокой привнесенной криминализации, которая, с одной стороны, преследовалась правоохранительной системой коммунистов с целью удержания в узде, а с другой, внедрялась конкретными политическими решениями, обусловленными особой политической культурой тогдашних радикальных социалистов, причем не только большевиков. Еще впитавший гегелевскую идею об «исторических» и «неисторических» народах Ф. Энгельс в начале 1849 г. уверял, подразумевая в основном славян: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом»¹¹. Современник отмечал, что эсер-максималист М.А. Энгельгардт был сторонником массового красного террора, и в своих статьях периода первой русской революции «даже высчитал, что для укрепления социалистического строя в России необходимо уничтожить не менее двенадцати миллионов контрреволюционеров, к которым он причислял кулаков и почти всех казаков, не говоря уже о помещиках, банкирах, фабрикантах и попах»¹².

В начале XX в. появился новый тип террориста – идейного разбойника, легко применяющего откровенный криминал в своей революционной работе¹³. Отсюда оставался легкий шаг к криминалу во имя личных выгод под прикрытием идейности, особенно когда революция победила и произошла полная смена элиты и характера социальных лифтов, а коммунисты получили известный иммунитет от уголовного преследования, обычно невозможного без согласия партийных комитетов. Современная точка зрения на революционное подполье гласит, что оно «было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специ-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. М., 1957. С. 186.

¹² Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 407.

¹³ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 15–19.

фические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров»¹⁴. Эти интересы требовали активно использовать и криминал.

Освобождение социума от моральных запретов было важной задачей большевистских вождей. Интеллектуал А.А. Богданов провозглашал: «Кричат... против экспроприаторов, грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова»¹⁵. Не только И.В. Сталин и Л.Б. Красин были столпами экспроприаций. Будущий глава ВЦИК Я.М. Свердлов весной 1906 г. в Перми лично организовал две оказавшиеся безуспешными попытки ограбления сборщиков винной монополии, когда были убиты сборщик и ямщик, а один из грабителей застрелен¹⁶. После достижения власти моральные принципы еще больше стали определяться где целесообразностью, где произволом, а где просто бесстыдством: Ленин жил в богатом загородном особняке и получал одежду из конфиската от Московской ЧК; голодный период Гражданской войны остался в памяти Троцкого и прочих начальствующих большевиков с привкусом надоевшей красной икры.

Революции 1917 г. были в сильной степени криминальными: освобожденная народная стихия выражала себя и в скачке профессиональной преступности, и в массовых грабежах государственного и личного имущества. Особенно в этом преуспели миллионные массы демобилизованных из армии и дезертиров. Опаснейшим элементом революционной и пореволюционной жизни стали массовые самосуды. Известнейший литературный критик писал, что революционерам было необходимо «иметь силу и смелость дать простор звериному в человеке, где это необходимо, и, где необходимо, сковать сталью и железом...»¹⁷. Совершенно логичным образом многие термины с помощью дискурсивных ухищрений теряли в глазах победителей криминальный оттенок. Грабеж именовался экспроприацией, казнь – высшей мерой социальной защиты, уголовник – «социально близким», массовые убийства – ликвидациями и чистками. Заповедь «не укради» предлагалось заменить «этической формулой» Ленина: «Грабь награбленное», ибо кража «на пользу трудящимся» и по приказу «власти трудящихся» не является преступлением¹⁸.

Большевики как никто, если говорить словами О. Мандельштама, «считали пульс толпы и верили толпе». Они оседлали анархическую стихию разбуженной черни и, хотя сами нередко страдали от ее необузданности, постепенно все более уверенно растравляли и направляли эту разрушительную мощь против бесчисленных врагов своего режима. Для повальной криминализации властных отношений существовал целый ряд благоприятных условий: готовность власти и значительной части общества к применению насилия; постоянные государственный террор и властный произвол; огромный размах военных действий долгой Гражданской войны, когда законы фактически отменялись, наличие чрезвычайных внесудебных органов, контроль над которыми зачастую был символическим. На все это накладывались пренебрежение профессиональными и моральными качествами носителей власти, от которых требовалась прежде всего политическая лояльность, возможность для криминальных элементов не только временно попадать в состав элиты, но и продвигаться в ней, а также общий резкий упадок морали.

Принцип Г.В. Плеханова эпохи первой русской революции «врозь идти, вместе бить» распространился и на покровительственное отношение к уголовному миру, представителей которого пытались использовать и в подполье, и на фронтах, как в Одессе при организации целого бандитского полка во главе с пресловутым Мишкой Япончиком. Возглавлявшая весной 1919 г. Бердянскую уездную ЧК Екатеринославской губернии левая эсерка Н.И. Введенская с симпатией писала об уголовниках-анархистах, к чьей помощи широко прибегало большевистско-эсеровское подполье, и называла лицемерием позднейшую борьбу

¹⁴ Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 118–119.

¹⁵ Гейфман А. Революционный террор в России... С. 216.

¹⁶ Глухих И. Три встречи (Воспоминания о т. Свердлове) // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1: Дни неоконченной борьбы. С. 105–106.

¹⁷ Воронский А. Литературные силуэты // Красная новь. 1922. № 5. С. 256, 257.

¹⁸ Залкинд А. Революция и молодежь. М., 1926. С. 53.

чекистов с уголовниками – бывшими союзниками: «...У них было оружие, они были ловки и смелы и могли выполнить любое поручение комитета... <...> Ведь знала же я, наши политические – кровь от крови и плоть от плоти уголовных. Кто же шел в подполье бесстрашно на все – на экссы и убийства, как не эти же уголовные, под влиянием нашей агитации они только меняли цель своего ремесла»¹⁹. На Дальнем Востоке России красные силовые и партизанские структуры в 1919–1922 гг. достаточно эффективно использовали потенциал зарубежной уголовщины в лице хунхузских шаек, признавая их за революционную силу. Оставшиеся в Приморье две сотни корейских красных партизан в начале 1920-х гг. в селе Шкотово организовали на целине свою коммуны, не скрывая, что в ходе партизанщины разжились крупной суммой в иенах и серебряных юанях и что «кроме этих главных ценностей, было много одежды, тканей, швейных машин»²⁰.

Грабежи РККА и красной партизанщины (особенно в Дальневосточной Республике, где в течение буквально нескольких месяцев бесследно исчезло огромное трофейное имущество разбитой армии атамана Г.М. Семенова, с санкции Амурского обкома РКП(б) миллионами печатались фальшивые китайские банкноты, а десятки тонн золота испарились, оставив невразумительные расписки в советском банке и личные счета местной номенклатуры – в китайском²¹), оголтелое взимание продразверстки продовольственными отрядами и красный террор дополнялись еще таким насильственным феноменом, как красный бандитизм, – стихийным политическим разбоем низовых властей, которые с ведома руководящих работников грабили и убивали тех представителей свергнутых классов, кто после Гражданской войны был амнистирован либо вернулся в родные места будучи беженцем. Подобные расправы, весьма частые в течение всех 1920-х гг., их исполнителями считались воплощением справедливости, понимаемой в качестве мести «эксплуататорам».

Рожденный Гражданской войной принцип милитаризации труда в итоге породил идею внедрения принудительного труда для всех противников режима. Достаточно быстро сформировалась целая подсистема принудительного труда из ГУЛАГа, крестьянской и национальной ссылки, сыгравшая как огромную роль в деформации советского общества, так и в прямом уничтожении миллионов заключенных и ссыльных. При этом в лагерях основная тяжесть и без того невыносимого труда падала на рядовых заключенных («мужиков» и «казаров») при руководящей и паразитической роли блатных. Однако, помимо лагерей, делает вывод А.К. Соколов, было немало сфер жизни, где применялись методы именно принуждения к труду: в колхозах, совхозах, на стройках, заводах и фабриках, в армии, в советских учреждениях. Более того, имело место взаимопроникновение вольнонаемного и принудительного труда, когда заключенные («спецконтингент») трудились на гражданских объектах, и наоборот, формально свободные граждане вынуждены были работать на гулаговских стройках и предприятиях. Неразрывно было связано принуждение и с утверждением сталинской плано-распределительной системы. Плановая подготовка и распределение рабочей силы, мобилизации, оргнабор, распределение и снабжение продуктами, общественные призывы неразрывно связаны с принуждением, хотя последнее может выступать здесь формально как добровольное, а по сути – принудительное²².

Очевидно, что система принуждения к труду также была отрицанием принципа социальной справедливости. Часть ее элементов, от сравнительно мягких до уголовного преследования за тунеядство, сохранялась до самого конца советской эпохи. Все трудовые отношения в сталинском СССР прямо атакывались отрицательными феноменами, порожденными социальным переворотом и его следствиями. Большевики, принципиально

¹⁹ Ермоленко Т.Ф., Морозова О.М. Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. М., 2013. С. 265, 266.

²⁰ За советский Дальний Восток. Владивосток, 1989. Вып. 4: Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке. С. 204–205.

²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп 1. Д. 105. Л. 3–3 об.; Земцов В.С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М., 2017. С. 90, 95, 210.

²² Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 20.

отрицая устойчивость элементарных правовых норм, внедрили, по сути, принцип «плавающей» криминализации. Это означало постоянную смену правил игры на юридическом поле из-за чисто потребительского отношения к законности. «Плавающая» криминализация как отличительный принцип сталинского режима особенно резко проявлялась в периоды обострения репрессий. В эти периоды люди отправлялись на смерть или получали большие сроки заключения за проступки, действия или поведение, которые раньше не подлежали уголовному наказанию или карались сравнительно мягко (хищения колхозного имущества, невозвращенчество из-за границы, проживание без документов, проституция, гомосексуальные отношения, аборт, нарушения трудовой дисциплины и т.д.). А в периоды борьбы с перегибами сами сотрудники карательных органов и частично партийно-советские работники подвергались осуждению не только за эксцессы, но и за вполне рутинные, с точки зрения акторов террора, следственные действия²³.

И здесь примером можно привести не только довольно значительное количество описанных историками суровых приговоров в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в отношении чекистов-«перегибщиков», но и, например, кампанию по восстановлению справедливости в отношении деревенского актива. Избыточность репрессивной практики была отмечена самими властями не только применительно к внесудебным инстанциям – «тройкам» и «двойкам» периода Большого террора. Устоявшаяся в середине 1930-х гг. судебная практика в виде массовых уголовных наказаний за налоговые недоимки и плохую работу в сельском хозяйстве тоже была осознана как вредная. Так, власти Новосибирской области в апреле 1938 г. жестко раскритиковали облпрокуратуру, в которой практически без движения лежали предназначенные к пересмотру дела 24 895 человек, осужденных в 1934–1937 гг. на небольшие сроки заключения – представителей «совхозно-колхозного низового актива» заодно с рядовыми колхозниками. Партийно-государственные верхи, вероятно озабоченные проблемой получения поддержки масс в разгар террора, притом на фоне существенного ухудшения продовольственного снабжения, велели пересмотреть грубо сфабрикованные во время мобилизационных «хозяйственно-политических кампаний» дела. Но прокуроры к весне 1938 г. прекратили дела только на 439 человек, что вызвало требования к ним резко ускорить фактическую реабилитацию пострадавших жителей деревни²⁴. Этот факт дополняет историю самой масштабной советской чистки, подтверждая мнение О.В. Хлевнюка о волнообразности коммунистического террора²⁵, когда после окончания Большого террора власти криминализировали опоздания и прогулы, репрессировав с 1940 по 1956 г. порядка 18 млн человек²⁶, из которых примерно пятая часть прошла через лагерь ГУЛАГа.

Такая «плавающая» криминализация была дополнена и «плавающей» ответственностью за уголовные преступления, которая принципиально зависела как от статуса виновного, так и текущей политической конъюнктуры. Например, упор на борьбу с политической нелояльностью привел к многолетнему ослаблению борьбы с уголовной преступностью. И это при том, что милиция из-за крайнего непрофессионализма и коррупционного разложения была не в состоянии бороться с организованной преступностью и бандитизмом, так что значительную часть этой борьбы, равно как и с должностными преступлениями номенклатуры и экономическими правонарушениями, брали на себя чекисты. Между тем суды зачастую выносили даже за тяжкие преступления против личности наказания, не связанные с лишением свободы. На первом месте было наказание по «политической» ст. 58 УК РСФСР; в 1930 г. в результате такой политики и оказываемого давления на суды 20 % убийц, 31 % насильников, 46 % грабителей и 70 % воров были осуждены к принудительным работам без

²³ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей. М., 2017. С. 349.

²⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 239. Л. 45.

²⁵ Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 71–80.

²⁶ Мамяченков В.Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х – начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. Вып. № 4. С. 173.

содержания под стражей, в то время как осужденные по политическим статьям направлялись в места заключения с более строгим режимом²⁷.

Фактический судебный иммунитет номенклатуры был особенно значим в годы правового произвола и огромной криминализации. Высокая коррумпированность, непрофессионализм милиции и тюремно-лагерной системы приводили к тому, что значительная часть преступников откупалась от преследования и продолжала заниматься уголовным промыслом. С другой стороны, в условиях всевластия высшей номенклатуры многие сфабрикованные дела прекращались по инициативе крупного начальства, которое считало необходимым заступаться и брать на поруки прежде всего видных специалистов и их родственников, арестованных чекистами. Так, высокое должностное положение превращало практически всех видных вождей в адвокатов, способных повлиять на органы ВЧК-НКВД, которые часто были вынуждены соглашаться отпустить тех или иных арестованных или назначить им более мягкое наказание.

Специфической сферой труда была тайная работа на ВЧК-НКВД. Коммунисты внушали, что конспиративная работа на «органы» является важной частью партийных обязанностей. Заведующий пресс-бюро Агитпропа ЦК РКП (б) С.Б. Ингулов в 1924 г. в статье «Партии отдайся весь!» писал, что всякая работа – наркома, красноармейца, «агента ли ГПУ» – одинакова почетна и полезна для партии²⁸. При этом отношение к сексоту было у чекистов чисто потребительским: если он был расшифрован и терял ценность, то его легко делали руководителем сфабрикованной «заговорщицкой организации» и расстреливали, обрубая концы очередного провокационного дела. О репрессивной работе «органов» известно многое, но масштабы провокационной работы еще предстоит оценить. Подозрительное отношение работников карательных органов к национальным кадрам демонстрирует письмо видного казахстанского чекиста Ф.А. Иванова от сентября 1926 г., адресованное партийным лидерам республики Ф. Голощекину и С. Садвокасову и говорящее о широкой и многолетней провокационной работе ОГПУ в отношении казахской номенклатуры: «По линии ГПУ первоочередной операционной работой является собирание ложных материалов на казахских ответработников. Мы практикуем различные способы, специально нанимаем уголовных элементов из казахов или арестовываем конокрадов для получения ложных свидетельских показаний на казахских ответработников, нарочно создаем группировки из казахских влиятельных родоначальников... чтобы побеждать и парализовать казахских работников, искусственно натравливаем одних работников на других, сваливая “вину” с одного на другого и т.д. В силу нашей политики... по линии ГПУ ежегодно десятками убиваем казахских бедняков, чтобы изолировать бедноту и середняков от казахских работников, и если не мы убиваем их непосредственно, то действуем через русских хулиганов. В настоящем году, как и прежде, используем... [агентов] против ответработников, занимающих видные посты, под видом конокрадства, обвиняя последних перед русским населением в руководстве конокрадством; конечно, если кто [подобное] заметит, то сваливаем [тогда] все на русских кулаков, атаманов, казахских родоначальников, фактически в условиях Казахстана приходится ими руководить и использовать против казахских ответработников, т.к. у нас немало русских кулаков и казахских родоначальников, которые, служа агентами, получают огромные деньги и дают солидные материалы на казахских работников. <...> Кроме того, я категорически заявляю, что все вышеизложенное... мною лично практиковалось в мою бытность уполномоченным в Лепсинском уезде и в Джаркендском уезде ныне, поэтому, сомневаясь в правильности этой практики и тактики, прошу Вашего личного совета...»²⁹.

Теневая экономика, с одной стороны, обеспечивала привилегии, по слову Ф. Искандера, «допущенным к столу». С другой стороны, она давала возможности приобрести, пусть и по повышенной цене, остродефицитные товары и услуги. Тяжелые последствия для

²⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник. М., 1999. С. 18.

²⁸ Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999. С. 63.

²⁹ Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. С. 316–317.

граждан создавала коррумпированная система торговли, нормированного снабжения, милиции, всю Великую Отечественную войну игнорировавшую торговлю карточками на рынках. В результате в Нижнем Тагиле, где основная часть работников относилась к привилегированным рабочим оборонных заводов, в 1944 г. 38,2 % умерших значились с диагнозом «авитаминозы и дистрофия». Даже право трудящегося человека на достойные похороны могло отрицаться: в 200-тысячном Магнитогорске в начале 1930-х гг. довольно долго отсутствовало кладбище и все умершие захоранивались в братских могилах³⁰. Частым было и уничтожение достаточно новых захоронений с демонстративной утилизацией памятников, нередким разграблением и самих могил (в Сибири в 1930 г. в поисках золота и серебра разрывали и старые, и свежие могилы священников, чтобы забрать кресты и одежду³¹), или с разрушением в 1932 г. гробницы генерала П. Багратиона на Бородинском поле.

В послесталинский период очевиден размах теневой экономики, преимущественно в сфере услуг. На фоне уравнительного распределения и снабжения выделялись обладатели довольно многочисленных востребованных профессий, чьи тайные заработки позволяли им вести гораздо более материально подкрепленный образ жизни – мясники, таксисты (выгодно продававшие по ночам алкоголь), автослесари, штукатуры-маляры, портные, фотографы и т.д. Помимо торгово-снабженческих работников, обслуживавших всевозможное начальство и «нужных людей», в сфере нелегальной торговли подвизались многочисленные спекулянты дефицитом, нелегально связанные как с магазинами, так и с приезжими иностранцами. Спекулянты валютой и валютные проститутки зарабатывали нередко очень большие средства. Вместе с тем обычные люди, опираясь на ресурсы как официального сервиса, так и черного рынка, могли за доступные для них суммы лечиться у платного врача или найти детям репетитора, пошить модную одежду, отремонтировать бытовую технику и автомобили, обеспечить строительство дачного дома или ремонт квартиры, найти варианты обмена жилплощади. Государство, оставляя на крайне низком уровне многие пенсии и пособия, активно боролось со спекуляцией, что вызывало одобрение основной части общества, дорожившего идеей жизни в справедливо устроенном мире развитого социализма.

Принципы презумпции виновности, судебного иммунитета для коммунистов, избыточная репрессивность, плавающая криминализация, общий правовой нигилизм – эти архаические правовые конструкты навязывали сословно-зависимый и внеправовой облик всему обществу. В СССР мы видим государственную инструментализацию принципа социальной справедливости, превращение его из благородной цели доступности материальных и социальных благ для всех просто в средство достижения частного государственного интереса. Вынужденная следовать за извращениями политики партии социальная справедливость очень часто фактически отрицалась. Особенно этому способствовало принуждение к труду для всех категорий граждан на основе его милитаризации и организации огромной и многолетней подсистемы принудительного труда. Для пролетариата это означало прикрепление к предприятию и зависимость от администрации, для сельских жителей – репрессивное раскрестьянивание, для интеллигенции – обязанность обслуживать идеологические потребности государства при запугивании ее безработицей, лагерем/ссылкой и тюремной «шарашкой», принуждением голосовать за разоблачения и расстрелы, читать и писать только разрешенные книги, подвергаться поношению («гнилая интеллигенция» и т.п.) за невосторженный образ мыслей.

Массовая маргинализация делала неустойчивым все общество, в котором десятилетиями люди недоедали (а десятки тысяч во время голодоморов спаслись страшной ценой, питаясь трупами умерших родственников), жили в коммуналках, бараках и землянках, лишались работы по политическим обвинениям, существовали в условиях тяжелого физического труда и скверной экологии, причем не смели заявить о своих правах под угрозой тяжких репрессий. И если маргинализация в период позднего социализма очень сильно сократилась, то феномен массовой криминализации оказался очень живучим, поскольку закрепился во

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 367. Л. 65 об.

³¹ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 144. Л. 85 об.; Ф. П-175. Оп. 1. Д. 69. Л. 159–161.

всех слоях населения. Вседозволенность чиновников часто превращала их в жестоких преступников, но и многие слои общества тоже криминализировались, нередко только чтобы выжить. Компенсируя низкие зарплаты, трудящиеся «приватизировали» на рабочих местах все что могли, так что в последние советские десятилетия лиц, таскавших с производства нужные в хозяйстве вещи, именовали максимально корректно – не ворами, а несунами. Правовой нигилизм сочетался с желанием компенсировать неполученное от государства, что делало хищения в глазах многих советских людей допустимым методом получения недоданного. И до сих пор россияне недолюбливают маргинальную часть населения, но к криминалитету относятся сравнительно лояльно. Маргинализация и криминализации по-советски сформировали очень деформированный социум, неспособный эффективно защищать свои права и по-прежнему относящийся к власти с недоверием и страхом. Вместе с тем те слои, кто отрицал социальную справедливость по-советски, смогли вписаться в рыночные условия, но придав им черты, не говорившие о цивилизованности и социальной ответственности.

Литература

Борисова Л.В. «Принудительная ускоренная самоорганизация рабочего класса»: дискуссия о принципах организации труда в Советской России в 1920 г. // Вестник РУДН. 2010. № 3. С. 41–53.

Воронский А. Литературные силуэты // Красная новь. 1922. № 5. С. 254–275.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.

Глухих И. Три встречи (Воспоминания о т. Свердлове) // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1: Дни неоконченной борьбы. С. 104–107.

Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М.: Политиздат, 1989. 255 с.

Ермоленко Т.Ф., Морозова О.М. Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. М., 2013. 357 с.

Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1998. 175 с.

За советский Дальний Восток. Владивосток, 1989. Вып. 4: Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке / науч. ред. Б.И. Мухачев. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 428 с.

Залкинд А. Революция и молодежь. М.: Издание Коммунистич. ун-та им. Свердлова, 1926. 140 с.

Земцов В.С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М.: Граница, 2017. 445 с.

Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 13–26.

Ильюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.

Клоц А.Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. 27 с.

Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. 448 с.

Мамяченков В.Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х – начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. Вып. № 4. С. 168–187.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, М.С. Саламатова и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. 762 с.

Наше Отечество. Ч. II / сост. С.В. Кулешов, О.В. Волобуев и др. М.: Терра, 1991. 620 с.

Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск: НГАВТ, 1999. 138 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1997. 270 с.

Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.: Земля и фабрика, 1929. 548 с.

Рылов В.Ю. По ленинскому пути: к вопросу о становлении советской системы принудительного труда // Исторические записки. Воронеж, 2010. Вып. 14. С. 64–103.

Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей / сост. М. Юнге и др. М., 2017. С. 269–368.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1999. 600 с.

Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 17–66.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 71–80.

Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: ВШЭ, 2016. 128 с.

Alexopoulos G. Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power Culture, and the Limits of Legal Order* / ed. by P.H. Solomon, Jr. Armonk. New York, 1997. P. 168–189.

References

Alexopoulos, G. (1997). Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia. In *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power Culture, and the Limits of Legal Order*. New York, pp. 168–189.

Borisova, L.V. (2010). "Prinuditel'naya uskorennaya samoorganizatsiya rabocheho klassa": diskussiya o printsipakh organizatsii truda v Sovetskoy Rossii v 1920 g. ["Forced Accelerated Self-Organization of the Working Class": Discussion on State Labor Organs in Soviet Russia in 1920]. In *Vestnik RUDN*. No. 3, pp. 41–53.

Davidovich, V.E. (1989). *Sotsial'naya spravedlivost': ideal i printsip deyatel'nosti* [Social Justice: Ideal and Principle of Activity]. Moscow, Politizdat. 255 p.

Edel'man, O. (2016). *Stalin, Koba i Soso. Molodoy Stalin v istoricheskikh istochnikakh* [Stalin, Koba and Soso. Young Stalin in Historical Sources]. Moscow, High School of Economics. 128 p.

Ermolenko, T.F., Morozova, O.M. (2013). *Pogony i budenovki: Grazhdanskaya voyna glazami belykh ofitserov i krasnoarmeytsev* [Shoulder Straps and Budyonovka: Civil War Through the Eyes of White Officers and Red Army Men]. Moscow. 357 p.

Geyfman, A. (1997). *Revolutsionnyy terror v Rossii. 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia. 1894–1917]. Moscow, Kron-Press. 448 p.

Gluhih, I. (1923). Tri vstrechi (Vospominaniya o t. Sverdlove) [Three Meetings (Memories of Comrade Sverdlov)]. In *Bor'ba za vlast'*. Vol. 1: Dni neokonchennoy bor'by. Perm', pp. 104–107.

Hlevnyuk, O.V. (2017). Stalinskiy period sovetskoy istorii. Istoriograficheskie tendentsii i nereshennyye problemy [Stalinist Period of Soviet History. Historiographic Trends and Unresolved Issues]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 71–80.

Il'yuhov, A.A. (2010). *Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid: The Policy of the Soviet Government in the Field of Wages in 1917–1941]. Moscow, ROSSPEN. 415 p.

Kloc, A.R. (2012). *Domashnyaya prisluga kak sotsial'nyy fenomen epokhi stalinizma* [Domestic Servants as a Social Phenomenon of the Stalinist Era], Cand. Hist. Sci. Diss. Abstract. Chelyabinsk. 27 p

Koygeldiev, M.K. (2009). *Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-kh godov* [Stalinism and Repressions in Kazakhstan in the 1920s–1940s]. Almaty. 448 p.

Krasilnikov, S.A., Pystina, L.I., Salamatova, M.S. (Comp.). (2004). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s)]. Novosibirsk, Siberian Chronograph. 456 p.

Kuleshov, S.V., Volobuev, O.V. (1991). *Nashe Otechestvo*. [Our Fatherland]. Vol. II. Moscow, Terra. 620 p.

Mamyachenkov, V.N. (2017). *Politika sovetskogo gosudarstva v sfere trudovykh otnosheniy v 1940-kh – nachale 1950-kh gg.: kak zastavit' lyudey rabotat'?* (na materialakh Sverdlovskoy oblasti) [The Policy of the Soviet State in the Field of Labor Relations in the 1940s – Early 1950s: How to Make People Work? (On the Materials of the Sverdlovsk Region)]. In *Nauchnyy dialog*. Iss. 4, pp. 168–179.

Marks, K., Engel's, F. (1957). Soch. 2-e izd. T. 6 [Compositions]. Vol. 6. Moscow. 762 p.

Mukhachev, B.I. (Ed.). (1989). *Za sovetskiy Dal'niy Vostok. Vladivostok. Vyp. 4: Ocherki i vospominaniya o grazhdanskoy voyne na Dal'nem Vostoke* [For the Soviet Far East. Iss. 4: Essays and Memories of the Civil War in the Far East]. Vladivostok, Far Eastern Book Publishing House. 428 p.

Olek, G.L. (1999). *Krovnye uzy. RKP(b) i CHK/GPU v pervoy polovine 1920-kh gg.: mekhanizm vzaimootnosheniy* [Blood Ties. RCP(b) and the Cheka/GPU in the First Half of the 1920s: The Mechanism of Relations]. Novosibirsk, NGAVT. 138 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [War Communism in Russia: Power and the Masses]. Moscow, Rus. knigoizd. tovarishstvo-Khistry. 270 p.

Posse, V.A. (1929). *Moy zhiznennyi put'. Dorevolutsionnyy period (1864–1917)* [My Life Path. Pre-Revolutionary Period (1864–1917)]. Moscow, Land and factory. 548 p.

Rylov, V.Yu. (2010). *Po leninskomu puti: k voprosu o stanovlenii sovetskoy sistemy prinuditel'nogo truda* [Along the Leninist Path: To the Question of the Formation of the Soviet System of Forced Labor]. In *Istoricheskie zapiski*. Voronezh. Iss. 14, pp. 64–103.

Savin, A., Teplyakov, A. (2017). “Chistka chistil'shchikov” kak instrument distsiplinirovaniya NKVD. Sotrudniki UNKVD po Odesskoy oblasti na skam'e podsudimyykh, 1939–1943 gg. [“Purge of Cleaners” as a Tool for Discipline of the NKVD. Employees of the UNKVD for the Odessa Region in the Dock, 1939–1943]. In *Chekisty na skam'e podsudimyykh*. Moscow, pp. 269–368.

Smirnov, M.B. (Comp.). (1999). *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR 1923–1960. Spravochnik* [The System of Corrective Labor Camps in the USSR 1923–1960. Directory]. Moscow, Zven'ya. 600 p.

Sokolov, A.K. (2008). *Prinuzhdenie k trudu v sovetskoy ekonomike: 1930-e – seredina 1950-kh gg.* [Forced Labor in the Soviet Economy: 1930s–mid-1950s]. In *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda*. Moscow, ROSSPEN, pp. 17–66.

Sokolov, A.K. (2000). *Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov)* [Soviet Policy in the Field of Motivation and Stimulation of Labor (1917 – mid-1930s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Iss. 4. Moscow, pp. 39–80.

Voronskiy, A. (1922). *Literaturnye siluety* [Literary Silhouettes]. In *Krasnaya nov'*. No. 5, pp. 254–275.

Zalkind, A. (1926). *Revolutsiya i molodezh'* [Revolution and Youth]. Moscow, Edition of the Communist. un-ta im. Sverdlov. 140 p.

Zaslavskaya, T.I. (1986). *Chelovecheskiy faktor razvitiya ekonomiki i sotsial'naya spravedlivost'* [The Human Factor in Economic Development and Social Justice]. In *Kommunist*. No. 13, pp. 13–26.

Zemtsov, V.S. (2017). *DVR i volochaevskie dni Vasiliya Blyukhera* [Far Eastern Republic and Volochaev Days of Vasily Blucher]. Moscow, Border. 445 p.

Zhiromskaya, V.B. (1998). *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg. Problemy sotsial'noy struktury* [Soviet City in 1921–1925. Problems of Social Structure]. Moscow, Nauka. 175 p.

А.И. Савин*

ОТ ЗВАНИЯ «ГЕРОЙ ТРУДА»
К ЗВАНИЮ «ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА»
К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОМ ПОощРЕНИИ
ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
В НАЧАЛЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-5
УДК 323; 37.035.4

Выходные данные для цитирования:

Савин А.И. От звания «Герой Труда» к званию «Герой Социалистического Труда». К вопросу о моральном поощрении трудовой деятельности в Советской России в начале 1920-х – первой половине 1930-х годов // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 65–77. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-05.pdf>

A.I. Savin*

FROM THE “HERO OF LABOUR”
TO THE “HERO OF SOCIALIST LABOUR”.
THE MORAL INCENTIVES OF LABOUR ACTIVITY IN SOVIET
RUSSIA IN THE EARLY 1920S – FIRST HALF OF THE 1930S

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-5

How to cite:

Savin A.I. From the “Hero of Labour” to the “Hero of Socialist Labour”. The Moral Incentives of Labour Activity in Soviet Russia in the Early 1920s – First Half of the 1930s // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 65–77. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-05.pdf>]

Abstract. The article analyzes the moral incentives as one of the main ways of non-economic motivation to work in Soviet Russia in the early 1920s – first half of 1930s. Based on archive sources, the author reconstructs the history of origin, use and transformation of the title “Hero of Labor” as a highest honorary title that was awarded to the Soviet workers in 1921–1938. The transition of national economy to a commercial economy in the years of the New Economic Policy has turned the labor heroism into an anachronism. As a result, the heroisation of labour and the development of the cult of heroes took place in the 1920s on an extremely modest scale - the history of awarding the title “Hero of Labor” clearly illustrates it. The main condition for awarding the title for at least 35 years of work experience led to the fact that the title of “Hero of Labor” was reserved mainly for “tired heroes” – pensioners and people with disabilities. With the large-scale celebration of the successes of the first five-year plans, the all-union glorification of young heroes of labour - Stakhanovites, as well as the introduction of new orders and medals of the USSR, the title “Hero of Labor” became an obsolete element of the award system and was abolished. The title “Hero of Socialist Labour”, which was introduced in December 1938, inherited from the “old” award only its title.

Keywords: RSFSR, workers, labour, moral incentives, new economic policy, Hero of Labour, social welfare.

The article has been received by the editor on 30.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется роль морального поощрения как одного из главных способов внеэкономической мотивации к труду в Советской России в начале 1920-х – первой половине 1930-х гг. На основании архивных источников автор реконструировал историю возникновения, бытования и трансформации звания «Герой

* **Андрей Иванович Савин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Andrey Ivanovich Savin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Труда» как высшего почетного звания, которое присваивалось советским трудящимся в 1921–1938 гг. Сделан вывод о том, что переход народного хозяйства на коммерческие основы в годы нэпа превратил трудовой героизм в анахронизм. В результате героизация труда и создание культа героев осуществлялись в 1920-е гг. в крайне скромных масштабах. Это наглядно доказывает история награждения званием «Герой Труда». Основное условие присвоения звания в виде рабочего стажа не менее 35 лет привело к тому, что звание «Герой Труда» оказалось зарезервировано преимущественно для награждения «усталых героев» – пенсионеров и инвалидов. В условиях широкомасштабного празднования успехов первых пятилеток, всесоюзной глорификации молодых героев труда – стахановцев, а также учреждения новых орденов и медалей СССР звание «Героя Труда» превратилось в устаревший элемент наградной системы и было упразднено. Звание «Герой Социалистического Труда», учрежденное в декабре 1938 г., унаследовало от «старого» звания только титул.

Ключевые слова: РСФСР, рабочие, труд, моральные стимулы, новая экономическая политика, герой труда, социальное попечение.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022 г.

Вопрос о действенных внеэкономических методах мотивации труда был одним из ключевых вопросов советской цивилизации. Весь опыт мировой истории демонстрировал, что таких механизмов существует только два: принуждение и моральное поощрение, «кнут и пряник»¹. Большевики уже в годы революции и Гражданской войны приобрели солидный опыт репрессивного принуждения к труду. Всеобщая трудовая повинность, введенная в начале 1920 г., являлась не только инструментом преодоления хаоса и анархии на производстве, она также отвечала военно-коммунистическим представлениям большевиков, грезивших о великих «армиях труда». По мере милитаризации труда в ходе Гражданской войны эти грезы стали реальностью: трудовая повинность превратилась фактически в воинскую, а из лиц, мобилизованных на «трудовой фронт», стали формироваться трудовые армии и военизированные рабочие отряды².

Наряду с насильственным принуждением, являвшимся в годы военного коммунизма главным способом мотивации к труду, большевики тогда же начали осваивать техники морального стимулирования в виде героизации труда и прославления трудящейся массы. Особый упор делался на трудовом героизме как неотъемлемой черте сознательного пролетариата. В качестве образца беззаветного героического труда пролетариата широко пропагандировались коммунистические субботники³.

После отказа от военного коммунизма и введения нэпа насильственное принуждение к труду уступило место материальному и моральному стимулированию. По логике вещей, минимизация насильственного принуждения должна была привести в годы нэпа к усилению практик и стратегий морального поощрения к труду. Среди моральных стимулов самыми действенными традиционно является героизация труда за счет формирования персональных героических культов, которые в свою очередь создаются в результате появления «официальных» героев, чей геройский статус подтверждается государством путем награждения орденом (медалью) или присвоения почетного звания.

Настоящая статья призвана ответить на вопрос, что на самом деле происходило в сфере морального стимулирования к труду в Советской России в начале 1920-х – первой половине

¹ См., например, публикации, подготовленные в начале 2000-х гг. в рамках совместного российско-голландского проекта «Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861–2000 гг.».

² Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80.

³ Ленин В.И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 1–29.

1930-х гг. Для этого будет реконструирована история возникновения, бытования и трансформации звания «Герой Труда» как высшего почетного звания, которое присваивалось советским трудящимся в 1921–1938 гг. Реконструкция была предпринята в общем контексте советской государственной наградной политики. Источниками для написания статьи послужили главным образом документы специальной комиссии при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению ходатайств о присвоении звания «Героя Труда» (1927–1937), а также ее преемницы – комиссии при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению ходатайств о присвоении почетных званий РСФСР (1937–1938)⁴.

Нэповская действительность, которая пришла на смену «героическому периоду российской революции», оставляла не так много места подвигу. Нэп по праву можно расценивать как постгероическую эпоху, время выживания, восстановления и реконструкции, не испытывавшее особой потребности в героизме и героях. Реакция коммунистической элиты на нэп как на время отступления и декаданса была ярко охарактеризована внимательным наблюдателем событий, выдающимся немецким философом и писателем Вальтером Беньямином: «Поколение, прошедшее гражданскую войну, стареет, если не от времени, то от испытанного напряжения. Похоже, что стабилизация внесла и в их жизнь спокойствие, порой даже апатию <...> Команда “стоп”, которую партия вдруг дала военному коммунизму, введя нэп, была серьезнейшим ударом, сбившим с ног многих бойцов партийного движения. Тысячи сдали тогда партбилеты. <...> Траур по Ленину для большевиков одновременно и траур по героическому коммунизму»⁵.

Реалии новой экономической политики породили целое социальное явление – в ранне-советском обществе появились «усталые герои», которые нередко на фоне полученных ран и увечий, неустроенности быта, не сумев справиться со своим разочарованием, кончали жизнь самоубийством. Один из таких «усталых героев», перед тем как свести счеты с жизнью в небольшом сибирском городке Каинске, писал в предсмертной записке 16 декабря 1921 г.: «За период гражданской войны мне пришлось быть на трех фронтах и ежеминутно быть под смертью, и все это казалось простой шуткой, я знал и верил, что победа будет на стороне пролетариата, и в действительности все это так, буржуазия подавлена, но что в награждение. Первый раз был на Восточном фронте в направлении Белебея и Уфы, где получил от контузии расстройство нервов, затем в мае месяце 1919 г. был переброшен на Южный фронт в направлении Царицына, где был ранен, и последняя болезнь контузии в левый бок и правое ухо. Из всего перечисленного мною я стал неспособен к умственному и физическому труду. Мысль о самоубийстве возникла у меня давно, я пробовал бороться с нею, лечился, хотел восстановить свою прежнюю силу, но не мог... Читая эту записку прошу не осуждать по следующим причинам: человек отдал все для Революции, остался калекой на всю жизнь, не заслуживает осуждения. Но кто смотрит на жизнь шире, тот может сообразить, что пролетарскому обществу нужны не мы, калеки, – ему нужны свежие, здоровые, хорошо развитые, понимающие идею борьбы. Людям, которые не приносят пользы Государству, нет места в пролетарском обществе»⁶.

В.С. Тяжельникова, специально исследовавшая проблему суицида в 1920-е гг., так объясняла этот феномен: «Коммунист, прошедший войны и революции, бесстрашно строчивший из пулемета, не мог понять новой советской действительности с буржуазией, ресторанами и танцами. Но и изменить ее он тоже не мог – борьба закончилась, стрелять в буржуев никто не приказывал. Оставалось стрелять в себя, как генералу, проигравшему сражение, потерявшему армию и бессильному что-либо изменить»⁷. Практически все случаи суицида в коммунистической среде сопровождались плохим состоянием здоровья, неврастением, издерганностью и измотанностью, которые усугублялись бытовыми

⁴ Документы обеих комиссий выявлены нами в ГАРФ, в фонде 1235 (ВЦИК).

⁵ Беньямин В. Московский дневник. М., 2012. С. 211.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 160. Л. 41.

⁷ Тяжельникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158–173.

проблемами: ветераны Гражданской войны часто оказывались безработными и бедствовали⁸.

С «усталыми» героями в нэповском обществе органично соседствовали «скромные герои». Именно так большевистское руководство Новониколаевской губернии охарактеризовало знаменитого сибирского партизана П.Е. Щетинкина в памятном адресе, врученном ему в пятилетнюю годовщину создания Красной армии. Хотя адрес начинался с обращения «Герою революционной классовой борьбы», в тексте Щетинкина эгалитаристски приветствовали лишь «как одного из многих тысяч скромных героев Красной армии, отдавших свои силы служению классовым интересам пролетариата»⁹. Это же обращение – «скромные герои» – нередко применялось в почетных грамотах, которыми местные профсоюзы награждали рабочих за трудовые достижения.

Истинными героями нэповской эпохи стали люди, которые не имели ничего общего ни с «усталыми», ни со «скромными» героями. В. Беньямин так характеризовал их в своем «московском» дневнике: «Я слышал о людях, которые платят больше трех миллионов рублей налогов. Они являются антиподами героев военного коммунизма, героическими нэпманами»¹⁰.

В полном соответствии с духом постгероического нэпа, на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г., которое дублировало соответствующий приказ Реввоенсовета СССР, были прекращены представления к награждению орденом Красного Знамени за подвиги, совершенные в период до 1 января 1923 г. Руководствуясь этим постановлением, Президиумы ВЦИК и ЦИК СССР регулярно отклоняли во второй половине 1920-х гг. и даже в начале 1930-х гг. ходатайства отдельных лиц и органов власти о награждении бывших участников Гражданской войны, невзирая на то, что в числе представляемых к наградам нередко оказывались руководители партии и советского государства. Редкие рутинные награждения, а также две юбилейные награжденные кампании – к 10-летию Октябрьской революции и к 10-летию РККА, в ходе которых все же производились награждения орденом Красного Знамени ограниченного круга лиц, не могли кардинальным образом изменить ситуацию в сфере героизации общества.

Переход народного хозяйства на коммерческие основы, где материальное стимулирование стало главным средством повышения производительности труда, превратил трудовой героизм в анахронизм. Тем не менее «антигероический» дух нэпа не означал, что в эти годы власть не пыталась организовать поощрение и прославление «героев труда». Как отмечает А.К. Соколов, «рабочие откликались на пропагандистские призывы, проявляли энтузиазм в деле восстановления разрушенной экономики, но после многих лет трудностей и разорения добиться проявлений трудового героизма было нелегко, хотя поощрение трудовой активности и субботников продолжалось»¹¹. Очевидно, здесь в первую очередь следует говорить о децентрализации практик «делания героев», когда инициатором и главной награждающей инстанцией выступали местные органы власти. Соответствующими были и награды – премии и ценные подарки в виде мануфактуры, часов, продуктов и т.п., почетные адреса и грамоты.

Например, в июне 1921 г. газета «Советская Сибирь» сообщала: «Отделом нормирования труда Омского губпрофсовета выдано вознаграждение рабочему Механическо-Литейного завода Павловскому за полезное применение на заводе сверлильного станка. Выдано также двум товарищам текстильщикам по отрезу сукна как героям труда»¹². Иногда награждение происходило с большей помпой. Например, 25 июня 1921 г., после пуска в эксплуа-

⁸ Согласно данным ЦСУ ВСНХ, в 1922 г. в СССР было зарегистрировано 2 599 случаев суицида, в 1923 г. – 4 408, в 1924 г. – 5 118 и в 1925 г. – 6 303. Доля коммунистов среди самоубийц была непропорционально высока и составляла в 1925 г. как минимум 7 %, в то время как их доля от всего населения в возрасте от 18 до 60 лет составляла на декабрь 1926 г. всего 0,98 %. См.: Тяжельникова В.С. Самоубийства коммунистов... С. 160–161.

⁹ П.Е. Щетинкин (1884–1927). Материалы к биографии. Новосибирск, 2021. С. 122.

¹⁰ Беньямин В. Московский дневник... С. 103.

¹¹ Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда... С. 39–80.

¹² Советская Сибирь. 1921. 29 июня. № 132.

тацию крупной мельницы в с. Бердск под Новониколаевском, состоялось чествование рабочих с угощением в присутствии председателя Сибирского промышленного бюро ВСНХ А.П. Брыкова. Героям были преподнесены подарки: «Старику Ефимову Ивану Яковлевичу, плотинному мастеру, проработавшему на мельнице непрерывно 49 лет, от имени Сибревкома тов. Брыковым были подарены серебряные часы. Всем героям труда – тов. Ефимову Г.Я., Утемову В.Н., Щербакову Ф.Ф. – были сделаны подарки и общее чествование аплодисментами и криками ура»¹³. Однако часы, отрезки сукна и крики «ура» были слишком слабым основанием для создания героического культа.

С моральным поощрением трудящихся на всероссийском уровне дело обстояло ненамного лучше. Насколько мало внимания в годы нэпа большевики уделяли делу героизации труда посредством создания культа героев, свидетельствует судьба ордена Трудового Красного Знамени РСФСР. Этот орден был учрежден в соответствии с постановлением VIII Всероссийского съезда Советов от 23–29 декабря 1920 г. об «установлении» ордена Трудового Красного Знамени. Правила награждения регулировались декретами ВЦИК от 24 марта 1921 г. «О порядке награждения орденом Трудового Красного Знамени» и от 1 февраля 1923 г. «О порядке направления ходатайств о награждении орденом Трудового Красного Знамени». Однако полноценной наградой этот знак отличия так и не стал, так как награждения им были крайне редки: согласно данным секретариата Президиума ВЦИК от 20 марта 1928 г., «награжденных орденом Трудового Красного Знамени по РСФСР, как коллективов, так и персонально с 25 апреля 1921 г. по сие время всего значится 124» – 34 коллектива и 90 человек¹⁴. Кроме того, награждение орденом не влекло тогда за собой каких-либо льгот и преимуществ. В результате этот полузабытый орден фактически был учрежден заново на сломе нэпа в сентябре 1928 г. уже как орден СССР.

Главная попытка героизации людей труда в годы нэпа была связана с присвоением звания «Героя Труда». Впервые официальное звание «Герой Труда» было учреждено в январе 1921 г. Всероссийским центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) для поощрения лиц, особо отличившихся в восстановлении народного хозяйства, разрушенного Гражданской войной. До учреждения в конце 1928 г. ордена Трудового Красного Знамени и в 1930 г. – орденов Ленина и Красной Звезды, звание «Героя Труда» являлось фактически единственным официальным отличием для морального поощрения трудовых достижений. Первыми «Героями Труда» стали весной 1921 г. около 250 московских и питерских рабочих. Ходатайства о присвоении звания выносили собрания рабочих коллективов, решение о награждении принимали профессиональные союзы, награждаемым вручались грамоты и ценные подарки. Нагрудные знаки для награжденных не предусматривались, тем не менее ряд профсоюзов и комиссариатов ввел ведомственные знаки отличия¹⁵.

Как происходило чествование «Героев Труда» в начале 1920-х гг., описал в своем дневнике А.В. Орешников, выдающийся специалист по русской и античной нумизматике, один из старейших сотрудников Исторического музея и будущий член-корреспондент АН СССР. 23 октября 1922 г. 67-летний Орешников записал в дневнике: «В Музее 8 ноября будут чествовать “героев труда”, которых оказалось 6 человек, в числе их и я; чтобы попасть в “герои”, необходимо прослужить не менее 25 лет». В ходе подготовки к чествованию каждому из будущих «героев труда» был заказан золотой брелок с надписью, готовились приветственные адреса, а 6 ноября 1922 г. на здании Исторического музея был вывешен лозунг: «Российский Исторический музей. Привет вам, герои труда. Наука всегда вам готова [прийти] на помощь». Само чествование началось около 19 часов 8 ноября: «героев труда» посадили лицом к публике, зачитали им адреса, вслед за этим последовало музыкальное отделение – «участвовали пьянистки, декламаторы и певцы из студии Художественного театра с прекрасными голосами». Все «герои труда» получили в подарок по пуду белой

¹³ Советская сибирь. 1921. 1 июля. № 134.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 136. Д. 10. Л. 1.

¹⁵ Лазарев С.Е. Герой Труда // Россия в Гражданской войне 1918–1922. Т. 2. М., 2021. С. 547.

муки, два фунта сахара, пару сапог, золотой брелок и серебряный стакан, причем Орешникову вместо стакана подарили чайный сервиз¹⁶.

Вопрос, в какой степени в случае со званием «Героя Труда» можно говорить об эффекте, который Г. Мюнклер назвал «нарративно-литературным удвоением» героя¹⁷, остается открытым. Речь здесь идет о той роли, которую средства массовой информации, в первую очередь газеты, радио, кинематограф и литература, сыграли в деле канонизации героев труда и создании героического мифа, без чего немислимо возникновение героического культа. В случае, описанном А.В. Орешниковым, действительно была проделана определенная работа по прославлению свежееиспеченных героев: их дважды снимали на фото (первая фотография не удалась), а у самого Орешникова редактор журнала «Среди коллекционеров» И.И. Лазаревский просил согласия, чтобы известный художник Юрий Анненков нарисовал его портрет, однако Орешников от портретирования отказался¹⁸. Судя по строкам стихотворения М.И. Цветаевой «Герой Труда», написанного в 1925 г., введение звания «Герой Труда» и появление особой «героической» группы населения не осталось незамеченным в обществе: «Строй, не только бросивший – в гимне – лозунг: “Владыкой мира станет труд”, но как Бонапарт – орден героев чести, основавший – орден героев труда». Сообщения о присвоении звания «Героя Труда» регулярно публиковала в 1920-е гг. газета «Известия», а также местная пресса.

В июле 1927 г. произошло переформатирование звания «Героя Труда» с целью повышения его престижности – теперь было учреждено государственное звание, которое присваивалось лицам, проявившим выдающиеся заслуги на «трудовом фронте». К сожалению, в нашем распоряжении не имеется документов, которые содержали бы статистические данные, характеризующую динамику численности присвоения звания «Героя Труда» в 1921 – первой половине 1927 гг., а также сведения о том, трудящимся из каких отраслей экономики или социальных групп и в каком объеме присваивалось звание в эти годы. Скорее всего, эти документы следует искать в фондах Центральных комитетов профессиональных союзов во главе с ВЦСПС в Российском государственном архиве экономики.

Однако можно высказать обоснованное предположение, что в 1927–1938 гг. в своих основных чертах была воспроизведена матрица присвоения звания «Героя Труда» образца 1921 – первой половины 1927 г. Преемственность между «профсоюзным» и государственным званием «Герой Труда» не вызывает сомнения – об этом в первую очередь свидетельствует сохранение ведущей роли профсоюзов в деле выдвижения кандидатур, а также повторение основных требований к кандидатам: длительный рабочий стаж в сочетании с активной общественной деятельностью, рационализаторством и изобретательством.

Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1927 г., звание «Героя Труда» присваивалось лицам, имевшим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы и проработавшим по найму не менее 35 лет. Звание «Героя Труда» было связано с целым рядом льгот в виде привилегированной высокой пенсии в размере 3/4 полного заработка, а в тех случаях, когда герой труда продолжал работать по найму, ему выплачивалась половина означенной пенсии. Кроме того, герой труда освобождался от подоходного налога (при доходе до 6 тыс. руб.), сумма пенсии не подлежала обложению единым сельскохозяйственным налогом, а если герой труда входил в состав крестьянского хозяйства, то единый сельскохозяйственный налог уплачивался хозяйством со скидкой в размере 20 %. В случае смерти награжденного значительная часть его пенсии выплачивалась членам семьи, находившимся на иждивении героя.

Звание «Героя Труда» присваивалось постановлением Президиума ЦИК СССР или Президиума центрального исполнительного комитета союзной республики по представ-

¹⁶ Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. Кн. 1. 1915–1924. М., 2010. URL: <https://prozhito.org/note/154047>; <https://prozhito.org/note/154063>.

¹⁷ Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. Bd. 61 (2007) H. 8/9. S. 742–752.

¹⁸ Орешников А.В. Дневник. 1915–1933. Кн. 1... URL: <https://prozhito.org/note/154077>

лению Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов или Совета профессиональных союзов соответствующей союзной республики. Ходатайство о присвоении звания возбуждалось перед соответствующим союзом профессиональных союзов по постановлению пленума губернского, окружного (или соответствующего) совета профессиональных союзов или по инициативе государственных органов и общественных организаций. Согласно постановлению, звание «Героя Труда» могло также присваиваться военнослужащим РККА. Награжденным вручалась грамота примерно следующего содержания: «Президиум ВЦИК, отмечая Вашу выдающуюся деятельность <...> выразившуюся в <...> а также учитывая ваш [...] -летний трудовой стаж – награждает Вас званием Героя Труда»¹⁹.

В РСФСР во второй половине 1927 г. была создана Комиссия при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению дел о присвоении звания «Героя Труда», которая действовала под председательством известного большевика И.И. Кутузова (члена ЦК РКП(б) и кандидата в члены Оргбюро ЦК в 1921–1922 гг.) в составе представителя ЦК Медсантруд, члена ВЦИК Е.И. Авдеевой, ВСНХ – И.П. Ерасова, Наркомтруда – Романова и Наркомсобеса – И.Ф. Салова²⁰. Периодически в первой половине 1930-х гг. в протоколах фигурирует также название «наградная комиссия при Президиуме ВЦИК», которая под председательством все того же Кутузова наряду с присвоением звания «Героя Труда» также рассматривала вопросы о награждении орденами. В этой связи можно предположить, что речь идет о двух названиях одной и той же комиссии, когда наградная комиссия при Президиуме ВЦИК периодически выступала в качестве Комиссии по предварительному рассмотрению дел о присвоении звания «Героя Труда».

Имеющиеся в нашем распоряжении отчеты о работе Комиссии за 1930–1937 гг. дают некоторое представление как о масштабах деятельности Комиссии, так и основных проблемах, связанных с присвоением звания «Герой Труда». Всего за 1930–1931 гг. в Комиссию поступило 423 ходатайства (соответственно 218 и 205), из них была удовлетворена ровно треть – 139. За 1930 г. звание получили 64 чел., из них 57 мужчин и 7 женщин. По профессиональной принадлежности речь шла о 45 рабочих, 5 представителях инженерно-технического персонала, 5 учителях, 3 представителях административного персонала и 6 медиках. 56 человек были беспартийными, 8 – членами ВКП(б). В 1931 г. звание «Герой Труда» получили 75 человек, из них 72 мужчины и 3 женщины, в том числе 56 рабочих, 5 представителей инженерно-технического персонала, 3 представителя административного персонала, 9 человек – медики и еще 2 человека – других специальностей. 55 человек были беспартийными, 20 – членами ВКП(б)²¹.

За 1933 г. звание «Героя Труда» получили 94 человека. Кроме того, в 1933 г. в связи с десятилетием освобождения Дальнего Востока от интервентов по рекомендации Комиссии Президиум ВЦИК наградил 48 человек ценными подарками. В 1934 г. «Героями Труда» стали 107 чел., в 1935 – 56 чел.²² В 1936 г. 52 чел. получили звание «Героя Труда», еще 15 дел было направлено в Наркомсобес на предмет повышения пенсии²³. Например, геройское звание было присвоено в 1936 г. железнодорожнику А.П. Степанченку, который за время работы на КВЖД «неоднократно подвергался репрессиям со стороны японско-маньчжурских властей», принимал активное участие в революционном движении, имел ряд рационализаторских предложений. Еще один свежееиспеченный «Герой Труда», бывший красный партизан Р.Я. Лесов, был осужден за революционную деятельность в Эстонии на 10 лет, являлся рационализатором, стахановцем и наставником молодежи, в его честь был назван теплоход «Кузнец Лесов». Под руководством консультанта Н.В. Мельникова, также

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 101. Инструкция ВЦСПС «О порядке возбуждения просьб о присвоении звания героя труда» была опубликована в газете «Труд» от 1 октября 1927 г., № 224.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 9. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 1–3.

²² Там же. Оп. 136. Д. 1. Л. 63.

²³ Там же. Л. 42–43.

удостоенного геройского звания, завод «Серп и Молот» освоил выпуск трамвайных крестовин, а также производство авиационных сталей, ранее ввозившихся из-за границы²⁴.

Более детальное представление о модусе деятельности Комиссии можно составить на основании анализа протоколов ее заседаний. Например, на заседании от 19 июня 1937 г. Комиссия рассмотрела 42 ходатайства различных профессиональных союзов о присвоении звания «Героя Труда». Комиссия поддержала ходатайства о присвоении звания «Героя Труда» шести кандидатам: архитектору И.П. Машкову, слесарю-механику С.В. Пивоварову, начальнику механического цеха И.И. Долбежкину, мастеру-токару Г.М. Чернышеву, мастеру кузнечного цеха И.Г. Теревяйнену и мастеру орудийного завода Н.Г. Кудрявцеву. Еще семь ходатайств было направлено в Наркомсобес «на предмет рассмотрения об увеличении пенсии». 21 ходатайство Комиссия отклонила со стандартной формулировкой «за неимением особых заслуг, предусмотренных законодательством о Героях Труда, вопрос на рассмотрение Президиума ВЦИК не вносить». Особый интерес среди отклоненных представляют ходатайства ранее награжденных лиц. Члены комиссии придерживались стремительно устаревавших взглядов и считали неэтичным повторное награждение. Таких «пострадавших» в тот день оказалось двое: начальник цеха И.Р. Родионов, награжденный персональной легковой машиной наркомом тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе, и инженер Ф.Ф. Курсков, который не только получил в 1934 г. легковой автомобиль от Орджоникидзе, но и был награжден в 1931 г. орденом Трудового Красного Знамени. 15 ходатайств были отложены для дополнительного рассмотрения, часть из была направлена на заключение по принадлежности – народным комиссарам просвещения А.С. Бубнову и пищевой промышленности А.И. Микояну²⁵.

Всего же за время с января 1928 г. по январь 1937 г. звание «Героя Труда» было присвоено 918 лицам, еще 180 человек удостоились почетных грамот ВЦИК. У Комиссии в январе 1937 г. имелись данные о распределении награжденных по отраслям промышленности в отношении 236 человек из 918. Если считать эту выборку репрезентативной, то чаще всего звание присваивалось железнодорожникам – около 20 % (46 чел.), судостроителям – около 16 % (38 чел.) и машиностроителям – около 12 % (28 чел.). Далее следовали работники здравоохранения – около 10 % (24 чел.) и просвещения – около 8,5 % (20 чел.).

Что же касается основных проблем, связанных с присвоением звания «Герой Труда», то их было три. Во-первых, речь шла о плохом предварительном отборе кандидатов. Если до 1931 г. ходатайства о присвоении звания «Героя Труда» поступали в Президиум ВЦИК исключительно от ВЦСПС, то начиная с 1931 г. в роли ходатаев стали также выступать республиканские, краевые и областные советы профсоюзов, что усложнило работу Комиссии, поскольку на местах, как считала сама Комиссия, «недостаточно серьезно подходят к вопросу ходатайств о присвоении звания Героя Труда», плохо обосновывают и не прорабатывают кандидатуры, «часто ходатайствуют о людях, давно порвавших связь с производством», кандидатуры выдвигаются «кабинетным порядком, не обсуждаются на общих собраниях» и т.п.²⁶ В большинстве ходатайств отсутствовали сведения о рационализаторских предложениях, не указывался экономический эффект этих предложений, зачастую отсутствовали данные о рабочем стаже, не прилагались характеристики об общественной, революционной и производственной деятельности. В итоге Комиссия была вынуждена сама производить дополнительные изыскания. Так, проверка революционной деятельности кандидатов проводилась путем запросов в Центральный Архив Революции, а также в адрес местных советских организаций. Нередко Комиссия обнаруживала элементарные приписки. Так, ЦК союза рабочих хлопчатобумажной промышленности указал в своем ходатайстве в 1936 г. о присвоении звания «Героя Труда» мастеру Я.П. Бурмистрову, что тот имеет 22 рационализаторских предложения, которые экономят государству в год десятки тысяч рублей.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 9. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 9–16.

²⁶ Там же.

При проверке выяснилось, что кандидат имел только три рационализаторских предложения с суммарной годовой экономией тысяча рублей²⁷.

Во-вторых, Комиссия указывала на то, что местные органы власти не используют присвоение звания «Герой Труда» «в интересах политически-воспитательной работы», объясняя это тем, что профсоюзы в лице фабзавкомов и месткомов фактически монополизировали процесс выдвижения кандидатур, в то время как общественные организации и исполкомы местных советов «в деле разработки ходатайств о присвоении звания Героя Труда никакого участия не принимают»²⁸. На самом деле ВЦСПС еще 9 апреля 1929 г. издал циркуляр «О привлечении широких рабочих масс к обсуждению кандидатур, представляемых к званию Героя Труда», согласно которому «кандидатуры, представляемые к награждению званием Героя Труда, должны обязательно получать оценку общих собраний рабочих и служащих»²⁹. Но, судя по жалобам Комиссии, роль общественности в выдвижении кандидатур по-прежнему оставалась минимальной.

Не совсем также ясно, в какой степени осуществлялась глорификация лиц, которым было присвоено звание «Героев Труда». В конце 1932 г. Наградная комиссия при Президиуме ВЦИК рекомендовала утвердить порядок вручения орденов Трудового Красного Знамени РСФСР и грамот «Героев Труда», в соответствии с которым вручение наград должно было производиться представителями ЦИК АССР, краевых и областных исполкомов совместно с представителями профсоюзных организаций на общих собраниях работников предприятий или учреждений, где работает награжденный, или на заседаниях соответствующих исполкомов и горсоветов³⁰.

В-третьих, «ахиллесовой пятой» в деле присвоения геройского звания было требование тридцатипятилетнего рабочего стажа³¹, унаследованное от «профсоюзного» звания. Ценз в размере 35 лет автоматически исключал из числа награждаемых людей молодого и среднего возраста, какой бы грандиозный трудовой подвиг они ни совершили. В результате целевой группой звания «Героя Труда» являлись лица пожилого возраста в районе 60 лет и старше, нередко были случаи, когда рабочий стаж награжденных составлял 40 лет и больше. Соответственно, среди кандидатов преобладали пенсионеры и инвалиды, которые в первую очередь были заинтересованы в улучшении своего материального положения. Это хорошо осознавали в том числе члены Комиссии, которые в январе 1937 г. констатировали, что среди ходатайств «превалировал материальный момент – назначение или увеличение пенсии»³². Фактически в случае с присвоением звания «Героя Труда» речь шла не столько о героизации общества, сколько о социальном обеспечении заслуженных пенсионеров. Трудовые свершения большинства из них остались в далеком прошлом и являлись не самым лучшим «героическим образцом» для молодежи.

Кроме того, все факты, служившие обоснованием для возбуждения ходатайства о присвоении звания, должны были подтверждаться документально, что означало соревнование между кандидатами не столько в степени геройства их заслуг, сколько в бюрократических навыках собирания бумаг. Иногда собирание бумаг и рассмотрение ходатайства могло занять два-три года. В.В. Розов, претендовавший на присвоение звания «Героя Труда» как зачинатель русского автомобилизма и один из основателей первого российского аэроклуба, писал 6 ноября 1927 г. М.И. Калинин: «Бьюсь уже второй год как рыба об лед. Остается единственный путь – обратиться непосредственно во ВЦИК. Помогите, дед, старику-железнодорожнику. Вели, Иваныч, рассмотреть вопрос о признании моих заслуг на право Героя

²⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 9. Л. 32–36.

²⁸ Там же. Оп. 141. Д. 9. Л. 1–3.

²⁹ Там же. Оп. 136. Д. 7. Л. 2–3.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 183.

³¹ В постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. оговаривалось, что «в исключительных случаях звание Героя Труда может быть присвоено лицам со стажем менее 35 лет», но эта оговорка, очевидно, редко применялась и не могла спасти ситуацию. Если верить мемуарам А.В. Орешникова, то для того чтобы претендовать на получение звания «Героя Труда», до 1927 г. было достаточно иметь стаж в размере 25 лет.

³² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 9. Л. 1–3.

Труда <...> Сделай такую милость ко дню 10-летия юбилея [революции], без этого мне придется погибать»³³. В записке, приложенной к письму, кто-то из работников ВЦИКа констатировал: «Ввиду преклонного возраста гр. Розова, 60 лет, и тяжелой болезни, необходимы решительные меры, дабы решение по его делу состоялось при его жизни»³⁴.

Если в последние годы нэпа и первые годы «социалистической реконструкции» такое положение дел еще могло быть терпимым, то в условиях ширококомасштабного празднования успехов первых пятилеток, появления новой генерации молодых героев труда – стахановцев и их всесоюзной глорификации звание «Героя Труда» все больше и больше выглядело анахронизмом, в то время как грамота «Героя Труда» по своему престижу капитально уступала новым советским орденам.

Точно так же все более неприемлемым становился эгалитарный подход в деле присвоения звания «Героя Труда», унаследованный от нэповского времени. При соблюдении основных требований к кандидатурам звание «Героя Труда» иногда присваивалось даже грузчикам, кладовщикам, дворникам и уборщицам. При этом героичность их трудовых свершений вызывала все больше сомнений. Например, акушерке Татьяне Осиповне Барр звание «Героя Труда» было присвоено 15 января 1930 г. В грамоте ВЦИК, подписанной М.И. Калининым, говорилось, что звание присваивается ей за то, что «на протяжении более 40-летней акушерской работы <...> Вы неустанно были активной общественницей в борьбе с социально-опасными аномалиями, обращая многих женщин на путь трудовых занятий»³⁵. Как следует из протокола Комиссии о предварительном рассмотрении ходатайств о присвоении звания «Героя Труда» от 5 мая 1929 г., Т.О. Барр проработала 38 лет из 42 в сифилитическом отделении для проституток знаменитой Калининской больницы. По ее инициативе падшие женщины получали возможность приобрести «трудовые навыки» кройки и шитья, Барр обучала их грамоте, организовывала приюты и оказывала благотворительную помощь в виде одежды и денежного пособия для женщин, покидавших больницу, защищая от содержательниц притонов и снабжая в случае необходимости билетами для возвращения на родину³⁶. Ее коллеги в своем выдвижении на звание «Героя Труда» писали в декабре 1928 г.: «Если имя доктора Гааза стало нарицательным как имя доктора для бедных больных, то с именем Т.О. Барр можно связать наименование истинного бескорыстного друга несчастных женщин и детей, ставших жертвой общественной развращенности»³⁷. Судя по всему, Барр действительно была выдающимся социальным работником в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде в конце XIX – первой трети XX в., однако ее трудно представить равной в блестящей плеяде стахановцев.

Первой «ласточкой» грядущей радикальной трансформации звания «Героя Труда» стала ликвидация Комиссии по предварительному рассмотрению дел о присвоении звания «Героя Труда» при Президиуме ВЦИК. Соответствующее постановление было принято Президиумом ВЦИК 20 июля 1937 г. Взамен была образована Комиссия по предварительному рассмотрению вопросов о присвоении почетных званий РСФСР, к которой также перешли функции Комиссии при Президиуме ВЦИК по присвоению званий народного артиста РСФСР, заслуженного деятеля науки, техники и искусства.

Реорганизация привела в первую очередь к персональному изменению в составе обновленной комиссии. С марта 1935 г. в состав «старой» Комиссии под председательством И.И. Кутузова входили И.А. Ноговицын (Наркомсобес), Г.А. Афанасьев (нач. 10-го Управления по начсоставу НКО), Н.Н. Зимин (зам. наркома путей сообщения), Е.И. Авдеева (ЦК Медсантруд), З.С. Островский (и.о. зав. секретариатом ВЦИК), Ю.П. Фигатнер (нач. сектора труда НКТП), Р.П. Эйдемман (председатель Совета Осоавиахима), Н.А. Милютин (Наркомпрос), А.П. Фокина (работница завода «Красный богатырь», член ВЦИК), Федорова

³³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 152. Л. 11.

³⁴ Там же. Л. 12.

³⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 292. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 5–8.

³⁷ Там же. Л. 12.

(работница фабрики «Парижская коммуна», член ВЦИК)³⁸. Новую Комиссию возглавил секретарь ВЦИК и член Президиума ВЦИК А.С. Киселев, в ее состав вошли заведующий Организационным отделом ВЦИК Н.Ф. Новиков (зам. председателя), глава Детской комиссии при Президиуме ВЦИК, бывший нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, нарком просвещения А.С. Бубнов, член ВЦИК, представитель Комитета по делам искусств при СНК СССР Я.О. Боярский, представитель ВЦСПС М.Н. Куркина, член Президиума ВЦИК А.В. Артюхина, а также представитель Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР С.А. Новиков. В этом составе Комиссия существовала недолго. Уже в октябре 1937 г. из ее состава были выведены Н.Ф. Новиков и А.С. Киселев, которые к тому времени были арестованы³⁹. Вскоре вслед за ними последовал А.С. Бубнов. 10 октября 1937 г. новым председателем Комиссии была утверждена старая большевичка А.В. Артюхина, которая на тот момент возглавляла ЦК профсоюза рабочих хлопчатобумажной промышленности. В качестве секретаря в состав Комиссии был введен С.И. Петренко.

Свежеиспеченная Комиссия по-прежнему рассматривала ходатайства наркоматов и ЦК профессиональных союзов о присвоении звания «Героя Труда», а также различных почетных званий РСФСР, и в свою очередь ходатайствовала перед ВЦИК о присвоении такого рода званий. Комиссия собиралась с октября 1937 г. по сентябрь 1938 г. раз в полтора-два месяца, на одном заседании рассматривались ходатайства в среднем на 20 человек. В обязательном порядке на ее заседаниях должны были также присутствовать представители народных комиссариатов, центральных профсоюзных организаций и центральных учреждений СССР, а также краевых и областных исполкомов, которые поддерживали соответствующие ходатайства. В феврале 1938 г. prerogatives Комиссии были серьезно урезаны: если до этого члены Комиссии фактически единолично решали вопросы о присвоении почетных званий (с последующим утверждением Президиумом ВЦИКа), то с этого времени вопросы о присвоении всех почетных званий, за исключением звания «Героя Труда» и «Заслуженного артиста РСФСР», выносились на предварительное рассмотрение «директивных» органов. То, что Президиуму ВЦИК оставили право самостоятельно присваивать звание «Героя Труда», также свидетельствовало о девальвации этого звания в глазах партийно-политического руководства СССР.

Анализ протоколов заседаний Комиссии после ее реорганизации показывает, что порядок присвоения звания «Героя Труда» ни на йоту не изменился. Так, на заседании Комиссии от 13 октября 1937 г. было одобрено шесть ходатайств, звание «Героя Труда» было предварительно присвоено врачу С.Э. Волькенштейну, мастеру доменного цеха М.М. Андриянову, химику А.Ф. Воробьеву, машинисту Р.А. Алешину, директору столовой Е.А. Курочкиной и учительнице Е.А. Заморенко. Мотив социального обеспечения по-прежнему занимал существенное место в работе Комиссии: в случае отклонения ходатайства о присвоении звания «Героя Труда» традиционно нередко принималось решение «материал направить в Наркомсобес на предмет назначения персональной пенсии» в размере 300 руб. На заседании 13 октября 1937 г. такое решение было принято в отношении еще шести кандидатур. Остальных кандидатов отвели, используя стандартную формулировку: «ввиду отсутствия особых заслуг, предусмотренных законодательством о Героях Труда, вопрос на рассмотрение Президиума ВЦИК не вносить». По-прежнему кандидатуры отводились также в том случае, если кандидат был уже награжден ранее. 13 октября 1937 г. Комиссия отказалась удовлетворить ходатайство ЦК Союза рабочих железных дорог Юга о присвоении звания «Героя Труда» бывшему машинисту, инвалиду М.Г. Хутинаеву, «учитывая, что за имеющиеся революционные заслуги т. Хутинаев награжден орденом Красного Знамени»⁴⁰.

Всего с 1 июля 1937 г. по 1 июля 1938 г. на рассмотрение Комиссии поступило 276 дел, из них 111 – о присвоении звания «Герой Труда», 101 – звания заслуженного или народного артиста РСФСР, 43 – заслуженного деятеля науки и техники и 21 – звания заслуженного

³⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 1. Л. 2.

³⁹ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 12–16.

деятеля искусства. Комиссия рассмотрела 66 ходатайств о присвоении звания «Герой Труда», из них удовлетворила всего 14 (21,2 %); 62 ходатайства о присвоении звания заслуженного или народного артиста, из них удовлетворила 52 (83,9 %); 13 ходатайств о присвоении звания заслуженного деятеля искусств, из них поддержала 9 (69,2 %); 27 ходатайств о присвоении звания заслуженного деятеля науки и техники, из них удовлетворила 12 (44 %). Еще 95 дел были отправлены на дополнительное оформление, 13 дел Комиссия планировала рассмотреть в ближайшее время⁴¹. К сентябрю 1938 г. Комиссия прекратила свою работу. Всего за 1928–1938 гг. звания «Герой Труда» в РСФСР было удостоено, по нашим подсчетам, около 950 человек⁴².

Решение прекратить присвоение звания «Героя Труда» было принято в сентябре 1938 г. Очевидно, то обстоятельство, что это звание было недоступно для молодых сталинских героев из-за непреодолимого барьера в виде 35-летнего рабочего стажа и требований рационализаторской и изобретательской деятельности, совершенно перестало к этому времени устраивать власть. Фактически звание оказалось зарезервировано для награждения «усталых героев», став всего лишь элементом советской собесовской системы. С этим же был неразрывно связан «пенсионный», «старческий» имидж звания. Сталину с его планом учреждения обновленного звания «Героя Социалистического Труда» как высшей советской награды в области хозяйственного и культурного строительства от «старого» звания был нужен только титул, все остальные положения бесследно исчезли из статута нового звания. Первым Героем Социалистического Труда, как известно, спустя год после учреждения звания, в декабре 1939 г., стал сам Сталин, подтвердив таким образом высочайший уровень новой награды. За 1939–1940 гг. звание Героя Социалистического Труда было присвоено всего лишь 11 раз⁴³. Герои Труда образца 1927–1938 гг. абсолютно ничего не выиграли от реэвалюации звания, их даже не подумали уравнивать в звании с новыми Героями Социалистического Труда, на них не распространялись соответствующие льготы. На фоне прославления новых сталинских героев звание «Героя Труда» было предано забвению как анахронизм декадансного нэпа.

Литература

Балязин В.Н., Казакевич А.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А. Символы, святыни и награды Российской державы. М.: Олма-Пресс, 2005. 336 с.

Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 2012. 264 с.

Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 3. С. 132–157.

Лазарев С.Е. Герой Труда // Россия в Гражданской войне 1918–1922. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2021. С. 547.

Ленин В.И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 1–29.

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2010. Кн. 1. 1915–1924. 659 с. URL: <https://prozhito.org/note/154047>

П.Е. Щетинкин (1884–1927). Материалы к биографии / под ред. С.А. Лукашева, Д.Г. Симонова. Новосибирск, 2021. 200 с.

Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80.

Тяжельникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158–173.

Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. Hg. von K.-H. Bohrer und Kurt Scheel. Bd. 61 (2007) H. 8/9. S. 742–752.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 4. Л. 82–83.

⁴² В литературе приводится также цифра 1014 человек. См.: Балязин В.Н., Казакевич А.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А. Символы, святыни и награды Российской державы. М., 2005. С. 287.

⁴³ Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 3. С. 134.

References

Balyazin, V.N., Kazakevich, A.N., Kuznetsov, A.A., Soboleva, N.A. (2005). *Simvol, svyatyni i nagrody Rossiyskoy derzhavy* [Symbols, Shrines and Awards of the Russian State]. Moscow, Olma-Press. 336 p.

Ben'yamin, V. (2012). *Moskovskiy dnevnik* [The Moscow Diary]. Moscow, Ad Marginem. 264 p.

(1998). Dannye o kolichestve nagrazhdeniy ordenami i medalyami SSSR za period 1918–1964 gg. [Data on the Number of Awarding with Orders and Medals of the USSR for the Period of 1918–1964 Years]. In *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiyskoy Federatsii*. No. 3, pp. 132–157.

Lazarev, S.E. (2021). *Geroy Truda* [Hero of Labor]. In *Rossiya v Grazhdanskoy voyne 1918–1922*. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN, p. 547.

Lenin, V.I. (1970). Velikiy pochin. O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu “kommunisticheskikh subbotnikov” [The Great Cause. On the Heroism of the Workers in the Rear. On “communist subbotniks”]. In *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, Vol. 39, pp. 1–29.

Lukashev, S.A., Simonov D.G. (Ed.). (2021). *P.E. Shchetinkin (1884–1927). Materialy k biografii* [P.E. Shchetinkin (1884–1927). Materials for Biography]. Novosibirsk. 200 p.

Münkler, H. (2007). Heroische und postheroische Gesellschaften In *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*. Hg. von K.-H. Bohrer und Kurt Scheel. Bd. 61. H. 8/9, pp. 742–752.

Oreshnikov, A.V. (2010). Dnevnik. 1915–1933. V 2-kh kn. [Diary. 1915–1933. In 2 Vol.]. Otv. red. P.G. Gaidukov. Kn. 1. 1915–1924. Moscow, Nauka. 659 p. Available at: URL: <https://prozhito.org/note/154047>.

Sokolov, A.K. (2000). Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov) [Soviet Policy in the Field of Motivation and Stimulation of Labor (1917 – mid-1930s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Vyp. 4. Moscow, pp. 39–80.

Tyazhel'nikova, V.S. (1998). Samoubiystva kommunistov v 1920-e gody [Suicide of Communists in the 1920s]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 158–173.

А.А. Кожаева*

**ТРУД КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
В ПРАВАХ И ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ПО-СОВЕТСКИ (1926–1936 ГОДЫ)
(НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-6
УДК 94(47+57).084*Выходные данные для цитирования:**Кожаева А.А. Труд как основание для восстановления в правах и инструмент социализации по-советски (1926–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 78–89. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-06.pdf>*

A.A. Kozhaeva*

**LABOR AS A BASIS FOR THE RESTORATION
OF RIGHTS AND A TOOL OF SOCIALIZATION
IN THE SOVIET WAY (1926–1936)
(BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-6

*How to cite:**Kozhaeva A.A. Labor as a Basis for the Restoration of Rights and a Tool of Socialization in the Soviet Way (1926–1936) (Based on the Materials of Western Siberia) // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 78–89. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-06.pdf>]*

Abstract. In the Constitution of the Russian Soviet Federative Socialist Republic from 1918, labor was proclaimed the duty of citizens. The idea of compulsory labor activity became central in the context of Soviet state building. In order to ensure control over groups of the population that are potentially alien to the Soviet government (former, merchants and entrepreneurs, clergymen, etc.), categories of persons deprived of voting rights were enshrined in the said Constitution. By 1926, the system of deprivation was formalized, and labor became the main basis for the restoration of rights. The article is devoted to the study of the labor adaptation of the deprived, which was indicated in their ego documents. Based on the analysis of petitions for the restoration of the rights of the deprived of Novosibirsk, as well as the Maslyaninsky and Iskitimsky districts of Western Siberia, the portrait of the deprived in the sphere of labor is reconstructed. According to the author, the work was not only the basis for the restoration of rights, but also an argument given by the deprived to prove their loyalty to the authorities. In addition, the article provides a justification for the fact that selective discrimination significantly affected the employment of deprived. Groups of deprived are identified depending on the impact of legal discrimination on their work history.

Keywords: deprived, social and legal discrimination, marginality, labor adaptation, Siberia, USSR.

The article has been received by the editor on 25.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В Конституции РСФСР 1918 г. труд был провозглашен обязанностью граждан. Идея обязательности трудовой деятельности становилась центральной в контексте советского государственного строительства. С целью обеспечения контроля над потенциально чуждыми советскому правительству группами населения («бывшими», торговцами и предпринимателями, священнослужителями и пр.) в указанной

* **Альбина Алексеевна Кожаева**, магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru
Albina Alekseevna Kozhaeva, Master's Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Конституции определялись категории лиц, лишённые избирательных прав. К 1926 г. система «лишенчества» оформилась, а труд стал главным основанием для восстановления в правах. Статья посвящена исследованию трудовой адаптации «лишенцев», которая указывалась в их эго-документах. На основе анализа ходатайств о восстановлении в правах «лишенцев» Новосибирска, а также Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири реконструирован портрет «лишенца» в сфере труда. Дано обоснование, что труд являлся не только основанием для восстановления в правах, но и важным аргументом «лишенцев» для доказательства их лояльности к власти. Выявлено, каким образом избирательная дискриминация влияла на структуру занятости «лишенцев». Выделены группы «лишенцев» в зависимости от возможностей преодолеть дискриминацию в сфере труда.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, трудовая адаптация, маргинальность, Сибирь, СССР.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022 г.

10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов была принята Конституция РСФСР, в которой закреплялись представления большевиков о государственном устройстве. Среди многих впервые введенных в текст Основного закона государства принципов, оказавших длительное воздействие на институты власти и общество в целом, становилась обязательность труда для всех граждан. В статье 18 содержалось следующее положение: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся, да не ест!”»¹. Труд тем самым объявлялся прежде всего обязанностью, а только затем правом трудящихся.

Цель введения трудовой обязанности объяснялась Лениным в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность»². Тем самым требовалось определить «паразитические слои». С этой целью в статье 65 Конституции РСФСР устанавливались категории лиц, лишавшихся избирательных прав³. Кроме того, статья 23 Конституции предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции»⁴. Столь широкая формулировка фактически открыла ресурс для произвольного толкования государственной электоральной политики представителями местных органов власти.

На положение «лишенцев» влияли различные факторы (обстановка внутри страны и за ее пределами, позиции руководителей партии и пр.), на основе которых определялись принципы и приоритеты государственной социальной политики. Именно поэтому со второй половины 1920-х гг. дискриминационные меры большевистского правительства стали

¹ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 23 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 24.

² Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 3 (16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 316.

³ В статье 65 Конституции РСФСР определялось семь категорий «лишенцев»: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором. См. подробнее: Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

⁴ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 23 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 24.

принимать более жесткие формы. Избирательные инструкции о выборах в городские и сельские советы отражали трансформацию проводимой властью политики в отношении «лишенцев». Так, в Инструкции 1925 г. было законодательно закреплено лишение избирательных прав категории «членов семей лиц, лишенных избирательного права»⁵, а согласно Инструкции 1926 г. лишению избирательных прав подлежали также бывшие белые офицеры⁶. Свертывание либерализации экономики на фоне сельскохозяйственных кризисов 1925–1926 гг., а также последующая политика государства по ликвидации «эксплуаторских классов» привели к стремительному росту количества «лишенцев» и ограничений в различных сферах их жизни.

Рамки кампании «лишенчества» не ограничивались исключительно потерей «лишенцами» права избирать и быть избранными. Как отмечает американский историк-советолог Шейла Фицпатрик: «фактически во всех советских учреждениях 20-х годов практиковалась та или иная форма классового дискриминации: наибольшее предпочтение отдавалось пролетариям, наименьшее – лицам, лишенным избирательных прав, и представителям различных “буржуазных” групп»⁷. Сопутствующие ограничения выходили за рамки избирательного права, ограничивая «лишенцев» в повседневной социальной жизни. «Лишенцы» теряли работу, их выгоняли из колхозов, конфисковывали имущество и выселяли из муниципальных квартир. Повзрослевшие дети «лишенцев» не могли служить в регулярной Красной армии, взамен этого они подлежали призыву на три года в части тылового ополчения, кроме того, они не могли обучаться в вузах и техникумах. Количество таких ограничений достигало более десяти, однако самой существенной из них являлась трудовая дискриминация. Тем самым избавление от совокупных дискриминационных практик вынуждало «лишенцев» всеми способами бороться за восстановление в избирательных правах.

Порядок восстановления в избирательных правах, так же как и сама кампания «лишенчества», претерпевал существенные изменения. Впервые право на восстановление в правах получили категории «эксплуаторов», предпринимателей и торговцев в 1922 г. Для правового восстановления требовалось предоставить удостоверение от фабрично-заводских комитетов о прекращении занятий, ставших основанием для лишения в правах⁸. В Инструкции 1925 г. фиксировался схожий порядок восстановления: «лишенцы», желавшие восстановиться в избирательных правах, должны были предоставить удостоверения о занимаемой должности и удостоверение совета или административных органов с информацией о том, что «указанные лица в настоящее время живут на средства, добываемые личным трудом, и не эксплуатируют чужого труда»⁹. Однако в 1926 г., согласно новой Инструкции, «лишенцам», желавшим добиться восстановления, недостаточно было прекратить свою прежнюю деятельность, теперь необходимым условием снятия дискриминации становилось наличие пятилетнего занятия «производительным или общественно-полезным трудом»¹⁰. Выполнение данного условия зачастую было невозможно, поскольку на практике для большинства «лишенцев» реализация права на такого рода формы труда была затруднена, либо полностью блокировалась.

Трудовой аспект кампании «лишенчества» редко присутствует в работах историков и правоведов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что исследования, посвященные «лишенцам», долгое время оставались за рамками специальных исследований и рассматривались лишь в связи с идеей о «трудовом перевоспитании представителей эксплуататорских

⁵ СУ РСФСР 1930 г. № 19. Ст. 212.

⁶ Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (4 ноября 1926 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства Отдел 1. 26 ноября 1926. № 75. Ст. 577. С. 885–899.

⁷ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет Советского периода: антология. Самара, 2001. С. 134.

⁸ Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 120.

⁹ СУ РСФСР 1930 г. № 19. Ст. 212.

¹⁰ Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (4 ноября 1926 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства Отдел 1. 26 ноября 1926. № 75. Ст. 577. С. 885–899.

классов»¹¹. С конца 1980-х гг. механизм кампании «лишенчества» и региональные особенности осуществления дискриминационной практики стали темами специальных исторических исследований¹². Однако при значительном количестве работ по данной тематике все еще ощущаем недостаток работ, посвященных дискриминационным ограничениям и тактикам борьбы «лишенцев» за восстановление в избирательных правах. Исследователи не обращались к противоречиям государственной политики в сфере труда, так как дискурс, исходящий от самих «лишенцев», редко присутствует в исторических исследованиях.

Задачи автора состоят в том, чтобы на основе анализа ходатайств о восстановлении в правах реконструировать портрет «лишенца» в сфере труда, а затем оценить возможность трудовой адаптации «лишенцев»¹³ в советском социуме. Источниковой базой исследования являются хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области ходатайства «лишенцев». Для реализации поставленных задач привлекаются ходатайства от 318 «лишенцев» Новосибирска¹⁴, а также ходатайства сельских «лишенцев» из Искитимского (Бердского) (132 «лишенца») и Маслянинского (Никоновского) (171 «лишенец») районов. Отметим, что к группе источников под названием «ходатайства» нами отнесены заявления, жалобы, ходатайства и биографии «лишенцев», которые объединены понятием «ходатайства».

Государство, вводя в текст Инструкции 1926 г. обязательность для восстановления в правах наличия пятилетнего трудового стажа, пыталось унифицировать процедурную сторону данного процесса. «Лишенцы» же должны были подтвердить трудовой стаж документально.

Следует отметить, что не все дискриминационные ограничения оказывались закреплены юридически. В реальности политика местных властей, нацеленная на уничтожение «классового врага», беспрерывно расширяла распространявшиеся на «лишенцев» ограничения: конфискацию имущества, высылку, лишение продовольствия, запрет на застройку и пр. Судебные, налоговые и жилищные ведомства неуклонно следовали принципам «классового правосудия», жестоко карая «социально-чуждых»¹⁷. Однако тем самым практика расширения дискриминаций, приводившая к росту социальной напряженности, вынудила власть обратиться к ее упорядочению лишь к весне 1930 г. после многочисленных донесений о массовых волнениях среди крестьян на местах, где социально-правовые дискриминации указывались в качестве одной из причин протестов¹⁸. 1 марта 1930 г. Секретарь Президиума Центрального исполнительного комитета СССР А.С. Енукидзе адресовал

¹¹ Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960; Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

¹² См., например: Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; и др.

¹³ Автор понимает под трудовой адаптацией процесс приспособления лиц, лишенных избирательных прав, к сформировавшейся в СССР системе труда.

¹⁴ ГАО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

¹⁵ ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1.

¹⁶ Там же. Ф. Р-449. Оп. 1.

¹⁷ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 143.

¹⁸ См., например: Рапорт командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Белова наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову о выступлении крестьян против хлебозаготовок в станице Махошевской Майкопского округа. 2 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 94–98; Справка Информационного отдела ОГПУ о массовом выступлении в деревне Новая Чукалы Буинского кантона Татарии. 24 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 140–141; Справка Информационного отдела ОГПУ о противодействии кулачества коллективизации на Украине по материалам на 20 января 1930 г. 31 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 156–158; и др.

И.В. Сталину докладную записку, в которой в качестве одной из проблем политики «лишенчества» выделял «дополнительное поражение в правах лишенцев»¹⁹. Он отмечал, что дополнением к лишению избирательных прав является исключение из профсоюзов, лишение права состоять в сельскохозяйственных кооперациях (колхозах) и невозможность занятия руководящих должностей в органах потребительской кооперации. В записке акцентировалось внимание на том, что «никаких дополнительных правопоражений по отношению к лишенцам закон не знает»²⁰.

Трудовая дискриминация также не была официально узаконенным ограничением, а фиксировалась лишь в нескольких косвенных постановлениях, напрямую не касавшихся «лишенцев». Так, даже несмотря на острейшую нехватку рабочей силы в годы первой пятилетки, государство, стремившееся к полной монополизации рынка труда, старалось не допустить неорганизованного самотека на предприятия и особенно дискриминированного населения. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. отдельно фиксировались особые меры «по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов»²¹. Отдельно в постановлении указывались рекомендации о разработке «жестких мер к дальнейшему недопущению таких элементов на производство»²². Развитию трудовой дискриминации также способствовало введение паспортной системы. Отсутствие паспортов у «лишенцев» создавало дополнительное препятствие при устройстве на работу. Ниже рассмотрим, как на протяжении десятилетия «лишенцы» стремились использовать в борьбе с системой фактор труда и права на него.

Таблица 1

Сведения о трудовой биографии в ходатайствах «лишенцев» в 1926–1936 гг.
(по материалам Новосибирска, Искитимского и Маслянинского районов Сибири)

	Новосибирск		Искитимский район		Маслянинский район	
	Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%
Указание трудовой характеристики в ходатайствах	200	62,9	88	66,7	120	70,2
Отсутствие трудовой характеристики в ходатайствах	118	37,1	44	33,3	51	29,8
<i>Всего</i>	<i>318</i>	<i>100</i>	<i>132</i>	<i>100</i>	<i>171</i>	<i>100</i>

Из табл. 1 следует, что «лишенцы» в большинстве случаев приводили сведения из своей трудовой биографии, так как считали, что именно эта тактика может повлиять на восстановление в избирательных правах. Отсутствие сведений о трудовой биографии в ходатайствах объясняется несколькими причинами. Прежде всего, «лишенцы» использовали различные тактики для восстановления в правах. Часть из них не считала нужным приводить

¹⁹ Докладная записка секретаря Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе И.В. Сталину по вопросу о «лишенцах». 1 марта 1930 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. I. М., 2005. С. 129.

²⁰ Там же. С. 129.

²¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 30 января 1930 г. // Там же. С. 32.

²² Там же.

сведения о своем труде, акцентируя внимание на ошибочности внесения в список, на разрыве связи с родственниками-«лишенцами» или на описании торговой деятельности, которую не считали эксплуататорской²³. При этом не все ходатайства писались с целью восстановления в избирательных правах, а направлялись в избирательные комиссии для возвращения конфискованного имущества (в таком случае описание трудовой биографии не являлось необходимым). С другой стороны, отсутствие упоминания собственной профессиональной деятельности может объясняться тем, что «лишенцы» писали о своей работе в специальных анкетах, которые в большинстве случаев прилагались к ходатайствам, а следовательно, они не считали нужным повторять написанную там информацию о собственной занятости. Нередко отсутствие сведений о работе являлось следствием отсутствия ее в прошлом.

Образ «лишенца» в рамках советской идеологической кампании наделялся исключительно негативными чертами. Понятие «нетрудовая деятельность» напрямую связывалось с «лишенцами» и не вписывалось в концепцию трудового государства. Лица, попавшие в дискриминационные списки, также подвергались воздействию идеологических конструктов, поэтому писали о своем статусе: «я не мог быть и не могу быть врагом трудящегося класса»²⁴, «по своей трудовой жизни я никак не могу быть причислен к классовым врагам соввласти»²⁵. Доказать лояльность власти можно было демонстрацией безукоризненного исполнения государственных обязанностей, центральной из которых являлась обязанность работать. В связи с этим, на наш взгляд, особый интерес представляет возможность трудовой адаптации «лишенцев» к сформировавшейся в СССР системе труда. Необходимо отметить, что правовая дискриминация не означала автоматически потерю любой возможности трудиться, хотя часть «лишенцев» впоследствии так и не смогла найти работу, попав в разряд безработных. На основе анализа ходатайств городских «лишенцев» Новосибирска и сельских «лишенцев» Искитимского и Маслянинского районов мы установили степень влияния дискриминации на трудовое положение «лишенцев» (табл. 2).

Таблица 2

Трудовая адаптация «лишенцев» в 1926–1936 гг.
(по материалам ходатайств «лишенцев» Новосибирска,
Маслянинского и Искитимского районов)

№ группы	Краткое описание группы	Новосибирск		Маслянинский район		Искитимский район	
		Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%	Число «лишенцев»	%
1	Имели работу, на которой остались после лишения	78	39	12	10	6	6,8
2	Имели работу, но потеряли ее после лишения, смогли найти новую	20	10	11	9	4	4,6
3	Имели работу, но потеряли ее после лишения, новую найти не смогли	51	25,5	14	12	12	13,6

²³ Частная торговля не считалась трудовой деятельностью в СССР, поэтому автор статьи сознательно не включает торговцев в общий подсчет «лишенцев», указавших трудовую биографию в своих ходатайствах. Исключения представляют лишь торговцы, которые приводили дополнительные сведения о работе до или после торговой деятельности.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 244. Л. 34–35. Заявление Варгасова М.И. в Центральную избирательную комиссию от 26 июня 1929 г. Здесь и далее сохранена авторская орфография.

²⁵ Там же. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 229. Л. 1. Заявление Бурундуковского М.Н. в Новосибирский городской совет от 8 июля 1930 г.

Окончание табл. 2

4	Не состояли в колхозах до лишения, но вошедшие в их состав после	–	–	8	7	–	–
5	Состояли в колхозах до лишения, не исключены после дискриминации	–	–	2	2	6	6,8
6	Не имели работу до лишения, но смогли найти ее после	24	12	21	18	17	19,3
7	Не имели работу до лишения и не смогли найти ее после	27	13,5	36	30	28	31,8
8	Состояли в колхозах до лишения, исключены после. Смогли найти новую работу	–	–	3	3	4	4,6
9	Состояли в колхозах до лишения, но исключены из них после лишения. Новую работу найти не смогли	–	–	11	9	11	12,5
Всего		200	100	118	100	88	100

Нами выделены девять групп «лишенцев» в зависимости от наличия или отсутствия изменений в их трудовом статусе. Отметим также, что для Маслянинского и Искитимского районов неизбежным становилось выделение групп, связанных с членством в коллективных хозяйствах, тогда как в ходатайствах городских «лишенцев» эта информация не встречалась.

Группы, указанные в табл. 2, следует разделить с учетом успешности/неуспешности адаптации «лишенцев» в сфере труда. Так, группы № 1, 2, 4, 5, 6, 8 можно отнести к случаям успешной трудовой адаптации.

На «лишенцев» из 1-й группы избирательная дискриминация не оказывала материального влияния – их трудовой статус после дискриминации не изменился. «Лишенцы» данной группы стремились подчеркнуть длительность своей трудовой биографии. Нередким являлась аргументация о «наследственном» трудовом статусе. Так, лишенный за торговлю Тванов В.А. писал в своем заявлении о том, что с 11 лет работает у разных людей, а далее добавлял: «настоящим прошу окр исполком рассмотреть мою прозбу[:] я Тванов считался от природы батраком[,] а также и мои родители провожали всю свою жизнь в батрачестве»²⁶. Желание добиться восстановления в избирательных правах диктовалась здесь прежде всего морально-психической стороной. Восстановление прав для них являлось как способом добиться правды, так и возможностью обезопасить себя от увольнения в будущем. Бердников Н.А., лишенный избирательных прав как «бывший белый офицер», писал: «Создавшееся же положение [статус «лишенца». – К. А.] нервирует меня и слишком сильно затрудняет и без того трудные, ответственные и важные работы[,] перечисленные выше»²⁷. Отметим, что городским «лишенцам» оказывалось проще сохранить свою прежнюю занятость, чем сельским, поскольку положение последних существенно усугублялось индивиду-

²⁶ Заявление Тванова В.А. в Окружную избирательную комиссию от 14 февраля 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 206. Л. 4.

²⁷ Ходатайство Бердникова Н.А. заведующему окружным отделом от 13 июня 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 143. Л. 8.

альным налогообложением, поэтому они чаще вынуждены были отказываться от своей прошлой работы, в том числе от занятия сельским хозяйством.

Схожие аргументы использовали «лишенцы» 5-й группы. Их статус также не изменился после дискриминации – они не потеряли членство в коллективных хозяйствах. «Лишенцам» 4-й группы, представленной только в Маслянинском районе, удавалось даже войти в состав коллективных хозяйств после принятия решения о лишении их избирательных прав. При этом «лишенцы» данных групп считали указанные факты доказательством своей преданности мероприятиям советской власти. Так, Годицкий Ф.Ф. пишет о своей занятости в колхозе: «и был в колхозе полтора года и получил премию грамоту почетного звания ударника»²⁸. Однако малочисленность данных групп и в Маслянинском, и в Искитимском районах говорит о том, что такое положение скорее являлось исключением из правил, чем распространенной практикой формирования правлений колхозов.

Последнее вполне соотносится с запретом «лишенцев» на членство в кооперативных хозяйствах, действительно закрепленным в советском законодательстве. Впервые указанное ограничение было узаконено в постановлении ЦИК СССР и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» от 22 августа 1924 г., где санкционировалось то, что «всем гражданам Союза ССР, занимающимся сельским хозяйством или связанными с ним промыслами и пользующимся правом избирать в Советы, предоставляется право образовывать кооперативные объединения (товарищества, артели и коммуны)»²⁹. Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 октября 1930 г. «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию»³⁰ подтверждало прежнее постановление, однако устанавливало список «лишенцев», которые в качестве исключения могли быть приняты в кооперацию, но такая возможность была затруднена и не всегда достижима.

Дискриминация в сфере труда оказала влияние на «лишенцев» 2-й и 8-й групп. Их трудовой статус изменился после лишения избирательных прав – их уволили с работы или исключили из колхоза, однако они смогли сориентироваться в ситуации и освоить новую профессию. «Лишенцам» сельских районов удавалось сделать это с помощью переезда в город или отхода на близлежащие промышленные предприятия.

6-я группа – это все те, кто до лишения не имел работы, но, оказавшись в новом положении, сумел ее найти. Однако поиск работы для них был непростым делом. Отсутствие документов, необходимых для приема на работу, в некоторых случаях создавало дополнительные трудности для «лишенцев». Некоторые из них даже писали, что необходимость заработка вынуждала их подделывать документы и скрывать свое социальное положение. А.В. Болдырев при приеме на работу вынужден был скрывать то, что он сын священника: «при поступлении в Н-Сиб ЦРК³¹ скрыл свое социальное происхождение с целью избежать в дальнейшем незаслуженных упреков – “чуждый”»³². Далее он старается подчеркнуть свою активную роль при работе бухгалтером в ЦРК: «и действительно: на работе проявлял инициативу, был ударник – как равный. Но перед призывом на военную службу, когда соц-происхождение имеет особо важное значение, не стал скрываться – сам сообщил Райвоенкомату о соцпроисхождении»³³.

Акцентируя внимание на своей трудовой характеристике, «лишенцы» пытались доказать лояльность по отношению к советской власти. Именно поэтому «лишенцы» писали о том, что получали различные премии, являлись ударниками, выполняли работу «аккуратно и добросовестно». Некоторые «лишенцы» приводили примеры, когда их труд оказывался

²⁸ Заявление Годицкого Ф.Ф. прокурору Бердского района от 28 апреля 1932 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 160. Л. 18.

²⁹ СУ РСФСР 1925. № 21. Ст. 36.

³⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию». 21 октября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 690.

³¹ ЦРК – Центральный рабочий кооператив.

³² Заявление Болдырева А.В. в Новосибирский городской совет от 16 ноября 1933 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 187. Л. 2.

³³ Там же.

особенно полезным для советской власти. Так, Г.С. Бокарев, лишенный избирательных прав за наем рабочей силы на собственный кирпичный завод, пишет об изобретении им печей для обжига извести и кирпича, которые позволили повысить показатели производства кирпича в Новосибирске на 100 %. Кроме того, он также писал о работе над водонагревательной системой для прачечных и бань. Свои изобретения Бокарев подтверждает копиями патентов на изобретения³⁴. Н.А. Ермаков, лишенный избирательных прав как «бывший белый офицер», писал об изобретении им машинки для разминки выработанных шкур во время работы в кооперативной артели «Сибодожда»³⁵.

Группы «лишенцев», перечисленные нами выше, представляли собой примеры успешной адаптации в трудовой сфере, однако имелись и обратные случаи, когда избирательная дискриминация становилась главным препятствием для включения в жизнь советского общества.

7-я группа включает «лишенцев», которые являлись безработными в полном смысле этого слова: они не имели работы (кроме занятия сельским хозяйством) до лишения и не смогли найти ее после. Отсутствие работы в прошлом объясняется, с одной стороны, традиционным укладом семьи аграрного общества, в котором мужчина работает, а жена занимается хозяйством. С другой стороны, часть «лишенцев» данной группы указывала причинами отсутствия работы безработицу, собственную инвалидность или преклонный возраст. Дети «лишенцев» писали о том, что не работали ранее из-за «малолетства» и недостатка квалификации, однако их социальное положение на момент написания ходатайств также не позволяло им найти работу. В таком случае молодые «лишенцы» использовали тактику обращения к собственному будущему, но при этом им необходимо было полностью порвать с прошлым, в том числе разорвать связь с собственными родителями. И.В. Матвеевко, лишенный избирательных прав вместе с отцом, писал: «я буду работать честно на любом производстве и в любом колхозе для страны советов»³⁶. Схожие аргументы приводил в своей жалобе Т.П. Холкин, добавляя при этом: «если требуется для этой цели даже раздел с моим отцом, то возражать не буду»³⁷.

3-я и 9-я группы включают тех, кто оказался в самом затруднительном положении. Потеря работы и исключение из колхозов являлись в этом случае лишь первичной дискриминацией, так как большинство «лишенцев», будучи трудоспособными, упорно пытались найти работу, однако этот процесс блокировался их социальным статусом. Трудовую адаптацию «лишенцев» данных групп нельзя назвать успешной, поскольку доступ к труду для них был закрыт внешними условиями, которые в условиях правовой дискриминации от них уже не зависели.

Как справедливо отметил смоленский историк Д.В. Валуев, «несмотря на то, что законодательство не содержало прямых указаний об изгнании с работы на государственных предприятиях лиц, лишенных избирательных прав, руководство на местах, в случае потери работником избирательных прав, старалось под различными предлогами избавиться от него»³⁸. Руководители предприятий боялись иметь у себя в подчинении «лишенцев», поэтому отказывали им в приеме на работу. А.Д. Апраксин, лишенный избирательных прав как «бывший белый офицер», более 40 лет проработал школьным учителем. В своем ходатайстве он пишет о потере работы, а также добавляет: «голод ужасающий, так как я не имею ни одного частного урока»³⁹. В личном деле А.Д. Апраксина присутствуют также заявления от

³⁴ Заявление Бокарева Г.С. в Новосибирский городской совет от 8 марта 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 183. Л. 5.

³⁵ Заявление Ермакова Н.А. в Краевую избирательную комиссию от 15 сентября 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 519. Л. 2–3.

³⁶ Заявление Матвеевко И.В. в Краевую избирательную комиссию от 9 февраля 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 584. Л. 1.

³⁷ Жалоба Холкина Т.П. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 27 декабря 1928 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 955. Л. 9.

³⁸ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. С. 95.

³⁹ Заявление Апраксина А.Д. в Новосибирский городской совет от 29 апреля 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 62. Л. 2.

бывших его учеников, которые обращались к избирательной комиссии с просьбой восстановить его в правах.

Наличие заработка в условиях лишения избирательных прав было необходимо, учитывая факт дополнительных ограничений в виде конфискации имущества, а также индивидуального обложения «лишенцев». В таком случае восстановление в правах становилось единственной возможностью найти работу: «дайте мне работы: дайте мне возможность существовать трудом невинного рабочего на какой угодно службе, самой грязной лишь бы я мог прокормить семью и не умереть с голоду»⁴⁰. «Лишенцы» писали не только о собственной жизни, но и о необходимости содержать свою семью. Так, бывший торговец А.М. Гладков указывал в своем ходатайстве: «я могу работать и честно работать, меня не берут, депо принимает меня слесарем, но не принимает биржа, меня принимают в кустарно-кооперативной артели слесарем, но не принимает ихний устав, а я желаю работать и мне необходимо работать, ибо у меня 6 иждивенцев жена, 4 дочери от 1,5 до 16 лет и мать старуха 67 лет. Но кроме всего я желаю и умею работать, но с лишением права голоса я лишен права работать»⁴¹.

Вопрос об успешности той или иной тактики, употребляемой в ходатайствах «лишенцев», является сложным. Во-первых, на принятие решения о восстановлении в правах влияло множество факторов: документально подтвержденные аргументы «лишенцев», приоритеты государственной социальной политики и эффективность разбора ходатайств «лишенцев» местными органами власти. Во-вторых, делопроизводство советов и избирательных комиссий являлось хаотичным, не всегда их решения содержали обоснования восстановления в правах, что не дает нам возможность с точностью говорить об эффективности тактик «лишенцев». В отдельных случаях избирательные комиссии указывали основанием для восстановления «лишенцев» именно наличие трудового стажа, подтвержденного справками с мест работы: «Принимая во внимание общественно-полезный труд и трудовой стаж на транспорте, ходатайствовать перед Сибкрайисполкомом о восстановлении гр. Азарова Г.Н. в избирательных правах»⁴². Напротив, отсутствие сведений о труде являлось основанием для отказа в удовлетворении ходатайства: «Заявитель к моменту лишения избирправ отца проживал в хозяйстве последнего, никаких документов о том, что он с отцом порвал и занимается общественно-полезным трудом, не представил. <...> в восстановлении избирательных прав Белякову отказать»⁴³.

Исследование показало, что избирательная дискриминация служила основанием для сопутствующих ограничений в жизни «лишенцев», важнейшей из которых являлась трудовая дискриминация. Анализ трудовых характеристик, содержащихся в их ходатайствах, демонстрирует наличие в них противоположных тенденций. В одних случаях «лишенцы» могли не только не потерять работу, но и при необходимости найти новую. В других лишение избирательных прав оказывало и негативное воздействие на занятость ходатаев в виде исключения из колхозов и увольнения с работы. Поиск новой работы затруднялся неправовым статусом лиц, внесенных в формировавшиеся в различных учреждениях дискриминационные списки. В случае с «лишенцами» различные нормы советского государства вступали в противоречие, поскольку правовая необходимость в пятилетнем трудовом стаже для восстановления блокировалась реальной практикой. Тем самым в большинстве рассмотренных нами случаев борьба «лишенцев» за восстановление в правах, в том числе и трудовых, оказывалась внутри замкнутого бюрократического круга.

⁴⁰ Ходатайство Авакова А.А. в Новосибирский городской совет от 1 апреля 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 13. Л. 5.

⁴¹ Заявление Гладкова А.М. в Центральную избирательную комиссию [1930 г.] // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 358. Л. 6–7.

⁴² Выписка из постановления Окружной избирательной комиссии от 3 февраля 1928 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 18. Л. 5.

⁴³ Выписка из постановления Президиума Октябрьского районного исполнительного комитета от 15 сентября 1934 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 141. Л. 5.

Литература

Берлявский Л.Г. Конституция РСФСР 1918 г. В парадигме конституционного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 100–110.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. 360 с.

Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.

Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы / В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин. М., 1998. 256 с.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. 103 с.

Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 117–136.

Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960. 77 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет Советского периода: антология. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001. С. 133–151.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984. 206 с.

References

Berlyavskiy, L.G. (2019). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. V paradigme konstitutsionnogo riska [The Constitution of Russia 1918. In the Paradigm of Constitutional Risk]. In *Yuridicheskaya tekhnika*. No. 13, pp. 100–110.

Chistyakov, O.I. (1984). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. [The Constitution of Russia 1918]. Moscow. 206 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskij almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Filimonov, V.G. (1966). Pervaya sovetskaya Konstitutsiya [The First Soviet Constitution]. Moscow. 77 p.

Fitzpatrik, Sh. (2001). “Pripisyvanie k klassu” kak sistema sotsial'noy identifikatsii [“Attribution to a Class” as a System of Social Identification]. In *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let Sovetskogo perioda: antologiya*. Samara, pp. 133–151.

Fitzpatrik, Sh. (2008). Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod. [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Ivnickiy, N.A. (1972). Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa [Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow. 360 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). Kornii ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.) [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Morozov, L.F. (1960). Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuziyei (1926–1929 gg.) [The Decisive Stage of the Struggle against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow. 103 p.

Salamatova, M.S. (2015). Lishenie i vosstanovlenie v izbiratel'nykh pravakh v Sovetskoy Rossii (1918–1936 gg.): evolyutsiya pravovogo regulirovaniya [Privation et Rétablissement des Droits de Vote en Russie Soviétique (1918–1936): évolution de la Réglementation Juridique]. In *Novyy rakurs*. No. 12, pp. 117–136.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov. 256 p.

Valuev, D.V. (2012). Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti) [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Д.И. Петин*

**УВОЛЬНЕНИЕ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ В ХОДЕ
ЧИСТОК СОВЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1928–1929 ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОКРУЖНЫХ ФИНАНСОВЫХ
ОТДЕЛОВ СИБИРИ)****doi:10.31518/2618-9100-2023-1-7
УДК 93/94:35.083.51

Выходные данные для цитирования:
Петин Д.И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-07.pdf>

D.I. Petin*

**DISMISSAL OF EX-OFFICERS DURING THE PURGES
OF SOVIET INSTITUTIONS 1928–1929 (ON THE EXAMPLE
OF THE DISTRICT FINANCIAL DEPARTMENTS OF SIBERIA)****

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-7

How to cite:
Petin D.I. Dismissal of Ex-Officers during the Purges of Soviet Institutions 1928–1929 (On the Example of the District Financial Departments of Siberia) // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 90–104. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-07.pdf>]

Abstract. In the current quarter of a century, Russian scientists in their writings increasingly began to turn to understanding the various socio-political consequences of the Civil War that took place in early Soviet society. The key figures in those socio-political processes of the 1920s, often became representatives of the officers, who were part of the intellectual elite of society due to the rather high educational qualification by the standards of the time. The demand for representatives of this category of society in the USSR, as in specialists, was sometimes extremely high. At the same time, already in the 1920s, ex-officers (regardless of their ideological views) have fully experienced numerous political harassment. A vivid example of this was the sphere of labor relations and the closely related issue of personnel purges. In this regard, this article, using the regional example of the district financial departments of Siberia, analyzes a very contradictory situation that took place in connection with the dismissals of ex-officers in the period from the autumn of 1928 to the summer of 1929. Based on familiarization with the developments of historiography, this aspect fell out of the field the point of view of historians. The study is based on a complex of unpublished sources from the funds of the State Archive of the Novosibirsk Region. The article is addressed to a wide range of specialists studying the early Soviet society, in particular, the practice of social adaptation (including the position of former officers), the organization of intellectual labor (on the example of financial authorities), Soviet repressive policies (including personnel purges), and also Siberian local history.

Keywords: officers, former people, Soviet society, personnel purges, Stalinism, financial officials, financial authorities.

The article has been received by the editor on 01.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитрий Игоревич Петин**, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, Омск, Россия, e-mail: dimario86@rambler.ru

Dmitry Igorevich Petin, Candidate of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: dimario86@rambler.ru

** Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект 22-28-20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919 – 1927 гг.)»

The study has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the project 22-28-20144 “White Officers in Soviet Omsk: Social Portrait and Adaptation Problem (November 1919–1927)”.

Аннотация. В текущую четверть века российские ученые в своих трудах все чаще стали обращаться к осмыслению разнообразных социально-политических последствий Гражданской войны, имевших место в раннем советском обществе. Ключевыми фигурантами общественно-политических процессов 1920-х гг. часто становились представители офицерства, являвшиеся частью интеллектуальной элиты общества в силу достаточно высокого по меркам времени образовательного ценза. Востребованность в представителях этой категории общества в СССР как в специалистах подчас была крайне велика. При этом, уже в 1920-е гг. бывшие офицеры (независимо от своих идеологических воззрений) сполна испытали многочисленные притеснения по политическому признаку. Ярким примером тому стала сфера трудовых отношений и тесно связанный с ней вопрос кадровых чисток. В связи с этим в данной статье на региональном примере окружных финансовых отделов Сибири анализируется весьма противоречивая ситуация, имевшая места в связи с увольнениями бывших офицеров в период с осени 1928 г. по лето 1929 г. Исходя из ознакомления с наработками историографии, данный аспект выпал из поля зрения историков. В основу исследования положен комплекс неопубликованных источников из фондов Государственного архива Новосибирской области. Статья адресована широкому кругу специалистов, изучающих ранний советский социум, в частности практики социальной адаптации (в том числе положение бывших офицеров), организацию интеллектуального труда (на примере финансовых органов), советскую репрессивную политику (в том числе кадровые чистки), а также сибирское краеведение.

Ключевые слова: офицерство, бывшие люди, советское общество, кадровые чистки, сталинизм, финансовые служащие, финансовые органы.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.

Сегодня российская историческая наука уделяет значимое внимание социальной мобильности офицерства в условиях военно-революционных процессов 1917–1922 гг. и раннем советском социуме. Понимание политического и повседневного бытования представителей этой категории общества в РСФСР–СССР тесно сопряжено с притеснением ее представителей по идеологическим мотивам в числе иных сословий, привилегированных в дореволюционной России. Как и другие «бывшие люди», офицеры в конце 1920-х гг. сполна испытали на себе «трудовую дискриминацию», будучи затронуты массовой кампанией по «оздоровлению кадров» советских учреждений.

Стоит учесть общесоюзный контекст противоречивой эпохи: в условиях недавно окончившейся Гражданской войны при укреплении власти И.В. Сталина шло формирование нового государства и его правящей элиты. Став элементом социальной повседневности, чистки партийных ячеек и советских учреждений с опорой в действиях на ОГПУ и партийные контрольные комиссии выступали тогда одним из ключевых методов реализации той политики с ее проекцией на регионы. Командно-административная система делала ставку на выходцев из рабочих, «выводя из игры» интеллигенцию¹. В условиях начала свертывания нэпа экономика обоснованно продолжала быть ключевой государственной сферой. Присутствие в ней «бывших людей» становилось частью идеологических противоречий, вызвавших новый виток модернизации и сопряженное с ним резкое ужесточение общественно-политической жизни в СССР. Кампания по выявлению «лишних», вылившаяся в масштабные кадровые чистки, прошла в 1927–1929 гг. в финансовых структурах страны.

¹ См., напр.: Анфертьев И.А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224; Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства. ЭКО. 2020. № 8. С. 166; Смирнова Т.М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 103–120.

Это происходило и на самом высшем уровне, и на периферии. В региональных учреждениях НКФ СССР, каковые соприкасались «с широкими трудовыми массами», данные мероприятия в 1928–1929 гг. шли под лозунгом накопления опыта перед генеральной чисткой советского аппарата². Работники экономической сферы и в течение 1930-х гг. продолжали быть «приоритетом» для советской репрессивной машины³. Пример тому – Госбанк СССР⁴.

Хотя о широких социальных последствиях Гражданской войны сегодня активно пишут историки, но в целом положение в советской Сибири в 1920-е гг. бывших офицеров исследовано фрагментарно, вопрос их службы в экономическом секторе, в частности в ключевых финансовых учреждениях региона (окружных финотделах), не изучен. Региональная специфика темы особенно важна. Сибирь в 1918–1919 гг. олицетворяла альтернативу государственно-политического развития России, антибольшевистская власть здесь имела более чем полумиллионную армию, сотни тысяч представителей которой, после поражения белого движения, сдались на милость победителей, пытаясь строить новую жизнь в большевистской Сибири. Особенно интересны в этом смысле представители командно-административного состава старой и белой армии. Но широко использовавшийся в 1920-е гг. социальный маркер «бывший (белый) офицер» включал в себя лиц, некогда имевших чин генерала или офицера, а также юнкеров и военных чиновников⁵.

Мы выделяем данную категорию советского общества (в том числе для изучения процессов кадровых чисток) в силу того, что эти люди оказались особо подвержены различным социальным трансформациям в эпоху государственно-политических катаклизмов 1914–1922 гг. Многие прервали свой мирный труд или учебу будучи мобилизованы в командно-административный состав армии в годы Первой мировой или Гражданской войны; кто-то из них потом связал жизнь с военной службой, а кто-то, наоборот, в итоге оставил ее. Важно учесть, что часть представителей офицерства была молодежью, чье психологическое взросление прошло в условиях стихии 1917 г. и новой системы ценностей⁶. Большинство из них, имея приличный по меркам времени образовательный ценз, успешно обрели себя в РСФСР-СССР как гражданские специалисты. Сфера финансов не стала исключением.

Наш акцент именно на эти структуры неслучаен: они входили в число первостепенных государственных учреждений каждого региона. В 1925 г. в связи с изменением системы административно-территориального деления через преобразование губернских финотделов создали аналогичные структуры округов, составлявших Сибирский край. Окружные финотделы курировал Сибирский краевой финотдел (с 1929 г. – управление). От их работы напрямую зависели проведение в округе мероприятий по линии НКФ СССР и вся хозяйственно-экономическая деятельность в округах Сибири (сметно-кассовое дело, налоги, местный бюджет, контрольно-бухгалтерские функции). По обязанностям службы персонал финотделов соприкасался и с секретной информацией. Труд в этих учреждениях подчас требовал соответствующей квалификации опыта, что в 1920-е гг. (период формирования советской интеллигенции) обусловило присутствие среди их сотрудников «бывших людей». Это обстоятельство, по мнению сибирских партийных структур, ставило окружные финотделы в число первостепенных структур при кадровой чистке⁷. Влияние здесь оказывали и

² Киселева Е.Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 4. С. 60–74.

³ Красильников С.А. «Не для печати»: «чистки» специалистов как инструмент большевистской политики в 1928 году // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. № 1. С. 153.

⁴ См. напр.: Николаев М.Г. Госбанк СССР в 1927–1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата // Российская история. 2020. № 5. С. 124–141.

⁵ Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». Омск: Амфора, 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–48.

⁶ Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 31–32.

⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 16. Л. 219.

органы ОГПУ, за годы нэпа усилившие оперативную работу и по экономической линии, и в отношении представителей бывшего офицерства⁸.

Содержательные источники к изучению кадровой политики советских учреждений в 1920–е гг. – делопроизводство и переписка ведомств. Уже при создании эти документы получали гриф секретности, значительная часть их до конца 1980-х гг. была закрыта. Поэтому основанные на подобных комплексах источников исследовательские наработки, затрагивающие положение «бывших людей» в Сибири в контексте трудовых отношений, связаны с новейшей историографией⁹. Но офицерство относительно региона в этих трудах рассмотрено фрагментарно. Значимые обобщения сделаны с акцентом на Новосибирске и Томске о бывших белогвардейцах, ставших лишенцами и жертвами массовых политических репрессий¹⁰.

Ситуация применительно к чисткам 1928–1929 гг. в финотделах Сибири выпала из внимания исследователей. Цель нашей работы – устранить эту лауну, проанализировав статистику и причины увольнения бывших офицеров из окружных финотделов. Репрезентативный комплекс неопубликованных источников по этому вопросу (отчеты с мест, представленные в Сибирский краевой финотдел; аналитические записки по итогам чисток) выявлен в Государственном архиве Новосибирской области, в фонде финотдела Западно-Сибирского краевого исполкома.

Процессы политического встраивания населения в поствоенные реалии нового советского социума в целом шли весьма напряженно¹¹. Поэтому методологическую основу нашего исследования составило сочетание теории социальной адаптации с принципом системности, антропологическим подходом, проблемно-хронологическим и статистическим методами. Этот теоретический блок позволил достичь обозначенной цели, внося важные уточнения в картину социального бытования бывших офицеров в условиях нарастания сталинской модернизации, дополняя на примере кадровых чисток понимание общественно-политических процессов в контексте Сибири. Это дает выход на актуальные проблемы изучения раннего советского общества – поведенческие стратегии и практики среднего класса, бытование «бывших людей», взаимоотношения государства и интеллигенции, репрессивную политику.

Рассмотрим общую ситуацию относительно чисток кадров в финансовых учреждениях Сибири. Обращение ЦК ВКП(б) от 2 июня 1928 г. «О развертывании самокритики» послужило стимулом к общесоюзной чистке. По закономерно последовавшей директиве Сибирского краевого финотдела с осени 1928 г. в ряде окружных финотделов началась ведомственная чистка аппарата сотрудников. Учитывая, что в отчетах фигурирует дата 1 октября 1928 г., вероятно, она – условное хронологическое начало чисток в окружных финотделах. По первичным обобщениям на начало декабря 1928 г. из 1335 работников, проверяемых в это время, признали подлежащими немедленному увольнению 85 чел., следо-

⁸ Пример Омского региона: *Василевский В.П., Сушко А.В.* «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 126–137, 164–204.

⁹ См., напр.: *Красильников С.А.* «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192; *Исаев В.И.* Чистки кадрового состава судебных органов Сибири в 1920–е – начале 1930-х гг. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 13. С. 52–65; *Литвинова О.А.* Чистка государственного аппарата в Сибири в середине 1920-х гг. в ракурсе проблемы нисходящей мобильности в советском социуме // Ползуновский альманах. 2015. № 3. С. 152–156; *Пыстина Л.И.* «Чистка» специалистов Сибкрайснархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 65–69; *Разгон В.Н.* Партийные чистки 1933–1936 гг. и Большой террор: микроисторический подход (на примере Солтонского района Алтайского края) // *Universum: Общественные науки.* 2016. № 12. С. 10–14; *Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е.* «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского университета. 2016. № 411. С. 177–182.

¹⁰ *Саламатова М.С.* «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228; *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2012. С. 140–141, 153–209.

¹¹ См. подробнее: *Шишкин В.И.* Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2015. С. 3–44.

вало сделать замену 73 чел. Чистки в рамках Сибири тогда затронули 158 служащих финотделов (11,8 % от общего числа подвергнутых рассмотрению комиссиями). В разных округах «засоренность» штатов «чуждым элементом» составила от 4,3 до 35,4 %¹².

Но поскольку директива о чистке пришла в округа Сибири внезапно и с требованием скорого исполнения, ее реализация в жизнь стала ударом по региональной системе финансов, ведя к ситуации «трудового абсурда». «Самоочистка» охватила главным образом квалифицированных работников – инструкторов, фининспекторов, их помощников. Эти должности нередко занимали бывшие офицеры либо бывшие гражданские чиновники. Наряду с уволенными в сложной ситуации тогда оказались и заведующие окружными финотделами, и оставшийся работать персонал. В течение 1920-х гг. сфера финансов испытывала дефицит кадров: общую нехватку образованных специалистов вызывали последствия двух войн и эпидемий. К примеру, некомплект штата в Омском окружном финотделе на 1926 г. составлял 20 %¹³. В более удаленных местностях ситуация была хуже. Логично, что в ходе чисток плановая нагрузка резко возросла, а условия труда ужесточились как в производственном, так и в психологическом отношении. Далее ситуация лишь усугублялась. Так, прошедший все чистки бывший генерал белой армии, старший инспектор Омского окружного финотдела Н.Н. Артамонов пояснял причину своего ухода в 1931 г.: «работа в окружном финотделе была очень напряженной, рабочий день доходил подчас до 12 часов в сутки»¹⁴.

Как видно из отчетов, руководители окружных финотделов в той ситуации вели себя двояко. Одни, обрекая вверенные структуры на «кадровый голод», спешили уволить бывших офицеров в числе иных работников с «политически неблагонадежным» прошлым. Тут могли сказаться опасения за свой управленческий имидж и перед новосибирским начальством, и перед ОГПУ. Другие местные управленцы поступили рискованно, но «по-хозяйски», более рационально в производственном смысле. Понимая, что исполнение указания из Новосибирска неизбежно приведет к резкому дефициту специалистов организационно-инспекторского профиля, они лишь наметили претендентов на увольнение, оставив их работать «в ожидании» – до момента получения на замену в штат окружного финотдела другого сотрудника, политически благонадежного и полностью соответствующего по квалификации увольняемого лица. Сибирский краевой финотдел массово получал из округов требования на новый персонал, к лету 1929 г. суммарно составившие 50 штатных единиц¹⁵.

Эта цифра была весьма велика и касалась, по всей видимости, наиболее узких по специализации должностей. Стоит учесть относительно небольшое число действовавших тогда в Сибири учебных заведений, осуществлявших немногочисленные выпуски квалифицированных специалистов финансово-экономического профиля. При том что общая потребность со стороны учреждений всех сфер на данных работников была высока. И все же контрольной комиссией РКИ по итогам проверки после чистки отмечалось, что «засоренность в окружных финотделах снизилась, но аппараты не очищены полностью, при том что имеются работающие лиценцы (квалифицированные сотрудники)». Также всем заведующим окружными финотделами ставилось на вид слабое знакомство с биографией личного состава до 1917 г. и в период Гражданской войны¹⁶. Перечисленные процессы и характеристики напрямую касались сотрудников из числа бывших офицеров. Показательно, что в отчетах о кадровой чистке каждым окружным финотделом данные по этим работникам, как по лицам, подлежащим первостепенному увольнению, выделялись отдельно. Но исполнение директивы Новосибирска в округах, несмотря на предписание об экстренности, шло относительно неспешно. Так, к маю 1929 г. (за более чем полгода) лишь 8 из 19 окружных финотделов отчитались перед краевым начальством о проведении мероприятий. Выявленные данные

¹² ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 235.

¹³ Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 384.

¹⁴ Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 290.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 235–235 об.

¹⁶ Там же.

получилось обобщить (см. табл. 1)¹⁷. Но главный недостаток имеющихся источников, используемых для оценки ситуации весны 1929 г., связанной с увольнениями офицеров, – отсутствие единой формы, установленного объема и степени подробности представлявшихся данных (как по чистке в целом, так и отдельно по офицерству). В тот момент сообщаемые качественные показатели в отчетах округов, направляемых в Новосибирск, зависели, очевидно, от мнения местного руководителя. Больше число подробностей о сотрудниках из числа бывших офицеров представил Иркутский окружной финотдел. Иная отличительная черта отчетов о чистке по состоянию на май 1929 г. – полное обезличивание данных. Хотя поименные и более подробные сведения на увольняемых лиц от каждого окружного финотдела все же затем поступили в Новосибирск по затребованию для формирования новых региональных директив в развитие политической дискриминации труда.

Обобщения (табл. 1) позволяют сделать вывод о том, что наибольшее количество бывших офицеров, оставшихся в советской Сибири, в 1920-е гг. жили в крупных административных и военных центрах (Омск, Новосибирск, Иркутск, Красноярск), где в завершающий период Гражданской войны при наступлении красных войск произошли массовые сдачи белогвардейцев в плен, а затем располагалось немало частей и штабных структур РККА, где многим бывшим офицерам нашли применение на службе. Многие из бывших колчаковцев, уже к 1921 г. оставив военную службу в порядке массового увольнения, пытались найти себя на гражданской ниве в этих же городах. Это объяснимо: ведь социализироваться отчасти им было проще либо в месте рождения, либо там, где длительно довелось служить. Такая тенденция прослеживается и по кадрам окружных финотделов: и при обращении к обезличенным числовым данным, и при детализации биографий.

Данные по чистке (как минимум даже на приведенных выше примерах Омска и Иркутска) демонстрируют значительное изменение социального состава армии, активно шедшего в годы Первой мировой войны. Так, большая часть этих офицеров не были кадровыми, судя по чинам – получили производство в офицеры в военное время, как и армейские чиновники (исходя из их служебного статуса), призванные на службу в период войны.

На первый взгляд, к осени 1928 г. бывшие офицеры в целом составляли относительно общего штата окружных финотделов небольшое число сотрудников. Но надо помнить, что подчас это могли быть «штучные кадры» – работники с высоким образовательным цензом, квалификацией и трудовыми компетенциями. Яркий пример тому – бывший военный финансист и интендант, генерал старой и белой армий Н.Н. Артамонов (1872–1937). Жизненный финал этого человека был трагичен, но в тот момент он – организатор системы местных финансов в Омском округе и один из лучших работников административного звена¹⁸. Показательны в этом смысле опыты Омска и Красноярска, где бывших офицеров в первую волну чисток не увольняли. Но, всячески стремясь таких специалистов сберечь, осознанные руководители балансировали на тонкой политической грани «сочувствия контрреволюции». Тем не менее по другим городам процент уволенных бывших офицеров составил от 25 до 50 от изначального числа. То есть тогда чистка уже ощутимо затронула эту категорию персонала окружных финотделов.

Первые результаты чисток повлекли появление новых местных директив, связанных с уволенными работниками. Так, Сибирский краевой финотдел 7 декабря 1928 г. адресовал по линии своих учреждений в округа секретное письмо с приложенным внушительным списком «вычищенных» сотрудников окружных финотделов, кому впредь воспрещалась работа в данной сфере. Бывшие офицеры в этом документе заметно выделялись. В отличие от приславшихся с мест ранее и затем в течение 1929 г. таблиц с лишь числовыми показателями, этот документ более информативен, давая представления о картине в регионе, обстоятельствах и причинах увольнения представителей названной категории «бывших людей», сообщая некоторые социальные характеристики¹⁹.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 29, 34, 44, 49 об., 53, 59–61, 207 об.

¹⁸ См. подр.: *Петин Д.И., Каминский В.В.* Генерал-майор Генштаба... С. 291–292.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 16. Л. 92.

Но краевое руководство вряд ли устроили первичные итоги, поэтому чистки финансовых органов Сибири, шедшие осенью 1928 г. были лишь предтечей. Сибирский краевой финотдел к 15 июня 1929 г. предписал руководителям названных структур наметить дальнейший план действий по чисткам. Проверка РКИ по итогам чистки внесла Сибирскому краевому финотделу ряд представлений, формально носящих характер предложений, но сформулированных директивно, в духе набиравшей обороты сталинской модернизации.

Таблица 1

Выборочные данные об изменении количества сотрудников из числа бывших офицеров в окружных финотделах Сибири с октября 1928 г. по май 1929 г.

Окружной финотдел	Штат, всего чел.		Бывшие офицеры, чел.					
	01.10.1928	01.05.1929	01.10.1928		01.05.1929		Уволенные от общего числа бывших офицеров на 01.05.1929	
			Всего	% от штата ¹	Всего	% от штата ¹		
					Кол-во	%		
Барабинский	46	49	2	4,3	1	0,2	1	50
Барнаульский	96	91	4	4,1	3	3,3	1	25
Иркутский	153	153	14 ²	9,1	10 ²	6,5	4	28
Каменский	44	45	2 ³	4,6	1 ³	2,2	1	50
Канский	61	59	9	11,4	6	8,5	3	33
Красноярский	109	111	7	6,4	7	6,3	0	0
Омский	216 ⁴	–	15 ⁴	6,9	–	–	– ⁵	–
Томский	128	126	13	10,2	8	6,3	5	38

Примечания:

¹ Подсчет автора.

² На 1 октября 1928 г.: полковник, подполковник, капитан, штабс-капитан, 2 поручика, 2 подпоручика, 4 прапорщика, 2 военных чиновника; на 1 мая 1929 г.: капитан, штабс-капитан, поручик, подпоручик, 4 прапорщика, 2 военных чиновника.

³ Происходили из крестьян.

⁴ К письму Омского окружного финотдела имелось статистическое приложение, но в архивном деле его нет. Приведенные в графе сведения – из другого источника и по состоянию на август 1927 г.: генерал-майор, штабс-капитан, поручик, 2 подпоручика, 1 хорунжий, 3 прапорщика, 6 военных чиновников²⁰.

⁵ На 7 декабря 1928 г. в ходе чистки из Омского окружного финотдела уволили 19 сотрудников (из них – ни одного бывшего офицера). Цифра осталась той же и на 19 июня 1929 г.

Во-первых, намеченные к чистке и работающие лишенцы подлежали не только скорейшему увольнению; Сибирский краевой финотдел должен был принять упредительные меры к недопущению работы данных лиц в сфере финансов. Во-вторых, следовало наладить точный качественный учет личного состава финансовых органов, учитывая социальное происхождение, морально-деловые качества и политическую благонадежность сотрудников. И, в-третьих, кадровую политику следовало строить в соответствии с «требованиями времени»: оценив степень «засоренности» краевого и окружного аппарата «чуждым элементом», составить план его «политического оздоровления». Эти меры должны были включать

²⁰ Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав... С. 384, 386.

прежде всего ротацию работников и поиск новых кадров (причем не только из числа студентов, выпускников, но и привлечение специалистов «от станка»)²¹.

Сибирский краевой финотдел 19 июня 1929 г. направил всем подчиненным окружным финотделам секретное письмо, во многом аналогичное тому, что было за полгода до этого. Бумага выделяла две категории тех лиц, кто незамедлительно и первостепенно подлежал увольнению: 1) бывшие белогвардейцы, полицейские, а также политически неблагонадежные; 2) сотрудники, замеченные в пьянстве, разложении и незаконных связях с «частниками» (предпринимателями). Вновь Сибирский краевой финотдел запрашивал у подведомственных окружных структур отчеты о реализованных и планируемых шагах по кадровой чистке. К письму прилагался актуализированный список лиц, уволенных на основании решений местных комиссий из окружных финотделов. Но как отмечалось, этот поименный перечень не был абсолютно полным, поскольку на тот момент не все округа прислали сведения в Новосибирск²². Данные из документа удалось обобщить, присоединив имеющиеся у отдельных персоналий краткие «антисоветские» характеристики (табл. 2)²³. Такие сведения сообщались (с разной степенью подробности) в качестве мотивов к увольнению. В сопоставлении с иными эго-источниками это дает некие представления о личности «вычищенного» «бывшего человека» (представители офицерства – не исключение), равно как и о психологическом климате в советском провинциальном трудовом коллективе. Таким образом, можно уверенно сказать, что приложение к письму от 19 июня 1929 г. – полезный источник для изысканий по социальной истории и историко-антропологическим сюжетам.

Для исследования важно соотнести упомянутые выше секретные письма Сибирского краевого финотдела, что позволяет сделать выводы о характере чисток в масштабах макро-региона и о том, насколько эти процессы затронули трудовые коллективы и работавших в них представителей бывшего офицерства. Так, из материалов кадрового делопроизводства явствует, что умение «узреть контрреволюционера/белогвардейца», выполнив задания по чистке, тогда вошло в число важнейших критериев эффективности работы советского управленца. Данный «параметр» стал находить отражение в служебных характеристиках заведующих окружными финотделами²⁴. Надо полагать, что такая тенденция была общей для страны. Логично, что ни один из окружных управленцев не мог оставить без внимания подобные указания из Новосибирска. Ответные письма характеризуют ситуацию в целом и проведение чисток на местах: где-то вполне реальная, а где-то лишь видимая активность имела место. Но не все было однозначно, в том числе в отношении бывших офицеров.

Так, в письме от 6 июня 1929 г. заведующий Омским окружным финотделом сообщал в Новосибирск, что местная ячейка ВКП(б), экономическая комиссия и местком при тесном взаимодействии с окружным отделом ОГПУ ведут активную подготовку к чистке аппарата: собираются материалы о прошлом сотрудников, пишутся характеристики на них. Вопросы чистки освещаются в стенгазете, вывешен ящик для материалов на работников, подлежащих проверке²⁵. Здесь важно знать противоречивую парадоксальность ситуации. Процент экс-белогвардейцев, живших в Омске, был тогда значителен. В местном окружном финотделе было самым большим по Сибири количество служащих из числа бывших офицеров. Но, как упоминалось выше, в названном учреждении не было увольнений представителей этой категории финансовых служащих в ходе чисток осени 1928 г. – лета 1929 г.

Отдельные ответы с мест в Новосибирск напоминали отписки. Предоставляя сведения об итогах кадровой чистки, заведующий Барнаульским окружным финотделом в октябре 1929 г. сообщал, что «аппарат еще засорен чуждым элементом (бывшие офицеры, дворяне, чиновники) и чистка его необходима»²⁶. В письме заведующего Каменским окружным финотделом от 14 июня 1929 г. без объяснения причин сообщалось, что за первое полугодие

²¹ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 235 об.

²² Там же. Д. 16. Л. 219.

²³ Там же. Л. 93–96, 207–207 об., 222–231.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 324.

²⁵ Там же. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. 49 об.

1929 г. ведомственные чистки в учреждении «не проводились, хотя за них несколько раз пытались браться»²⁷. Штат учреждения покинул один из двух работавших экс-офицеров (см. табл. 2). Но мотив его ухода по документам не соотносится с чисткой.

Имели место свои казусы. Находились те, кто пытался противостоять трудовой дискриминации. Так, заведующий Канским окружным финотделом в секретном письме от 1 октября 1929 г. в Сибирский краевой финотдел описал непростую кадровую ситуацию. Он докладывал, что из 9 бывших офицеров им уволены трое, с остальными проделать то же самое он допускал возможным, получив должную кадровую замену. Показатель по чистке мог быть больше, но одного из «вычищенных» пришлось восстановить по решению третейского суда²⁸. В 1929 г. как специалист высокой квалификации добился восстановления в должности бывший офицер Н.И. Назаров – экономист Новосибирского окружного финотдела, «вычищенный» в 1928 г.²⁹

Руководитель Иркутского окружного финотдела сообщал, что для «последовательного улучшения личного состава аппарата в течение 1928/29 гг.» было намечено к чистке еще 17 сотрудников, в их числе – 2 бывших белых офицера; в скупых характеристиках читаем: «Боровский Матвей Григорьевич, доброволец колчаковской армии, работник хороший, но для Черемховского района нужно командировать инспектора-партийца, а Боровского использовать во внутреннем аппарате», «поручик Наричин Василий Лаврентьевич, должности соответствует, но как бывшего белого офицера целесообразно устранить»³⁰. Как видно, претензий к качеству работ, выполняемых данными работниками, у их руководства не было. В отношении этих лиц трудовая дискриминация носила политический характер, имея «во главе угла» белогвардейское прошлое.

Но, сопоставляя показатели количества бывших офицеров, работавших в окружных финотделах на осень 1928 г. и к лету 1929 г., можно с уверенностью утверждать, что их число заметно уменьшилось. Совокупность таких работников в каждом округе была различна, в ряде отдаленных местностей их не имелось вообще (Ачинск, Киренск, Рубцовск, Славгород, Тулун, Усть-Абаканское). Но вполне очевидно, в каких именно окружных финотделах чистка бывших офицеров имела максимальные показатели. Это следует из двух ключевых параметров: 1) доля уволенных офицеров относительно общего числа «вычищенных»; 2) степень уменьшения за период с осени 1928 г. по лето 1929 г. количества бывших офицеров в штате окружного финотдела. Как видится, при проведении чистки данной категории работников не в полной мере было значимо, сколько именно их изначально было в штате. Для ситуации и функционеров начальствующего звена, скорее, имело суть удалить из коллектива «большее число» бывших «золотопогонников» от общего количества таковых. Так, руководители окружных финотделов в Барабинске, Иркутске, Камне, Канске, Красноярске и Томске «старательно» исполнили предписание Сибирского краевого финотдела Пусть контрастно выбивается из тенденции парадокс Омска, при кадровых чистках в окружных финотделах Сибири «нажим» на бывших офицеров был очевиден. За полгода в 2,5 раза возросла их доля от общего объема «чуждого элемента», уволенного из окружных финотделов при чистках. За тот же срок в названных учреждениях фактически в 3 раза выросло общее число уволенных бывших офицеров (см. табл. 2).

Но с подлежащими к чистке по письму от 19 июня 1929 г. категориями служащих окружных финотделов складывалась двоякая ситуация. Если 1-я категория работников, выделялась сугубо политизированно (как антисоветский элемент), то увольнение 2-й категории сотрудников за пьянство, халатность и незаконные связи с предпринимателями было сполна оправданной мерой к оздоровлению кадров. Иное дело, что некоторые «вычищенные» (касалось это и бывших офицеров) попадали сразу под обе градации, что не оставляло им шанса остаться в коллективе. Но, анализируя прецеденты увольнений бывших

²⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 207–207 об.

²⁸ Там же. Д. 16. Л. 37.

²⁹ Там же. Л. 225.

³⁰ Там же. Л. 167 об. – 170, 172.

офицеров из окружных финотделов Сибири по состоянию на 19 июня 1929 г., очевидно, что большую часть их вычистили по 1-й категории.

Таблица 2

Динамика увольнения бывших офицеров из окружных финотделов Сибири в первой половине 1929 г.

Окружной финотдел	Уволено сотрудников, чел.		Из них бывших офицеров, чел.		% бывших офицеров от числа уволенных ¹		% уволенных бывших офицеров на 19.06.1929 от общего числа их на 01.10.1928
	на 07.12.1928	на 19.06.1929	на 07.12.1928	на 19.06.1929	на 07.12.1928	на 19.06.1929	
Ачинский	0	–	0	–	–	–	0
Барабинский	0	12	0	2 ²	–	16,7	50
Барнаульский	13	13	0	0	–	–	25
Бийский	–	10	–	2 ³	–	20	20
Иркутский	21	21	3 ⁴	3 ⁴	14,3	14,3	50
Каменский	–	–	2 ⁵	1 ⁵	–	–	50
Канский	17	10	0	0	–	–	33
Киренский	–	5	–	0	–	–	0
Красноярский	7	8	2 ⁶	4 ⁶	28,6	50	57
Минусинский	0	7	0	6 ⁷	–	85,7	–
Новосибирский	11	10	1 ⁸	1 ⁸	9,1	10	9
Ойротский	3	3	0	1 ⁹	–	33,3	–
Омский	19	19	0	0	–	–	–
Рубцовский	–	4	–	0	–	–	0
Славгородский	–	2	–	0	–	–	0
Тарский	6	7	1 ¹⁰	2 ¹⁰	16,7	28,6	–
Томский	–	21	–	2 ¹¹	–	9,5	53
Тулунский	3	0	0	0	–	–	0
Хакасский	0	0	0	0	–	–	0
ИТОГО	≥100	≥152	9	24	≥3,6	≥14,1	

Примечания:

¹ Подсчет автора.

² Инструкторы Бондарчук (полковник) и И.С. Успанов.

³ Инспектор Н.В. Григорьев (из мещан), «пьянство, антисоветские высказывания»; бухгалтер Д.И. Богданов, «руководитель восстания».

⁴ Агент прямых налогов И.Г. Бурдаков, «чуждый советской власти, связь и пьянство с нэпманами»; инспектор по государственным фондам В.М. Глазунов, «к работе относится недобросовестно, причинил финотделу значи-

тельный ущерб, используя служебное положение, приобрел по низким ценам ценные вещи из государственного фонда имущества»; заведующий сберкассой Л.Л. Войткевич, «чуждый элемент, развалил аппарат сберкассы».

⁵ Оба офицера из крестьян.

⁶ В 1928 г. инструктор Л.Л. Терских (из служащих, имел среднее образование), «начальник колчаковских курсов, активно боролся против советской власти»; инспектор прямых налогов Н.И/П. Дранкин/Драпкин (из мещан, имел среднее образование), «служил в отряде Бакича». В 1929 г. те же лица, а также инспектор косвенных налогов И.Г. Долин (из потомственных почетных граждан, имел высшее образование), «связь с частником»; фининспектор А.Д. Виноградов (из служащих, имел высшее образование).

⁷ С.И. Син, «белый юнкер»; инструктор бюджета Т.И. Танаев; заведующий канцелярией Н.Н. Никифоров; делопроизводитель Л.Т. Горский; контролеры П.Ф. Богомазов и В.А. Терехин, «колчаковские чиновники».

⁸ В 1928 г. экономист Н.И. Назаров (из служащих, имел высшее образование) был сначала «вычищен» с оговоркой «замена требует большой осторожности, как специалист, хороший исполнитель; работает по степени оплаты труда; его принцип: платят – работаю, будут мало платить – не стану работать». В 1929 г. восстановлен.

⁹ Инспектор Л.Е. Беляев.

¹⁰ В 1928 г. инспектор Коноплин-Курский; в 1929 г. – он же и инспектор С.М. Андриевский, «связь с чуждым элементом».

¹¹ Заведующий канцелярией В.Н. Краснопевцев (имел высшее образование), «чуждый элемент»; делопроизводитель Глушков, «домовладелец».

Характеристик на этих лиц в приложении к упомянутому письму чаще нет либо это формулировки типа «белый юнкер», «чуждый элемент» и т.п. Подробнее описаны причины увольнений из-за служебных нарушений. Показателен пример Иркутского окружного финотдела, где уволили трех экс-белогвардейцев. Это агент прямых налогов И.Г. Бурдаков («чуждый советской власти, связь и пьянство с нэпманами»), инспектор по государственным фондам В.М. Глазунов («причинил финотделу значительный ущерб, используя служебное положение, приобрел по низким ценам ценные вещи из государственного фонда имущества») и завсберкассой Л.Л. Войткевич («чуждый элемент, развалил аппарат сберкассы»)³¹.

Но социальные девиации бывших офицеров не составляли исключения своей эпохи. Стремление к получению «незаконных выгод» отчасти можно оправдать неустроенностью жизни провинции, не восстановившейся от разрухи Гражданской войны. Что касается аморального поведения (прежде всего пьянства), то в 1920-е гг. оно было распространенной негативной характеристикой советского партийно-государственного аппарата в целом³² и даже ОГПУ³³. Это можно объяснить и следствием общего падения морали революционного общества в России³⁴, и «посттравматическим синдромом» сотен тысяч участников и очевидцев военных событий 1914–1922 гг.³⁵

Хотя в силу разнородности содержания документов, их архивной сохранности необходимые сведения представлены неоднородно и неполно, использование делопроизводства и переписки советских ведомств дает репрезентативные представления о неоднозначном положении в СССР бывших офицеров на примере трудовой дискриминации по политическому признаку. Описанный в масштабах Сибири аспект на узком примере группы крупных и важных государственных учреждений демонстрирует жесткость грянувших вскоре в СССР общественно-политических трансформаций. Но подтверждаются и казусы «личностной природы». Ведь какой бы жесткой (а подчас и абсурдной) ни была бюрократическая система, мероприятия в жизнь претворяет конкретный человек (группа лиц), иногда осознанно рискуя во благо возглавляемого учреждения или коллег.

³¹ ГАНУ. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 16. Л. 227.

³² Штырбул А.А. К урокам прошлого (о монографии В.П. Василевского, А.В. Сушко «“Стражи революции”: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 9.

³³ Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.

³⁴ Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М.: Ин-т Гайдара, 2018. С. 194–206.

³⁵ Аксенов В.Б. От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы Революций и Гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. СПб., 2020. С. 337–356.

Как видно, и в конце 1920-х гг., и спустя 10 лет офицерское и (или) антибольшевистское прошлое выступало социальным маркером к потенциальному преследованию по политическим мотивам. Перспективой исследования может быть установление судеб советских финансистов из числа бывших офицеров. Изученный узкий пример ситуации в окружных финотделах Сибири в конце 1920-х гг. может быть успешно экстраполирован на иные сферы (образование, медицина, промышленность и др.), где весомую долю специалистов интеллектуального труда составляли бывшие (белые) офицеры и военные чиновники. Несмотря на «пресс» системы в конце 1920-х гг., специалистов «из бывших» ценили. Они, несмотря на массовые политические репрессии, продолжали занимать ответственные посты в советских учреждениях: кому-то интеллектуальные способности и счастливый случай позволили выжить. Данный тезис актуализирует рассмотрение вопроса о «бывших людях», переживших Большой террор, касается это и офицерства, каковое в СССР не было уничтожено полностью.

Литература

Аксенов В.Б. От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы Революций и Гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. СПб., 2020. С. 337–356.

Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.). Омск: Амфора, 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.

Анфертьев И.А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

Исаев В.И. Чистки кадрового состава судебных органов Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 13. С. 52–65.

Киселева Е.Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 4. С. 60–74.

Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192.

Красильников С.А. «Не для печати»: «чистки» специалистов как инструмент большевистской политики в 1928 году // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. № 1. С. 151–158.

Литвинова О.А. Чистка государственного аппарата в Сибири в середине 1920-х гг. в ракурсе проблемы нисходящей мобильности в советском социуме // Ползуновский альманах. 2015. № 3. С. 152–156.

Николаев М.Г. Госбанк СССР в 1927–1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата // Российская история. 2020. № 5. С. 124–141.

Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.

Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392.

Пыстина Л.И. «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 65–69.

Разгон В.Н. Партийные чистки 1933–1936 гг. и Большой террор: микроисторический подход (на примере Солтонского района Алтайского края) // Universum: Общественные науки. 2016. № 12. С. 10–14.

Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 31–33.

Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.

Смирнова Т.М. Чистки совapparата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 103–120.

Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М.: Ин-т Гайдара, 2018. 560 с.

Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.

Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 586 с.

Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского университета. 2016. № 411. С. 177–182.

Шишкин В.И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск: Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 3–44.

Штырбул А. А. К урокам прошлого (о монографии В.П. Василевского, А.В. Сушко «“Стражи революции”: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 8–10.

References

Alekseyeva, O.A., Zhuravlev, E.N., Sushko, A.V. (2018). Retsenziya: “Belyye ofitsery – krasnaya vlast’”: imennoy ukazatel’ k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. – 1920-ye gg.)” – Omsk, “Amfora”, 2017 [Review: “White Officers – Red Power”: A Name Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919 – 1920s)” – Omsk, “Amphora”, 2017]. In *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. Vol. 2, No. 3, pp. 44–55.

Aksenov, V.B. (2020). Ot “revolyutsionnogo psikhoza” k “kontrrevolyutsionnomu kompleksu”: psikhoemotsional’naya dinamika rossiyskogo obshchestva v statistike, diagnozakh i otsenkakh obyvateley v gody Revolyutsiy i Grazhdanskoy voyny [From “Revolutionary Psychosis” to “Counter-Revolutionary Complex”: Psycho-Emotional Dynamics of Russian Society in Statistics, Diagnoses and Assessments of the Inhabitants During the Years of the Revolutions and the Civil War]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Zhizn’ v epokhu sotsial’nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922*. St. Petersburg, pp. 337–356.

Anfert’yev, I.A. (2016). Politicheskiy i administrativnyy resurs pravyyashchey RKP(b)–VKP(b): poisk modeli sotsial’nogo gosudarstva v 1920–1930-kh gg. [Political and Administrative Resource of the Ruling RCP(b)–VKP(b): Search for a Model of the Welfare State in the 1920s–1930s]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 197–224.

Fominykh, S.F., Shandala, D.E. (2016). “Chistka” studentov v Tomskom gosudarstvennom universitete v kontse 1920-kh gg. kak instrument proletarizatsii vysshey shkoly [“Purge” of Students at Tomsk State University in the Late 1920s as a Tool for the Proletarianization of Higher Education]. In *Vestnik Tomskogo universiteta*. No. 411, pp. 177–182.

Isayev, V.I. (2015). Chistki kadrovogo sostava sudebnykh organov Sibiri v 1920-e – nachale 1930-kh gg. [Purges of the Personnel of the Judicial Bodies of Siberia in the 1920s – Early 1930s]. In *Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs*. No. 13, pp. 52–65.

Kiseleva, E.L. (2009). Chistki gosudarstvennykh uchrezhdeniy v 1929–1932 gg. kak sovet-skiy metod bor’by s byurokratizmom [Purges of Public Institutions in 1929–1932 as a Soviet Method of Combating Bureaucracy]. In *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. No. 4, pp. 60–74.

Krasil'nikov, S.A. (2020). "General'naya chistka" gosapparata 1929–1932 godov kak proyavleniye krizisa legitimnosti partiynogo gosudarstva ["General Purge" of the State Apparatus in 1929–1932 as a Manifestation of the Crisis of Legitimacy of the Party State]. In *EKO*. No. 8, pp. 164–192.

Krasil'nikov, S.A. (2012). "Ne dlya pechati": "chistki" spetsialistov kak instrument bol'shevistskoy politiki v 1928 godu ["Not for Print": "Purges" of Specialists as an Instrument of Bolshevik Policy in 1928]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 151–158.

Litvinova, O.A. (2015). Chistka gosudarstvennogo apparata v Sibiri v seredine 1920-kh gg. v rakurse problemy niskhodyashchey mobil'nosti v sovetskom sotsiume [Purge of the State Apparatus in Siberia in the mid-1920s from the Perspective of the Problem of Downward Mobility in the Soviet Society]. In *Polzunovskiy al'manakh*. No. 3, pp. 152–156.

Nikolaev, M.G. (2020). Gosbank SSSR v 1927–1929 gg.: kurs na "ozdorovleniye" kadrov nakanune polnomasshtabnoy "chistki" sovetskogo gosapparata [The State Bank of the USSR in 1927–1929: A Course Towards the "Recovery" of Personnel on the Eve of a Full-Scale "Purge" of the Soviet State Apparatus]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 124–141.

Petin, D.I., Kaminskiy, V.V. (2017). General-mayor Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): Biography Through the Prism of New Sources]. In *Vestnik arkhivista*. No. 3, pp. 275–300.

Petin, D.I., Stel'mak, M.M. (2020). Kadrovyy sostav Omskogo okruzhnogo finansovogo otdela: istochnikovedcheskiy analiz i statistika. Avgust 1927 g. [Personnel of the Omsk District Financial Department: Source Analysis and Statistics. August 1927]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 380–392.

Pystina, L.I. (2001). "Chistka" spetsialistov Sibkraysovnarkhoza v 1930 g. ["Purge" of Sibkraisovnarkhoz Specialists in 1930]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2001. No. 2, pp. 65–69.

Razgon, V.N. (2016). Partiynyye chistki 1933–1936 gg. i Bol'shoy terror: mikroistoricheskiy podkhod (na primere Soltonskogo rayona Altayskogo kraya) [Party Purges 1933–1936 and the Great Terror: A Microhistorical Approach (On the Example of the Soltonsky District of the Altai Territory)]. In *Universum: Obshchestvennyye nauki*. No. 12, pp. 10–14.

Rybakov, R.V. (2017). Vospriyatiye revolyutsii v Rossii molodezh'yu: po materialam pisem i dnevnikov 1917-go – pervoy poloviny 1920-kh gg. [Perception of the Revolution in Russia by Young People: Based on the Materials of Letters and Diaries of 1917 – the First Half of the 1920s]. In *Omskiy nauchny'y vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 2, pp. 31–33.

Salamatova, M.S. (2015). Luchshe by rasstrelyali menya srazu...": sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom kraye (1921–1929 gg.) ["It Would be Better if They Shot Me Right Away...": The Fate of Officers of the White Armies in the Siberian Territory (1921–1929)]. In *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. No. 17, pp. 214–228.

Shishkin, V.I. (2015). Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v XX veke: teoretiko-metodologicheskiye podkhody i istoriograficheskiye rezul'taty izucheniya [Political Adaptation of the Population of Siberia in the 20th Century: The Oretical and Methodological Approaches and Historiographic Results of the Study]. In *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka*. Novosibirsk, Parallel, Institute of History Branch of the RAS, pp. 3–44.

Shtyrbul, A.A. (2017). K urokam proshlogo (o monografii V.P. Vasilevskogo, A.V. Sushko "Strazhi revolyutsii": organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye") [To the Lessons of the Past (About the Monograph by V.P. Vasilevsky, A.V. Sushko "Guardians of the Revolution": GPU–OGPU Bodies in the Omsk Irtysh Region)] In *Omskiy nauchny'y vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 4, pp. 8–10.

Smirnova, T.M. (2009). Chistki sovapparata kak chast' povsednevnosti 1920–1930-kh gg. [Purges of the Soviet Officials as Part of Everyday Life in the 1920s–1930s]. In *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. No. 3, pp. 103–120.

Steynberg, M. (2018). *Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905–1921* [The Great Russian Revolution, 1905–1921]. Moscow, Institut Gaydara. 560 p.

Sushko, A.V. (2020). *Bor'ba s p'yanstvom v organakh OGPU v Sibiri v 1920-kh gg.* [The Fight Against Drunkenness in the Organs of the OGPU in Siberia in the 1920s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 452, pp. 160–167.

Uymanov, V.N. (2012). *Likvidatsiya i rehabilitatsiya: politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 g.)* [Liquidation and Rehabilitation: Political Repressions in Western Siberia in the System of Bolshevik Power (End of 1919 – 1941)]. Tomsk, TGU. 586 p.

Vasilevskiy, V.P., Sushko, A.V. (2017). *“Strazhi revolyutsii”: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye* [“Guardians of the Revolution”: Bodies of the GPU-OGPU in the Omsk Irtysh Region]. Omsk, OmGTU. 280 p.

Е.А. Игнатьева*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОБИЛИЗАЦИОННОМ РЕЖИМЕ:
АГЕНТЫ ВЛАСТИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ
В 1929–1930-Х ГОДАХ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-8
УДК 93/94*Выходные данные для цитирования:
Игнатьева Е.А. Деятельность в мобилизационном режиме: агенты власти
в сибирской деревне в 1929–1930-х годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27).
С. 105–115. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-08.pdf>*

E.A. Ignat'eva*

**ACTIVITY IN THE MOBILIZATION REGIME:
AGENTS OF POWER IN THE SIBERIAN VILLAGE
IN 1929–1930**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-8

*How to cite:
Ignat'eva E.A. Activity in the Mobilization Regime: Agents of Power in the Siberian
Village in 1929–1930 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 105–115.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-08.pdf>]*

Abstract. The research deals with questions of the activity of agents of power in the Siberian Village in 1929–1930, the most intensive period the campaign of “total collectivization”. The paper is based on archival documents of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the All-Russian Central Executive Committee, the Central Control Commission of the Communist Party of the Soviet Union, the Executive Committee in the Siberian region (krai) and Novosibirsk region (okrug), West-Siberian regional court, Central Control Commission of the Communist Party of the Soviet Union, OGPU authorized representative in the Siberian region (krai) and West-Siberian region (krai). It is established that activities of the agents of power were mobilization and extremely resource-intensive. The author studies the consequences of their activities in the Siberian Village for themselves and for the system they were a part of. It is shown that the reasons of the problems the agents of power faced in the Village were extremely inflated plans for the “socialist reconstruction” of the Village, inefficiency and inflexibility of the system, high level of social tension in the Village, everyday problems, incompetence, unpreparedness of agents of power to work in the Village and their specific personal transformations. The methods and techniques of the Bolsheviks of correcting the current situation are analyzed among which are small concessions while maintaining the “general line”, liquidation of the “self-discrediting” agents of power and sending new contingents of the agents to the Village. The conclusion is made about the low efficiency of the grassroots management system, the extreme resource consumption and the rapid exhaustion of this resource.

Keywords: USSR, Siberia, “total collectivization”, agents of power, mobilization, social conflict.

*The article has been received by the editor on 17.11.2022.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

Аннотация. Исследование посвящено изучению деятельности агентов власти в сибирской деревне в 1929–1930-х гг. – на пике кампании по «сплошной коллективизации». На основе материалов делопроизводства ЦК ВКП(б) и его Политбюро, Всероссийского центрального исполнительного комитета, Центральной контрольной комиссии ВКП(б), постановлений Сибирского краевого комитета партии, делопроизводственной

* **Евгения Андреевна Игнатьева**, Новосибирский государственный университет; аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru
Evgeniya Andreevna Ignat'eva, Novosibirsk State University; Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

документации Сибкрайисполкома и Новосибирского окрисполкома, Западно-Сибирского краевого суда, полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю/Западно-Сибирскому краю проанализированы функции агентов власти, их деятельность, взаимодействие с другими агентами власти. Установлено, что деятельность агентов власти носила мобилизационный, чрезвычайно ресурсозатратный характер. Исследованы последствия их работы в деревне – как для самих агентов власти, так и для той системы, частью которой они являлись. Установлены проблемы, с которыми сталкивались агенты власти на низовом уровне работы: причинами этих проблем являлись чрезвычайно завышенные по своим показателям планы «социалистической реконструкции» деревни, неэффективность и негибкость системы, высокий уровень социальной напряженности в деревни, бытовые проблемы, некомпетентность, неподготовленность агентов власти к работе в деревне, специфические личностные трансформации последних. Проанализированы методы и приемы большевиков по исправлению сложившейся ситуации (краткие уступки при сохранении «генеральной линии», ликвидация «дискредитировавших себя» агентов власти, отправка новых контингентов низового аппарата на места). Сделан вывод о низкой эффективности системы низового управления, чрезвычайной ресурсозатратности и быстрой исчерпаемости данного ресурса.

Ключевые слова: СССР, Сибирь, «сплошная коллективизация», агенты власти, мобилизация, социальный конфликт.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022 г.

В конце 1920-х гг. СССР становится на путь форсированных, инициированных «сверху» и контролируемых партией радикальных преобразований. Последние являлись необходимым условием построения социализма «в отдельно взятой стране». Советский социум в этот период представлял собой социальное поле для масштабного мобилизационного эксперимента. Большевики поставили перед собой амбициозные и априори недостижимые цели – за короткий (по историческим меркам) срок радикально реформировать социальную, экономическую, культурную и политическую сферы общества, превратить страну с преимущественно традиционным укладом в индустриальную державу. Именно поэтому преобразования носили форсированный, милитаристский, чрезвычайный и экстраординарный характер.

К концу 1920-х гг. ключевой проблемой для режима оставалась деревня, которая еще сохраняла «капиталистические элементы» и не была полностью подчинена государству. Сталин открыто признавал, что единственный путь развития деревни в СССР – «перевод сельского хозяйства на рельсы коллективизма <...> других выходов [у нас] нет¹».

С конца 1929 г. ключевой кампанией государства в деревне становилось форсированное принудительное насаждение коллективных форм ведения аграрного производства. Сибирь и ее партийные организации оказывались частью директивных указаний Центра. На входе в коллективизацию в регионе ее уровень составлял 6,7 %, на выходе из основной ее фазы к концу 1931 г. уровень коллективизации в Западно-Сибирском крае составлял 60,1 %, в Восточно-Сибирском крае – 55,4 %². Сам процесс огосударствления деревни и ее ресурсов, по методам своего осуществления метафорически названный Сталиным «революцией сверху», сопровождался беспрецедентными, сравнимыми только с периодом Гражданской войны чрезвычайными и внеправовыми методами.

Для реализации аграрных преобразований «сверху» в исключительно короткий период политическое руководство прибегло к двум ключевым инструментам – чрезвычайности и мобилизации. К тому и другому государство обычно прибегает в критические периоды

¹ Сталин И.В. Политический отчет ЦК ВКП(б) XV съезду партии // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 57.

² Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 308.

своего существования, в том числе и в данном противостоянии с крестьянством, длительность которого на протяжении нескольких лет приводит к закономерному процессу соединения экстраординарных чрезвычайных практик с непрерывными кадровыми и социальными мобилизационными кампаниями для их обеспечения, т.е. их рутинизации.

Чрезвычайность государству выгодна тем, что открывает для последнего ряд возможностей при нормальном положении недоступных. Данный опыт формирует не только правовую и правоприменительную основы, но и квазиправовые действия для достижения поставленных целей. Этот процесс отражается в законодательных и институциональных изменениях (распространение института уполномоченных, формирование законодательной базы массовых мобилизаций, расширение полномочий ОГПУ), в идеологической сфере (милитаризация гражданских областей жизни, жесткий антагонистический алгоритм пропаганды).

Чрезвычайность естественным образом актуализирует практику мобилизации – для реализации амбициозных планов нужны ресурсы, в первую очередь человеческие. Практика мобилизации, изначально предназначенная для решения частной проблемы, требующей дополнительных ресурсов, также рутинизировалась, превращаясь в один из ключевых методов строительства «социализма». Социальная мобилизация – это целенаправленное директивное воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и/или групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством³.

Мобилизация, таким образом, становилась важнейшим инструментом в процессе реализации форсированных «социалистических» преобразований. Мобилизация позволяла аккумулировать финансовые (многочисленные займы, подписки и прочие формы изъятия средств у населения) и человеческие (система коллективного сельского хозяйства, национализация промышленности, что приводило к экономической зависимости от государства рабочих и пр.) ресурсы, подчиняла «сознание масс» (на что работал весь пропагандистский аппарат). Ключевыми характеристиками социальной мобилизации сталинского образца являлись экстраординарность, чрезвычайность, ресурсозатратность, масштабность и массовость, а применительно к исследуемому периоду – высокая степень милитаризма и антагонизма.

Целью настоящей публикации выступает реконструкция кадровой мобилизационной кампании, проходившей во второй половине 1929 – 1930-х гг. в сибирской деревне, где всё возрастающую роль приобретала деятельность агентов власти различных уровней, задача которых состояла в достижении максимально возможного контроля государства над деревней. В данном случае речь идет прежде всего о деятельности так называемого низового актива – о тех людях, кто непосредственно занимался реализацией многочисленных партийных директив, о тех, кто был ответственен за достижение планов, о тех, кто оказался в эпицентре развернувшейся «квазигражданской» войны в деревне. Агенты власти оказывались в конфликте не только с крестьянским социумом, но и между собой, а в иных ситуациях и с центральной властью, если принимали сторону крестьянства.

С конца 1920-х гг. в деревню хлынула «волна» многочисленных агентов различных «вертикалей» (партийная, советская, профсоюзная, охранительная) власти. Одни из них находились в деревне стационарно, другие же направлялись на (не)определенный период времени. К первым следует отнести председателей сельсоветов, председателей коммун/артелей, секретарей партийных ячеек, сотрудников милиции, народного суда, представителей местного «актива», «избачей». К нестационарным агентам следует отнести разного рода уполномоченных, мобилизованных в рамках конкретных так называемых хозполиткампаний или на определенную работу инспекторов различных организаций (сельхозинспекция, уполномоченные Сибирской/Окружной контрольной комиссии), сотрудников

³ Красильников С.А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 10. С. 41.

ПП ОГПУ, пропагандистов, сельских корреспондентов. Границы внутри кадров мобилизованных оказывались условными. В частности, привлеченные в рамках кампании по мобилизации «двадцатипятидесятники» оставались в деревне от нескольких месяцев до нескольких лет. Да и сама практика деятельности уполномоченных мобилизационных работников превратилась в постоянную составляющую работы в деревне.

Л.М. Каганович, выступая на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г., заявил: «Мы направили [с осени 1927 г.] в деревню по различным командировкам минимум четверть миллиона человек (курсив наш. – Е. А.)»⁴. Если говорить о масштабах Сибирского края, то известны следующие данные. На закрытом совещании членов Президиума Новосибирского окрисполкома с заведующими отделами 16 декабря 1929 г. было озвучено, что с апреля по декабрь 1929 г. проведено «18 различных кампаний, не считая недель, 2-х и 3-х недельников и друг[их] важнейших громадных работ в деревне»⁵. В конце февраля и начале марта в сибирскую деревню было направлено на различные сроки свыше 10 тысяч городских работников⁶.

Следует, однако, отметить, что приведенные внушительные цифры достигались режимом нелегко. Большевики столкнулись с дефицитом кадров, чрезвычайной текучестью аппарата, что демонстрирует ресурсозатратность и неэффективность системы. Ликвидация дефицита кадров проходила различными способами – от относительно «мягкой» (но не лишенной обязательности составляющей, связанной с определением квот, масштабов и т.д.) практики мобилизации «снизу» – выдвигенчества, до «жесткой» директивной мобилизации «сверху» (где обязательность сопровождалась недобровольностью). Практика выдвигенчества позволяла, с одной стороны, продвигать в государственный аппарат представителей социально значимых, с точки зрения советского руководства, групп населения, с другой – являлась способом замены кадров руководящих работников на новую бюрократическую элиту, полностью подконтрольную руководству партии. Между тем для выдвигенчества, как и для любого мобилизационного действия, характерна та или иная степень совмещения добровольных и обязательных практик, что выражалось в тенденции «уклонизма». В частности, распространенным явлением был хронический недостаток выдвигенцев для заполнения тех или иных вакантных должностей, мест на разного рода курсах или советско-партийной школы⁷.

Как отмечает ряд исследователей, система административно-волевого руководства не ориентировала выдвигенцев на проявление инициативы и самостоятельности. Низкий профессионализм, недостаточное умение анализировать обстановку формировали привычку действовать строго по циркуляру.

Другим каналом мобилизации кадров и одновременно их служебного дисциплинирования выступал институт уполномоченных, посредством которого большевики осуществляли оперативный надзор «сверху» путем командирования на различные сроки (от одной до нескольких недель) «посланца» из вышестоящего на нижестоящий уровень (центр – край – округ – район), наделенного полномочиями проверки хода реализации конкретных директив власти. Уполномоченные направлялись по партийной (в том числе и ВЛКСМ), государственной/советской (от исполнительных комитетов) и хозяйственной (ведомственной) линиям, от силовых структур (ОГПУ) и общественных организаций (ВЦСПС)⁸.

В делопроизводстве указанных выше структур четкой грани (как по функциям, так и полномочиям) между мобилизованными и уполномоченными нет. Встречаются одинаковые должностные инструкции для «мобработников», «мобуполномоченных», «мобилизованных», «уполномоченных». Мобилизация настолько прочно закрепилась в государственной практике тех лет, что имела даже оформленную функцию – работой по мобилизации кадров на

⁴ Каганович Л.М. Организационный отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Л., 1930. С. 67.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 843. Л. 3.

⁶ Докладная записка Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК компартии Л.М. Кагановичу, начало апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 241.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-90. Оп. 1. Д. 50. Л. 8, 11, 61.

⁸ Игнатьева Е.А. Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: мат-лы 58-й Междунар. науч. студ. конф. (10–13 апреля 2020 г.). Новосибирск, 2020. С. 125–126.

места в ходе тех или иных кампаний в учреждении занимался либо специальный сотрудник, либо даже мобилизационный отдел⁹.

Естественно, что в условиях дефицита кадров о высокой квалификации и компетентности уполномоченных в непрофильной для них деревенской деятельности последних речи быть не могло. Городские служащие и рабочие, направляемые в деревню, проходили, как правило, перед этим краткий курс. Примечательно, что даже в рамках самой масштабной кампании по мобилизации рабочих для работы в деревне – «двадцатипяти тысячников» подготовка последних оказывалась крайне скудной. Перед отправкой рабочие проходили двухнедельные курсы, в исключительных случаях продлевавшиеся до 3–4 недель¹⁰. Хотя по мнению лидеров партии это считалось достаточным, чтобы представители пролетариата становились квалифицированными кадрами для деятельности в «колхозном строительстве».

Кадровая проблема в «деревенской» работе носила системный характер. Оценивая работу низового аппарата в деревне, в докладной записке от 3 апреля 1930 г. Председателю ВЦИК М.И. Калинину зам. Председателя СНК РСФСР А.М. Лежава констатировал: «<...> аппарат, в высшей степени слабый по своему уровню развития, крайне не авторитетный в глазах крестьян, совершенно некомпетентный во всех тех крупных хозяйственно-организационных вопросах, которые больше всего занимают деревню...¹¹».

На начало 1930 г. в десятиmillionном населении Сибири сельское население составляло 8 млн 451 тыс. чел.¹² Низовой советский аппарат был представлен 5726 сельскими советами, членами которых являлись около 80 тыс. чел. Согласно статданным, среди них преобладали мужчины (81,2 %), русские (82 %). Часть из них (11,3 %) оказывалась неграмотной, выделялась группа ранее отслуживших в Красной армии (23,1 %), доля членов и кандидатов в члены партии и комсомольцев составляла 17,5 % Впервые избранных насчитывалось 70,6 %. По своему социальному составу преобладали крестьяне (86,2 %), далее шли батраки и сельхозработчие (7,5 %), кустари и ремесленники (2,5 %), специалисты (учителя, врачи, агрономы) (1,2 %), служащие (2,6 %)¹³.

Состав председателей сельских советов оказывался по ряду характеристик отличным от своих членов по следующим показателям: более высокая доля мужчин (92,4 %), неграмотных среди них не было, больше отслуживших в армии (35 %), более значительная доля партийцев и комсомольцев (44,5 %), меньшая доля впервые избранных (57,1 %). В социальном составе здесь также преобладали крестьяне (86,3 %), но оказывалась выше доля батраков и сельхозработчих (10 %). Практически не были представлены специалисты (0,1 %)¹⁴.

Численность коммунистов в сельской местности была невелика (37 358 чел.). Если выделить в них состав и характеристики основных «мобилизаторов» в низовом звене, представленных руководством и членами бюро сельских партийных ячеек, то их насчитывалось 3570 чел. По социальному положению преобладали крестьяне (65,7 %), далее шли рабочие (21,0 %) и служащие (13,3 %). По партийному стажу примерно по трети составляли вступившие в партию до 1923 г., до 1926 г. и в 1927–1929 гг.¹⁵

Из приведенных выше сведений очевидно, что численность низового советского аппарата вместе с членами партийных ячеек (около 117 тыс. чел.) оказывалась недостаточной для осуществления планов форсированного огосударствления аграрного производства и советизации сибирской деревни. В данной ситуации большевистское руководство считало логичным шагом провести масштабную кадровую мобилизацию, где институт уполномоченных разных уровней призван был усилить *исполнительность* директивных решений.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 36. Л. 31.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 407. Л. 82.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

¹² Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 3.

¹³ Там же. С. 66–67.

¹⁴ Там же. С. 74–75.

¹⁵ Там же. С. 92, 94.

Наличие ресурса (в данном случае человеческого) априорно не предопределяет качественное его использование. Так, на совещании в Крайкоме партии 30 января 1930 г. заместитель председателя правления Сибкрайколхозсоюза Харламов, описывая работу городских уполномоченных по организации колхозов, называл последних «гастролерами»: «Мы бестолково сейчас ведем работу <...> мы имеем сейчас очень много гастролерства. У нас из Москвы много гастролеров приехало, мы из края посылаем, вы из округов, а в среднем 40 человек на район. У нас 20–25 сельсоветов в каждом районе. Значит, мы имеем сейчас в районе по два приехавших человека на сельсовет, т.е. на две-три деревни. Это можно гору своротить, если мы скажем: сядьте и не смейте гастролерить. Группа в 3 человека в 1½–2 месяца работы должна дать нам законченные, хорошо организованные один-два колхоза»¹⁶. Такое «гастролерство» осложняло работу всего административного аппарата.

Большие трудности для работы агентов власти на местах привносил бюрократизм системы, дублирование функций и полномочий различными ее акторами. Агенты власти направлялись в деревню по различным «вертикалям» от различных (нередко контролируемых друг друга и конкурирующих друг с другом) органов. Такая ситуация приводила к рассогласованности действий, даже открытой конфронтации друг с другом.

Для понимания механизма функционирования уполномоченных значительную информационную ценность представляют инструкции по работе в деревне для агентов власти. В этих документах доминирует целевая составляющая, в то время как выбор средств для достижения целей оставался нередко в них без внимания. Так, в инструкции работникам, командированным в деревню для ускорения хлебозаготовок, написанной предположительно в декабре 1928 г. заведующим отделом по работе в деревне Сибкрайкома ВКП(б) Комаровым, список программы их работы обозначался как «примерный»¹⁷.

Лаконичные и конкретные по своим функциям инструкции были исключением. В частности, в инструкции уполномоченному по хлебозаготовкам в Омском округе в марте 1929 г. содержались следующие рекомендации: «Еще раз указываем, в основу работы взять установку, которая была дана на совещании актива, и это письмо. Ни в коем случае не делать отсебятины. Никакой мудрости не выдумывать»¹⁸.

При анализе донесений уполномоченных и мобилизованных на места работников «наверх» заметна обвинительная тенденция в адрес представителей низового аппарата власти. Последние оценивали свои полномочия весьма широко: «...с руководителями заготовительных организаций мною было проведено специальное районное совещание по этому вопросу, но пока что результата оказалось мало. По-видимому, придется прибегать к судебным репрессиям»¹⁹. Упомянутый уполномоченный сообщает, как вскоре после своего приезда он «наводил порядок»: раскритиковал деятельность зав. РайЗО, делопроизводитель РайЗО сам подал в отставку, кассир Райисполкома «также уходит», ЗавРайФО и инструктора «попросту нет», «работа по финансовой части почти стоит».

Данный «ревизор» действительно «наводил порядок» в соответствии с полномочиями, понимаемыми как «надзирать и наказывать», но такой «порядок» конструктивного решения не имел: «В общем, “заколдованный круг”, не знаю, за что и браться <...> Нам нужна в этих вопросах Ваша помощь»²⁰.

Специфика работы агентов власти заключалась в перманентном лавировании между «молотом и наковальней» – между поставленными партией задачами (оторванными от действительности) и крестьянским миром (враждебным по отношению к «чужому»). Тем самым они оказывались в маргинальном положении. В первую очередь, агенты власти оказывались заинтересованы в собственном выживании – как в физическом смысле (когда

¹⁶ Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации. 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 124.

¹⁷ ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 3282. Л. 20–24.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 28. Л. 53.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846. Л. 73–74 об.

²⁰ Там же.

жизнь представителя власти оказывалась в опасности в условиях «квазигражданской войны» в деревне), так и в социальном (следовало избежать подозрений в «пособничестве кулаку», удержаться на рабочем месте и выполнить «миссию партии»), затем уже – в укреплении собственной власти на местах.

Делопроизводство ОГПУ содержит информацию о многочисленных «террористических актах» агентов власти в деревне – как «своих», так и «чужаков». Чекисты на своем специфическом новоязе квалифицировали это «ярким выражением обострившейся в настоящее время классовой борьбы в деревне»²¹. «Терактами» сотрудники ОГПУ называли различные формы активного протеста в деревне. Это были коллективные или индивидуальные нападения на местных активистов, государственных и партийных служащих. Доставалось председателям сельсоветов, членам комиссии по хлебозаготовкам, а также другим активистам и посланцам партии. Физическое насилие (избиение, нанесение ножевых ран и пр.), покушения на убийства – все это уже появляется в пик хлебозаготовительной кампании в октябре 1929 г., к концу осени «градус накала страстей» снижается, снова уступив место пассивным формам протеста. Однако постановления ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января 1930 г., начало «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», отправка двадцатипяти тысячников в Сибирь и прочие мероприятия «социалистической реконструкции» деревни становятся причиной новой волны взаимного насилия в деревне.

В деревне развернулась действительно ожесточенная борьба вокруг реализуемых мероприятий, но противников и сторонников данной кампании оказывалось не так легко определить по классовому признаку. И в 1930 г. столкновения происходили не между крестьянами, а между всем деревенским населением и органами власти и партии. Также неприятным открытием для власти стала не только поддержка средним крестьянством «кулаков», но и коллективные выступления в защиту последних. Возникал конфликт дискурсов, заключавшийся в том, что официальный дискурс навязывал «миру деревни» образ «врага» – «кулака». Для крестьянского массового сознания образ «врага» имел противоположное звучание – в деревне в него в момент протестов включали, скорее, не деревенских «кулаков», а рабочих, большевиков и горожан вообще²².

Анализ состояния институтов власти в мобилизационном режиме демонстрирует возраставшие потенциальные риски для собственного функционирования. Сами носители власти различных ее уровней оказывались в зоне риска стать самим объектом репрессий. Здесь и перманентная «чистка» аппарата, и следующие за ней перевыборы, регулярные снятия с должностей представителей власти, которые не справились с реализацией амбиций большевистского руководства. Партийные и советские служащие нижних эшелонов власти наиболее часто становились своеобразными «козлами отпущения» для вымещения на них народного гнева (то, что в теории социального конфликта называется «клапаном» снятия социальной напряженности²³). Местные функционеры, включая и уполномоченных, таким образом превращались в расходный ресурс системы.

Система большевистской власти, основанная на безусловной преданности и полной лояльности ее агентов, приводила к отрицательному отбору при инкорпорации кадров. Система, которая нуждалась в лояльных исполнителях, в которой легко было лишиться своей должности, свободы и даже жизни, естественным образом приводила к специфическим социально-психологическим последствиям: нежеланию брать ответственность за принимаемые решения и оголтелому энтузиазму при исполнении директив. Так, на закрытом совещании членов Президиума Новосибирского Окрисполкома с заведующими отделами 16 декабря 1929 г. было озвучено, что «заведующие отделами и руководители учреждений» всячески избегают брать на себя ответственность за принимаемые решения. Председатель

²¹ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 10.

²² Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М., 2017. С. 160.

²³ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 60–71.

Новосибирского Окрисполкома И.Г. Зайцев открыто признавал причину такого поведения: «Понятно, товарищи боятся, чтобы не попасть впросак или в правый или левый уклон»²⁴.

Реальная жизнь деревни 1929–1930 гг. была отлична от рисуемой большевистской пропагандой картины – деревня оказалась погружена в инспирированную сверху социальную войну, полное «погружение» в которую таило угрозу в отношении лояльности большевистской власти. Масштабные трансформации в рамках «революции сверху» производились насильственным и принудительным характером, приводили к депривации²⁵ сельского населения, социальной эксклюзии²⁶ и маргинализации его части (зажиточного крестьянства), росту фрустрации²⁷ не только среди крестьянского населения, но и среди самих агентов власти. Опыт соучастника трагедии советской деревни мог приводить к внутриличностным конфликтам. Делопроизводство ОГПУ сообщает о бегстве мобилизованных/уполномоченных, о массовом злоупотреблении алкоголем агентами власти, о преступлениях (порой невероятно изощренных и жестоких), совершаемых последними, об их психологических проблемах (жалобы на неврастению и прочие расстройства) и даже о суицидах.

Недовольства злоупотреблениями представителей местной власти и уполномоченных доходят до ВЦИК, до Калинина²⁸. Приведем выдержку из письма некоего агента власти Микуниса на имя Калинина с грифом «безусловно, лично секретно»: «...тебе известно, какие ошибки были допущены во всех этих периодах <...> Я недавно отправил тов. Ярославскому очень богатый материал в котором характеризовалось кого раскулачивали, как раскулачивали и где раскулачивали, т.е. раскулачиваем огромное количество середняков, раскулачиваем не только в районах сплошной колл[ективизации], а везде, там где колл[ективизация] доходит до 25 %, и наконец принимаем все методы мести и раскулачиваем не как класс, а просто физически, что ничего общего не имеет с коллективизацией <...> Я это считаю физическим уничтожением и таким же порядком ликвидируется поп <...> Очень больно об этом говорить <...> Тов. КАЛИНИН, я далеко от паники, но также далеко от опьянения успехами, я не ошибусь, если скажу, что если нами не будут приняты меры оздоровить голомотяпство немедленно по всем затронутым вопросам, то нам не поздоровится от наших успехов...».

Немногие агенты власти имели привилегию быть услышанными, но и в таких случаях для них исход мог быть неблагоприятным. Так, до Калинина дошло заявление члена ВКП(б) Белова, посланного в Ачинском округе, о «непосильном обложении крестьян налогами, хлебозаготовками, незаконном закрытии церквей и раскулачивании красноармейских и партизанских хозяйств». Секретариат Председателя ВЦИК инициировал проверку «правильности заявлений члена ВКП(б) тов. Белова» и пришел к выводу, что «т. Белов при проведении работы на селе и имеющихся трудностях в практической работе переустройства сельского хозяйства *дался в панику*»²⁹. Причем этот вывод был сделан на основе разъяснения Ачинской окружной контрольной комиссии (КК) ВКП(б) – РКК. Тем самым информатор оказался при проверке «паникером».

Отдельные агенты власти становились ренегатами по отношению к большевистскому режиму, публично отказываясь от выполнения возложенной на них миссии. В частности, чекисты отмечали, что двадцатипятидесятники «шли за крестьянскими настроениями после коротких первых выездов в деревню». В своей переписке некоторые ленинградцы в ужасе

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 843. Л. 1.

²⁵ Депривация – лишение или ощущение появления существенного дефицита объектов удовлетворения основных потребностей.

²⁶ Социальная эксклюзия – процесс вытеснения человека на периферию общественной жизни и лишения возможности полноценно участвовать в ней вследствие бедности, нехватки базовых компетенций или дискриминации.

²⁷ Фрустрация – это препятствие на пути целенаправленного поведения; агрессия – это поведение, предназначенное для нанесения вреда – психически или иным образом – тому, на кого оно направлено. Предрасположенность к агрессивному акту в состоянии фрустрации – это часть биологической природы человека. Чем сильнее воспринимаемая угроза жизни (а реализация «сплошной коллективизации» являлось ею), тем сильнее будет насильственный ответ.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 41. Л. 48–49 об.

²⁹ Там же. Д. 44. Л. 5–6.

сообщали, что «округ [находится] накануне восстания», «деревня стонет от проводимой политики», «деревню ободрали»³⁰. Так, агенты власти «вдруг» становились ее противниками: «партия <...> довела страну до разрухи...»³¹. Безусловно, вербальные формы несогласия не следует отождествлять с участием их в активном деревенском протесте, однако это отлично демонстрирует процесс смены статуса «своего» активиста на статус «чужого» – ренегата.

Постулируемый властью тезис о «незнании» истинного положения «наверху» и массовом произволе на местах являлся лишь политическим маневром. Донесения о злоупотреблениях и «перегибах» (читай: реальном насилии. – Е. А.) доходили до Москвы. Часть этих эпизодов сохранилась в делопроизводстве Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ СССР). Обратимся к уже упоминавшейся выше докладной записке А.М. Лежавы от 3 апреля 1930 г. М.И. Калинину, в которой тот пишет: «[в] решительную минуту – ликвидации кулака, как класса, проведения коллективизации и ликвидации перегибов, – становится совершенно понятным, что охарактеризованный нами год тому назад состав [низовых аппаратных] работников смог провести всю эту ответственную работу именно так топорно, грубо и насильственно, как это оказалось на самом деле»³².

Трансформации, происходившие с агентами власти на местах, отлично иллюстрирует исследование известным американским социологом Р.К. Мертонем такого феномена, как непреднамеренный результат намеренного социального действия³³. Мертон выделяет четыре фактора, приводящих к непреднамеренному результату преднамеренного социального действия: «знание/незнание»; ошибки оценки ситуации; «императивность ближайшего интереса» («здесь и сейчас»); выход за пределы той области/сферы, для которой оно предназначалось. Для конкретных мероприятий и кампаний, являющихся частью «Большого социального действия» («революции сверху»), характерен тот или иной фактор (нередко их совокупность), значительным образом искажающий результаты «Великих социалистических преобразований».

Теория Р.К. Мертона о непреднамеренных последствиях намеренного социального действия объясняет причины появления непредвиденного результата, что представляет адекватную научную альтернативу идеологическим штампам и мифам о «классовой борьбе», «вредительстве», «бешеном кулацком сопротивлении» и прочего в качестве объяснений нежелательных последствий. Теория дает возможность понять, чем пренебрегали авторы реализуемых кампаний. И здесь лидирует фактор «императивности ближайшего интереса». Модернизация «здесь и сейчас», строительство социализма «здесь и сейчас», насильственное изменение человеческой природы в угоду идеологической модели тоже необходимо реализовать «здесь и сейчас». Императивность обесценивает «издержки» реализуемых мероприятий, возводя на пьедестал планируемые результаты. Так, в модели «цель – средства» средства становятся самоцелью.

Отдельный интерес представляет то, как реагировали большевики на донесения с мест, каким видели решение по исправлению ситуации. Информационное обеспечение режима, несмотря на высокую степень идеологичности, все же отражало реалии на местах. Все в той же записке Лежавы говорится: «...для этой сложной и трудной работы [сохранение численности колхозов] нынешний состав низовых работников в большинстве своем мало подходит, как потому что он вообще слаб, так еще и потому, и особенно потому, что у этих работников в настоящий момент отношения с крестьянством совершенно испорчены, и к тому же они дискредитировали себя в глазах населения действиями сверху»³⁴.

В конце докладной записки автор прилагает список рекомендаций по исправлению сложившегося положения. Список этот вполне соответствует стилю большевистского руководства: Лежава предлагает «ввести еще 6–8 тысяч сильных работников», «пересмотреть

³⁰ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 223.

³¹ Там же. Л. 228.

³² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

³³ Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

наличный состав нынешних низовых работников и произвести их перестановку», «откомандировать партийцев из советских аппаратов на деревенскую работу», «создать при Президиуме ВЦИК большой кадр разъездных инспекторов <...>, которые должны находиться в разъездах по селам и деревням для контроля»³⁵.

Здесь, как и во многом другом, партийные лидеры руководствовались конструктами идеологии, а не реалиями действительности. Чтобы сломить деревню, оказывается, необходимо лишь «поставить грамотное руководство колхозами»³⁶ и «дать директиву» («...достижение 50 % коллективизации не так уж высокий процент, ибо стоит только дать директиву, что к 1 апреля должно быть 100 % закончено колл[ективизации], и это будет достигнуто»³⁷).

Между тем в конце марта – начале апреля в стране уже проходила кампания демонстративного наказания «перегибщиков», хотя сами девиации «перегибщиков» начинали фиксироваться раньше. В частности, в чекистской сводке о ходе коллективизации в Сибири на 20 февраля 1930 г. отмечалось, что «в ряде районов со стороны местных работников и особенно уполномоченных РИКов нередко практикуются аресты и терроризирование бедняков и середняков, отказывающихся от вступления в колхозы <...> В Барнаульском округе уполномоченный Залесова вызывала по отдельности крестьян, показывала вызванному револьвер и говорила: “Вот этот патрон стоит 5 коп., если не пойдешь в коммуну, то получишь его даром” (Залесова отдается под суд)»³⁸. В сводке Сибкрайкома на начало апреля 1930 г. за «перегибы» в регионе 1 056 функционеров были преданы суду, на 1 147 чел. наложены партийные взыскания, 330 чел. исключены из партии, распущено 14 райкомов партии³⁹. Данные неполны (нет сведений от 5 округов из 18), однако даже в приведенных цифрах проявилась тенденция: наказаниям подверглись в массе своей функционеры и члены партии нижнего звена не выше районного, однако из партийных и чекистских докладов и обзоров следует, что в «подхлестывании» мобилизационных действий роль уполномоченных различных уровней оказывалась значительной.

Таким образом, с реализацией поставленных перед агентами власти в деревне целей возникали кризисные ситуации. Причин этому несколько: чрезвычайно завышенные по своим показателям планы «социалистической реконструкции» деревни (оторванность от реалий действительности, руководство идеологическими конструкциями); неэффективность и негибкость системы (бюрократизм, кадровый дефицит, произвол, нежелание брать на себя ответственность, изоляция агентов власти на местах, несогласованность между собой различных институций); высокий уровень социальной напряженности в деревне («квазигражданская война»); бытовые проблемы (отсутствие жилья и продовольственного довольствия на местах, низкая заработная плата); некомпетентность, неподготовленность городских агентов власти к работе в деревне, специфические личностные трансформации (алкоголизм, агрессивность, депрессии, маргинализация и пр.) последних при деятельности в экстремальных социально-политических условиях.

Литература

Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.

Игнатьева Е.А. Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. (10–13 апреля 2020 г.). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 125–126.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 41. Л. 112.

³⁸ Докладная записка Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК компартии Л.М. Кагановичу. Начало апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 219.

³⁹ Там же. С. 242.

Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г.: сборник документов / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2009. 487 с.

Красильников С.А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 10. С. 40–46.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

References

Coser, L. (2000). *Funksii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi. 205 p.

Gushchin, N.Ya. (1973). *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo hozyaystva. 1926–1937 gg.)* [Siberian Village on the Way to Socialism (Socio-Economic Development of the Siberian Village during the Years of Socialist Reconstruction of the National Economy. 1926–1937)]. Novosibirsk. 518 p.

Ignat'eva, E.A. (2020). Upolnomochennyye kak institut sotsial'no-politicheskoy mobilizatsii v Sibiri v nachale 1930 g. [Commissioners as an Institution of Social and Political Mobilization in Siberia at the Beginning of 1930]. In *Istoriya: materialy 58-y Mezhdunarodnoy nauchnoy studentcheskoy konferentsii 10–13 aprelya 2020 g.* Novosibirsk, IPC NGU, pp. 125–126.

Il'inykh, V.A., Kavcevich, O.K. (Eds.) (2009). *Kollektivizatsiya sibirskoy derevni, yanvar' – mai 1930 g.* [Collectivization of the Siberian Village, January–May 1930]. Novosibirsk. 487 p.

Krasilnikov, S.A. (2011). *Stalinskaya model' sotsial'noy mobilizatsii: nekotorye problemy izucheniya* [Stalin's Model of Social Mobilization: Some Problems of Studying]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10, No. 10, pp. 40–46.

Merton, R.K. (2009). *Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsialnogo deystviya* [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Velikanova, O. (2017). *Razocharovannyye mechtateli: sovetskoe obshchestvo 1920-kh godov* [Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s]. Moscow, ROSSPEN. 295 p.

Д.А. Мамонтова*

ОСВЕЩЕНИЕ ИДЕИ ТРУДОВОГО ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ЖУРНАЛ «ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ» И ГАЗЕТА «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ») В 1922 И 1928 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2023-1-9
УДК 94(47)+343.823+343.244.24

Выходные данные для цитирования:
Мамонтова Д.А. Освещение идеи трудового перевоспитания преступников в советской периодической печати (журнал «Еженедельник советской юстиции» и газета «Советская Сибирь») в 1922 и 1928 годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 116–128. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-09.pdf>

D.A. Mamontova*

REPRESENTATION OF THE IDEA OF LABOR RE-EDUCATION OF THE CRIMINALS IN THE SOVIET PERIODICALS (MAGAZINE “EZHENEDELNIK SOVETSKOY YUSTITSII” AND PAPER “SOVETSKAYA SIBIR”) IN 1922 AND 1928

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-9

How to cite:
Mamontova D.A. Representation of the Idea of Labor Re-Education of the Criminals in the Soviet Periodicals (Magazine “Ezhenedelnik Sovetskoy Yustitsii” and Paper “Sovetskaya Sibir”) in 1922 and 1928 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 116–128. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-09.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the study of the practice of the representation of the idea of prisoners' labor as a mean of their re-education in the Soviet periodicals of the 1920s. This concept was crucial for the Soviet penal policy that was reflected in legislative acts. Until 1924 it was regulated by the decree of VTsIK, dated 17 May 1919, “On the forced labor camps” and the decree of the RSFSR People's Commissariat for Justice, dated 15 November 1920, “The Regulations on general detention places”. In 1924 the Corrective-Labor Code of 1924 became the fundamental document in this sphere. In addition to the legislative support of the Soviet penal policy and its labor concept the process of their ideological justification occurred. Based on the materials of two periodicals which are magazine “Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii” (Eng. The Weekly of Soviet Justice) and paper “Sovetskaya Sibir” (Eng. The Soviet Siberia) the author analyzes the process of the representation of the crucial idea of the Soviet penal policy among the actors within justice and the general population in the beginning and at the end of the 1920s. Study shows that the difference of the target audience of the chosen periodicals didn't influence the way of the representation of the idea of labor re-education. In 1922, when the general framework of Soviet legislation including the penitentiary was developed this concept was promoted as an advantage of Soviet penal system in comparison with pre-revolutionary and foreigners'. That allowed presenting it in a positive context even though there were some problems with its implementation (dismal resource base of the prisons, inability to provide work to all prisoners, competition with people who had no previous convictions). By the end of the 1920s these problems weren't solved that led to the appearance of the critical discourse representation of this concept in the Soviet periodicals. In comparison with the way how it was represented among the general population which was less critical the representation among the actors within justice was much more realistic.

Keywords: sphere of labor, forced labor, penal policy, periodicals, Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii (The Weekly of Soviet Justice), Sovetskaya Sibir' (The Soviet Siberia).

* **Дарья Андреевна Мамонтова**, аспирант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: d.mamontova@g.nsu.ru
Darya Andreevna Mamontova, Postgraduate Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

The article has been received by the editor on 05.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению практики освещения идеи труда осужденных как средства их исправления в советской периодической печати 1920-х гг. Данный принцип являлся ключевым для советской пенитенциарной политики, нашедший свое отражение в законодательно-нормативных актах. До 1924 г. к ним относились декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 и Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920. В 1924 г. основополагающим документом в данной сфере стал Исправительно-трудовой кодекс (ИТК 1924 г.). Кроме законодательного оформления самой советской пенитенциарной политики и ее трудового принципа, параллельно происходил процесс их идеологического обоснования. На материалах двух периодических изданий – журнала «Еженедельник советской юстиции» и газеты «Советская Сибирь» – рассматривается в динамике осуществление процесса презентации центральной идеи советской уголовно-исполнительной политики для деятелей юстиции и для широкой аудитории в целом в начале и конце 1920-х гг. Установлено, что, несмотря на различную целевую аудиторию выбранных изданий, освещение идеи трудового перевоспитания осужденных осуществлялось в общем заданном политикой направлении. В 1922 г., когда формировались общие основы советского законодательства, в том числе в пенитенциарной политике, данный принцип трактовался как преимущество советской уголовно-исполнительной системы в сравнении с дореволюционной и зарубежными практиками и отражался преимущественно с позитивных сторон, хотя его реализация на практике сталкивалась с трудностями (слабость ресурсной базы мест заключения, невозможность обеспечить всех трудоспособных осужденных работами, конкуренция с несудимым населением). К концу 1920-х гг. проблемы не были решены, что привело к появлению критического дискурса при освещении данного принципа в периодике. И если в общей периодике продолжалось отражение проблемы в доктринальном ключе, то в юридической среде практике трудового перевоспитания преступников давались преимущественно реалистические и критические оценки.

Ключевые слова: сфера труда, принудительный труд, пенитенциарная политика, периодическая печать, «Еженедельник советской юстиции», «Советская Сибирь».

Статья поступила в редакцию 05.11.2022 г.

Создание «новой» советской пенитенциарной системы тесно связывалось с идеей труда как средства исправления преступников. Впрочем, труд являлся важным элементом не только уголовно-исполнительной политики, но и основой раннесоветского государства в целом. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. провозглашался лозунг «Не трудящийся да не ест» (ст. 18)¹, объявлявший труд на официальном уровне обязательным для всего населения страны. Принятый в этом же году первый советский Кодекс законов о труде (КЗоТ) легализовал и регламентировал принудительный труд, провозгласил трудовую повинность².

В 1922 г. был разработан и принят принципиально новый в своей основе КЗоТ, просуществовавший в данной редакции с определенными внесенными в него изменениями вплоть до 1971 г. Главным его отличием от предыдущего издания 1918 г. стала отмена всеобщей

¹ Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 28.11.2022).

² Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1030.

трудовой повинности. Работы, предоставляемые населению РСФСР, обозначались теперь как «вольнораемные» (ст. 5)³. Более сложным оказалось решение проблемы правовой определенности принудительного труда, который сохранил свой статус особенного, специфического, но практикуемого в отношении заключенных.

Несмотря на то, что мысль об исправительно-трудовом воздействии на заключенных крайне активно продвигалась учеными-пенитенциаристами в 1920-х – начале 1930-х гг.⁴, сама идея не являлась изобретением исключительно советского периода.

Принудительный труд находился в практической плоскости уже в позднеимперский период. Так, каторжные работы как один из видов наказания фигурировали в Уголовном Уложении 1903 г.⁵ Привлечение заключенных к работам упоминалось и в последнем нормативном акте имперской России, касающемся пенитенциарной политики, – Общей тюремной инструкции 1915 г. Среди целей организации работ при местах заключения обозначились следующие: 1) отвлечение осужденных от праздности; 2) приучение их к труду; 3) обучение полезным ремеслам; 4) предоставление заработка⁶.

В годы Гражданской войны требования исправительно-трудового воздействия на заключенных также фиксировались в законодательно-нормативных актах. К таким относились декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 (ст. 31)⁷ и Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 г. (ст. 111)⁸. Кроме того, во втором документе обозначалась привязка к конституционной норме в виде пояснения, что труд является обязательным «для каждого гражданина РСФСР», в том числе и для заключенных.

В 1924 г. на второй сессии ВЦИК XI созыва был принят Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР, подводивший не только итог опыта уголовно-исполнительной политики в первые годы нэпа, но и ставивший существующую практику на правовую основу. Тем не менее уже на том раннем этапе действие Кодекса распространялось только на пенитенциарные учреждения в системе Главного управления мест заключения (ГУМЗ НКВД РСФСР), в то время как лагерно-тюремная система ОГПУ находилась вне его применения.

Особое внимание в ИТК 1924 г. уделялось вопросам средств исправления преступников, среди которых выделялись проведение культурно-образовательных мероприятий и организация трудовой деятельности. Построение рабочего процесса как самих заключенных, так и осужденных к принудительным работам без содержания под стражей основывалось на статьях КЗоТа (ст. 29, 57)⁹. По нему регламентировались продолжительность рабочего дня, условия применения сверхурочных работ¹⁰. Труд провозглашался обязательным для всех способных к нему заключенных (ст. 52). Работы делились на внутренние, проводящиеся в пределах места заключения, и внешние, проводящиеся вне его, которые в свою очередь делились на хозяйственные и производственные (ст. 60).

Особое место в ИТК 1924 г. отводилось организации принудительных работ без содержания под стражей. Так же как и труд в пенитенциарных учреждениях, его условия основыв-

³ Кодекс законов о труде 1922 г. // Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учеб. пособие. М., 2001. С. 344.

⁴ См., например: Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М., 1927. С. 24, 26; Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников. М., 1930. С. 15–16.

⁵ Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. С. 14.

⁶ Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/revolyutsionnoe-dvijenie-politicheskij-43847.html> (дата обращения: 28.11.2022).

⁷ Декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_458.htm (дата обращения: 28.11.2022).

⁸ Здесь и далее: Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_772.htm (дата обращения: 28.11.2022).

⁹ Здесь и далее: Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 28.11.2022).

¹⁰ Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1032.

вались на статьях КЗоТа (ст. 29), однако с большим распространением на осужденных к этому виду работ норм трудового права¹¹. В частности, им полагался двухнедельный отпуск один раз в году (при непрерывной работе не менее 5 ½ месяцев) (ст. 37), а также отпуск по болезни и материнству (ст. 38).

Таким образом, первый советский ИТК основывался на соединении его установок с положениями КЗоТа, что в последующем «размывалось» и уходило из правоприменительной практики мест заключения.

Издание законодательства не было единственным шагом в сторону становления «новой» пенитенциарной системы. Наряду с этим проводилось ее идеологическое обоснование, в том числе идеи трудового воздействия на преступников, как среди деятелей юстиции, так и для населения в целом. Данное исследование ставит задачу выявления характеристик представления идеи о трудовом исправлении преступников в их динамике на основе анализа прессы в рубежные для пенитенциарной политики годы: 1922 г. как принятие нового Уголовного кодекса и 1928 г. как принятия решения об ужесточении пенитенциарной политики.

Реализация данной задачи осуществлялась за счет находящихся под контролем власти дискурсивных практик, с помощью которых формировался образ советской уголовно-исполнительной политики, в частности ее ключевой идеи об исправлении путем привлечения к трудовой деятельности. Под образом понимается формируемое в сознании читателей представление о чертах, присущих конкретной пенитенциарной политике.

При анализе данного аспекта были использованы такие методы исследования, как контент- и дискурс-анализ. Оба используются для обработки текстовых массивов: в первом случае – количественно, во втором – качественно.

Переосмысление роли языка и использование лингвистики сначала в антропологических исследованиях, а затем и в исторических началось в XX в., когда в гуманитарной сфере произошел «лингвистический поворот». Одним из основоположников данного подхода являлся Жак Деррида, французский философ и теоретик литературы. Особое внимание он уделял осознанию того, что язык не описывает мир, а создает его, задавая определенные принципы и границы мышления человека¹².

Его идеи переосмыслил литературовед Ролан Барт. По его мнению, каждый текст открыт для бесконечного числа интерпретаций¹³. В своей работе «S/Z» (1970), представляющей собой постструктуралистский анализ новеллы Бальзака «Сарразин», он выделяет в каждой «лексеме» (смысловой единице, обычно равной фразе или предложению) несколько видов символических кодов, отсылающих к той или иной сфере культуры¹⁴.

При таком определении язык довольно близок по значению к дискурсу, который больше связан с социальным, культурным, историческим или политическим контекстом, влияющим на тип коммуникации¹⁵. Данную проблематику широко разрабатывал Мишель Фуко, которого следует охарактеризовать как «историка дискурса». М. Фуко изучал различные маргинальные явления («История безумия в классическую эпоху» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Надзирать и наказывать» (1975)), исследовал их генеалогию и показывал историю их конструирования, их искусственность и идеологизированность.

Дискурс для него – это то, что создано из совокупностей знаков. При этом дискурс – это не просто речь или текст, а текст вместе с социальной практикой, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам. Помимо термина «дискурс», М. Фуко также оперировал термином «дискурсивные практики» – совокупность исторических правил, устанавливающих условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономиче-

¹¹ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1033.

¹² Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М., 2011. С. 412.

¹³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 389–390.

¹⁴ Барт Р. S/Z. М., 2001. С. 44.

¹⁵ Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 21.

ского или географического пространства. Эти правила всегда являются определенными во времени и пространстве¹⁶.

Актуальность и необходимость обращения внимания на дискурсивные практики обуславливаются тем, что, по мнению Тён ван Дейка, нидерландского лингвиста, дискурс напрямую связан с властью, поскольку лишь у ограниченного количества людей есть возможность «говорить и писать то, что хотят, тогда, когда хотят, и тому, кому хотят»¹⁷. При изучении дискурса необходимо фокусироваться на характеристиках, которые ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп¹⁸. К таким можно отнести интонации, визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, музыка), синтаксические структуры (например, активный или пассивный залог), выбор лексики, речевых оборотов и пр.¹⁹ Сами по себе структуры дискурса нейтральны. Но в специфических коммуникативных ситуациях и в условиях специфической интерпретации дискурса они приобретают манипулятивные функции²⁰. Под манипуляцией подразумевается коммуникативная и интеракционная практика, в рамках которой осуществляется контроль над людьми, как правило, против их воли или интересов²¹. Манипуляция не просто включает в себя элемент власти, а особым способом подразумевает злоупотребление дискурсивной властью²². Именно поэтому в данном случае мы обращаемся к этой проблеме, поскольку манипуляция представляет собой одну из дискурсивных практик доминирующих групп, направленных на воспроизводство их власти в обществе²³.

В изучаемый нами период задачами уголовно-исполнительной пропаганды в профессиональной среде активно занимались ученые-пенитенциаристы, развивавшие идеи советской пенитенциарной политики в своих трудах. К таковым следует отнести М.Н. Гернета, М.М. Исаева, А.А. Пионтковского, Е.Г. Ширвиндта, Б.С. Утевского и др.

Кроме того, несмотря на имеющуюся законодательную базу, покрывавшую основные вопросы реализации советской исправительно-трудовой политики, некоторые положения не были достаточно явными или же вовсе не освещались в данных документах. Для выхода из подобных затруднений создавались специальные периодические издания, касающиеся юридической тематики и предназначенные для работников данной сферы, в частности журналы «Административный вестник», «Право и жизнь». К их числу необходимо отнести журнал «Еженедельник советской юстиции», являвшийся органом НКЮ РСФСР, анализ выпусков которого за 1922 и 1928 гг. под углом заявленной тематики произведен в данной статье.

Для анализа создаваемых образов трудового воздействия на преступников среди рядового населения были использованы номера газеты «Советская Сибирь», которая в 1922–1925 гг. являлась политическим печатным органом Сибревкома и Сиббюро РКП(б), а затем, в 1925–1930 гг., органом партийно-государственного руководства Сибирского края.

Выбор указанных лет объясняется процессами, протекавшими в это время в уголовно-исполнительной сфере. К 1922 г. пенитенциарная система республики освободилась от наследия Гражданской войны, что проявилось в ликвидации лагерей. Несмотря на то, что места заключения, подведомственные ВЧК (а впоследствии, после 1922 г., ОГПУ), сохранялись, основу уголовно-исполнительной системы составляли общие места заключения.

В Сибири же из-за Гражданской войны работа по построению исправительно-трудовой системы осуществлялась позже центральных территорий: 5 января 1920 г. в составе отдела юстиции Сибирского революционного комитета (Сибревком) развернул свою деятельность

¹⁶ Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. 1998. С. 177.

¹⁷ Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть... С. 27.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 271.

²¹ Там же. С. 255.

²² Там же.

²³ Там же. С. 258.

карательный подотдел, руководящий системой мест заключения²⁴. В частности, в Новониколаевске в этот период функционировали два вида пенитенциарных учреждений – концентрационный лагерь, подконтрольный ВЧК, и дом принудительных работ, подведомственный НКЮ РСФСР. На протяжении 1920 г. места заключения создавались и в других губернских центрах Сибири (Томская, Алтайская, Омская губернии и пр.), сложившись к 1922 г. в устойчивую региональную систему.

Вторая половина 1920-х гг. в пенитенциарной сфере характеризовалась ужесточением, связанным с возникновением идеи о более широком применении принудительного труда в различных его формах в 1927 г., а впоследствии и ее закреплением на законодательном уровне – издание постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28.03.1928, которое, кроме того, содержало в себе момент усиления классового подхода в советской пенитенциарной политике²⁵.

Гипотезой исследования выступает предположение, что представление информации о труде в местах заключения зависит от вида издания, но не определяется исключительно им. Профессиональная периодическая печать, хоть и направленная в большей степени на объективное представление информации, обсуждение затруднений, возникающих в ходе реализации законодательно-нормативных актов, высказывание мнений, будет также выполнять функцию пропаганды «новой» уголовно-исполнительной политики, однако в более формальном варианте по сравнению с региональной прессой.

Также предполагается, что на пенитенциарный дискурс оказывали влияние доктринальные приоритеты каждого из периодов. Первый из них характеризовался существовавшей необходимостью пропаганды «новой» исправительно-трудовой политики с упором на ее преимущества по сравнению с дореволюционной и зарубежной практиками. Во второй период преобладающим станет императив ужесточения практик реализации пенитенциарной политики.

1922 г. был первым годом существования журнала «Еженедельник советской юстиции». И несмотря на то, что уже тогда в нем поднималось большое количество различных сюжетов, дискуссии по вопросам пенитенциарной политики не были представлены широко. В 47 просмотренных за этот год выпусках было выявлено 6 сообщений по пенитенциарной политике в 5 номерах. Позднее сообщения по данной тематике появлялись то чаще, то реже – в зависимости от насущности проблем уголовно-исполнительной политики. Так, за 1928 г. были просмотрены 52 номера, в 28 из которых были выявлены 43 упоминания пенитенциарной политики. Все сообщения тематически были поделены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Отражение пенитенциарной политики
в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Официальная часть	0 (0 %)	22 (51,16 %)
Литература по пенитенциарной политике	0 (0 %)	9 (20,93 %)
Публицистическая статья	5 (83,33 %)	12 (27,9 %)
Тезисы	1 (16,66 %)	0 (0 %)
Всего	6 (100 %)	43 (100 %)

Данные табл. 1 показывают, насколько была актуальна тематика пенитенциарной политики для деятелей юстиции в выбранные годы. Несмотря на то, что 1922 г. характеризовался важными для советской уголовно-исполнительной политики моментами, указанными выше, в профессиональной среде данный сюжет преимущественно обходили стороной.

²⁴ Разбирин Л.И. Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 гг.). Новосибирск, 2020. С. 13.

²⁵ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 14. С. 417–419.

Напротив, к 1928 г. вопросы пенитенциарной политики становятся более насущными в связи с юбилеем Октябрьской революции и проводимой в честь этого амнистии, и, соответственно, самой советской уголовно-исполнительной системы, в частности сюжет о принудительных работах. Именно из-за проведения масштабного освобождения заключенных большее количество сообщений приходится на рубрику «Официальная часть», где подробно рассматривались вопросы организации проводимой амнистии.

Среди всех этих сообщений были выделены те, в которых упоминалась тематика труда по выделенным в табл. 1 рубрикам (табл. 2).

Таблица 2

Отражение тематики труда в пенитенциарной сфере
в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Официальная часть	0 (0 %)	7 (50 %)
Литература по пенитенциарной политике	0 (0 %)	0 (0 %)
Публицистическая статья	2 (100 %)	7 (50 %)
Тезисы	0 (0 %)	0 (0 %)
Всего	2 (100 %)	14 (100 %)
Процентное соотношение к общему количеству сообщений по пенитенциарной политике	33,33 %	32,55 %

Несмотря на разницу в количестве сообщений по пенитенциарной политике в целом в выбранные годы, тематика труда в обоих случаях являлась важной и занимала около трети от всех сообщений. В 1922 г. данная тема поднималась в рамках проблемы содержания мест заключения. На 5-м Всероссийском съезде заведующих отделами управления в сфере карательной политики был поднят вопрос возможности самообеспечения пенитенциарных учреждений. В одной из статей отмечалось, что в ближайшее время такой переход невозможен, поскольку подневольный труд менее интенсивный, чем свободный²⁶. Ввиду этого предпринимались меры по снижению расходов на содержание мест лишения свободы. Например, осуществлялись попытки более широкого использования принудительных работ без содержания под стражей, что, однако, негативно сказывалось на несудимом населении, поскольку между ними и заключенными возникала конкуренция²⁷.

В 1928 г. вопрос об использовании труда заключенных приобрел другой формат. Во-первых, началось масштабное обсуждение вопроса об организации самих принудительных работ и насколько она соответствует принципам исправительно-трудовой политики. Во-вторых, это связано с изданием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28 марта 1928 г., по которому утверждались три основных принципа принудительного труда: 1) бесплатность; 2) хозяйственная выгодность; 3) реальность репрессии²⁸. Помимо этого, в постановлении проводилась более жесткая классовая линия, выражавшаяся в необходимости применять жесткие меры репрессии в отношении классовых врагов, а также в ограничении для них льгот – зачет рабочих дней, предоставление отпусков и др.²⁹

Для анализа пенитенциарных дискурсивных практик в журнале «Еженедельник советской юстиции» выделим из общего массива сообщения с тональной оценкой (позитивной,

²⁶ Б. П. Об организации тюрем на началах самокупаемости (По поводу резолюции 5-го Всероссийского съезда заведывающих отделами управления по вопросу о карательной политике) // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 14–15. С. 9.

²⁷ И. С. К вопросу о принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 36. С. 13.

²⁸ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 14. С. 418.

²⁹ Там же. С. 417–418.

негативной, сообщения с обеими оценками), а также с нейтральной – сообщения, в которых отсутствовали оценочные суждения (табл. 3).

Таблица 3

Тональность сообщений по трудовому аспекту пенитенциарной политики в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1922 и 1928 гг.

Оценка сообщений	1922	1928
Позитивная	0 (0 %)	0 (0 %)
Негативная	0 (0 %)	4 (28,57 %)
Наличие обеих	1 (50 %)	2 (14,28 %)
Нейтральная	1 (50 %)	8 (57,14 %)
Всего	2 (100 %)	14 (100 %)

Представленные данные показывают, как за изучаемый период изменился характер представления информации о трудовом аспекте пенитенциарной политики. В обоих случаях преобладающими являются сообщения безоценочные, но в 1922 г. встречается также одно сообщение с обеими оценками. В 1928 г. данный «набор» расширяется в пользу присутствия сообщений еще и негативных, количество которых составляет практически треть от всех упоминаний.

В 1922 г. вопрос труда в пенитенциарной политике напрямую был связан с практикой его реализации, которая и оценивалась негативно из-за существующих проблем: невозможность организовать самокупаемость пенитенциарных учреждений, фикция наказания из-за невозможности обеспечить работой всех осужденных, конкуренция с несудимыми трудящимися. Однако важность самой идеи труда в уголовно-исполнительном деле от этих недостатков не перечеркивалась. Так, перечисляя трудности организации принудительных работ, автор одной из статей отмечает, что вместо того, чтобы «на зеркало пенять»³⁰, «лучше поработать над правильной организацией очень интересного и гуманного дела (принудительных работ. – Д. М.)»³¹.

Данные проблемы с организацией труда заключенных и осужденных на работы без содержания под стражей к 1928 г. только усугубились. Именно поэтому усилилась и негативная оценка данной меры исправления преступников. Авторами статей отмечалось, что существующие на тот момент времени принудительные работы являлись «либеральной дребеденью»³², «извращением и отступлением»³³ от основных принципов ИТК и т.д. Несмотря на указания существующих проблем и несоответствия проводимой практики имеющимся теоретическим воззрениям («принудительные работы... не являлись реальной мерой социальной защиты благодаря их полной неорганизованности»³⁴, «продолжение прежней политики в дальнейшем совершенно нетерпимо»³⁵, «в стране, где высшим законом является закон “не трудящийся, да не ест”, мы не можем иметь взрослых людей бездельничающих, поеда-

³⁰ К вопросу о принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 36. С. 13.

³¹ Там же.

³² Файнблит С. Тюремный режим и досрочное освобождение (По материалам Центральной Распределительной Комиссии) // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 11. С. 326.

³³ Траскович Ф. Очередные задачи в области исправительно-трудовой политики // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 26. С. 733.

³⁴ Траскович Ф. Новый закон о принудительных работах и очередные задачи органов юстиции на местах // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 21. С. 620.

³⁵ Там же. С. 622.

ющих казенный хлеб»³⁶ и пр.), высказывались надежды на новый закон о принудительных работах, который даст гарантии, чтобы считать данную «меру социальной защиты... как действительно реальную меру репрессии»³⁷. Следует, однако, иметь в виду, что «Еженедельник советской юстиции» являлся органом НКЮ, традиционно критиковавшим пенитенциарную систему ГУМЗ НКВД РСФСР с позиций ее слабости и неэффективности.

В газете «Советская Сибирь» за 1922 г. были просмотрены 275 номеров газеты, в 75 из которых выявлено 90 упоминаний о состоянии уголовно-исполнительной системы. В 1928 г. в просмотренных 248 номерах количество сообщений возросло до 218. Все сообщения за оба года тематически были поделены следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Отражение пенитенциарной политики в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Амнистия	15 (16,66 %)	40 (18,34 %)
Внутренняя жизнь мест заключения	25 (27,77 %)	62 (28,44 %)
Дореволюционная пенитенциарная система	1 (1,11 %)	2 (0,91 %)
Зарубежная пенитенциарная система	35 (38,88 %)	92 (42,2 %)
Официальная часть	3 (3,33 %)	4 (1,83 %)
Отражение советской пенитенциарной системы в зарубежной прессе	2 (2,22 %)	2 (0,91 %)
Поддержка зарубежных заключенных	7 (7,77 %)	14 (6,42 %)
Реорганизация пенитенциарных органов	2 (2,22 %)	2 (0,91 %)
Всего	90 (100 %)	218 (100 %)

Приведенные данные свидетельствуют о том, что структура пропаганды исправительно-трудовой политики в сибирской газете за представленные годы в целом не изменилась. Доля сообщений в ней о зарубежной пенитенциарной системе в 1928 г. оставалась на таком же высоком уровне, как и в 1922 г., даже превосходя долю сведений, посвященных функционированию отечественных мест заключения. Подобное распределение сообщений показывает, что тема зарубежной уголовно-исполнительной системы была критически важна для советской власти, поскольку позволяла решить одновременно две задачи – дискредитировать пенитенциарные системы зарубежных стран и создать на их фоне образ более успешной, советской. Данное противопоставление иллюстрирует важность поддержания идеологического концепта «мы – они» на протяжении всех 1920-х гг.

Среди выявленных сообщений нами выделены те, в которых упоминалась тематика труда. Все публикации также распределены по рубрикам, обозначенным в табл. 4 (табл. 5).

Данные табл. 5 показывают, что тематика труда, несмотря на ее ключевое значение для самой советской пенитенциарной политики, не являлась приоритетной темой при освещении уголовно-исполнительной политики в газете «Советская Сибирь». Решающую роль, как отмечалось выше, носила рубрика «Зарубежная пенитенциарная система», в которой, соответственно, рассказывалось про условия жизни и труда заключенных за пределами Советского государства. Это также подтверждает установку, что создание образа пенитенциарной политики СССР строилось преимущественно на противопоставлении ее с «чуждыми» политиками, нежели на представлении ее достоинств в виде доктрины «исправления трудом».

³⁶ Очередные задачи в области работы административных органов (доклад Народн. Комиссара Внутр. Дел РСФСР г. Толмачева на II Всероссийск. Съезде административных работников (Окончание)) // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 22. С. 645.

³⁷ Траскович Ф. Новый закон о принудительных работах и очередные задачи органов юстиции на местах // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 21. С. 621.

Таблица 5

Отражение тематики труда в пенитенциарной сфере
в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Амнистия	0 (0 %)	0 (0 %)
Внутренняя жизнь мест заключения	5 (71,42 %)	11 (78,57 %)
Дореволюционная пенитенциарная система	1 (14,28 %)	0 (0 %)
Зарубежная пенитенциарная система	0 (0 %)	0 (0 %)
Официальная часть	1 (14,28 %)	3 (21,42 %)
Отражение советской пенитенциарной системы в зарубежной прессе	0 (0 %)	0 (0 %)
Поддержка зарубежных заключенных	0 (0 %)	0 (0 %)
Реорганизация пенитенциарных органов	0 (0 %)	0 (0 %)
Всего	7 (100 %)	(100 %)
Процентное соотношение к общему количеству сообщений по пенитенциарной политике	7,77 %	5,96 %

Для анализа дискурсивных практик темы труда в уголовно-исполнительной политике выделим из общего массива сообщения с тональной оценкой (позитивной, негативной, сообщения с обеими оценками), а также с нейтральной – сообщения, в которых отсутствовали оценочные суждения (табл. 6).

Таблица 6

Тональность сообщений по трудовому аспекту пенитенциарной политики
в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.

Оценка сообщений	1922	1928
Позитивная	3 (42,85 %)	0 (0 %)
Негативная	0 (0 %)	2 (15,38 %)
Наличие обеих	1 (14,28 %)	1 (7,69 %)
Нейтральная	3 (42,85 %)	10 (76,92 %)
Всего	7 (100 %)	13 (100 %)

В обоих случаях большую часть сообщений, связанных с трудом в пенитенциарной практике, составляли те, где констатировался сам факт трудовой деятельности без какой-либо его оценки. Необходимо отметить смену структуры полярных оценочных суждений (позитивные/негативные) за указанный период. Если в 1922 г. сообщения с тематикой труда носили исключительно позитивную оценку, то в 1928 г. ситуация представляется в точности наоборот. Для более детального анализа дискурсивных практик следует обратиться к конкретным случаям использования той или иной тональной оценки.

В 1922 г. позитивная тональная оценка работала на создание выгодного образа советской уголовно-исполнительной политики, освещая ее достижения. Ключевой темой выступало

исправление преступников путем привлечения их к трудовой деятельности. В подобных сообщениях акцент делался в первую очередь на трансформации ценностных установок у преступников, для которых труд становится не принудительным, а осознанным действием. До попадания в пенитенциарные учреждения некоторые заключенные никак не были связаны с трудовой деятельностью: «недавно мы не имели понятия об этом (о труде. – Д. М.)»³⁸, – приводятся слова одного из них. Сейчас же они не только участвуют в трудовом процессе («теперь можем сами работать самостоятельно, заработать честно себе на кусок хлеба»³⁹), но и «тяготятся»⁴⁰ при отсутствии работ.

В сообщении с обеими оценками проводилось противопоставление между позднеимперской и раннесоветской пенитенциарными политиками. Отмечалось, что в советских местах заключения, в отличие от дореволюционных, заключенным предоставлялись «широкие возможности, прежде всего умственного (культурного), а затем и физического развития...»⁴¹, а «значительная часть» прибывших заключенных приобрела профессию, в то время как с прибытием в место заключения у них «никаких способностей и специальностей в этих областях не было»⁴².

Если в 1922 г. негативные моменты трудовой деятельности заключенных или ее организации совсем не затрагивались, то в 1928 г. в печати начал появляться акцент на проявлениях неэффективной деятельности работников пенитенциарных органов в сфере организации труда заключенных. Так, при обследованиях сельскохозяйственного отдела Исправительно-трудового дома в Новосибирске отмечались «неопытность» и «халатность» сотрудников мест заключения, из-за которых погибло около 3 десятин разных культур⁴³. В других случаях критиковалась «безобразная бесхозяйственность» в рабочей части Тарского Исправительно-трудового дома, вследствие чего она оказалась убыточной⁴⁴.

Несмотря на отмеченные недостатки в работе пенитенциарных учреждений («сносно оборудованные» мастерские, отсутствие помещений, не позволяющее расширить работы⁴⁵), утверждалось, что процесс исправления преступников осуществлялся: заключенные, по выражению корреспондента, выражали готовность «вступить на путь честной трудовой жизни»⁴⁶. В данном случае мы видим, что пропаганда продолжала демонстрировать благотворность влияния труда на личность заключенных, но одновременно с этим указывались условия, тормозившие воплощение данной доктрины на практике.

Исследование проблематики труда как важнейшей части пенитенциарной политики в раннесоветской печати позволяет сделать следующие выводы. Газета «Советская Сибирь», не специализируясь на освещении вопросов юстиции, в том числе касающихся пенитенциарной политики, однако четко обозначала и пропагандировала ее приоритеты. «Еженедельник советской юстиции» в большей степени был ориентирован на обсуждение пенитенциарной тематики, нежели ее идеолого-пропагандистского обеспечения. В юридическом издании оценочные суждения оказывались более жесткими, конкретно указывающими на недостатки реализации принципа трудового исправления преступников, на просчеты в исправительно-трудовом деле. При этом оба органа не ставили под сомнение саму доктрину.

В целом отражение трудового аспекта в обоих изданиях, несмотря на их различия, проходило в рамках одних тенденций. Представление идеи трудового воздействия на преступников с целью их исправления, подававшейся как прогрессивной и отличающей советскую пенитенциарную политику от «иных», позднеимперской и зарубежных, претерпело свою трансформацию в период с 1922 по 1928 г. Первоначально доктринальная идея подава-

³⁸ Химическая мастерская «Ито» // Советская Сибирь. Новониколаевск, 06.07.1922. № 148. С. 4.

³⁹ Химическая мастерская «Ито»... С. 4.

⁴⁰ Исправительно-трудовой дом // Советская Сибирь. Новониколаевск, 14.11.1922. № 257. С. 3.

⁴¹ Прежде и теперь // Советская Сибирь. Новониколаевск, 13.04.1922. № 82. С. 4.

⁴² Там же.

⁴³ Отклики на заметки // Советская Сибирь. Новосибирск, 28.11.1928. № 276. С. 4.

⁴⁴ Хозяйственники Тарского округа работают «На-ура» // Советская Сибирь. Новосибирск, 21.07.1928. № 168. С. 3.

⁴⁵ Как живут заключенные // Советская Сибирь. Новосибирск, 19.06.1928. № 140. С. 3.

⁴⁶ Там же.

лась как преимущество советской уголовно-исполнительной системы через противопоставление другим пенитенциарным системам. Затем через несколько лет стало очевидно, что данный принцип не оправдывал возложенных на него надежд в ходе его практической реализации, вследствие чего в прессе началось критическое его освещение. Но если газета «Советская Сибирь» ограничивалась направленностью критики, поддерживая образ правильности идеи советской пенитенциарной политики для советского социума, то в журнале «Еженедельник советской юстиции», созданном в первую очередь для обсуждения актуальных вопросов юридической практики, критика пришлась в «самое сердце» уголовно-исполнительной политики – реализуемость принципа трудового перевоспитания преступников. Отметим, однако, что критичность издания Наркомата юстиции следует рассматривать в контексте его межведомственной борьбы с Наркоматом внутренних дел вокруг вопроса о руководстве местами заключения. Сам же по себе доктринальный принцип «перековки трудом» заключенных прошел через всю советскую эпоху.

Литература

- Автономова Н.С. *Философский язык Жака Деррида*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.
- Барт Р. *S/Z* / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бердинских В.А., Веремьев В.И. *Краткая история ГУЛАГа*. М., 2018. 440 с.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс] / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 28.11.2022).
- Ширвиндт Е., Утевский Б. *Советское пенитенциарное право*. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.
- Киселев И.Я. *Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учеб. пособие*. М.: НОРМА, 2001. 384 с.
- Красильников С.А. *Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе* // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1027–1046.
- Разбиринна Л.И. *Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 гг.)*. Новосибирск: НГУЭУ, 2020. 183 с.
- Сокулер З.А. *Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко* // *Философия науки и техники*. 1998. С. 174–182.
- Тён А. ван Дейк. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* / пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 344 с.
- Упоров И.В. *Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития* [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (дата обращения: 28.11.2022).
- Утевский Б.С. *Как советская власть исправляет преступников*. М.: Издательство народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 67 с.

References

- Avtonomova, N.S. (2011). *Filosofskiy yazyk Zhaka Derrida* [The Jacques Derrida's Philosophical Language]. Moscow, Encyclopedia Publishers (ROSSPEN). 510 p.
- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress. 616 p.
- Bart R. (2001). *S/Z [S/Z]*. Moscow, Editorial URSS. 232 p.
- Berdinskikh, V.A., Verem'ev, V.I. (2018). *Kratkaya istoriya GULAGa* [The Brief History of GULAG]. Moscow. 440 p.
- Dijk, Teun A. van (2013). *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i komunikatsii* [Discourse and Power: Representation of the Dominance in Language and Communication]. Moscow, Librokom. 344 p.

Kiselev, I.Ya. (2001). *Trudovoe pravo Rossii. Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Russian Labor Law. The Historical and Legal Research]. Moscow, NORMA. 384 p.

Krasilnikov, S. (2017). *Mezhdru pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskom obshchestve* [Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, No. 4, pp. 1027–1046.

Razbirina, L.I. (2020). *Ocherki po istorii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Novosibirskoy oblasti (1920–1960 gg.)* [Essays on the History of Penal System of Novosibirsk Oblast' (1920–1960)]. Novosibirsk, NSUEM. 183 p.

Shirvindt, E., Utevskiy B. (1927). *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [The Soviet Penal Law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU RSFSR. 276 p.

Sokuler, Z. (1998). Metodologiya gumanitarnogo poznaniya i kontseptsiya “vlasti-znaniya” Mishelya Fuko [The Methodology of Humanitarian Knowledge and the Michel Foucault's Concept of Power and Knowledge]. In *Filosofiya nauki i tekhniki*. Pp. 174–182.

Uporov, I.V. (2004). *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [The Russian Penal Policy in XVIII–XX Centuries. The Historical and Legal Analysis of Development Trends]. St. Petersburg. Available at: URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (date of access 28.11.2022).

Utevskiy, B.S. (1930). *Kak sovetskaya vlast' ispravlyayet prestupnikov* [How the Soviet Authorities Correct Criminals]. Moscow, Izdatel'stvo narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR. 67 p.

Yakovlev, A.N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerey. 1918–1960* [GULAG: The Main Department of the Camps. 1918–1960]. Comp. by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow, MFD. Available at: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (date of access 28.11.2022).

О.А. Белоусова*

КАДРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (1917–1941 ГОДАХ)doi:10.31518/2618-9100-2023-1-10
УДК 93/94;343.8

Выходные данные для цитирования:
Белоусова О.А. Кадры отечественной уголовно-исполнительной системы (1917–1941 годах) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 129–140.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-10.pdf>

O.A. Belousova*

CADRES OF THE PENAL SYSTEM OF THE OUR COUNTRY IN 1917–1941

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-10

How to cite:
Belousova O.A. Cadres of the Penal System of the Our Country in 1917–1941 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 129–140.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-10.pdf>]

Abstract. The article discusses some aspects of the personnel policy of the penal system of the our country in 1917–1941-ies: the system of personnel selection, vocational training. The comprehensive goal of the personnel policy is to form and develop the personnel potential of the department. For a long time, there were no special units among the management bodies of places of detention designed to implement a system of selection and training of personnel for the penitentiary system. After the October Revolution of 1917, the legislation of the RSFSR retained the social benefits and guarantees that existed in the penitentiary system of tsarist Russia, but it was not possible to fully implement them in the conditions of the civil war. During the years of the NEP, in order to combat staff turnover in the UIS, the authorities began to expand social benefits and guarantees, the government took measures to increase financial incentives for employees of the UIS. At the same time, there was a struggle to eliminate illiteracy among employees and increase the number of employees with special education. In general, employees of the penitentiary system were equated to Red Army servicemen in terms of the quality and quantity of benefits. But, despite the fact that the conditions of service in the UIS seemed quite favorable, the personnel shortage persisted. This was due, among other things, to the general increase in the number of prisoners in the 1930s, as well as domestic disorder, low wages and low (compared to state security agencies, for example) social status of camp workers. Due to the lack of staffing, prisoners began to be accepted to serve in ITU in financially responsible positions, in the protection of camps. The Great Patriotic War required the restructuring of the activities of the entire life of the state, its penitentiary system and the system of professional education of employees.

Keywords: personnel policy, penal enforcement system.

The article has been received by the editor on 01.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты кадровой политики отечественной уголовно-исполнительной системы (УИС) в 1917–1941 гг.: система подбора кадров, профессиональное обучение. Комплексная цель кадровой политики заключается в формировании и развитии кадрового потенциала ведомства. Долгое время среди органов управления местами заключения отсутствовали специальные подразделения, призванные осуществлять систему отбора и подготовки кадров для пенитенциарной системы. После Октябрьской революции 1917 г. законодательство РСФСР сохранило соци-

* **Ольга Александровна Белоусова**, кандидат исторических наук, доцент, Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, e-mail: noi09@yandex.ru

Olga Alexandrova Belousova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, e-mail: noi09@yandex.ru

альные льготы и гарантии, существовавшие в пенитенциарной системе царской России, однако в условиях гражданской войны реализовать их в полной мере было невозможно. В годы нэпа для борьбы с текучестью кадров в УИС власть стала расширять социальные льготы и гарантии, правительство принимало меры по повышению материального стимулирования сотрудников. Одновременно шла борьба за ликвидацию безграмотности среди сотрудников и повышение числа работников, имеющих специальное образование. В целом сотрудники пенитенциарной системы по качеству и количеству льгот были приравнены к военнослужащим Красной армии. Однако, несмотря на то, что условия службы в УИС казались достаточно благоприятными, кадровый голод сохранялся. Связывалось это, в том числе, с общим увеличением числа заключенных в 1930-е гг., а также бытовой неустроенностью, маленькой заработной платой и низким (по сравнению с органами госбезопасности, например) социальным статусом работников лагерей. В связи с неукомплектованностью штатов на службу в ИТУ на материально-ответственные должности, в охрану лагерей стали принимать заключенных. Великая Отечественная война потребовала перестройки деятельности всей жизни государства, его пенитенциарной системы и профессионального образования сотрудников.

Ключевые слова: кадровая политика, уголовно-исполнительная система.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022 г.

Кадровая политика в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) является составной частью государственной кадровой политики. Обобщенная конечная цель данной деятельности заключается в формировании и развитии кадрового потенциала пенитенциарного ведомства, принципов работы с персоналом, а также конкретных механизмов ее реализации. Такой подход включают и современные требования к кадровой политике УИС.

Цель настоящей работы – комплексное изучение организационной и правовой основ комплектования кадров советской уголовно-исполнительной системы в довоенный период, оценка их состояния, определение основных факторов формирования и развития кадровой политики. Источниковой базой исследования стали нормативно-правовые акты, принимаемые в изучаемый период и регламентирующие прохождение службы в пенитенциарной системе, а также материалы Архива постоянно действующей экспозиции по истории уголовно-исполнительной системы памяти С.Г. Марченко ГУ ФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу, Архива ФКУ СИЗО-2 ГУ ФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу, Архива ГУ ФСИН России по Новосибирской области.

Служба в тюрьме никогда не являлась ни престижной, ни доходной. Несмотря на ряд проведенных в Российской империи в конце XIX в. реформ, позволивших гарантировать работникам мест лишения свободы пенсионное обеспечение и некоторые социальные гарантии, хронический кадровый голод в системе сохранялся и в дореволюционной России, и в Советском Союзе. Причем речь шла как о простом численном некомплекте кадров, так и о недостатке сотрудников, имевших специальное образование, опыт работы, профессиональные и личностные навыки, способствовавшие качественному несению службы. Многие годы среди органов управления местами заключения отсутствовали специальные подразделения, призванные осуществлять систему отбора и подготовки кадров для пенитенциарной системы.

Одним из первых декретов советской власти в октябре 1917 г. стал указ о создании новых органов управления – народных комиссариатов, в том числе Наркомата Юстиции (далее – НКЮ). В его подчинение передавались места заключения, и перед НКЮ встала задача формирования новой кадровой политики, регулирующей звенья советской тюремной системы. 19 марта 1918 г. был принят циркуляр НКЮ РСФСР «О порядке увольнения и

назначения на должности тюремной инспекции и администрации», регламентирующий систему подбора кадров в места заключения¹. В документе определялась номенклатура должностей, а также роль губернских и уездных Советов в комплектовании кадров. В условиях разворачивающейся гражданской войны, по причине дороговизны содержания мест лишения свободы, а также из соображений формирования правоохранительных структур на основе политической благонадежности предполагалось провести масштабную реорганизацию мест заключения и необходимое сокращение штатов. Началом кадровых чисток стало увольнение руководящего состава мест заключения. Так, в Томской губернии в январе 1918 г. были уволены начальники тюрем в Барнауле, Ялуторовске, Ишиме, Кургане, Туринске². На основании доносов сослуживцев или заключенных арестовывали неблагонадежных надзирателей³. С лета 1918 г. политические чистки сотрудников, «запятнавших» себя службой у большевиков, проводили власти «белой» Сибири. На место уволенных назначались люди, не имевшие к пенитенциарной системе никакого отношения. В частности, в 1919 г. начальником Енисейской тюрьмы оказался назначен служащий почтово-телеграфной конторы М.П. Фукс, начальником Минусинской тюрьмы служил бывший начальник почтового отделения села Усть-Абаканское⁴. В целом же кадровая политика пенитенциарной системы напрямую зависела от политической конъюнктуры гражданской войны.

Непрофессионализм руководства, материальная нестабильность вкупе с гиперинфляцией⁵ влекли за собой массовое увольнение из системы опытных сотрудников. Численность надзирательского состава в 1921 г. в целом по местам заключения составляла 72 % от штатного расписания, а в Московской, Петроградской, Нижегородской, Курской, Архангельской губерниях – менее 50 %⁶. Некомплект личного состава, слабая профессиональная подготовка (или полное отсутствие таковой) приводили к падению дисциплины как среди служащих, так и среди заключенных. Отчасти данный тезис подтверждается статистикой совершенных заключенными в годы гражданской войны побегов. Если из царских тюрем накануне Февральской революции ежегодно бежало 0,8 % заключенных, то из мест заключения РСФСР в 1920 г. бежало 3,95 %, в 1922 г. – 19,22 %⁷.

Важным вопросом в условиях экономического кризиса, вызванного двумя войнами и двумя революциями, стала новая система оплаты труда. Формирующееся законодательство РСФСР распространило на всех граждан страны общие социальные льготы и гарантии⁸, такие как оказание медицинской помощи, пособия по временной нетрудоспособности, безработице, беременности и родам, на погребение, пенсии и др. Однако гражданская война, экономический кризис не позволяли реализовать их в полной мере. Поэтому в правоохранительных органах стали применять различные формы социального премирования (фактически

¹ Сивцов С.А. Аспекты правового положения и становление понятия должностных лиц уголовно-исполнительной системы России в дореволюционный и советский периоды развития // Вестник Самарского юридического института. 2010. № 2 (2). С. 38–40.

² Волошин Д.В., Михеенков Е.Г. Становление и развитие кадрового состава пенитенциарных учреждений Сибири в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование. Томск, 2017. С. 49.

³ Там же.

⁴ Звягин С.П., Ликстанов И.М. Кадровый состав тюрем антибольшевистских правительств в Восточной Сибири (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-1 (59). С. 21–25.

⁵ Только в Томской губернии в 1918 г. цены выросли в 20 раз.

⁶ Агарков А.В. Становление оперативного обслуживания пенитенциарной системы СССР (1917–1935 гг.) // История уголовно-исполнительной системы России. К 130-летию образования УИС: сб. науч. ст. М., 2009. С. 5.

⁷ Агарков А.В. Становление оперативного обслуживания пенитенциарной системы СССР... С. 5.

⁸ Положение «О страховании на случай безработицы» от 11 декабря 1917 г. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/17-12-11.htm> (дата обращения: 31.01.2023); Положение «О страховании на случай болезни» от 22 декабря 1917 г. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/17-12-22.htm> (дата обращения: 31.01.2023); Кодекс законов о труде от 12 декабря 1918 г. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm (дата обращения: 31.01.2023).

премией являлись предметы первой необходимости). Сотрудники, прослужившие девять и более месяцев, освобождались от призыва в армию.

Завершение гражданской войны и переход государства к новой экономической политике ситуацию в местах заключения не улучшили. Руководство пенитенциарной системы пыталось перейти на самокупаемость, но без государственных дотаций обходиться не могло. Тяжелым оставалось материальное положение не только заключенных, но и самих служащих (относящихся в неофициальной стратификации к категории «низкооплачиваемых»). Наблюдалось повальное бегство кадров из УИС. В 1922 г., согласно штатному расписанию, губернские и областные Управления местами заключения имели 739 сотрудников, фактическое их число было меньше⁹. Наибольший недокомплект (25 %) наблюдался непосредственно в местах лишения свободы, что объяснялось низкими тарифными ставками и снятием сотрудников системы с государственного снабжения¹⁰. В некоторых исправительных домах на конец 1922 г. сохранялся только начальник и один надзиратель, «остальные сотрудники перешли на другую, лучше оплачиваемую работу»¹¹. В 1923 г. начальник Томского губернского управления местами заключения просил командировать из имеющихся на бирже труда зарегистрированных безработных на должности надзирателей 66 человек¹². Следует также отметить, что к 1925 г. в местах лишения свободы на низших должностях продолжало служить 6 % тюремной стражи царской России¹³.

Утвержденный штат служащих на 1923 г. включал в себя в общей сложности 11 190 служащих, в том числе: 300 начальников мест заключения, 93 старших помощника начальника, 225 младших помощников начальника, 509 старших надзирателей, 5 159 младших надзирателей, 736 отделенных надзирателей, 1 589 человек технического персонала¹⁴. Однако в Отчете Народного комиссара внутренних дел по Главному управлению местами заключения (далее – ГУМЗ) утверждалось, что число служащих в местах заключения значительно меньше, так как, «несмотря на безработицу, охотников занять вакантные места по тюремной службе до сих пор не всегда можно найти – все еще не уравновешены тяжесть тюремной службы, сопряженной часто с риском для жизни и связанной с большой тратой нервной энергии, с ее оплатой»¹⁵.

В течение 1923 г. власти предприняли попытку решения вопроса оплаты труда сотрудников тюрем. Была установлена средняя заработная плата на служащего – 17 руб. 50 коп.¹⁶, благодаря чему заработная плата выросла, в зависимости от должности, на 25–200 %: начальник учреждения стал получать 35 вместо 28 руб., заведующий работами – 30 руб. (был 21 руб.), бухгалтер – 28 руб. (было 15 руб.), заведующий канцелярией – 28 руб. (было 8 руб.), старший надзиратель – 20 руб. (было 7 руб.), младший надзиратель – 15 руб. (было 6 руб.). Также сотрудники бесплатно получали форменное обмундирование и обувь¹⁷. Однако даже эти меры не могли спасти ситуацию. В 1923 г. в среднем по стране численность надзирательского состава составляла менее 50 % от штатной положенности¹⁸.

В 1920-е гг. шло совершенствование советской системы социального страхования, в том числе в вопросах поддержания кадров пенитенциарной системы. Государственные льготы расширялись, под них попадали и сотрудники пенитенциарной системы (например,

⁹ Пенитенциарное дело в 1922 году. Отчет Народного Комиссариата Внутренних Дел по Главному Управлению Местами Заключения X-му Съезду Советов. М., 1923. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Быков А.В. Проблемы кадрового обеспечения мест заключения в Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 11.

¹³ Волошин Д.В., Михеенков Е.Г. Становление и развитие кадрового состава пенитенциарных учреждений Сибири в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование. Томск, 2017. С. 48.

¹⁴ Пенитенциарное дело в 1923 году. Отчет Главного Управления Местами Заключения Республики XI-му Съезду Советов. М., 1924. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 15–16.

¹⁶ Пенитенциарное дело в 1923 году... С. 16.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Агарков А.В. Становление оперативного обслуживания пенитенциарной системы СССР... С. 5.

право на бесплатное обучение детей в начальной и неполной средней школе)¹⁹. Исправительно-Трудовой кодекс 1924 г. позволял часть прибыли в размере 12,5 %, поступающей от производственных работ на счет места заключения, расходовать на «выдачу премиального вознаграждения сотрудникам, занятым организацией и руководством производства»²⁰.

В 1925 г. вступил в силу «Устав службы по местам заключения» (далее – Устав 1925 г.)²¹. Он определял порядок приема, увольнения и прохождения службы в местах заключения РСФСР. Закреплялись штатные единицы административно-строевого состава пенитенциарной системы: начальник ГУМЗ РСФСР, помощник начальника ГУМЗ РСФСР, инспектор ГУМЗ, губернские (областные, краевые, окружные) инспектора мест заключения и их помощники, начальники мест заключения, помощники начальника мест заключения, старший надзиратель, отделенный надзиратель, младший надзиратель. Утверждались некоторые социальные льготы, в том числе сотрудники, помимо основного ежегодного отпуска, получали внеочередной дополнительный (при наличии уважительной причины), а также дополнительные дни для проезда к месту проведения отпуска и обратно²².

10 сентября 1931 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Устав службы в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР (далее – Устав 1931 г.)²³. Устав 1925 г. был упразднен. Устав 1931 г. расширял права и обязанности работников исправительно-трудовых учреждений, подробнее описывал правила прохождения службы, в том числе правила о резерве начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ), перечень дисциплинарных взысканий и меры поощрения и премирования. Так, лица, поступающие на службу в ИТУ, должны достичь 21 года, быть грамотными, обладать крепким здоровьем²⁴. Поощрение предусматривалось в форме благодарности в приказе, почетной грамоты, представлением вне очереди краткосрочного отпуска, награждением деньгами или именной подарком, назначением в порядке досрочной аттестации на высшую должность. Премирование осуществлялось из специальных фондов, куда отчислялись 5 % с чистой прибыли производственных предприятий ИТУ.

Таким образом, в советском исправительно-трудовом законодательстве с момента принятия первого ИТК РСФСР 1924 г. до начала 1930-х гг. произошел ряд изменений принципиального характера, которые порождались не столько задачами совершенствования пенитенциарной системы, сколько серьезными экономическими и социальными переменами в общественно-политической жизни страны.

Срок обязательной службы в пенитенциарной системе теперь составлял 2 года²⁵. Увольнение по собственному желанию до истечения двух лет допускалось в исключительных случаях (по болезни или в связи с тяжело сложившимися семейными обстоятельствами)²⁶. Для работников оперативного и административно-хозяйственного состава ИТУ устанавливались надбавки за выслугу лет к основному окладу по занимаемой в данный

¹⁹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июля 1924 г. «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях народного комиссариата просвещения» // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13815> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁰ Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР. 1924 г. Ст. 33, 79 // Е-досье [Электронный ресурс]. URL: https://e-ecolog.ru/docs/aGK7vzps3Ah_FmLMFhLXW/full (дата обращения: 31.01.2023).

²¹ Декрет ВЦИК, СНК, РСФСР «О введении в действие устава службы по местам заключения» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2391.htm?ysclid=lcltz1qv3n544022531 (дата обращения: 31.01.2023).

²² Устав службы по местам заключения. 1925 г. Ст. 16–21 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2391.htm?ysclid=lcltz1qv3n544022531 (дата обращения: 31.01.2023).

²³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.09.1931 «Об утверждении Устава службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР» // Е-досье [Электронный ресурс]. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/yjYpzRDiSRAYvD9tHeBJI> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁴ Устав службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР. 1931 г. Ст. 20 // Е-досье [Электронный ресурс]. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/yjYpzRDiSRAYvD9tHeBJI> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁵ В Уставе 1925 г. – 1 год.

²⁶ Устав службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР. 1931 г. Ст. 11.

момент должности: за 3 года непрерывной службы в ИТУ – 10 %; за 6 лет – 20 %; за 9 лет – 30 %; за 12 лет – 50 %²⁷.

Отдельной проблемой при решении кадрового вопроса в ИТУ являлся низкий уровень образования личного состава. Анализ служебных карточек²⁸ работников ИТУ в Кузбассе показывает, что большинство сотрудников, родившихся в начале XX в. (1900–1910-е гг.), происходили из семей крестьян-бедняков и на момент трудоустройства имели лишь низшее (начальное) образование, хотя в дальнейшем повышали свой образовательный уровень. Так, П.М. Батюта²⁹, 1907 г.р., из крестьян-середняков, образование начальное, принят на службу на должность инспектора, дослужился до заместителя начальника Кемеровского городского отдела милиции; А.П. Дешин³⁰, 1896 г.р., из крестьян, образование низшее (начальное), 3 класса, принят на службу помощником уполномоченного, заканчивал службу начальником Управления 503 лагеря для военнопленных; Ф.Б. Захарюта³¹, 1909 г.р., из крестьян, образование начальное, 4 класса сельской школы, начинал службу в правоохранительных органах рядовым милиционером, впоследствии исполнял должности начальствующего состава в различных исправительно-трудовых учреждениях.

Среднее образование (7 классов) имели лишь те, чей школьный возраст пришелся на 1920-е гг., однако и у них не было специальных профессиональных знаний. Способы решения проблемы руководство на местах видело по-разному. Так, приказом краевого инспектора мест заключения Сибири в 1927 г. с целью ликвидации безграмотности для сотрудников были введены обязательные групповые занятия продолжительностью до 4 часов в неделю во внеслужебное время. По итогам обучения требовалось сдавать экзамены, не сдавшие подлежали увольнению³². Занятия не рассматривались как сверхурочные часы работы, а значит это время не оплачивалось как служебное.

При трудоустройстве в учреждения пенитенциарной системы преимуществом пользовались прошедшие службу в Красной армии³³. Причин этому было несколько: отслужившие знали строевую дисциплину, умели стрелять; многие при прохождении службы оканчивали 2–4-месячные полковые школы младших командиров. Полковые школы не являлись полноценными самостоятельными учебными заведениями, а представляли собой учебные подразделения в составе частей Красной армии, однако для ряда сотрудников уголовно-исполнительной системы на момент поступления на службу такое образование являлось единственным. В частности, будущий заместитель начальника ОЛП-1 по режиму и оперативной работе Северокузбасского ИТЛ С.Я. Кузнецов, 1918 г.р., в 1940 г. окончил курсы младших командиров, на службу в правоохранительные органы поступил в 1949 г., но только в 1954 г. окончил переподготовку оперативного состава Вильнюсской школы Начальства МВД СССР³⁴. Начальник Управления лагеря МВД для военнопленных № 526 (ст. Юрга-1 Кемеровской области) Г.В. Лаврентьев окончил 3 класса сельской школы в 1914 г., в 1926 г. – военную кавалерийскую школу РККА в г. Твери, в 1927 г. – Объединенную военную школу имени ВЦИК в г. Москве³⁵. Иного образования не получил.

Отдельной категорией льготников в Уставе 1931 г. обозначались сотрудники, полу-

²⁷ Устав службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР. 1931 г. Ст. 20.

²⁸ Архив постоянно действующей экспозиции по истории уголовно-исполнительной системы памяти С.Г. Марченко ГУФСИН России по Кемеровской области – Кузбасс (далее – Архив ПДЭ по истории УИС ГУФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу).

²⁹ Белоусова О.А., Игумнова О.В., Куликов М.В. Биографический справочник работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на территории Кузбасса: история и современность. Новокузнецк, 2022. С. 21.

³⁰ Там же. С. 29.

³¹ Там же. С. 37.

³² Пальмова Л.К. История уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 годы). Новосибирск, 2020. С. 35.

³³ Михеенков Е.Г. Правовые основы прохождения службы сотрудниками исправительно-трудовой системы НКВД РСФСР в эпоху Новой экономической политики // Перспективные направления научных исследований по истории УИС РФ: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 183.

³⁴ Архив ПДЭ по истории УИС ГУФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу. Д. 271.

³⁵ Там же. Д. 414.

чившие специальное образование. Вообще первые советские краткосрочные курсы в Москве начали действовать уже в разгар гражданской войны. В марте 1919 г. открылись подготовительные курсы младших начальников конвойной стражи³⁶. В 1926 г. они были преобразованы в курсы по подготовке командного состава мест заключения. С конца 1920-х гг. для сотрудников открывались краевые школы³⁷. Согласно Уставу 1931 г., «лица, обучавшиеся в учебных заведениях для подготовки или переподготовки работников исправительно-трудовых учреждений, обязаны по окончании курса обучения отслужить в этих учреждениях по 2 месяца за каждый месяц обучения, но во всяком случае не менее 2 лет»³⁸. Таким образом, руководство стремилось закрепить людей с образованием в уголовно-исполнительной системе и повысить уровень кадров на местах.

В 1930-е гг. вводится понятие стажировки сотрудников в практических органах. В 1934 г. был издан приказ ГУЛАГа ОГПУ № 43 «О командировании сотрудников для знакомства с жизнью ИТЛ»³⁹, требовавший всех сотрудников Главного управления лагерей и его Отделений направить «с определенным заданием на срок до 10 дней» в лагеря. Целью поездок выступало знакомство «кабинетных начальников» с реальной жизнью ИТЛ.

Поскольку сотрудники пенитенциарной системы по качеству и количеству льгот приравнивались к военнослужащим Красной армии, то, соответственно, как и на военных, на них накладывались определенные обязательства. Так, самовольное оставление службы до истечения обязательного срока службы приравнивалось к военному преступлению⁴⁰. С объявлением мобилизации и до окончания военных действий работники исправительно-трудовых учреждений считались закрепленными за исправительно-трудовыми учреждениями вне зависимости от истечения срока обязательной службы⁴¹.

Кадровая политика УИС возлагалась на Отдел кадров НКВД СССР, в подчинении которого находились отделы кадров всех Главных управлений⁴². Они регулировали назначение, перемещение, увольнение работников, учет некомплекта и вакантных должностей личного состава ГУЛАГа, руководящего состава мест лишения свободы, вопросы правового и материального положения сотрудников и т.д.⁴³ Однако, несмотря на то, что условия службы в УИС казались достаточно благоприятными, кадровый голод в системе сохранялся, что связано с рядом причин. С одной стороны, резкое увеличение численности лагерного контингента в 1930-е гг., а значит появление новых исправительно-трудовых учреждений, в том числе в весьма удаленных регионах страны, требовало кадрового пополнения. С другой, сказывались эта самая удаленность, тяжелейшие климатические и бытовые условия жизни, низкий социальный статус работников лагерей (по сравнению с кадровыми работниками органов госбезопасности). Сотрудники ГУЛАГа озвучивали свое недовольство условиями труда на партийных конференциях на протяжении всех 1930-х гг.: «В ГУЛАГе существует вредительская система зарплаты. Так как платят мало, то остаются работать одни заключенные, а вольнонаемные специалисты уезжают»⁴⁴.

³⁶ Варушкин А. Основные этапы развития профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 4 (95). С. 16–25.

³⁷ Например, старший инспектор спецчасти отдельного лагерного пункта № 13, поселок Барзасс Кемеровской области, А.П. Прокудин, имевший начальное образование (6 классов), в 1934 г. был направлен курсантом краевой школы начальствующего состава отдела мест заключений, НКВД в г. Томск Новосибирской области (Архив ПДЭ по истории УИС ГУФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу. Д. 240).

³⁸ Устав службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР. 1931 г. Ст. 10.

³⁹ Приказ ГУЛАГа ОГПУ № 43 «О командировании сотрудников для знакомства с жизнью ИТЛ» от 06.02.1934 // Интернет-библиотека xliby.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/istorija/gulag_glavnoe_upravlenie_lagerei_1917_1960/p6.php#metkadoc3 (дата обращения: 31.01.2023).

⁴⁰ Устав службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР. 1931 г. Ст. 12.

⁴¹ Там же. Ст. 13.

⁴² Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960. М., 1997. С. 234–244.

⁴³ Лекция начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, предназначенная для слушателей Высшей школы НКВД СССР // Фонд Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009229> (дата обращения: 31.01.2023).

⁴⁴ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 187.

В научной литературе представлена динамика количественного состава сотрудников центрального аппарата ГУЛАГа, позволяющая сделать вывод об изменении численности как мест лишения свободы, так и содержащегося в них спецконтингента: в 1930 г. – 87 чел., в 1932 г. – 253, в 1934 г. – 366, в 1935 г. – 527, в 1937 г. – 633, в 1937 г. – 936, в 1939 г. – 1562 чел. А в конце 1940 г. в связи с реорганизацией лагерно-производственных управлений прошло сокращение их штатов до 600 сотрудников⁴⁵.

Однако расширение управленческого аппарата отнюдь не решало кадровый вопрос «на земле». В течение 1930-х гг. проблема сохранялась, местное руководство решало ее исходя из собственных возможностей, в результате чего в ИТУ сложилась странная или даже уникальная ситуация.

С одной стороны, согласно Уставу 1931 г., на службу в органы не могли быть приняты граждане, находившиеся под судом или следствием, пораженные в правах, уволенные ранее в связи с нарушениями дисциплины или по профнепригодности, осужденные за контрреволюционные преступления⁴⁶. С другой, в местах лишения свободы на материально-ответственные должности, в том числе в снабженческий аппарат, назначались люди, в настоящий момент отбывавшие там же срок наказания⁴⁷.

Численность военизированной охраны (далее – ВОХР) должна была составлять 5 % от наличного состава заключенных⁴⁸. Набирать ВОХРовцев предпочитали из бывших красноармейцев. Постоянный недокомплект охранников сказывался на условиях службы: смена 13–15 часов, отсутствие выходных. Наблюдались проблемы с обмундированием, оружием, жильем.

Проблемы некомплекта ВОХРовцев также решались за счет привлечения в охрану лагерей заключенных. Так, вплоть до 1939 г. в новосибирских ИТЛ 50 % стрелков охраны состояли из заключенных. Одновременно росло число побегов, среди сотрудников лагерей широко распространены были пьянство, хулиганство и пр. «Начальники охраны жаловались: «Мы пополняем вчерашними красноармейцами, а в наших лагерях их сажают на чечевицу, сажают в землянки, люди начинают пьянствовать, иметь связь с заключенными и пр. Мы имеем чрезвычайно много самоубийств»»⁴⁹.

По результатам проведенных в конце 1930-х гг. проверок мест лишения свободы был принят ряд приказов, в том числе о немедленном увольнении всех заключенных из Отдела режима, Отдела кадров, Учетно-распределительного, Культурно-воспитательного и Общеадминистративного отделов, с должностей начальников лагпунктов и отдельных командировок⁵⁰. Исключение составляли культорганизаторы⁵¹ и высококвалифицированные специалисты⁵², которых могли задействовать в Управлении лагеря в качестве консультантов по отдельным отраслям работы или на работе в специально организованных проектных бюро⁵³. Кроме того, внутри лагеря разрешалась работа по специальности осужденным врачам.

⁴⁵ Иванова Г.М. История ГУЛАГа... С. 186.

⁴⁶ Устав службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР. 1931 г. Ст. 9 // Е-досье [Электронный ресурс]. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/yjYpzRDiSRAyVd9tHeBJI> (дата обращения: 31.01.2023).

⁴⁷ Вообще практика привлечения заключенных к административной и учебно-воспитательной работе в местах лишения свободы применялась еще в начале 1920-х гг. См.: Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 17.

⁴⁸ Лекция начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, предназначенная для слушателей Высшей школы НКВД СССР...

⁴⁹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа... С. 190.

⁵⁰ Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Интернет-библиотека xliby.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/istorija/gulag_glavnoe_upravlenie_lagerei_1917_1960/p6.php#metkadoc8 (дата обращения: 31.01.2022); Пальмова Л.К. История уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 годы). Новосибирск, 2020. С. 65.

⁵¹ Волошин Д.В. О кадрах служащих мест заключений Объединенного государственного политического управления при НК СССР в начале 1930-х годов // Перспективные направления научных исследований по истории УИС РФ: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 61.

⁵² Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Интернет-библиотека xliby.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/istorija/gulag_glavnoe_upravlenie_lagerei_1917_1960/p6.php#metkadoc8 (дата обращения: 31.01.2022).

⁵³ Речь идет о формировании так называемых «шарашек» – закрытых научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и т.п.

Следует отметить, что если сегодня наличие судимости у гражданина или членов его семьи является прямым непреодолимым препятствием для поступления на службу в УИС⁵⁴, то в 1930-е гг. кадровая политика государства была более лояльной. В частности, Г.Д. Гамутилов с 1934 по 1937 г. отбывал срок наказания в Ухтпечлаге НКВД, поселок Ухта, Коми АССР, затем остался там писарем штаба Вооруженной Охраны Ухтпечлага НКВД (вероятно, занимал эту должность будучи еще осужденным). В 1938 г. Г.Д. Гамутилов был переведен помощником командира взвода, затем начальником боепитания вооруженной охраны Ягринлага НКВД, Архангельская область, а в 1939 г. – начальником отделения Сиблага НКВД в г. Мариинск, Новосибирская область⁵⁵. Прошел Великую Отечественную войну и вернулся на службу в Сиблаг⁵⁶.

Г.К. Артеменко до поступления на службу в органы ОГПУ-НКВД-МВД СССР отбывал срок наказания в Яйском лаготделении Сиблага (в 1929 г. был осужден на 4 года лишения свободы, в декабре 1932 г. досрочно освобожден из заключения). В том же лагере он с 1933 г. начал свою службу в должности стрелка-оперативника, дослужился до политрука взвода, дивизиона, участвовал в Великой Отечественной войне⁵⁷.

Создание исправительно-трудовых лагерей в труднодоступной местности, допуск заключенных к административно-хозяйственной деятельности учреждений вели к дезорганизации всей системы в целом. Для борьбы с этим с 1934 г. в лагерях ГУЛАГа начались чистки. Проверялся весь личный состав ИТУ: работников, совершавших явные преступления по службе, немедленно увольняли, материалы дел передавали в следственные органы. Так, по результатам плановых ревизий в 1940 г. в ГУЛАГе за растраты и хищения было уволено 1 515 чел., получили дисциплинарные взыскания 3 547 чел., на 2 424 сотрудника заведены уголовные дела, из них осуждены по суду 196 чел.⁵⁸ С одной стороны, эти мероприятия способствовали очищению административно-управленческого аппарата ИТУ от преступных и «морально-разложившихся» элементов, с другой – вновь сокращали штаты.

В июне 1940 г. вся страна перешла на 8-часовой рабочий день и семидневную неделю, где воскресенье считалось выходным. В связи с этим требовался пересмотр не только режима работы учреждений, но и штатного расписания. Так, по Управлению ИТЛ и ИТК НКВД по Новосибирской области был объявлен приказ, требовавший сокращения штата работников центрального аппарата и местных органов НКВД, произвести перерасчет часов в учебных заведениях и перестройку учебных программ (как для заключенных, так и для сотрудников)⁵⁹. В этом же приказе оговаривалось, что дела о прогулах и самовольном уходе с работы в тех учреждениях, где распространяется общее законодательство о труде, будут передаваться в Народный суд. Дела о несвоевременной явке на работу сотрудников оперативно-чекистского и административного аппарата НКВД, тюремных отделов и тюрем будут рассматриваться в дисциплинарном порядке и в товарищеских судах⁶⁰.

Требование немедленного исключения из отделов режима и охраны заключенных до конца так и не было выполнено. Великая Отечественная война усугубила ситуацию с нехваткой кадров. Обстановка требовала перестройки деятельности всей жизни государства, его правоохранительных органов в целом и УИС в частности.

Пенитенциарная система России прошла длительный и сложный путь развития. Особое место в нем занимает кадровая политика, цели и задачи которой четко обозначены и начали осмысляться государством лишь в 1920-е гг. и менялись в зависимости от особенностей и

⁵⁴ Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302867/ (дата обращения: 31.01.2022).

⁵⁵ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1943 г. об образовании Кемеровской области Мариинский район вошел в состав Кемеровской области.

⁵⁶ Архив ПДЭ по истории УИС ГУФСИН России по Кемеровской области – Кузбассу. Д. 149.

⁵⁷ Там же. Д. 361.

⁵⁸ Иванова Г.М. История ГУЛАГа... М., 2006. С. 190.

⁵⁹ Приказ от 10.08.1940 № 1157 // Архив ГУ ФСИН России по Новосибирской области.

⁶⁰ Там же.

потребностей исторической ситуации. Изучение архивных материалов, нормативно-правовой базы, научной литературы дает основание полагать, что участие государства в формировании кадров УИС оказывает прямое влияние на эффективность деятельности данной системы в целом.

Система кадровой политики включает в себя компоненты, не затронутые в данной статье, в том числе воспитательную и культурно-просветительскую работу, работу по профилактике нарушений служебной дисциплины и т.д. Данные вопросы являются предметом отдельных исследований.

Литература

Агарков А.В. Становление оперативного обслуживания пенитенциарной системы СССР (1917–1935 гг.) // История уголовно-исполнительной системы России. К 130-летию образования УИС: сб. науч. ст. М.: НИИ ФСИН России, 2009. 210 с.

Белоусова О.А., Игумнова О.В., Куликов М.В. Биографический справочник работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на территории Кузбасса: история и современность: справочник. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2022. 77 с.

Быков А.В. Проблемы кадрового обеспечения мест заключения в Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 10–13.

Варушкин А. Основные этапы развития профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 4 (95). С. 16–25.

Волошин Д.В. О кадрах служащих мест заключений Объединенного государственного политического управления при НК СССР в начале 1930-х годов // Перспективные направления научных исследований по истории УИС РФ: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 56–62.

Волошин Д.В., Михеенков Е.Г. Становление и развитие кадрового состава пенитенциарных учреждений Сибири в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование. Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2017. 164 с.

Звягин С.П., Ликстанов И.М. Кадровый состав тюрем антибольшевистских правительств в Восточной Сибири (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-1 (59). С. 21–25.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2006. 438 с.

Лекция начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, предназначенная для слушателей Высшей школы НКВД СССР // Фонд Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009229> (дата обращения: 31.01.2023).

Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. Р.Г. Пихоя. М.: МФД, 1997. 348 с.

Михеенков Е.Г. Правовые основы прохождения службы сотрудниками исправительно-трудовой системы НКВД РСФСР в эпоху Новой экономической политики // Перспективные направления научных исследований по истории УИС РФ: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 174–183.

Пальмова Л.К. История уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 годы). Новосибирск, 2020. 204 с.

Сивцов С.А. Аспекты правового положения и становление понятия должностных лиц уголовно-исполнительной системы России в дореволюционный и советский периоды развития // Вестник Самарского юридического института. 2010. № 2 (2). С. 38–40.

Тарасов О.А., Васильева С.А. Межведомственная конкуренция Наркомата юстиции и НКВД как фактор становления советской пенитенциарной системы в годы гражданской войны и «военного коммунизма» // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: мат-лы XIII Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. С. 655–661.

References

Agarkov, A.V. (2009). Stanovlenie operativnogo obsluzhivaniya penitentsiarnoy sistemy SSSR (1917–1935 gg.) [Formation of Operational Maintenance of the Penitentiary System of the USSR (1917–1935)]. In *Istoriya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii. K 130-letiyu obrazovaniya UIS: sb. nauchnykh statey*. Moscow, NII FSIN Rossii. 210 p.

Belousova, O.A., Igumnova, O.V., Kulikov, M.V. (2022). *Biograficheskiy spravochnik rabotnikov organov i uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy na territorii Kuzbassa: istoriya i sovremennost': spravochnik* [Biographical Directory of Employees of Bodies and Institutions of the Penal System in the Territory of Kuzbass: History and Modernity: Directory]. Novokuznetsk, Kuzbasskiy institut FSIN Rossii. 77 p.

Bykov, A.V. (2015). Problemy kadrovogo obespecheniya mest zaklyucheniya v Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg. [Problems of Staffing of Places of Detention in Western Siberia in the 1920s]. In *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. No. 4 (29), pp. 10–13.

Ivanova, G.M. (2006). Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskiy i politiko-pravovoy aspekty [History of the GULAG, 1918–1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. In *t. ro. istorii RAN*. Moscow, Nauka. 438 p.

Kokurin, A.I., Petrov, N.V. (Comp.), Pikhoya, R.G. (Ed.). (1997). *Lubyanka. VCHK–OGPU–NKVD–MGB–MVD–KGB, 1917–1960* [Lubyanka. CHEKA–OGPU–NKVD–MGB–MVD–KGB, 1917–1960]. Moscow, MFD. 352 p.

Lektsiya nachal'nika GULAGa V.G. Nasedkina, prednaznachennaya dlya slushateley Vysshey shkoly NKVD SSSR [Lecture by the Head of the GULAG V.G. Nasedkin, Intended for Students of the Higher School of the NKVD of the USSR]. In *Fond Aleksandra N. Yakovleva*. Available at: URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009229> (date of access 31.01.2023).

Mikheenkov, E.G. (2022). Pravovye osnovy prokhozheniya sluzhby sotrudnikami ispravitel'no-trudovoy sistemy NKVD RSFSR v epokhu Novoy ekonomicheskoy politiki [Legal Bases of Service by Employees of the Correctional Labor System of the NKVD of the RSFSR in the Era of New Economic Policy]. In *Perspektivnye napravleniya nauchnykh issledovaniy po istorii UIS RF: materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, pp. 174–183.

Pal'mova, L.K. (2020). *Istoriya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Novosibirskoy oblasti (1920–1960 gody)* [History of the Penal System of the Novosibirsk Region (1920–1960)]. Novosibirsk. 204 p.

Sivtsov, S.A. (2010). Aspekty pravovogo polozheniya i stanovlenie ponyatiya dolzhnostnykh lits ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii v dorevolyutsionnyy i sovetskiy periody razvitiya [Aspects of the Legal Situation and the Formation of the Concept of Officials of the Penal Enforcement System of Russia in the Pre-revolutionary and Soviet Periods of Development]. In *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. No. 2 (2), pp. 38–40.

Tarasov, O.A., Vasil'eva, S.A. (2014). Mezhdovedomstvennaya konkurentsia Narkomata yustitsii i NKVD kak faktor stanovleniya sovetskoy penitentsiarnoy sistemy v gody grazhdanskoy voyny i “voennogo kommunizma” [Interdepartmental Competition of the People's Commissariat of Justice and the NKVD as a Factor in the Formation of the Soviet Penitentiary System during the Civil War and “War Communism”]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii HKH veka. Materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2-h ch.* Ivanovo, pp. 655–661.

Varushkin, A. (2010). Osnovnye etapy razvitiya professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii [The Main Stages of the Development of Professional Education of Employees of the Penitentiary System of Russia]. In *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. No. 4 (95), pp. 16–25.

Voloshin, D.V. (2022). O kadrah sluzhashchikh mest zaklyucheniy Ob'edinennogo gosudarstvennogo politicheskogo upravleniya pri NK SSSR v nachale 1930-kh godov [About the Personnel of the Employees of the Places of Detention of the United State Political Administration under the SNK of the USSR in the Early 1930s]. In *Perspektivnye napravleniya nauchnykh issledovaniy po istorii UIS RF: materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, pp. 56–62.

Voloshin, D.V., Miheenkov, E.G. (2017). *Stanovlenie i razvitie kadrovogo sostava penitentsiarnykh uchrezhdeniy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vekov: istoriko-pravovoe issledovanie* [Formation and Development of Personnel of Penitentiary Institutions of Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Historical and Legal Research]. Tomsk, Tomskiy IPKR FSIN Rossii. 164 p.

Zvyagin, S.P., Likstanov, I.M. (2014). Kadrovyy sostav tyurem antibol'shevistskih pravitel'stv v Vostochnoy Sibiri (1918–1919 gg.) [Personnel Composition of Prisons of Anti-Bolshevik Governments in Eastern Siberia (1918–1919)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3-1 (59), pp. 21–25.

А.Л. Белоногов*

**КАДРОВЫЙ СОСТАВ АППАРАТА РУКОВОДЯЩИХ
ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЛЕНИНГРАДА В 1935–1940-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-11
УДК 94(47).084.8*Выходные данные для цитирования:**Белоногов А.Л. Кадровый состав аппарата руководящих партийных органов Ленинграда в 1935–1940-е годы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 141–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-11.pdf>*

A.L. Belonogov*

**SENIOR CADRES OF THE LENINGRAD
PARTY ORGANIZATION IN 1935–1940**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-11

*How to cite:**Belonogov A.L. Senior Cadres of the Leningrad Party Organization in 1935–1940 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 141–153. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-11.pdf>]*

Abstract. The article analyses the staff of the Leningrad party organization in 1935–1940. The sample group includes approximately 50 senior party cadres, holding within this timeframe the positions of department heads and bureau members of the city party committee. By analyzing their personal characteristics the “collective portrait” of the leading Leningrad party worker was shown in its dynamics. The article evaluates and compares the mobility of the personnel of two types of senior staff party officials. The evaluation of their previous career advancement enables to find out the basic principles and recruitment criteria in the Leningrad city party committee and to define what social institutions can be regarded as primary recruitment sources. The article also clarifies to what extent such characteristics as professional and party experience as well as social background of the employees were being taken into consideration. Tracing the career advancement and further destiny of the party functionaries, the article defines to what extent the Leningrad party institutions were affected by political repressions and how active the leading regional party officials were in conducting the purges within their own ranks. Party employees that had the highest risk of falling victims of political repressions were also identified. The study concludes that the general trend of constant personnel replacement and rapid pace of cadre mobility did not lead to forming the regional Leningrad party elite.

Keywords: Leningrad city Communist party committee, party apparatus, senior party cadres, characteristics of personnel, personnel mobility, collective portrait, political repressions and purges.

The article has been received by the editor on 01.12.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проводится анализ кадрового состава руководящих работников ленинградской партийной организации в 1935–1940-е гг. В выборку включено около 50 ответственных работников, занимавших в этот период должности заведующих структурными подразделениями аппарата Ленгоркома и входивших в состав бюро Ленинградского горкома ВКП(б). На основании анализа кадровых характеристик был сформирован «коллективный портрет» руководящего партийного работника Ленинграда, который показан в динамике. В статье оценивается кадровая мобильность и сравнивается частота сменяемости двух типов руководящих работников партийного аппарата города, про-

* **Андрей Львович Белоногов**, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.belonogov@spbu.ru
Andrey Lvovich Belonogov, Postgraduate Student, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.belonogov@spbu.ru

анализирована их предшествующая карьера, что дало возможность выявить базовые принципы, критерии и приоритеты, на основании которых осуществлялся подбор кадров, а также определить, какие социальные институты можно рассматривать в качестве «кузницы кадров». Это позволило понять, в какой степени при назначениях учитывался профессионализм работников, а также отдавался ли приоритет таким характеристикам, как социальное происхождение и партийный стаж в ущерб профессиональному опыту и знаниям. Проследив карьерную траекторию и дальнейшую судьбу некоторых партийных функционеров, в статье оценивается, в какой степени политические репрессии затронули ленинградскую партийную организацию и насколько активно партийное руководство Ленинграда участвовало в чистках в своих же собственных рядах. Также в ходе исследования выявлены группы ответственных работников, которые имели наивысший риск оказаться среди репрессированных. В статье был сделан вывод о том, что процессы, происходившие в ленинградской партийной организации во второй половине 1930-х гг., не привели к формированию партийной политической элиты на региональном уровне.

Ключевые слова: Ленинградский горком ВКП(б), партийный аппарат, руководящий ответственный работник, кадровые характеристики, кадровая мобильность, коллективный портрет, политические репрессии и чистки.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022 г.

В исторических исследованиях достаточно часто поднимается вопрос о работе партийных структур различного уровня, возникает интерес исторического сообщества к процессам их формирования и функционирования¹, к вопросам подбора партийных и советских кадров². Из наиболее значительных работ, посвященных отдельным регионам, следует назвать монографии М. Фейнсода о Смоленске, Дж. Харриса об Уральском регионе и К. Ботерблёма о Тверской (Калининской) области, статью М. Блеквелла о послевоенном Киеве, диссертацию и монографию А. Коновалова о Кузбассе и регионах Сибири³. Помимо этого, были опубликованы исследования, в которых затрагиваются вопросы продвижения по службе региональных секретарей⁴, экономической политики партии и индустриализации⁵, общие вопросы работы партийных органов в регионах⁶. На современном этапе некоторые историки обратились к изучению повседневной жизни и быта руководителей Ленинграда⁷,

¹ Андрухов Н.Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977; Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941 гг.). Ростов н/Д., 1981; Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП(б): из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981.

² Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971; Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986.

³ См.: Фейнсон М. Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995; Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York, 1999. 235 p.; Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999. 448 p.; Блеквелл М.Дж. Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943–1946 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 163–170; Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005; Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса: 1943–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 28 с.; Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири: 1945–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 28 с.

⁴ Blackwell R. Career Development in the Soviet Obkom Elite: a Conservative Trend // Soviet studies. 1972. № 1. P. 24–40.

⁵ Hough J.F. The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. Cambridge, 1969. 416 p.

⁶ Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. 204 с.

⁷ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы. Социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016.

однако этот вопрос еще недостаточно исследован. Среди комплексных исследований, в которых рассматриваются партийные институты Ленинграда, необходимо назвать также работы А.Н. Чистикова, А.Ю. Стефаненко и К.А. Болдовского⁸. Сравнительно малоисследованным в истории ленинградской партийной организации остается отрезок времени с середины 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны, хотя именно в это время в партийно-государственном аппарате города происходили достаточно существенные изменения.

Для оценки работы ленинградского партийного аппарата в период с 1935 по 1940 г. был проведен анализ сменяемости кадров на двух уровнях: бюро горкома и заведующих его отделами. Выбор вышеупомянутых должностей обусловлен тем, что именно эти партийные работники составляли верхушку партийного аппарата города и участвовали в принятии важнейших решений.

Были изучены персональный состав и предшествующая карьера партийных работников, назначаемых на эти должности, что дало возможность выявить кадровые характеристики, на основании которых осуществлялись их подбор и назначение; удалось проследить дальнейшую судьбу ведущих партийных функционеров города и определить, как сказалась работа в руководстве ленинградской партийной организации на их последующей карьерной траектории.

Источниковой базой статьи стали делопроизводственные документы партийных и советских органов власти Ленинграда, выявленные в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). В работе использовались протоколы и материалы заседаний высших партийных структур города – бюро и секретариата горкома ВКП(б). Материалы заседаний содержат значительное количество сопроводительных документов, раскрывающих источники и способы информирования руководства города о тех или иных проблемах, мотивы и причины принятия различными инстанциями тех или иных решений. К числу таких документов относятся справки, докладные записки, инструкции, статистические сводки, штатные расписания, положения, отчеты, контрольные документы, служебная межведомственная переписка городских органов с нижестоящими и вышестоящими структурами, а также статистические сборники, подготовленные органами партийного и советского аппарата города.

В статье использованы личные дела руководящих партийных работников. Данные «объективов» – кратких справок, которые обычно готовили кадровые службы при назначении на ту или иную должность, стали основным источником информации для проведения персонального анализа партийного аппарата Ленинграда. Они позволили получить сведения о количественных и качественных характеристиках партийного аппарата города, а также хронологически проследить их изменение. Дополнительно использовались автобиографии партийных работников, из которых также можно почерпнуть те или иные сведения. Изучение документов Архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области дало возможность проследить ход следствия и выявить механизмы политических репрессий в отношении различных групп сотрудников партийного аппарата города.

Кадровый состав бюро Ленинградского горкома ВКП(б). Наиболее влиятельной группой партийных работников города Ленинграда были члены и кандидаты бюро горкома ВКП(б). В общей сложности с 1935 по 1940 г. эти должности занимали 29 человек. Динамика сменяемости состава бюро Ленинградского горкома в период с 1935 по 1940 г. может быть наглядно представлена в виде следующей таблицы:

⁸ См.: Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007; Стефаненко А.Ю. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 26 с.; Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб., 2018.

Месяц/год	Состав Бюро Ленинградского горкома
<u>февраль 1935 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, И.И. Алексеев, И.Ф. Кодацкий, И.П. Светиков, П.И. Смородин, П.И. Струппе, А.И. Угаров, М.С. Чудов, Л.К. Шапошникова-Зайдеман
Кандидаты	И.С. Каспаров, В.Г. Швецов, Л.М. Заковский
<u>ноябрь 1937 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, В.С. Волцит, С.И. Лукьянов, А.Н. Петровский, А.И. Угаров, В.М. Цветков
Кандидаты	И.С. Каспаров, Ф.Н. Иванов, М.К. Рымшан, С.Н. Кузнецов
<u>март 1938 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, А.Н. Петровский, В.М. Цветков
Кандидаты	Ф.Н. Иванов, С.Н. Кузнецов, М.К. Рымшан
<u>июнь 1938 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, М.И. Литвин, А.Н. Петровский, П.Г. Оринов, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков
Кандидаты	С.А. Антонов, Н.В. Бочаров, С.Н. Кузнецов
<u>январь–июль 1939 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, С.А. Гоглидзе, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков, П.С. Попков, А.И. Маханов
Кандидаты	С.А. Антонов, Н.В. Бочаров, С.Н. Кузнецов
<u>январь 1940 г.</u>	
Члены	А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, С.А. Гоглидзе, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков, П.С. Попков, А.И. Маханов
Кандидаты	–

Из таблицы видно, что в рассматриваемый период времени в состав бюро Ленинградского горкома входило от 7 до 12 человек (4–10 членов и 3–4 кандидата). Минимальное количество членов бюро – 4 человека – было зафиксировано в 1938 г., что объясняется масштабными чистками и политическими репрессиями, затронувшими партийный аппарат Ленинграда в эти годы. С февраля 1935 по ноябрь 1937 г., т.е. за 2 года и 8 месяцев, состав бюро горкома обновился на 75 %. Из 12 кандидатов и членов в бюро Ленгоркома, входивших в него в 1935 г., к 1937 г. сохранили свои посты 3 человека. Менее чем через год произошло еще одно практически полное обновление состава бюро – на этот раз на 80 %. Из 10 членов и кандидатов, входивших в его состав в ноябре 1937 г., к июню 1938 г. осталось только 2 человека. За следующие полгода – с июня 1938 по январь 1939 г. – состав бюро обновился примерно на треть: из 10 членов и кандидатов своих постов лишились 3 человека. Зато с первой половины 1939 по 1940 г. состав бюро горкома не поменялся, если не считать того, что в ходе реорганизации была ликвидирована должность кандидата в члены бюро. Это свидетельствует о наступлении периода кадровой стабильности Ленинградского партийного

аппарата. Таким образом, для рассматриваемого периода характерна высокая мобильность и частая сменяемость руководящих работников Ленинградского горкома ВКП(б). Начиная с 1939 г. ситуация стабилизируется и темп кадровых чисток замедляется. Единственным несменяемым членом бюро все эти годы оставался первый секретарь горкома А.А. Жданов.

Второй аспект, на котором необходимо остановиться, – это анализ предшествующих карьерных траекторий руководящих партийных работников и выявление наиболее типичных из них. Послужной список членов бюро отражает логику и основные принципы назначения и перемещения с одной должности на другую. Продвигаясь по служебной лестнице, функционеры могли занимать партийные, хозяйственные, советские и профсоюзные должности, служить в рядах вооруженных сил, работать в органах государственной безопасности, судебно-следственных органах, в органах периодической печати, научных организациях либо менять тип карьеры с течением времени.

Анализ предшествующей карьеры партийных работников показывает, что более половины членов и кандидатов в члены бюро горкома (15 из 28) имели смешанную карьерную траекторию, т.е. меняли тип карьеры по мере продвижения по служебной лестнице и сочетали партийную карьеру с хозяйственной, советской, профсоюзной или иной руководящей работой. Эти сотрудники составляли наиболее многочисленную группу членов бюро горкома, причем чаще всего они сочетали партийные должности с советскими (8 чел.), военными и профсоюзными (по 7 и 6 чел. соответственно), реже – с хозяйственными должностями и с работой в периодической печати (4 и 3 чел. соответственно), и еще реже – с работой в органах государственной безопасности (1 чел.).

Вторая группа членов и кандидатов в члены бюро Ленгоркома (11 работников) продвигалась исключительно по партийной линии. Наконец, три партработника вошли в состав бюро горкома, не имея опыта партийной работы в прошлом – И.П. Светиков ранее занимал профсоюзные должности, а Л.М. Заковский и С.А. Гоглидзе работали в органах государственной безопасности. Большой разброс карьерных траекторий среди членов и кандидатов в члены бюро объяснялся тем, что ряд работников, которые могли не иметь отношения к партийному аппарату, кооптировались в него по должности – председатель исполкома Ленсовета, начальник управления НКВД по Ленинграду и руководитель Ленинградского совета профсоюзов (до 1937 г.).

Анализ наиболее значимых кадровых характеристик партийных работников, входивших в состав бюро Ленинградского горкома, показывает, что средний возраст верхушки партийного аппарата был относительно небольшим и колебался в диапазоне 37–40 лет с тенденцией к снижению в начале 1940-х гг. Так, в 1935–1937 гг. средний возраст членов и кандидатов в бюро Ленгоркома составлял 40 лет, а в 1938–1939 гг. – 37–38 лет. При этом в 1939–1940 гг. в бюро осталось только два партийных работника – А.А. Жданов и А.И. Маханов, которые принадлежали к старшей возрастной когорте руководителей, родившихся еще в XIX в. Таким образом, в рассматриваемый в работе период времени в качестве членов и кандидатов в состав бюро горкома вводились, как правило, достаточно молодые кадры.

По образовательному уровню в составе бюро горкома в середине 1930-х гг. преобладали лица с низшим образованием. В конце 1930-х и в начале 1940-х гг. уровень образования членов и кандидатов в бюро постепенно повышался, в его состав вводилось больше сотрудников со средним и высшим образованием. Если в 1935–1938 гг. в бюро работали 1–2 сотрудника, имевших высшее образование, то к 1939 г. их количество достигло четырех, при этом преобладало высшее образование инженерно-экономического профиля. Одновременно с этим число членов и кандидатов в бюро горкома с низшим образованием снизилось с шести в 1935 г. до 1 чел. в 1939–1940 гг.

По партийному стажу всех сотрудников аппарата можно условно разделить на три группы: во-первых, большевиков с дореволюционным стажем; во-вторых, вступивших в партию с 1917 по 1929 г. включительно; и в-третьих, сотрудников, ставших членами ВКП(б) начиная с 1930 г. Первая группа коммунистов до середины 1930-х гг. находилась в более

привилегированном положении, однако именно они в итоге были практически полностью вычищены и репрессированы. Вторая группа работников, которые были членами партии в период внутрипартийной борьбы и разгрома различных оппозиционных групп, также находилась под подозрением и под угрозой чисток и политических репрессий. Только лишь третья группа коммунистов, вступивших в партию на более позднем этапе, находилась в относительной безопасности.

Сравнивая партийный стаж членов бюро горкома, необходимо отметить, что примерно три четверти его состава вступили в ВКП(б) во время и после революции 1917 г., и лишь только 6 человек были членами партии с дореволюционным стажем. Эти данные согласуются с выводами других исследователей, которые полагают, что среди руководящих работников партийного аппарата наиболее значительное место со второй половины 1920-х гг. занимали большевики, вступившие в партию после революции⁹. Из числа «старых большевиков» политическим репрессиям 1930-х гг. не был подвергнут только первый секретарь Ленинградского горкома – А.А. Жданов. В целом косвенной причиной того, что большая часть состава бюро горкома была репрессирована, можно считать их партийный стаж. Из 29 членов и кандидатов в бюро в партию до 1930 г. вступили 27 человек, поэтому им при определенных условиях можно было приписать принадлежность к оппозиции, разнообразные уклоны и колебания.

По национальному составу члены и кандидаты в бюро горкома были преимущественно русские (около 80 %); из остальных национальностей можно выделить трех латышей – В.С. Волцита, Л.М. Заковского и П.И. Струппе. Также в составе бюро горкома в рассматриваемый в работе период времени были представлены евреи, армяне, белорусы и грузины. Несмотря на значительную «руссоцентричность» бюро, говорить о каких-либо кампаниях по очистке партийного аппарата от национальных меньшинств в тот период не представляется возможным, поскольку выводились из состава бюро горкома как русские, так и представители других национальностей примерно в равной пропорции.

По социальному происхождению в составе бюро преобладали выходцы из рабочих и крестьян, которых насчитывалось примерно три четверти. Выходцы из остальных сословий и социальных групп – торговцев, мещан, служащих и других – были представлены фрагментарно. Исходя из этого, можно сделать вывод, что рабоче-крестьянское происхождение имело большое значение при назначении на высшие партийные должности в Ленинграде. Более того, руководство города стремилось повысить долю «человека труда» на всех уровнях власти. Так, в одном из постановлений бюро горкома 1940 г. было отмечено, что рабочие-стахановцы пока еще недостаточно выдвигаются на руководящие должности в некоторых партийных и советских организациях¹⁰.

Наконец, по гендерному признаку в рассматриваемой группе сотрудников бюро горкома преобладали мужчины, чуть менее половины из которых отслужили в РККА и принимали участие в том или ином качестве в Гражданской войне. В составе бюро Ленинградского горкома в рассматриваемый период работали только две женщины – Л.К. Шапошникова и М.К. Рымшан. Пять сотрудников служили также в старой армии и участвовали в Первой мировой войне. Один из членов бюро – И.П. Светиков – успел послужить даже в армии Колчака четыре дня, а затем перешел на сторону Красной армии¹¹. В общей сложности опыт военной службы имели около половины членов и кандидатов в бюро.

Анализ совокупности кадровых характеристик членов бюро горкома позволяет сделать вывод, что основная тенденция во второй половине 30-х гг. XX в. заключалась в постепенной замене оставшихся «старых большевиков» с дореволюционным партийным стажем (за исключением А.А. Жданова) на более молодые кадры из числа «технократов» с высшим инженерно-экономическим образованием. Во многом эти процессы были связаны с индустриализацией.

⁹ Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 108.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2576. Л. 1.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф.Р-1728. Оп. 1–25. Д. 195289. Л. 3.

стриализацией и с потребностью в технически подготовленных партийных кадрах, которые могли бы направлять и контролировать развитие городской промышленности.

Проследив дальнейшую карьерную траекторию членов бюро Ленинградского горкома, необходимо отметить, что подавляющее большинство из них в разные годы были вычищены из партийного аппарата бюро и подвергнуты политическим репрессиям. Такова была судьба 10 из 12 членов и кандидатов в члены бюро горкома, занимавших должности в аппарате в 1935 г. на момент убийства С.М. Кирова: И.И. Алексеева, И.Ф. Кодацкого, И.П. Светикова, П.И. Смородина, П.И. Струппе, А.И. Угарова, М.С. Чудова, Л.К. Шапошниковой, И.С. Каспарова и Л.М. Заковского. В большинстве случаев их дальнейшая судьба сложилась незавидно – из 12 членов и кандидатов в члены бюро горкома девять (все вышеупомянутые, кроме И.С. Каспарова) были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. При этом в большинстве случаев они становились жертвами репрессий уже не в Ленинграде, а после перевода на работу в другой регион, как правило, в Москву. В общей сложности как минимум семь бывших членов и кандидатов в члены бюро Ленгоркома из состава 1935 г. (И.И. Алексеев, И.Ф. Кодацкий, П.И. Смородин, П.И. Струппе, А.И. Угаров, М.С. Чудов и Л.М. Заковский) были арестованы не в Ленинграде, а в других городах СССР. Это говорит о том, что в данный период руководство ленинградского партийного аппарата стремилось вычищать из собственных рядов скомпрометированных партийных работников путем их перевода в другие регионы. При этом весьма вероятно, что партийное руководство города старалось не брать на себя ответственность за аресты и репрессии, перекладывая ее на иные структуры, главным образом на центральные партийные органы и органы НКВД.

Состав бюро горкома, который сложился в Ленинграде к концу 1937 г., постигла примерно такая же участь – в большинстве случаев его члены были сняты с должности как враги народа либо как лица, связанные с врагами народа, и репрессированы. Однако, в отличие от предыдущего состава бюро, сотрудники, работавшие в 1937–1938 гг., чаще всего не переводились в другие города СССР, а арестовывались непосредственно в Ленинграде. Это может быть косвенным свидетельством того, что в данный период политические репрессии в Ленгоркоме осуществлялись уже при непосредственном участии партийного руководства города.

В 1938 г. после масштабных чисток в состав бюро горкома города Ленинграда была введена плеяда новых руководителей – А.А. Кузнецов, М.И. Литвин, П.Г. Оринов, Г.Т. Смирнов, Т.Ф. Штыков, С.А. Антонов и Н.В. Бочаров. Часть из них – А.А. Кузнецов, М.И. Литвин и П.Г. Оринов – также впоследствии были репрессированы. Любопытно, что в итоге состав бюро горкома был вычищен практически полностью: в общей сложности врагами народа оказались 21 из 29 членов и кандидатов бюро с 1935 по 1940 г., т.е. почти три четверти партийных работников.

Наиболее масштабные чистки в бюро Ленгоркома проходили в 1937–1938 гг., когда в Ленинграде последовательно были «вскрыты» две контрреволюционные организации правых. В разных источниках эти организации фигурировали как «Ленинградский вредительский шпионский диверсионный террористический центр» или «Бухаринский правотроцкистский ленинградский центр» – для краткости иногда использовалось название «Ленинградский террористический центр». В первую группу заговорщиков, которая была разоблачена в 1937 г., из членов и кандидатов в бюро входили: М.С. Чудов, Л.К. Шапошникова (супруга Чудова), И.Ф. Кодацкий, П.И. Струппе, И.И. Алексеев, В.С. Волцит, И.П. Светиков, Ф.Н. Иванов и М.К. Рымшан, а также ряд секретарей обкома и райкомов (П.Л. Низовцев, П.А. Ирклис, М.А. Освенский, Г.В. Иванов, С.М. Соболев, С.Я. Шульман и др.) и ряд руководящих работников аппарата Ленгоркома и Ленгорисполкома (А.С. Милославский, Г.И. Буденный, О.Ф. Юхачева, Д.А. Лазуркина). Во вторую группу заговорщиков, которая в следственных материалах проходила как «запасной центр правых», входили члены и кандидаты в бюро А.Н. Петровский, П.И. Смородин, С.И. Лукьянов и И.С. Каспаров; также к ним примыкали прокурор Ленинградской области Б.П. Позерн, председатель Ленинградского областного Совета профсоюзов П.А. Алексеев, первый секретарь Ленинградского

обкома ВЛКСМ И.С. Вайшля и ректор Ленинградского государственного университета М.С. Лазуркин – супруг заведующей отделом школ горкома Д.А. Лазуркиной. В отношении последних двух фигурантов следственные действия не были завершены, так как после ареста во время предварительного следствия они, согласно официальной версии, совершили самоубийство¹².

Компрометирующие материалы по трем вышеперечисленным сотрудникам партийного аппарата – Г.В. Иванову, М.А. Освенскому и В.С. Волциту – были направлены начальником Ленинградского управления НКВД Л.М. Заковским первому секретарю Ленинградского горкома А.А. Жданову в 1937 г. В них в частности указано, что Иванов, Кодацкий, Чудов, Иркилис, Струппе и П.А. Алексеев входили в группу «старых выборжцев»¹³, направляли на руководящую работу участников троцкистско-зиновьевской организации, засоряя контрреволюционерами вверенные им партийные структуры, активно распространяли троцкистскую литературу и вербовали сторонников. Этой деятельностью они занимались на нелегальных совещаниях, в ходе которых вырабатывались меры по противодействию линии партии, в частности по вопросу проведения коллективизации¹⁴. Необходимо отметить, что все эти компрометирующие сведения исходили из протоколов допросов ранее арестованных партийных работников – Низовцева, Иркилиса и др.

При этом характер направленной Заковским Жданову служебной записки предполагает, что инициатива сбора компрометирующих материалов исходила от первого секретаря Ленинградского горкома, а не от НКВД: «Андрей Александрович! Посылаю вам три справки об Иванове, Освенском и Волците. Это все, что сегодня о них имеется»¹⁵. Если данное предположение является верным, то это означает, что при проведении чисток и политических репрессий в Ленинградском партийном аппарате органы НКВД и глава аппарата Жданов тесно сотрудничали друг с другом.

Еще одно наблюдение, которое можно сделать на основании вышеупомянутой служебной записки, – среди компрометирующих материалов нет сведений, что заговорщики планировали или готовили террористические акты против Жданова и других высокопоставленных партийных функционеров города и страны. По некоторым сведениям, которые содержатся, например, в показаниях А.М. Розенблюма, в Ленинграде готовился открытый процесс по делу «Ленинградского террористического центра», который по какой-то причине не состоялся¹⁶. Возможно, это было связано с недостатком улик и обличающих друг друга и самих себя в терроризме признательных показаний фигурантов этого дела.

Судьбы членов бюро горкома, избежавших политических репрессий как в довоенный период, так и позднее, складывались по-разному. Некоторые, проработав в Ленинграде во время блокады, были впоследствии переведены на работу в МИД (Штыков), другие возглавили образовательные учреждения (Бочаров, Маханов), судьбы еще двух сотрудников (С. Кузнецов, Антонов) не удалось установить. Одно можно сказать определенно: никто из сотрудников ленинградского партийного аппарата, переживших две наиболее масштабные волны репрессий – 1937–1938 гг. и «Ленинградское дело», не занимали впоследствии высоких должностей в партийной иерархии города и страны.

Кадровый состав отделов Ленинградского горкома ВКП(б). В общей сложности на должности заведующего аппаратом Ленгоркома ВКП(б) в период с 1935 до середины 1939 г., когда он был подвергнут серьезному реформированию, работало 28 человек¹⁷. Их сменяемость, как и в случае бюро горкома, была достаточно высокой: в среднем за 4,5 года на руководящем посту в большинстве отделов побывало порядка четырех человек. Таким

¹² Архив УФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-3449: в 1 т. Л. 34.

¹³ Согласно версии следственных органов, эта контрреволюционная группа партийных работников сформировалась еще в 1920-е гг. на почве совместной работы в Выборгском районе Ленинграда.

¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Д. 324. Л. 32–36.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Смородин Д. Открытый процесс не состоялся (Год 1937-й) // Страницы истории: Дайджест прессы 1989, июль–декабрь 1990. С. 149–165.

¹⁷ Без учета особого сектора, который относился к совместному аппарату Ленинградского горкома и обкома.

образом, в среднем руководители аппарата горкома сменялись практически ежегодно. При этом в 1935–1936 гг. наблюдался период относительной кадровой стабильности: в эти годы было зафиксировано 8 отставок и назначений заведующих отделами Ленгоркома. В течение следующих двух лет было снято с должности и назначено уже 14 заведующих отделами, а в 1939 г. – только 3.

Рассматривая послужной список и предшествующую карьеру заведующих отделами, необходимо отметить, что лишь 8 из них росли исключительно по партийной линии, а остальные – примерно 20 партийных работников – сочетали несколько карьерных траекторий. Из других типов карьеры в порядке убывания можно выделить: органы печати (7 чел.), военную (6 чел.), советскую (4 чел.), профсоюзную (3 чел.), науку и образование (3 чел.), хозяйственную (2 чел.), судебную-следственную (1 чел.). При этом прямых переходов на должность заведующего отделом горкома сотрудников, занимавших ранее руководящие должности вне партии, было всего 3 – с профсоюзной работы перешли 2 сотрудника и 1 перешел из сферы образования. Остальные до назначения заведующими отделами Ленгоркома имели опыт руководящей партийной работы и ранее занимали более низкие должности в аппарате.

Из 25 заведующих с партийным типом карьеры лишь 7 были выходцами из руководства комсомола, что составляет менее 30 %. При этом ранее руководили первичными партийными ячейками 10 из 25 заведующих отделами Ленгоркома, работали в районных комитетах ВКП(б) 9 из 25 чел., а занимали различные должности в горкоме 7 из 25 чел. Таким образом, «кузницей кадров» для партработников, назначенных на должность заведующего отделом Ленгоркома, можно считать первичные партийные ячейки и райкомы, а во вторую очередь – комсомол.

Большинство исследуемой группы сотрудников были мужчинами (порядка 85 %), большая часть из них отслужила в рядах РККА. Средний возраст при назначении на должность заведующего отделом горкома составлял примерно 35 лет. При этом он демонстрировал устойчивую тенденцию к снижению: в 1935–1936 гг. средний возраст заведующего составлял около 39 лет, в 1937–1938 – 35 лет, а в 1939 г. – около 32,5 лет.

Большая часть заведующих отделами горкома ВКП(б) (15 партийных работников) были обладателями высшего или незаконченного высшего образования, как правило, инженерно-технической или идеологической направленности. При этом в 1935–1936 гг. только половину отделов возглавляли работники с высшим образованием, в 1937 г. зафиксировано понижение, а к 1939 г. – постепенное повышение образовательного уровня заведующих отделами. Из 12 партийных работников, назначенных в 1938–1939 гг., 9 человек уже обладали высшим образованием.

Среди заведующих отделами преобладали русские; второй по численности национальной группой были евреи – таковых было около 30 %, что значительно больше, чем в составе бюро Ленгоркома. Однако если в 1937 г. во главе 5 отделов горкома из 8 находились евреи, то к 1939 г. представитель этой национальности возглавлял только 1 отдел. По социальному положению заведующие отделами были преимущественно выходцами из рабочих и крестьян, но среди них также было немало потомков мещан и служащих (более 25 %). При этом прослеживается определенная корреляция между национальностью и социальным происхождением: из восьми заведующих еврейской национальности шестеро происходили из мещан. Наконец, подавляющее большинство партработников вступили в партию в промежутке между 1917 и 1930 гг.; из «старых большевиков» можно отметить только Д.А. Лазуркину, возглавлявшую отдел школ Ленинградского горкома. На основании вышеизложенного можно выявить следующие тенденции при назначении заведующих аппаратом Ленинградского горкома: омоложение кадров, повышение их образовательного уровня, постепенную русификацию и увеличение среди них числа выходцев из рабочих и крестьян.

Анализируя сменяемость заведующих отделами Ленгоркома, необходимо также рассмотреть их дальнейшую судьбу. В целом чисткам и политическим преследованиям в разные годы подверглась значительная часть руководителей аппарата горкома – около 50 %

от их общего количества. Это несколько меньше, чем число репрессированных членов и кандидатов бюро Ленинградского горкома ВКП(б). Необходимо отметить, что некоторые партийные работники были арестованы органами НКВД уже после перевода на работу в другой регион. Основная масса репрессированных заведующих отделами Ленгоркома приговорена к высшей мере наказания и расстреляна. Единственное исключение составляет Д.А. Лазуркина, которая провела в тюрьмах, ссылках и лагерях около 18 лет и была реабилитирована еще при жизни¹⁸.

Что касается партийных работников, которые не стали жертвами политических репрессий, то их судьбы складывались по-разному. Они могли быть направлены на партийную работу в вооруженные силы (Хмара, Мастеров), переведены в спецслужбы (Ефимов, Гусев), направлены на преподавательскую работу (Хмара, Шулемзон), на советскую (Нехамкина) или хозяйственную работу (Рудаков). Двое бывших заведующих отделами горкома определенный период времени работали на должности ответственных редакторов «Ленинградской правды» (Шумилов, Шулемзон), а Я.С. Хавинсон переведен на работу в ТАСС и после войны стал главным редактором журнала «Мировая экономика и международные отношения». Таким образом, большинство бывших заведующих отделами Ленинградского горкома, избежавших репрессий, после снятия с должности не продолжали партийную карьеру, а работали в других областях – образование, органы периодической печати и государственной безопасности, советская и хозяйственная работа.

Обобщая всю вышеизложенную статистику и сравнивая кадровые характеристики, можно составить обобщенный коллективный портрет руководящего партийного работника, входившего в состав бюро горкома либо возглавлявшего один из отделов его аппарата. Как правило, это мужчина, его возраст колебался в диапазоне 33–40 лет с тенденцией к постепенному снижению. Он преимущественно русский по национальности, причем к 1940 г. процент русских постепенно повышался, а по социальному происхождению – выходец из рабочих и крестьян, доля которых в аппарате также постепенно возрастала. По партийному стажу в основной массе это работники, вступившие в ВКП(б) в промежутке 1917–1930 гг. В отношении военной службы статистика варьировалась: примерно половина секретарей мужского пола была из числа отслуживших в рядах РККА, а другая половина из них не служила. Образовательный уровень секретарей райкомов год от года увеличивался: если в 1935–1936 гг. преобладали партийные работники с низшим и средним образованием, то к 1939 г. на первые позиции выходят руководители с высшим образованием, как правило, инженерно-технического или экономического профиля. Руководящие партийные работники обычно обладали опытом партийной работы в прошлом, однако часто сочетали несколько типов карьеры, периодически переходя с партийных должностей на хозяйственные, советские, профсоюзные, после чего возвращались к партийной деятельности. При этом средний период пребывания партийного работника на руководящей должности, как правило, был небольшим и редко превышал 1,5 года. Наконец, партийные функционеры из бюро и аппарата горкома имели большую вероятность рано или поздно стать жертвами чисток и политических репрессий.

Один из актуальных вопросов в контексте проведенного анализа заключается в том, приводили ли все описанные выше тенденции к формированию региональной политической элиты внутри ленинградской партийной организации как замкнутой и сплоченной группы бюрократов. Теоретически замкнутость и сплоченность партийных функционеров могли достигаться за счет получения ими определенных льгот и привилегий как материального, так и нематериального характера. К их числу относились улучшенные жилищные условия, возможность отдыха в ведомственных санаториях и лечения в ведомственных больницах, доступ к партийно-государственной секретности, в ряде случаев, но далеко не всегда, судебные привилегии – вплоть до иммунитета отдельных партийных работников от уголовного преследования. Все это, по мнению некоторых авторов, способствовало формированию

¹⁸ Губанков А. Штрихи к жизнеописанию «образцовой коммунистической пары» // Дайджест прессы «Страницы истории». 1988. Январь–июнь. 1989. С. 256–260.

бюрократической модели управления в СССР и созданию замкнутой группы партийных работников, отчужденных и обособленных от основной массы советских граждан, которых с определенными оговорками можно назвать советской политической элитой¹⁹.

Однако описанный выше процесс входил в противоречие с марксистской теорией, так как, согласно ее постулатам, для недопущения «обюрокрачивания» правящей прослойки должна быть обеспечена постоянная ротация кадров. Необходимо отметить, что частые назначения и перемещения с одной должности на другую являются одной из характеристик партийно-государственного аппарата как в 20-е, так и в 30-е гг. XX в. Возможно, одна из причин, побуждавшая часто менять руководящие кадры, заключалась в стремлении не допустить их «хозяйственного обрастания», снизить коррупцию и прочие злоупотребления, иными словами – не допустить сращивания партийных функционеров с хозяйственным руководством.

К концу 1930-х гг. сменяемость кадров ускоряется, в том числе за счет чисток и политических репрессий, в значительной степени затронувших партийный аппарат. Эти процессы можно также связать с поиском новых эффективных кадров в условиях нарастания военной угрозы. Ряд авторов придерживается мнения, что подобные тенденции говорят о слабости номенклатурного сообщества, о его неспособности составить сплоченную группу и влиять на принятие ключевых политических решений²⁰.

Анализ сменяемости руководящих кадров в ленинградской партийной организации подтверждает эту точку зрения и показывает, что в исследуемый период времени аппарат города Ленинграда не представлял собой замкнутой и сплоченной группы партийных работников. Определенная кадровая стабилизация была достигнута только к началу 1940-х гг.

Литература

Андрухов Н.Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977. 375 с.

Блэквелл М.Дж. Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943–1946 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 163–170.

Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб., 2018. 310 с.

Губанков А. Штрихи к жизнеописанию «образцовой коммунистической пары» // Дайджест прессы «Страницы истории». Январь–июнь 1989. С. 256–260.

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы. Социально-архитектурное микроисторическое исследование. 2-е изд., испр. СПб., 2016. 248 с.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. 311 с.

Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса: 1943–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 28 с.

Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири: 1945–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 28 с.

Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941 гг.). Ростов н/Д., 1981. 135 с.

Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП(б): из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981. 184 с.

Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. 204 с.

¹⁹ Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 273.

²⁰ Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.

- Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971. 224 с.
- Сморodin Д. Открытый процесс не состоялся (Год 1937-й) // Страницы истории: Дайджест прессы 1989. Июль–декабрь 1990. С. 149–165.
- Стефаненко А.Ю. Внутривластная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 26 с.
- Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995. 493 с.
- Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.
- Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. 292 с.
- Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986. 315 с.
- Blackwell R. Career Development in the Soviet Obkom Elite: a Conservative Trend // *Soviet studies*. 1972. № 1. P. 24–40.
- Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999. 448 p.
- Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York, 1999. 235 p.
- Hough J.F. The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. Cambridge, 1969. 416 p.

References

- Andrukhov, N.R. (1977). *Partiynoe stroitel'stvo v period bor'by za pobedu sotsializma v SSSR (1917–1937 gg.)* [Party Building during the Fight for the Victory of Socialism in the USSR (1917–1937)]. Moscow. 375 p.
- Blackwell, R. (1972). Career Development in the Soviet Obkom Elite: A Conservative Trend. In *Soviet studies*. No. 1, pp. 24–40.
- Blackwell, M.Dj. (2011). Vossozhdanie kommunisticheskoy partii v Kieve posle natsistskoy okkupatsii. 1943–1946 gg. [Reestablishment of the Communist Party in Kiev after the Nazi Occupation. 1943–1946]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 2, pp. 163–170.
- Boldovskiy, K.A. (2018). Padenie “blokadnykh sekretarey”. Partapparat Leningrada do i posle “Leningradskogo dela” [The Fall of “Blockade Secretaries”. Leningrad Party Apparatus before and after the “Leningrad Affair”]. St. Petersburg. 310 p.
- Boterbloem, K. (1999). Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal. 448 p.
- Chistikov, A.N. (2007). *Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-zapada Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [Party and State Bureaucracy in the North-Eastern part of the Soviet Russia in the 1920s]. St. Petersburg. 292 p.
- Feynsod, M. (1995). *Smolensk pod vlast'yu Sovetov* [Smolensk under Soviet Rule]. Smolensk. 493 p.
- Gubankov, A. (1989). Shtrikhi k zhizneopisaniyu “obraztsovoy kommunisticheskoy pary” [Strokes to Biography of the “Perfect Communist Couple”]. In *Dayzhest pressy Stranitsy istorii*. Jan.–June, pp. 256–260.
- Harris, J.R. (1999). The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York. 235 p.
- Hough, J.F. (1969). The Soviet prefects: The local party organs in industrial decision-making. Cambridge. 416 p.
- Izmozik, V.S., Lebina, N.B. (2016). Peterburg sovetskiy: “novyy chelovek” v starom prostanstve: 1920–1930-e gody. Sotsial'no-arkhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie [Soviet Petersburg: New People in Old Environment (1920s–1930s): Socio-Architectural Microhistorical Study]. St. Petersburg. 248 p.

Konovalov, A.B. (2006). Formirovanie i funktsionirovanie nomenklaturnykh kadrov organov VKP(b)-KPSS v regionakh Sibiri: 1945–1991 gg. [The Establishment and Activity of the Communist Party Functionaries in Siberian Regions]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 28 p.

Konovalov A.B. (2005). Partiynaya nomenklatura Kuzbassa v gody “poslevoennogo stalinizma” i “ottepeli” (1945–1964) [Party Functionaries of Kuzbass Region during the “Postwar Stalinism” and “Thaw” period (1945–1964)]. Kemerovo. 311 p.

Konovalov, A.B. (1999). Sotsial’no-professional’naya evolyutsiya partiynoy nomenklatury Kuzbassa: 1943–1964 gg. [Social and Professional Evolution of Kuzbass Region Party Functionaries in 1943–1964]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 28 p.

Maleyko, L.A. (1981). Partiynyy apparat: stanovlenie i razvitie (1917–1941 gg.) [The Establishment and Development of the Party Apparatus (1917–1941)]. Rostov-on-Don. 135 p.

Mel’nikov, V.P. (1981). Oblastnye byuro TsK RKP(b): iz opyta KPSS po ideynomu i organizatsionnomu ukrepleniyu mestnykh partiynykh organizatsiy (1920–1925 gg.) [Regional Communist Party Bureaus: Ideological and Institutional Strengthening of Local Party Organizations]. Moscow. 184 p.

Mohov, V.P. (2000). Elitizm i istoriya: Problemy izucheniya sovetskikh regional’nykh elit [Elitism and History: Studying Regional Soviet Elites]. Perm. 204 p.

Pronin, I.I. (1971). Rukovodyashchie kadry: podbor i vospitanie [Senior Staff Recruitment and Training]. Moscow. 224 p.

Smorodin, D. (2021). Otkrytyy protsess ne sostoyalsya (God 1937-y) [Public Trial Did not Take Place (1937)]. In *Stranitsy istorii: Daydzhest pressy 1989*. June–Dec. 1990, pp. 149–165.

Stefanenko, A.Yu. (2021). Vnutripartiynaya bor’ba v Leningrade. 1926–1933 gg. [Interparty Struggle in Leningrad in 1926–1933], Cand. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 26 p.

Khlevnyuk, O.V. (2016). Nomenklaturnaya revolyutsiya: regional’nye rukovoditeli v SSSR v 1936–1939 gg. [Revolution in Nomenklatura: Regional Functionaries in the USSR in 1936–1939]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 36–52.

Yaczkov, V.A. (1986). Kadrovaya politika KPSS: opyt i problemy [CPSU Personnel Policy: Practice and Problems]. Moscow. 315 p.

Н.Н. Аблажей
А.С. Жанбосинова*

«ЗАЩИТИТЬ ТРУДЯЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ НАРОД...»:
РАБОЧИЕ КАК КОНТИНГЕНТ ПРИКАЗА НКВД СССР
№ 00447 (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАХСТАНА)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-12
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С. «Защитить трудящийся советский народ...»: рабочие как контингент приказа НКВД СССР № 00447 (по материалам Казахстана) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 154–166. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-12.pdf>

N.N. Ablazhey
A.S. Zhanbosinova*

“TO PROTECT THE WORKING SOVIET PEOPLE ...”:
WORKERS AS A CONTINGENT OF THE USSR NKVD
ORDER NO. 00447 (ON THE MATERIALS OF KAZAKHSTAN)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-12

How to cite:
Ablazhey N.N., Zhanbosinova A.S. “To Protect the Working Soviet People ...”: Workers as a Contingent of the USSR NKVD Order No. 00447 (On the Materials of Kazakhstan) // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 154–166. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-12.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the study of social aspects of political repressions in the USSR. On the example of the largest punitive campaign of the Great Terror, the so-called Kulak Operation, carried out by Order of the NKVD of the USSR No. 00447, an attempt was made to analyze mass repression through a “social” or “collective” portrait of the victims. Kazakhstan was chosen as a region where modernization processes proceeded at a faster pace and had a pronounced industrial, albeit raw material industries, character. Forced labor was widely used in the Republic. The emphasis in the analysis of the “Kulak” Operation was placed on the study of repression against persons employed in the industrial sector that, in fact, was in a conflict with the modernization paradigm. The materials of extrajudicial instances (“Kulak” troikas) and the reporting of the NKVD of the Kazakh SSR became the sources for this study. It was found that the proportion of those repressed from the industrial sectors of the economy turned out to be very significant and can be estimated in the range of 8–12% of the total number of victims of the “Kulak”. Operation in the Republic, and is currently estimated at some 26,000 people. Based on the example of repressions against workers, it is shown that the large-scale social cleansing campaign also affected that part of the population that “fitted” into the socialist society. Carrying out repressions against “those class related”, the authorities moved away from the model of the “proletarian” and “workers’ and peasants’ state”. It is concluded that through repression, the authorities tried to relieve themselves of responsibility for failures and economic difficulties.

Keywords: workers, repressions, Great Terror, The “Kulak” Operation.

* Наталья Николаевна Аблажей, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Eurasian National University named after L. Gumilev, Astana, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

** Благодарности. Данная статья подготовлена в рамках реализации проекта AP14869089 «Вертикаль и горизонталь Большого террора: политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг».

Thanks. This article was prepared as part of the project AP14869089 “Vertical and Horizontal of the Great Terror: Political Repressions in Kazakhstan in 1937–1938”.

The article has been received by the editor on 15.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению социальных аспектов политических репрессий в СССР. На примере самой масштабной карательной кампании Большого террора, так называемой кулацкой операции, проводившейся по приказу НКВД СССР № 00447, предпринята попытка проанализировать массовую репрессию через «социальный» или «коллективный» портрет жертв. Казахстан выбран как регион, где модернизационные процессы шли опережающими темпами и имели ярко выраженный индустриальный, хотя и сырьевой характер. В республике широко использовался принудительный труд. Акцент в изучении «кулацкой» операции сделан на изучении репрессий в отношении лиц, занятых в индустриальном секторе, что, по сути, входило в противоречие с модернизационной парадигмой. Источниками для исследования послужили материалы внесудебных инстанций («кулацких» троек) и отчетность НКВД Казахской ССР. Было установлено, что доля репрессированных из индустриальных секторов экономики оказалась весьма значительной и может быть оценена в диапазоне 8–12 % от общей численности жертв «кулацкой» операции в республике, оцениваемой на данный момент в 26 тыс. чел. На примере репрессий в отношении рабочих показано, что масштабная социальная чистка затронула и ту часть населения, которое «вписывалась» в социалистическое общество. Осуществляя репрессии в отношении «классово близких», власть отошла от форматов «пролетарского» и «рабоче-крестьянского государства». Сделан вывод о том, что через репрессии власть попыталась снять с себя ответственность за провалы и экономические трудности.

Ключевые слова: рабочие, репрессии, Большой террор, «кулацкая» операция.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022 г.

Карательная операция по приказу № 00447 в Казахстане. Большой террор в СССР стартовал с масштабной карательной акции, известной как «кулацкая» операция. НКВД СССР реализовывал ее на основании оперативного приказа от 30 июля 1937 г. № 00447. 31 июля 1937 г. данный приказ был утвержден к исполнению Политбюро ЦК ВКП(б). Цель репрессивной операции формулировалась следующим образом: «перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»¹. По современным исследовательским оценкам, «врагами» советского государства при реализации только этой карательной акции оказались не менее 800 тыс. советских граждан².

В Казахской ССР планировалось первоначально «осудить» 6 749 чел., из которых 2 346 чел. были намечены к расстрелу³. Такие данные были отправлены областными Управлениями НКВД республики руководству НКВД СССР в начале июня 1937 г. Хотя буквально

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 5. Д. 2. Л. 155 (подлинник приказа хранится в АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 59–78). Копия приказа обнаружена в Архиве ДКНБ по ВКО. Ф. 9. Д. 388. Л. 69–81.

² В научный оборот М. Юнге и Г. Бордюговым введены данные, согласно которым тройками с августа 1937 по ноябрь 1938 г. (включительно) было осуждено 767 397 чел., из них 386 798 – по первой категории. При этом число выделенных и утвержденных в центре лимитов составило 753 315 чел., из них 356 105 чел. – по первой категории (См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора: История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 598). Однако сегодня эти данные уже не считаются итоговыми.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 96.

через несколько дней в записках, поданных на имя Сталина, большинство регионов эти цифры скорректировало. Партийные власти Казахстана скорректировали их в сторону увеличения. Для республики суммарно они составили 8 110, из которых 3 200 подлежали расстрелу, что было выше первоначальной цифры на 1 361 чел.⁴ Однако только партийное руководство Северо-Казахстанской и Кустанайской областей подало заявку в установленный срок⁵, а обкомы шести областей (Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской, Кустанайской, Карагандинской и Алма-Атинской) подали данные в Москву только 14 и 20 июля. И хотя и они были одобрены Политбюро, но спущенные республике показатели оказались все-таки ниже запрашиваемых. Руководство Казахстана также попросило Москву разрешить провести операцию на территории спецпоселений. Такое разрешение было получено⁶. Репрессии в системе лагерей были согласованы раньше и должны были стартовать единовременно с «кулацкой» операцией⁷.

Поданные регионами в обозначенный срок цифры приказом НКВД СССР № 00447 были спущены в виде квот или лимитов. Для Казахской ССР общий лимит был определен в 7,5 тыс. чел., из которых 2,5 тыс. чел. подлежали расстрелу⁸. Согласно приказу № 00447, распределение лимитов по областям республики было следующим: Северо-Казахстанская – 950 (650 по 1-й категории и 300 по 2-й категории), Южно-Казахстанская – 950 (350 и 600 соответственно), Западно-Казахстанская – 300 (100 и 200), Кустанайская – 600 (150 и 450), Восточно-Казахстанская – 1350 (300 и 1 050), Актюбинская – 1350 (350 и 1 000), Карагандинская – 1 000 (400 и 600) и Алма-Атинская – 1 000 (200 и 800). Приказ не только обозначал количественные рамки репрессий, которые регионы должны были обязательно преодолеть, но и предоставил возможность их перевыполнения.

По запросам регионов Москва предоставляла дополнительные лимиты. Большинство из них было одобрено Политбюро или утверждено НКВД, однако часть сверхнормативных лимитов оказалась несанкционированной. 4 октября 1937 г. Казахстан получил от Политбюро дополнительно запрошенный лимит в 3,5 тыс. чел. по 1-й категории⁹. Еще один запрос на 5 тыс. чел. (2 тыс. и 3 тыс.) Политбюро одобрило 17 ноября 1937 г.¹⁰ Опираясь на докладные записки НКВД Казахской ССР, есть основания утверждать, что в республике планку репрессий подняли от первоначальной цифры в 7,5 тыс. по обеим категориям до 16 тыс. (8 тыс. – по 1-й категории и еще 8 тысяч – по 2-й)¹¹. В начале декабря 1937 г. руководство Казахстана отчиталось, что и эти лимиты почти «закрываются», и запросило дополнительный в объеме 4,4 тыс.¹² 3 декабря 1937 г. Москва выделила лимит на 1,6 тыс. чел.¹³, а 15 декабря Казахстан получил еще один дополнительный лимит от Политбюро в 4,4 тыс. чел.¹⁴ За весь период операции республика получила квоту, почти в 3,5 раза превосходящую первоначальные цифры, содержащиеся в тексте приказа № 00447. Количественно утвержденный лимит на республику составил 25 080 чел., из которых 12 580 – по 1-й категории и 12 500 – по 2-й. До сих пор эти цифры по Казахской ССР считались полными¹⁵. Однако выяв-

⁴ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора: История операции по приказу НКВД № 00447... С. 40.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 137; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 40.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 583. Л. 117.

⁷ Речь идет об оперативном приказе НКВД № 00409 (дата приказа специалистам неизвестна). Текст приказа до сих пор не обнаружен. Можно утверждать, что реализация приказа № 00409 началась с августа 1937 г. 17 декабря 1937 г. в развитие этого приказа было принято решение, по которому «дела о побегах заключенных рассматривать тройкам УНКВД [согласно] порядка приказа № 409 и проводить их по 1-й категории». Возможно, что приказ № 00409 стал дополнительным инструментом приказа № 00447.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 2. Л. 160.

⁹ См. документ: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 208; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 580. Л. 152.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 583. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 117.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 584. Л. 21.

¹³ Там же. Оп. 162. Д. 22. Л. 897.

¹⁴ Там же. Оп. 166. Д. 584. Л. 21.

¹⁵ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 523.

ленная нами отчетность НКВД Казахской ССР позволяет утверждать, что в марте 1938 г. республика отчиталась по приказу № 00447 цифрой в 25 937, в том числе 12 580 чел. – по 1-й категории¹⁶.

Для проведения массовых репрессий в ускоренном формате были созданы особые внесудебные инстанции – тройки, известные как «кулацкие». Всего в СССР было создано 64 тройки – на республиканском, краевом и областном уровнях. Первоначально в республике должна была действовать только республиканская тройка, которая и была создана 9 июня и утверждена Политбюро через день, но одновременно Москва утвердила и областную тройку в Северо-Казахстанской области. В период «кулацкой» операции Алма-Атинская тройка заседала только в статусе областной, поэтому Казахская ССР оказалась в числе регионов, где действовали только областные тройки. В соответствии с административно-территориальным делением республики тройки были созданы в Алма-Атинской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях. В январе 1938 г. из состава Восточно-Казахстанской была выделена Павлодарская область. Тогда же появилась и Гурьевская область. Но самостоятельных троек в новых областях создано не было.

Приказ № 00447 предписывал начать репрессии в Казахстане с 5 августа 1937 г. Все областные «кулацкие» тройки республики начали работать в августе, а самое первое подобное заседание состоялось 11 августа 1937 г. в Карагандинской области. В Москву первые отчеты о ходе «кулацкой» операции ушли уже в начале сентября 1937 г. Планировалось, что «кулацкая» операция займет три месяца, однако директива НКВД СССР № 50194 от 11 декабря продлила работу троек, действующих в соответствии с приказом № 00447, до января 1938 г.¹⁷ Датированное 31 января 1938 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» продлеvalo репрессии в 22 регионах страны до середины марта 1938 г.¹⁸, им выделялись дополнительные лимиты. Казахстан в данный список не попал, поэтому в середине февраля 1938 г. «кулацкие» тройки завершили свою работу во всех областях республики, как это и предписывалось решением Политбюро¹⁹. НКВД Казахской ССР на середину января 1938 г. отчиталось цифрой в 22 804 (в том числе расстреляно) репрессированных по приказу № 00447, из которых 9,5 тыс. были приговорены к ВМН²⁰. Согласно итоговой статистике НКВД Казахской ССР, отправленной в Москву в марте 1938 г., указывалось, что в рамках кампании было осуждено 25 937 чел., из которых 12 429 чел. расстреляны²¹.

Ход карательной акции по приказу № 00447 наиболее красноречиво показывает, как власть организовала и провела массовый террор. Но перед исследователями продолжает стоять ряд важных вопросов: в какой степени репрессивная государственно-бюрократическая машина работала по плану, каков истинный масштаб жертв и кто они.

Методология исследования, источники. Алгоритм работы с категориями репрессированных был разработан и успешно апробирован в рамках реализации международного проекта «Сталинизм в советской провинции. Массовая операция по приказу № 00447». Проект осуществлялся в 2000-е гг. интернациональным коллективом, получившим доступ к архивно-следственным делам, материалам троек и документации НКВД. Выполненные в рамках проекта исследования существенно расширили знание о жертвах Большого террора. Было доказано, что при единых установках из Центра «кого репрессировать» регионы также были включены в формирование контингентов репрессированных. Выбор «жертв» в значительной

¹⁶ Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 385. Л. не указан.

¹⁷ «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. Т. 1: 1937 г. М., 2010. С. 178–179.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 113.

¹⁹ Там же. Оп. 166. Д. 585. Л. 19–20.

²⁰ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 386. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 385. Л. 29.

степени оказывался увязан с «профилем» региона, что крайне важно учитывать при изучении региональных аспектов террора.

Казахстан нами выбран как регион, где модернизационные процессы шли опережающими темпами и имели ярко выраженный индустриальный, хотя и сырьевой характер. Развитие транспортной инфраструктуры было нацелено на освоение крупных месторождений полезных ископаемых и приближение производства к источникам сырья. Одновременно Казахстан представлял собой крупнейший регион ГУЛАГа и ссылки. Профиль областей Казахстана позволяет выделить промышленные и сельскохозяйственные территории, приграничные местности, места компактного проживания национальных меньшинств. При изучении репрессий в республике нужно учитывать эти факторы. Основываясь на работах предшественников²², которые анализировали специфику данной категории репрессированных, можно утверждать, что в промышленно-развитых районах страны рабочие и служащие массово подверглись репрессиям в рамках приказа № 00447.

Преимущественное внимание руководства было направлено на развитие Восточного и Центрального Казахстана как регионов, наиболее богатых природными минеральными ресурсами. Здесь наиболее широко использовался принудительный труд. Исходя из специфики индустриализации Казахстана, прежде всего ее сырьевого характера, для анализа были выбраны наиболее экономически развитые регионы. К таковым нужно отнести в первую очередь Карагандинскую область, в 1936 г. разделенную на Северо-Казахстанскую с центром в Петропавловске и собственно Карагандинскую области. В последней имелись предприятия союзного значения – Карагандинский угольный бассейн, Балхашский медеплавильный комбинат, Балхашский горно-металлургический комбинат, Карсакпайский и Дзезказганский медеплавильные комбинаты, Тургайские сурьмяные предприятия, Корундовые разработки и КарГЭС. В состав Карагандинской области входил созданный в 1931 г. Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (КарЛаг) ГУЛАГ НКВД. На 1937 г.²³ он включал в себя 24 отделения, в том числе Балхашское с медеплавильным и горно-металлургическим комбинатами, Коунрадское, Долинское и другие, являясь индустриальным флагманом Казахстана. Численность заключенных в КарЛаге на середину 1937 г. была 34,5 тыс. чел. Заключенные составляли значительную часть населения области, в том числе освободившиеся, трудпоселенцы и ссыльные²⁴. Развитым промышленным регионом была и Восточно-Казахстанская область. На ее территории находились крупные месторождения редкоземельных и цветных металлов. Промышленными центрами были Риддер, Зыряновск, Белоусовка, Глубокое, Убаредмет, Колбаолово и другие, в прошлом находившиеся в концессии крупных английских промышленников и их объединений: Уркварта и «Лена-Гольдфильс». На территории области имелись крупные транспортные узлы, такие как Восточно-Иртышское речное пароходство и Туркестано-Сибирская магистраль (Турксиб). Алма-Атинская область взята в первую очередь как столичный регион, кроме того, по территории области проходил Турксиб.

Цель исследования – оценить долю репрессированных из индустриальных секторов экономики в общей численности жертв «кулацкой» операции в республике, которую мы оцениваем на данный момент в 26 тыс. чел., показать, что репрессии затронули и ту часть населения, которое «вписывалось» в социалистическое общество. Источниками исследования стали протоколы областных «кулацких» троек, а также промежуточная и итоговая статистика НКВД Казахской ССР.

Категории приказа и группы репрессированных. Анализ состава лиц, подвергшихся репрессиям, позволяет прояснить природу и направленность «кулацкой» карательной акции. В тексте приказа обозначено восемь контингентов, подлежащих репрессированию. Помимо этого, состав почти каждого из них конкретизирован, включая комментарии, что позволяет существенно расширить перечень. Из текста приказа следует, что репрессии нацелены в

²² Кабацков А.Н. Репрессии 1937–1938 гг. против рабочих Прикамья Свердловской области в рамках приказа № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. М., 2009. С. 177–197.

²³ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. 20.

²⁴ Там же. Д. 386. Л. 126.

значительной степени на контингенты, прошедшие через советскую пенитенциарную систему и ссылку. Агрегирование и группировка контингентов были предложены самим НКВД. При этом первоначально доминировала категоризация жертв по социальным признакам. Так, в промежуточной статистике НКВД за осень 1937 г. представлен достаточно широкий социальный спектр репрессированных: 1) «бывшие кулаки»; 2) «бывшие люди» (представители бывших привилегированных слоев); 3) деклассированные элементы; 4) служители религиозного культа; 5) кустари; 6) домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры; 7) одиночники; 8) колхозники; 9) служащие и 10) рабочие. Помимо этих групп, отдельно выделяются бывшие силовики (из РККА, НКВД и др.) и «вычищенные» из партии и комсомола. В сводной отчетной статистике НКВД репрессированные обычно группировались в три большие группы: 1) «кулаки», 2) «уголовники» и 3) «прочий контрреволюционный элемент».

Попытки разделения репрессированных на категории уже предпринимались исследователями, изучающими «кулацкую» операцию. Было установлено, что карательная акция в масштабах страны затронула следующие основные группы населения: 1) «бывшие кулаки»; 2) «бывшие люди»; 4) бывшие «белые»; 5) бывшие члены оппозиционных большевикам левых партий; 6) заключенные и ссыльные; 7) уголовные и маргинальные элементы; 8) члены религиозных общин; 9) участники локальных антикоммунистических восстаний²⁵. Из этого следует, что в группы риска попадали преимущественно по социально-политическим признакам. При этом социально-групповой состав репрессированных по приказу № 00447 в каждом регионе страны имел свою специфику.

Рабочие как объект «кулацкой» операции НКВД. Приказ № 00447 не включает рабочих в контингенты, подлежащие репрессированию, однако в преамбуле к приказу есть указание, что часть антисоветского элемента, «уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорта и на строительство». Отчетность НКВД уже непосредственно показывает наличие репрессированных из числа этой группы. В период реализации массовых репрессий НКВД агрегировало информацию об осужденных по отраслевым, социальным и иным критериям, которая иллюстрирует стратификацию советского общества. В нижеприведенных таблицах (*табл. 1 и 2*) агрегирована статистика НКВД Казахской ССР об арестованных в рамках «кулацкой» операции по отраслевому принципу. Отраслевой критерий в ведомственной статистике НКВД не единообразен и в значительной степени отражает специфику советской статистики того времени, согласно которой к категории наемных работников относились лица, занятые в «несельскохозяйственном» секторе, а именно в промышленности, строительстве и на транспорте. К «несельскохозяйственному» сектору относились также рабочие и служащие совхозов, машинно-тракторных станций, лесной промышленности, рыболовства. Такой подход предполагает суммирование численности репрессированных из числа занятых в промышленности, транспорте, МТС и совхозах. По данным статистики НКВД КазССР, к началу января 1938 г. по приказу № 00447 было репрессировано 20 862 чел., из которых 2446 тыс. чел. были заняты в промышленности, транспорте, строительстве и совхозах, что составляло 11,7 % от общего числа жертв.

Итоговая статистика по «кулацкой» операции за март 1938 г. демонстрирует рост доли репрессированных из индустриальных секторов республики. При общем количестве осужденных в 25 937 чел. из сфер промышленности, транспорта, совхозов и МТС было «изъято» 4 545 чел., или 17,5 % общей численности.

Отчетность НКВД предусматривала отдельную разбивку контингентов и по социальному признаку. Один из видов итоговых табличных отчетов по массовым операциям 1937–1938 гг. непосредственно отражает социальный состав арестованных. Типовые отчеты периода Большого террора обычно содержат агрегированные данные по всем «линейным» операциям, т.е. по «кулацкой» и «национальным», но иногда встречается отдельная отчетность по приказу № 00447. При сопоставлении региональных данных можно увидеть значительные противоречия. Так, по Восточно-Казахстанской области отраслевой срез показывает, что из индустриальных секторов было осуждено 1 007 чел., а в социальном разрезе

²⁵ Сталинизм в советской провинции... С. 19.

указанное количество рабочих среди арестованных всего 156 чел.²⁶ Отчет по аграрной Южно-Казахстанской области, наоборот, показывает высокий процент рабочих: при общем количестве арестованных по приказу в 2 208 чел. количество рабочих указано 390 чел., или 17,7 %²⁷.

16
0

Таблица 1

Статистика осужденных по приказу № 00447 по областям Казахской ССР на начало января 1938 г.

Область	Откуда изъяты осужденные										
	всего	из колхозов	из совхозов	из пром. пред.	из воен. пром.	с транспорта	из совпа-рага	со строи-тельства	без опред. занятий	прочие	нет разбивки
Северо-Казахстанская	2 499	1 022	108	179	–	62	434	2	644	19	29
Южно-Казахстанская	2 322	771	40	138	–	64	297	9	809	194	–
Западно-Казахстанская	1 320	337	54	101	–	24	130	1	525	148	–
Восточно-Казахстанская	3 673	652	33	54	–	8	91	2	217	62	2 554
Кустанайская	2 100	103	12	12	–	–	43		9	12	1 909
Актюбинская	2 420	925	149	135	6	110	249	27	704	115	–
Карагандинская	2 304	278	1	268	–	30	26	6	105	8	1 582
Алма-Атинская	4 224	1 275	204	158	2	378	383	70	924	830	–
ИТОГО	20 862	5 363	601	1045	8	675	1 653	117	3 937?	1 388	6 074

ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 573. Л. 83.

Таблица 2

Численность репрессированных в рамках приказа НКВД СССР № 00447 в Казахской ССР к окончанию операции (март 1938 г.)

Откуда изъяты осужденные	ИТОГО	Наименование области							
		Алма-Атинская	Актюбинская	Восточно-Казахстанская	Западно-Казахстанская	Кустанайская	Карагандинская	Северо-Казахстанская	Южно-Казахстанская
На промышленных предприятиях	1 997	99	141	594	118	159	477	179	230
На ж/д транспорте	1 030	473	151	43	26	–	118	105	114
На водном транспорте	41	12	–	29	–	–	–	–	–
В сов. учреждениях	3 391	820	266	816	182	284	269	325	429

²⁶ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 379. Л. 35.

²⁷ Там же. Л. 113.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В парторганах	143	24	13	22	1	35	16	5	27
В хоз. кооперациях	975	270	68	159	105	185	65	59	64
В земельных органах	169	44	9	57	18	9	9	2	21
В колхозах	8 679	1 635	857	1 738	403	1 050	632	1 244	1 120
В совхозах	1 052	149	247	217	54	224	17	70	74
В МТС	425	58	125	124	8	46	12	24	28
Единоличников	649	147	12	265	26	–	–	199	–
Без определенных занятий	5 254	609	674	1 336	528	235	395	301	1 176
Служителей религиозного культа	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Спецпереселенцев	–	–	–	–	–	–	571	418	–
Прочие организации	–	240	7	151	51	59	179	39	51
ИТОГО	25 937	4 946	2 570	5 551	1 520	2 286	2 760	2 970	3 334

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 385. Л. 30.

Скорректировать отчетную статистику НКВД по приказу № 00447 позволяют материалы внесудебных инстанций, а именно протоколы «кулацких» троек. Поскольку материалы «кулацких» троек содержат учетную персональную информацию на репрессированного, его социальный статус можно восстановить на основании таких параметров, как «социальное положение» и «место работы». Однако нередки случаи, когда репрессированный учитывается как «бывший», но по роду своей деятельности на момент ареста, например, будучи в заключении, оказывается занят на производстве. Ряд исследователей включает в эту категорию и трудпоселенцев, обосновывая это тем, что ссыльные в ряде регионов оказались заняты в индустриальном секторе. Необходимо учитывать и тот момент, что статистика НКВД и материалы троек зачастую не содержат информации по части контингента, включая его в графы «прочее», «нет разбивки» и пр.

Нами обработаны все протоколы «кулацких» троек в Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Алма-Атинской областях. Один из важных выводов анализа состоит в том, что налицо расхождение лимитов со сводной статистикой, а отчетной статистики – с протокольной статистикой по количеству осужденных. На этот факт уже обращали внимание специалисты²⁸. Так, отчетная статистика НКВД в областном разрезе дает следующую численность осужденных: по Алма-Атинской области – 4 946 чел., Восточно-Казахстанской – 5 551, Карагандинской – 2 760 чел. Сплошная обработка протоколов²⁹ «кулацких» троек дает несколько иную картину: Алма-Атинская область – 4 917 чел., Восточно-Казахстанская – 5 600, Карагандинская – 3 751 чел. Таким образом, только введение в научный оборот

²⁸ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. М., 2009. С. 723; и другие ее работы.

²⁹ Подсчитано авторами на основе обработки протоколов областных «кулацких» троек.

данных внесудебных инстанций позволит исследователям оценить истинные масштабы репрессий. Например, предварительный подсчет числа репрессированных на основании материалов областных «кулацких» троек дает увеличение реальной численности жертв в Казахской ССР почти на 10 %.

Сопоставление отчетной областной статистики УНКВД и материалов троек также позволяет существенно скорректировать масштабы репрессий. Так, по Карагандинской области можно было предположить, что лимит в значительной степени будет «закрит» благодаря КарЛагу. По приказу № 00447 по Карагандинской области он составлял 1 000 чел. (400 и 600). Уже к концу сентября 1937 г. КарЛаг отчитался, что репрессировано 400 осужденных, при этом заявлялось, что Управление лагеря готово «выделить» еще 5 тыс. чел.³⁰ 4 октября 1937 г. область подала запрос в Политбюро еще на 300 чел. по первой категории. Ведомственная отчетность указывает на то, что УНКВД Карагандинской области оперировало лимитом в 1 750 чел. (1 000 и 750)³¹. Однако, согласно отчету Карагандинского областного УНКВД в области по приказу № 00447, на середину декабря 1937 г. было осуждено 1906 чел., в том числе 1 104 чел. – к расстрелу. Заметим, что доля КарЛага оказалась не столь внушительной, как можно было предположить в начале операции: количество осужденных здесь составило 680 чел.³² В отчете (в отраслевом разрезе) указывалось, что 416 чел. работали на промышленных предприятиях, 86 – на железнодорожном транспорте, 29 чел. – в МТС и совхозах³³.

Анализ социального состава репрессированных на основе материалов областной «кулацкой» тройки заставляет внести коррективы в эту статистику. Карагандинская тройка заседала с 11 августа 1937 г. по 14 февраля 1938 г. Согласно протоколам, с 11 августа по 8 декабря включительно было осуждено 2 573 чел., а до конца года – 3 099 чел. Всего же в рамках операции было осуждено 3 714 чел., из которых 2 463 приговорены к расстрелу (табл. 3). В целом по области по первой категории было расстреляно 65,9 %³⁴ от числа осужденных. С целью выполнения и перевыполнения лимита Карагандинское управление НКВД широко практиковало пересмотр дел лиц, осужденных по второй категории, переводя их в первую³⁵. Анализ социального состава репрессированных также позволил выявить среди осужденных 421 рабочего (см. табл. 3), что составляет 11,3 % от общей численности репрессированных, и почти половина из них была приговорена к ВМН.

Лимит Восточно-Казахстанской области был определен в 1 350 (300 и 1 050) чел. Но 4 октября 1937 г. в запросе в Политбюро на область запрашивалось 700 по первой категории, и Центр одобрил поданные областью цифры. Итоговые цифры должны были составить 4 165 чел., из которых 1 850 – по 1-й категории³⁶.

Согласно отчету УНКВД по Восточно-Казахстанской области, первоначальный лимит на область, определенный в 1 350 чел., в виду размаха операции был увеличен до 5 109 чел.³⁷ Согласно одним отчетным данным, на конец 1937 г. областной «кулацкой» тройкой было осуждено 4 761 чел., в том числе приговорены к расстрелу 1979 чел.³⁸ По другим, арестовано и осуждено 5 089 чел., из них 2 050 чел. (40,4 %) – к ВМН. В отраслевом разрезе 540 чел. были «изъяты» из промышленности, 51 чел. с железнодорожного и 29 чел. с речного транспорта, 224 чел. из совхозов и 139 чел. из МТС. Весьма показательны данные об осуж-

³⁰ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. 17–19.

³¹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 526.

³² СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. не указан.

³³ Там же. Л. 75.

³⁴ Приказ предусматривал возможность переводов категорий. Процент подсчитан с учетом перевода из второй в первую категорию. Например, протокол от 27.12.1937 г. № 32 четверых приговоренных к ИТЛ протоколом от 01.02.1938 г. № 2 перевели в первую категорию, т.е. к ВМН, аналогично поступили в отношении 34 по протоколу от 31.12.1937 г. № 34, переведя из второй в первую категорию протоколом от 01.02.1938 г. № 2, что в общей сумме составило 38 чел.

³⁵ СГА ДП КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32, 34, 39.

³⁶ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 525.

³⁷ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. 45.

³⁸ Там же. Л. 53–54.

денных из рабочих и бедняцко-средняцких слоев: таковых оказалось 470 чел., в том числе 55 рабочих, из которых 18 расстреляли³⁹.

Таблица 3

Осуждение тройкой в Карагандинской области по приказу № 00447

	Август 1937		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Январь 1938		Февраль		ИТОГО	
Даты заседаний	11, 13 (2)*, 20, 21 (3), 31 (2)		10 (2), 14 (3), 20 (2), 28		1, 9, 20, 31 (2)		8, 11, 19, 20, 22, 28, 30		3, 8 (2), 27, 31 (2)		24, 25		2, 7, 14 (2)		Итого в области за время операции	
	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат
Карагандинская	330	15	375	4	349	101	452	367	397	672	118	–	415	119	2 436	1 278
Всего	345		379		450		819		1 069		118		534		3 714	
В т.ч. рабочих	31	1	23	1	63	8	36	55	26	123	5	–	29	30	213	218

Составлено по: Материалы протоколов тройки по Карагандинской области.

* В скобках указана цифра, указывающая на количество протоколов (заседаний) тройки за этот день.

Первое заседание областной «кулацкой» тройки состоялось 13 августа 1937 г., последний раз она заседала 15 февраля 1938 г. Анализ протоколов дает следующую картину: всего было осуждено 5 600 чел. Анализ социального состава репрессированных по Восточно-Казахстанской области на 15 февраля 1938 г. позволил выявить 501 рабочего, что составляет около 9 % от общей численности репрессированных.

Таблица 4

Осуждение тройкой в Восточно-Казахстанской области по приказу № 00447

	Август 1937		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Январь 1938		Февраль		ИТОГО	
Даты заседаний	13, 14, 18, 24, 31		2, 17, 20, 23,		1, 9, 16, 22, 23, 26, 28, 29, 31		6, 10, 13, 19, 20, 22, 25, 27, 30		1, 2, 4, 6, 7, 9, 26, 29		Нет заседаний		2 (2), 11 (11), 12, 15		Итого в области за время операции	
	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат
ВКО	128	30	130	61	565	279	695	1 150	524	1 536	–	–	453	49	2 496	3 104
всего	159		191		844		1 845		2 060		–		502		5 600	
в т.ч. рабочих	6	4	10	6	37	16	50	96	32	120	–	–	104	21	239 (251)	263 (251)

Составлено по: Материалы протоколов тройки по Восточно-Казахстанской области.

* Протокол № 39 от 11 февраля 1938 г. заседания тройки по ВКО по «Пересмотру решений тройки осужденных по второй категории» рассмотрел дела 84 осужденных предыдущими тройками, изменив меру наказания из второй категории в первую, в общем числе осужденных выявлено 12 рабочих.

** Минус из второй категории, плюс к первой 12 человек, пересмотр протокола от 11.02.1938 г. № 39. Эти данные не включены в столбец «февраль». Соответственно, из 263 – 12 = 251; 239 + 12 = 251.

³⁹ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. не указан.

Алма-Атинская область получила по приказу лимит в 1 000 (200 и 800) чел., что соответствовало цифрам, отправленным в Москву 30 июля. Но уже 6 сентября был подан запрос еще на 500 чел. по первой категории⁴⁰. 4 октября Политбюро выделило области квоту в 600 чел. Итоговой для области стала цифра в 2 605 (1 220 и 1 385) чел., которой область в начале 1938 г. и отчиталась перед Москвой.

Согласно отчетности областного УНКВД, к концу 1937 г. в Алма-Атинской области было осуждено 3 121 чел., в том числе 1 306 чел. приговорены к расстрелу. В отраслевом разрезе 60 чел. были из промышленности, 191 с железной дороги, 114 из совхозов и 43 чел. из МТС⁴¹.

Сплошная обработка протоколов «кулацкой» тройки позволяет определить количество осужденных в 4 917 чел., в том числе 2 054 чел. по первой категории (табл. 5). Алма-Атинская тройка начала работать 26 августа 1937 г., заключительное заседание прошло 15 февраля 1938 г. Был репрессирован 471 рабочий (9,6 % от общей численности), в том числе 165 чел. к ВМН (54 %).

Таблица 5

Динамика осуждений тройкой в Алма-Атинской области по приказу № 00447

	Август 1937		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Январь 1938		Февраль		ИТОГО	
	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат	I кат	II кат
Даты заседаний	21, 23, 25, 31		4, 15, 20, 28		5, 10, 15, 17		3, 10, 15, 21, 25		1, 4, 7, 10, 25, 29, 31		27		4, 9, 11, 13, 15		Итого в области за время операции	
Алма-Атинская область	129	26	67	193	263	126	363	415	686	1 981	25	–	521	122	2 054	2 863
ВСЕГО	155		260		389		778		2 667		25		643		4 917	
в т.ч. рабочих	4	1	1	22	16	14	25	75	38	190	15	–	66	4	165	306

Составлено по: Материалы протоколов тройки по Алма-Атинской области.

Троцкисты и вредители. Массовый характер обвинений во вредительской и диверсионной деятельности, которые предъявлялись подследственным, осужденным в ходе массовых операций, наглядно свидетельствует о том, что власти пытались переложить ответственность за провалы в экономике на мнимых «вредителей» и «диверсантов», в том числе из рядовых рабочих.

Сталинская власть провозгласила троцкизм идеологией «внутреннего врага». Поэтому обвинения в «троцкизме» повсеместно применяли в отношении тех, кого исключили из партии. После двух открытых Московских процессов над бывшими партийными функционерами (август 1936 и январь 1937 гг.) троцкизм из идеологии стал карательной практикой. И это случилось еще до Большого террора. В 1937 г. обвинения в троцкизме активно использовались в отношении элит, которые были репрессированы по так называемым «сталинским спискам» в ходе судебных процессов районного масштаба. «Троцкистская линия» в Казахской ССР оказалась очень широко представлена в практике репрессий, в том числе в промышленности. В частности, на ее основе было построено обвинение против заместителя председателя Госплана Казахской ССР, курировавшего металлургическую промышленность, А.И. Кельмансона⁴², якобы «действовавшего под непосредственным руководством Ю. Пята-

⁴⁰ См. документ: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 200.

⁴¹ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. 59–60.

⁴² Кельмансон Анатолий Израилевич (1895–1937). Арестован 11.12.1936 г. УНКВД по Алма-Атинской обл. Приговорен ВС СССР 21.10.1937 г. к ВМН. Реабилитирован 17.10.1957 г.

кова» и создавшего «параллельный антисоветский троцкистский центр». НКВД Казахской ССР широко использовало «право-троцкистскую линию» и сфабриковало на ее основе несколько крупных дел на крупных промышленных, энергетических и транспортных объектах.

В ходе «кулацкой» операции областные УНКВД «обнаруживали» все новые звенья «троцкистской сети», что позволяло подтвердить «диверсионную работу» «троцкистской низовки». Согласно отчетам НКВД, диверсионные акты готовились практически повсеместно: на шахтах Карагандинского угольного бассейна, по линии Турксиба, на металлургических предприятиях республики и других производствах⁴³. Согласно отчетам, только по «кулацкой» линии республиканский НКВД «ликвидировал» девять контрреволюционных троцкистско-правых организаций и 108 контрреволюционных групп. Одной из них стала якобы созданная руководящими специалистами-угольщиками Карагандинского угольного бассейна «по заданию право-троцкистского центра» шпионско-диверсионная организация. Оперативникам Карагандинского УНКВД удалось скомпоновать право-троцкистскую организацию из 233 чел., и все они были осуждены «кулацкой» тройкой. Еще одна организация якобы существовала в цветной промышленности Казахстана, охватившая своей «контрреволюционной деятельностью» все крупные объекты цветной металлургии – Чимкентский свинцово-плавильный завод, Ачисайский, Риддерский и Зырянский полиметаллические комбинаты, Карсакапайский медеплавильный комбинат. Ее руководителем был указан Кельмансон, а через тройку «провели» 397 чел. Аналогичную организацию «обнаружили» и в строительной отрасли среди занятых на сооружении Прибалхашского медеплавильного комбината. В ходе ее «ликвидации» 205 чел. из числа так называемого низового актива были осуждены тройкой. По «низовке» право-троцкистской организации в золотопромышленности Казахстана по трестам Каззолото, Джетыгарзолото, Майкаинзолото, Алтайзолото прошло 298 чел. Согласно отчетам республиканского НКВД, только из промышленности было «изъято» и осуждено тройками 2 155 чел., из которых 1 008 чел. расстреляли.

В ходе «кулацкой» операции наиболее очевидно проявилась тенденция к фабрикации «гибридных заговоров». К характеристике право-троцкистских антисоветских организаций чаще других добавлялся ярлык «национал-фашистские», что в итоге создавало картину широкого «троцкистско-фашистского заговора». В период Большого террора агитационно-пропагандистская машина легко отождествляла троцкизм с фашизмом и определяла их «приверженцев» «врагами пролетариата». В значительной степени это было продиктовано риторикой московских судебных процессов, когда для большей дискредитации в пропаганде стали употреблять термин «фашизм», обильно используя его в самых разнообразных экспрессивных определениях, которые из пропаганды перешли и в сферу права. Обороты типа «национал-фашистские шпионы и диверсанты» и «троцкистско-фашистские» контрреволюционные организации очень широко применялись, так как с их помощью максимально усиливалась негативная коннотация.

Заключение. Доля репрессированных из индустриальных секторов экономики оказалась весьма значительной и может быть оценена в диапазоне 8–12 % от общей численности жертв «кулацкой» операции, при этом половина из них была расстреляна. Для Казахской ССР, где доля рабочих составляла лишь 24 % от численности занятых в экономике, эти цифры оказываются весьма значительными. Репрессии в отношении лиц, занятых в индустриальном секторе, противоречили модернизационной парадигме, но с их помощью власть попыталась снять с себя ответственность за провалы и экономические трудности. «Кулацкая» операция оценивается нами как масштабная социальная чистка, но, начав преследовать не только классово чуждых, но и «классово близких», власть окончательно отошла от формата не только «пролетарского», но и «рабоче-крестьянского государства». Советское государство достигло той стадии, когда оно уже перестало нуждаться в классовой риторике и социальной поддержке, посредством массового террора утверждая свое господство над обществом.

⁴³ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 386.

Литература

Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 718–784.

Кабацков А.Н. Репрессии 1937–1938 гг. против рабочих Прикамья Свердловской области в рамках приказа № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. М., 2009. С. 177–197.

Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. 927 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. 648 с.

Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост. М. Юнге и др. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1: 1937 г. 743 с.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.

References

Danilov, V., Manning, R. (Eds.). (2004). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 5. 1937–1939. Kn. 1. 1937* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials. In 5 vols. Vol. 5. 1937–1939. Book 1. 1937]. Moscow, ROSSPEN. 648 p.

Kabatskov, A.N. (2009). *Repressii 1937–1938 gg. protiv rabochih Prikam'ya Sverdlovskoy oblasti v ramkah prikaza № 00447* [Repressions of 1937–1938 against the Workers of the Kama Region of the Sverdlovsk Region within the Framework of Order No. 00447]. In *Stalinizm v sovetskoy provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447*. Moscow, pp. 177–197.

Yunge, M. (Comp.). (2010). *Cherez trupy vraga na blago naroda. "Kulatskaya operatsiya" v Ukrainской SSR 1937–1941 gg. V 2 t. T. 1: 1937 g.* [Through the Corpses of the Enemy for the Benefit of the People. "Kulak Operation" in the Ukrainian SSR 1937–1941. In 2 vols. Vol. 1: 1937]. Moscow, ROSSPEN. 743 p.

Yunge, M., Bordyugov, G., Binner, R. (2016). *Vertikal' bol'shogo terrora. Istoriya operatsii po prikazu NKVD No. 00447* [Great Terror Vertical. The History of the Operation by Order of the NKVD No. 00447]. Moscow, Novyy Hronograf, AIRO-XXI. 784 p.

Yunge, M., Bordyugov, G., Binner, R. (Eds.). (2009). *Stalinizm v sovetskoy provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet Provinces: 1937–1938. Mass Operation Based on Order No. 00447]. Moscow, ROSSPEN. 927 p.

Zhdanova, G.D. (2009). *Statisticheskiy analiz realizatsii prikaza № 00447 v Altayskom krae v oktyabre 1937 – marte 1938 gg.* [Statistical Analysis of the Implementation of Order No. 00447 in the Altai Territory in October 1937 – March 1938]. In *Stalinizm v sovetskoy provintsii: 1937–1938 gg.* Moscow, ROSSPEN, pp. 718–784.

Р.Е. Романов*

**НАРУШИТЕЛИ УКАЗА ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА
В «ОБОРОНКЕ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-13
УДК 94(47+571).084.8*Выходные данные для цитирования:**Романов Р.Е. Нарушители указа от 26 декабря 1941 года в «оборонке» Западной Сибири в начальный период Великой Отечественной войны: люди и судьбы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 167–177. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-13.pdf>*

R.E. Romanov*

**VIOLATORS OF THE DECREE OF DECEMBER 26, 1941
IN THE “DEFENSE INDUSTRY” OF WESTERN SIBERIA
IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PEOPLE AND DESTINIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-13

*How to cite:**Romanov R.E. Violators of the Decree of December 26, 1941 in the “Defense Industry” of Western Siberia in the Initial Period of the Great Patriotic War: People and Destinies // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 167–177. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-13.pdf>]*

Abstract. Fragments of the memorandum “On the issue of checking the Decree of the Government of 26/XII-1941”, the order of the People’s Commissariat of Ammunition of the USSR No. 0207/N dated September 10, 1942 and the information summary “On those convicted of desertion from military and coal industry enterprises by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 12/26/41 for September–November 1942 by the military tribunals of the Siberian Military District”, identified in the funds of the State Archive of the Novosibirsk region. The content of extracts from these documents is of key importance for understanding the typology of violators of the decree of December 26, 1941 for the reasons and consequences of official misconduct. The publications are preceded by an introductory article, which analyzes the process of formation of the system of enforcement of an indefinite employment contract, its evolution into the mobilization status of military personnel, as well as the reaction to these changes in the field of social and labor relations of defense workers in Western Siberia on the eve and in the initial period of the Great Patriotic War. It is established that after the adoption of the decree of June 26, 1940 in the USSR industry, there was a shift in emphasis from administrative to criminal penalties for employees who committed absenteeism and unauthorized departures from enterprises. At the beginning of the second half of the military year, in connection with the publication of a new labor law, judicial sanctions against deserters from the economic front acquired a draconian character. It is shown that the transition to criminally repressive practices of struggle for strengthening labor discipline in the second half of 1940 led to a decrease in the dynamics of protest-maladaptive behavior of workers in the West Siberian “defense industry”. In the second half of 1941–1942, against the background of the tightening of punitive measures against labor desertion, the number of official misconduct in the formation of dozens of new factory teams mainly of women and young people only increased. It is concluded that three types of violators of the decree of December 26, 1941 have become widespread in the regional military industry. The most widespread of them were workers who left enterprises due to abnormal production or living conditions and were sentenced by tribunals to imprisonment for a term of five to eight years. A relatively rare type of offenders were conscious disorganizers of production, shot for “sabotage” under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR. Defendants who were sentenced due to mitigating circumstances to forced labor or conditional punishment that went beyond the scope of the decree of December 26, 1941 were also a rare phenomenon.

* **Роман Евгенийевич Романов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: romanov1981@mail.ru

Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: romanov1981@mail.ru

Keywords: The Great Patriotic War, the West Siberian rear, defense industry, violators of the decree of December 26, 1941, labor desertion.

The article has been received by the editor on 13.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводятся фрагменты докладной записки «По вопросу проверки Указа правительства от 26/ХІІ-1941 г.», приказа по Наркомату боеприпасов СССР от 10 сентября 1942 г. № 0207/Н и информационной сводки «Об осужденных за дезертирство с предприятий военной и угольной промышленности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 года за сентябрь-ноябрь 1942 года военными трибуналами Сибирского военного округа», выявленных в фондах Государственного архива Новосибирской области. Содержание извлечений из этих документов имеет ключевое значение для понимания типологии нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. по причинам и последствиям служебных проступков. Публикации предваряются вводной статьей, в которой проанализирован процесс становления системы принуждения к исполнению бессрочного договора о найме, ее эволюции в мобилизационный статус персонала военпрома, а также реакция на эти изменения в сфере социально-трудовых отношений рабочих-оборонщиков Западной Сибири накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. Установлено, что после принятия указа от 26 июня 1940 г. в промышленности СССР произошло смещение акцентов с административных на уголовные наказания работников, совершивших прогулы и самовольные уходы с предприятий. В начале второго военного полугодия в связи с изданием нового закона о труде судебные санкции в отношении дезертиров с хозяйственного фронта приобрели драконовский характер. Показано, что переход к уголовно-репрессивным практикам борьбы за укрепление трудовой дисциплины во втором полугодии 1940 г. привел к снижению в западносибирской «оборонке» динамики протестно-дезадаптивного поведения рабочих. Во втором полугодии 1941 – 1942 г. на фоне ужесточения карательных мер против труддезертирства число служебных проступков в условиях формирования десятков новых заводских коллективов преимущественно из женщин и молодежи лишь возросло. Сделан вывод о том, что в региональном военпроме получили распространение три типа нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. Наиболее массовым из них являлись работники, ушедшие с предприятий из-за ненормальных производственных или бытовых условий и осужденные трибуналами к лишению свободы на срок от 5 до 8 лет. Сравнительно редким типом правонарушителей выступали сознательные дезорганизаторы производства, расстрелянные за «саботаж» по статье 58 УК РСФСР. Малораспространенным явлением были подсудимые, приговоренные в силу смягчающих обстоятельств к принудительным работам или условному наказанию, вышедшим за рамки указа от 26 декабря 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, западносибирский тыл, оборонная промышленность, нарушители указа от 26 декабря 1941 г., труддезертирство.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022 г.

Накануне Великой Отечественной войны в Западной Сибири были созданы две отрасли региональной «оборонки» – авиационная и боеприпасная. Авиапром включал завод № 153 им. В.П. Чкалова (Новосибирск), промышленность боеприпасов – комбинаты № 179 «Сибметаллстрой» (Новосибирск) и № 392 (Кемерово). На предприятиях, находившихся в стадии строительства, налаживался серийный выпуск боевых самолетов, снарядов и артиллерийских

порохов. На этом фоне происходило формирование новых групп индустриальных рабочих – авиастроителей и боеприпасников. На 1 января 1941 г. в западносибирском военпроме трудились 24,8 тыс. работников, или около 10 % промпersonала региона¹. Оборонный комплекс являлся преимущественно сферой занятости молодых и средневозрастных мужчин, происходивших прежде всего из сельских районов Азиатской России.

Окрестнянивание производственных коллективов заводов-новостроек породило подъем «волны» протестно-дезадаптивного поведения в рабочей среде. Наличие в ней широкого маргинального слоя в условиях снижения уровня жизни городского населения в конце 1930-х гг. привело к быстрому росту числа служебных проступков. Назревавший социальный кризис внутри СССР оказывал негативное влияние на обороноспособность страны, что стало особенно опасным в связи с началом Второй мировой войны. Партийно-государственное руководство отреагировало на внешние и внутренние вызовы путем ужесточения контроля над мобильностью работников в отраслях индустриальной экономики. Данный процесс обуславливался созданием в промышленности системы принуждения к выполнению бессрочного договора о найме в рамках указа от 26 июня 1940 г. Институционально-правовые изменения в сфере социально-трудовых отношений сопровождались смещением акцентов с административных на судебно-уголовные практики борьбы с нарушителями заводской дисциплины. Согласно новому закону, прогул или опоздание на смену более 20 минут карались по приговору народного суда исправительно-трудовыми работами (ИТР) сроком до 6 месяцев и штрафами до 25 % от заработной платы, самовольный уход с предприятия – тюремным заключением от 2 до 4 месяцев². Активизация репрессивного «кейса» свидетельствовала о возвращении к сравнительно архаичным методам наведения порядка на производстве, присущим эпохе раннеиндустриальной модернизации. Вместе с тем буржуазные государства конца XVIII–XIX в. законодательно прикрепляли рабочего или служащего к фабрике только до полного исполнения им срочного контракта³. Большевики сделали такое закрепление постоянным вплоть до наступления пенсионного возраста, нетрудоспособности, а также ухода на учебу или призыва в армию.

В практической плоскости сложившаяся ситуация характеризовалась широким применением введенного законодательства о труде. С 27 июня по 31 декабря 1940 г. за прогулы и самовольные уходы в целом по СССР понесли наказание 2 091,4 тыс. чел. К исправительным работам и штрафам были приговорены 1 769,7 тыс. чел. (83,1 % всех осужденных), к лишению свободы от 2 до 4 месяцев – 321,6 тыс. чел. (16,9 %)⁴. В военпроме Западной Сибири соотношение сравнительно мягких и жестких санкций являлось вариативным. За второе полугодие 1940 г. в Кировском районе Новосибирска, включая комбинат № 179 Наркомата боеприпасов (НКБ), ИТР отправились отбывать 2 105 чел. (84,0 %), тюремное заключение – 402 чел. (16,0 %)⁵. В Кемерово на комбинате № 392 НКБ суд направил на принудительные работы 345 чел. (69,0 %), в пенитенциарные учреждения – 155 чел. (31,0 %)⁶. В последнем случае доля наиболее суровых репрессий значительно превышала аналогичный средний показатель по СССР.

Реализация указа от 26 июня 1940 г. способствовала значительному сокращению динамики протестно-дезадаптивного поведения оборонщиков. С 1 января по 26 июня 1940 г. на заводе им. В.П. Чкалова было зафиксировано 573 прогула, с 27 июня по 31 декабря – 176. За вторую половину 1940 г. на комбинате № 179 НКБ количество виновников всех

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 3. Д. 5. Л. 34.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 25.12.2022).

³ Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103, No. 1. P. 107–144.

⁴ Панков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // *Вопросы истории*. 2011. № 12. С. 76.

⁵ ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 55.

⁶ ГАО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 13.

служебных проступков снизилось с 245 до 101⁷. Несмотря на некоторые факты сокрытия трудовых преступлений со стороны начальников цехов, статистика в той или иной степени отражала процесс формирования у персонала оборонных предприятий Западной Сибири репрессивной мотивации к занятости. Указанный тренд означал откат к «дисциплине страха», типичной для традиционных и в особенности переходных обществ⁸.

Начальный период Великой Отечественной войны оказал глубоко противоречивое воздействие на развитие актуальных социально-экономических и социокультурных процессов. Во втором полугодии 1941 и 1942 г. в западносибирский тыл было эвакуировано, по разным оценкам, от 78 до 91 военных заводов. Их оборудование позволило реконструировать три и ввести в строй не менее 60 новых предприятий оборонного значения⁹. Благодаря этому удалось расширить авиационную и боеприпасную индустрию, создать с нуля промышленность вооружения и минометного вооружения, танкостроение и электропромышленность. К концу 1942 г. на основе возросших производительных сил в Западной Сибири завершилось налаживание серийного производства боевых самолетов, танков, минометов, автоматов, оптико-механических приборов, радиостанций, зенитных прожекторов, снарядов, патронов и артиллерийских порохов. Объем валового выпуска военной продукции в регионе по сравнению с 1940 г. вырос в 27 раз¹⁰.

Динамичный рост оборонно-промышленного потенциала в условиях крупномасштабных воинских мобилизаций до предела обострил дефицит кадров в индустриальной экономике. Так, вместе с эвакуационными предприятиями из прифронтовой полосы прибыло не более четверти довоенного персонала. В связи с этим количество рабочих вакансий выросло с 222 тыс. на 1 июля 1941 г. до 336 тыс. на 1 апреля 1942 г.¹¹ Их замещение происходило в основном за счет командно-административного регулирования трудовых потоков. Для осуществления данного процесса 30 июня 1941 г. при СНК СССР был учрежден Комитет по распределению рабочей силы¹². На местах решением актуальной задачи занимались исполкомы советов, создававшие областные и городские бюро с аналогичными функциями. Во втором полугодии 1941 г. предприятия Новосибирской области получили по призыву 128 тыс. чел., включая 114 тыс. эвакуированных¹³. С момента принятия указа от 13 февраля 1942 г.¹⁴ и до конца года в промышленность и строительство Западной Сибири поступили 126,1 тыс. чел., в том числе по трудмобилизации – 53,4 тыс., через гострудрезервы – 72,7 тыс. чел.¹⁵ Основную массу трудмобилизованного населения в возрасте от 16 до 59 лет составляли незанятые горожане, подростки и молодежь до 18 лет, призванные в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) жители сел. Новые заводские коллективы комплектовались главным образом из домохозяек, школьников, служащих, интеллигенции, колхозников, никогда прежде не работавших в индустрии. В качестве дополнительных источников их пополнения задействовались спецконтингенты – спецпоселенцы, этнические депортанты, заключенные, лица, освобожденные от службы в армии по состоянию здоровья или национальному признаку.

Целенаправленное привлечение людских ресурсов в ведущие отрасли народного хозяйства позволило увеличить численность персонала военпрома в несколько раз. Например, на 1 января 1941 г. в промышленности боеприпасов Западной Сибири было занято 9 тыс.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 48.

⁸ Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 23–26.

⁹ Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонно-промышленного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 52, 54.

¹⁰ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 76.

¹¹ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.

¹² С февраля 1942 г. – Комитет по учету и распределению рабочей силы.

¹³ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 25.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁵ Исупов В.А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. С. 103.

рабочих, на 15 декабря 1942 г. – 50 тыс.¹⁶ Если в мирное время предприятия НКБ являлись преимущественно сферой приложения мужского труда, то в военное – женского и подростково-юношеского. К концу 1942 г. удельный вес женщин среди боеприпасников региона достиг 52,9 %, подростков и молодежи до 17 лет – 23,85 %¹⁷. Тенденции к «феминизации» и омоложению кадров получили широкое распространение и в других отраслевых сегментах оборонки, что вызвало новую волну протестно-дезадаптивного поведения в рабочей среде.

Однако в первые месяцы войны интенсивность борьбы с нарушителями внутреннего фабрично-заводского распорядка существенно уменьшилась. В первом полугодии 1941 г. народные суды СССР вынесли по делам о прогулах и самовольных уходах 1 030,9 тыс. обвинительных приговоров, во втором полугодии 1941 г. – 722,5 тыс.¹⁸ Реакцией высшего партийно-государственного руководства на сложившееся положение стала институционально-правовая корректировка трудовых отношений в военной индустрии в сторону их милитаризации. В рамках указа от 26 декабря 1941 г. произошел переход от принуждения к исполнению бессрочного договора о найме к мобилизационному статусу оборонщиков, сопровождавшийся ужесточением судебно-уголовных санкций за дисциплинарные проступки. Очередной закон переквалифицировал самовольный уход с оборонных предприятий в дезертирство, подпадавшее под юрисдикцию трибунального правосудия. Мера наказания за разрыв принудительного «контракта» со стороны рабочих или служащих увеличилась с 2–4 месяцев тюремного заключения до 5–8 лет лагерей¹⁹. Усиленный режим прикрепления персонала к месту работы был фактически равносителен перенесению норм армейской дисциплины на категории мобилизованного гражданского населения.

После внесения необходимых изменений в законодательство о труде его применение развивалось по нарастающей динамике. В первом полугодии 1942 г. в СССР за прогулы и самовольные уходы с предприятий соответственно к принудительным работам и заключению в тюрьму были приговорены 668,4 тыс. чел. (97,8 % всех осужденных), во втором полугодии 1942 г. – 893,4 тыс. чел. (85 %). За труддезертирство из производства вооружения и боеприпасов судебному преследованию в январе–июне 1942 г. подверглись 15 тыс. чел. (2,2 %), в июле–декабре 1942 г. – 158,1 тыс. чел. (15 %)²⁰. Лица, осужденные в очном порядке, этапировались в учреждения ГУЛАГа, в заочном – объявлялись в розыск. В целом статистика свидетельствовала об активизации мер по противодействию служебным девиациям и особенно несанкционированной мобильности рабочей силы внутри ключевых отраслей военной экономики.

Данные тенденции получили распространение также в западносибирской оборонке. В 1942 г. ежемесячно с военных заводов Новосибирской и Омской областей в народные суды и трибуналы поступало от 7 до 7,7 тыс. дел²¹. Абсолютным большинством выявленных правонарушителей являлись прогульщики и опоздавшие на смену от 21 мин и выше, осужденные к исправительным работам и штрафам. Менее половины незаконнослушных труженников тыла составляли лица, самовольно ушедшие с производства. В сентябре–ноябре 1942 г. трибуналы СибВО в Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае вынесли в отношении беглецов с трудового фронта около 4 тыс. приговоров или по 1,33 тыс. в месяц²². В частности, на заводе № 153 Наркомата авиационной промышленности были осуждены 3,4 % всех дезертиров (по Новосибирской области), заводе № 29 НКАП – 30 % (по Омской

¹⁶ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 3; РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1349. Л. 30–31; Д. 1499. Л. 66.

¹⁷ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1349. Л. 30–31.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 211. Л. 170.

¹⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 25.12.2022).

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 211. Л. 170.

²¹ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 288.

²² Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36, 37.

области), заводе № 17 Наркомата вооружения – 70,0 % (по Алтайскому краю)²³. Ведущие оборонные предприятия выступали точками максимального приложения жестких уголовно-репрессивных практик в границах областей и краев Западной Сибири.

Гражданам, обвиненным в самовольном уходе с военного производства, назначались различные меры наказания. Лишение свободы на срок от 5 до 8 лет получил 91 % подсудимых, принудительные работы – 4 %, условные наказания – 4,5 %, оправдательные приговоры – 0,5 %²⁴. Около половины обвинительных решений выносилось в заочном порядке в связи с безрезультатностью первоначального розыска дезертиров. Дела о труддезертирстве, усугублявшиеся фактами сознательной дезорганизации производства, переклассифицировались с самовольного ухода на саботаж с применением расстрела по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР. Подобные случаи были единичными на фоне наиболее широко распространенной практики осуждения правонарушителей в рамках указа от 26 декабря 1941 г. к заключению в исправительно-трудовые лагеря на несколько лет. Редкостью являлось также оправдание и освобождение от карательных санкций судом производственных преступников. В то же время судебные решения по смягчению приговоров составляли не менее 9,5 % от их общей численности.

На этапе становления военно-хозяйственного тыла реализация указа от 26 декабря 1941 г. не привела к снижению волны протестно-дезадаптивного поведения среди оборонщиков. Вопреки возросшему давлению карательной машины, данный процесс только набирал обороты. В январе–июне 1942 г. на новосибирских предприятиях НКАП, НКБ и НКВ было зафиксировано 9 380 дисциплинарных проступков, в июле–октябре 1942 г. – 15 562. Количество труддезертиров увеличилось с 2 878 до 5 396, их доля в составе производственных – с 4,6 до 8,6 %²⁵. Рост числа правонарушений обуславливался формированием в военпроме маргинальной рабочей массы, не имевшей представлений о трудовом законодательстве и привычки к фабрично-заводскому распорядку, профессиональных знаний и навыков, достаточных для полной адаптации к производству. Негативное влияние этих явлений усугублялось техногенной средой и неритмичной работой заводов, дефицитом жилья и потребительских товаров, хаотичным табельным учетом персонала, медленным оформлением материалов на правонарушителей и распространенной практикой заочного рассмотрения дел о труддезертирстве в трибуналах. В силу действия перечисленных факторов руководство оборонных заводов западносибирского тыла не могло выработать у многочисленных новичков, впервые вставших к станку, репрессивную мотивацию к занятости.

Разрыв в тренде культивирования «дисциплины страха», присущий обновленному рабочему классу начального периода войны, обусловил возникновение различных категорий нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. Базовыми критериями их выделения являются причины самовольных уходов и меры уголовного наказания тружеников, совершивших эти преступления. Анализ массива документальных источников позволил выявить в военной индустрии Западной Сибири три типа трудовых дезертиров. К первому относились работники, сбежавшие с предприятий из-за ненормальных производственных и/или бытовых условий и приговоренные трибуналами к лишению свободы. Второй тип представлен саботажниками, организовавшими коллективные побегии с производства и в связи с отягчающими вину поступками, получившими высшую меру наказания. Третий тип олицетворяли виновники незаконной мобильности (как правило, по материально-бытовым причинам), осужденные в силу смягчающих обстоятельств к принудительным работам или условно. Эта типология отражает многоликие социальные портреты и судьбы «указников», более или менее характерные для оборонщиков тыловых регионов СССР.

Ниже публикуются в соответствии с существующими правилами фрагменты трех документальных источников, представленных в делопроизводственной и нормативной

²³ Подсчитано по: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36, 37.

²⁴ Подсчитано по: Там же.

²⁵ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 401.

форме. Первым актом является докладная записка «По вопросу проверки Указа правительства от 26/ХІІ-1941 г.», хронологически относящаяся приблизительно к концу апреля или началу мая 1942 г. Второй документ – приказ по Наркомату боеприпасов СССР от 10 сентября 1942 г. № 0207Н. Третьим источником выступает информационная сводка «Об осужденных за дезертирство с предприятий военной и угольной промышленности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 года за сентябрь–ноябрь 1942 года военными трибуналами Сибирского военного округа» от 14 января 1943 г. Документы № 1 и № 3 выявлены в фонде П-4 (Новосибирский областной комитет ВКП(б)), № 2 – в фонде Р-1686 (Новосибирский завод «Сибсельмаш») Государственного архива Новосибирской области.

Выборка публикуемых фрагментов, извлеченных из перечисленных источников, является неслучайной, поскольку дает эмпирическую основу для сравнительного анализа выявленных типов нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. Все три выдержки из документов представляют бюрократические «нарративы», сконструированные соответственно инструкторами Новосибирского обкома ВКП(б) Николаевой, заместителем наркома боеприпасов СССР Ивановским и председателем Военного трибунала Сибирского военного округа Какоулиным. Они содержат описание и объяснение с точки зрения партийного, ведомственного и судебно-следственного аппарата пяти проблемных ситуаций, подтолкнувших молодых рабочих завода № 153 НКАП и комбината № 179 НКБ (Новосибирск), завода № 166 НКАП (Омск) и № 17 НКВ (Барнаул) к самовольным уходам с производства и закончившихся для них уголовным преследованием. Официальные интерпретации данных происшествий позволяют установить фамилии и места работы труддезертиров, в отдельных случаях – их имена и отчества, годы рождений, место предыдущего жительства, социальное происхождение, специальность, причины обратной мобильности с предприятий, репрессивные санкции, примененные чрезвычайными органами правосудия. Главным объединяющим звеном для реконструируемых историй труддезертирства служит линейное развитие сюжета «от преступления к наказанию». В то же время в каждой из них отражены принципиально важные детали, свидетельствовавшие об особенностях того или иного случая протестно-дезадаптивного поведения работников оборонки Западной Сибири.

Специфика данного явления обуславливала различия между тремя типами виновников нарушения мобилизационного режима в региональном военпроме, выделенными по причинам и последствиям служебных проступков. Эвакуированный москвич, ученик токаря Н.В. Козлов 1921 г.р., и жительница Новосибирска электромонтажница М.П. Горюнева 1925 г.р. (завод № 153 НКАП), фигурировавшие в докладной записке инструктора Новосибирского обкома ВКП(б) Николаевой, совершили трудовые «преступления» соответственно из-за отсутствия служебной жилплощади и простоев на предприятии. В первом случае речь шла о самовольном уходе с завода, во втором – о частых прогулах, приравненных военным трибуналом к труддезертирству. По указу от 26 декабря 1941 г. Горюнева была осуждена на 5, Козлов – на 6 лет лишения свободы. Оба рабочих относились к наиболее распространенному типу правонарушителей, преступивших этот закон в силу ненормальных бытовых или производственных условий и наказанных согласно установленным уголовно-правовым нормам.

Выходец из семьи раскулаченных крестьян, проживавшей на спецпоселении в Нарымском округе Новосибирской области, рабочий комбината № 179 НКБ Ф.Ф. Волокитин 1917 г.р., отмеченный в приказе по Наркомату боеприпасов СССР от 10 сентября 1942 г., нарушил трудовое законодательство в связи с сознательным отказом от занятости на предприятии. Эта деструктивная позиция, вызванная неприязнью к советскому государству, вылилась в невыполнение заданий по выпуску продукции для фронта и организацию двух коллективных побегов работников с комбината. С учетом совершенных преступных деяний трибунал войск НКВД по Новосибирской области переквалифицировал дело Волокитина с самовольного ухода на «злостный саботаж» и на этом основании вынес ему смертный приговор по статье 58-14 Уголовного кодекса РСФСР. Приговоренный к расстрелу дезорга-

низатор производства принадлежал к сравнительно редкому типу правонарушителей, усугубивших факт дезертирства отягощающими вину проступками и заслуживших высшую меру наказания, не предусмотренную указом от 26 декабря 1941 г.

Мобилизованные из районов Алтайского края рабочие завода № 17 НКВ Попова, Ситникова, Краснова, Илуева, Куксина, а также жительница Омска, работница завода № 166 НКАП Шалашова 1924 г.р., упомянутые в информационной сводке председателя трибунала СибВО Какоулина от 14 января 1943 г., своевольно покинули предприятия из-за тяжелого материально-бытового положения. Группа алтайских девушек, уехавшая домой за одеждой и обувью, после их получения вернулась обратно на производство. Омичка же убыла к сельским родственникам на постоянное место жительства, так как не могла за счет занятости на оборонном заводе обеспечить оставшуюся у нее на попечении многодетную семью. В первом случае военно-гарнизонный суд Барнаула учел факт добровольного возвращения обвиняемых к исполнению служебных обязанностей и осудил их лишь за прогулы к исправительно-трудовым работам по указу от 26 июня 1940 г. Во втором случае трибунал омского гарнизона проявил гуманное отношение к подсудимой, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, и вместо лишения свободы назначил ей условное наказание. «Герои» двух последних историй труддезертирства также олицетворяли малораспространенный тип правонарушителей, получивших в силу смягчающих обстоятельств менее строгие судебные приговоры, выходявшие за рамки указа от 26 декабря 1941 г.

Документы

№ 1

[извлечение из документа]

Секретно

СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП(Б)
ПО АВИАПРОМЫШЛЕННОСТИ

т. Хромову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

«По вопросу проверки Указа правительства от 26/ХІІ-1941 г.»

На основании Указа Правительства от 26/ХІІ-41 г. [1] о запрещении самовольного ухода с предприятий, по заводу № 153 им. В.П. Чкалова был издан приказ за № 504 от 29/ХІІ-41 г., который обязывал – лично нач. цехов и отделов строго следить за выполнением данного Указа.

Что же можно видеть спустя 4 месяца после издания Указа и к чему свелась роль партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в вопросе выполнения данного Указа.

<...> Ниже приведенные факты говорят, кто были нарушители и что их побудило к тому, чтобы бросить работу. Причины самые разнообразные. Например:

<...> Козлов Н.В. – 1921 г. рождения, б/п.^а, поступил в цех № 1 учеником. Козлов приехал из Москвы с заводом № 301 [2], не квалифицированный, работал уч. токаря, жил он в углу у одной старушки далеко от завода (где-то за вокзалом), в квартире часов не было и Козлов часто опаздывал на работу, за это его перевели в подсобные рабочие. Нач. цеха т. Туманов неоднократно обращался к директору завода с просьбой перевести Козлова в общежитие завода (ближе к заводу), но ему в этом было отказано. (Общественность цеха в данном вопросе оставалась в стороне). Козлов, не видя существенной поддержки, опустил, а затем решил бежать в Москву к своим родителям. За свой поступок Козлова осудили на 6 лет тюремного заключения.

^а Так в документе. Следует читать: беспартийный.

<...> Горюнева М.П. – 1925 г.р., б/п.⁶, работала в цехе 42 электромонтажницей, жила в семье с родителями. Когда в цехе не было работы и рабочие были на простое [3], в том числе и Горюнева, она решила не ходить на завод, вообще так было около месяца, когда пришла комиссия для выяснения причины прогула, Горюнева как раз собиралась на работу в ночную смену – оказывается, она ежедневно аккуратно уходила на работу в ночную и вечернюю смену и родители не знали о ее прогуле. Сама Горюнева свой проступок объясняет так. “Я на остановке встречала рабочих цеха и, узнав от них, что работы нет, на завод не ходила, простои надоели”. Почему же Горюнева бросила работу? Чем она занималась почти целый месяц и где она бывала? Никто не интересовался – даже комсомол мимо этого факта прошел. Горюневу осудили и дали 5 лет т/з^в.

ИНСТРУКТОР ОБКОМА ВКП(б)
ОТДЕЛА АВИАПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Николаева)

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 159. Л. 88, 91, 93.
Незаверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

№ 2

[извлечение из документа]

**Приказ
по НКБ СССР
№ 0207/Н**

г. Новосибирск

10 сентября 1942 г.

§ 1

Объявить приговор Военного Трибунала Войск НКВД Новосибирской обл. от 9-го сентября 1942 г. на осужденного бывшего рабочего завода № 1 комбината № 179 [4] Волокитина Федора Федоровича 1917 г.р.: ВТ^г установил, что Волокитин в июне 1942 г. Колпашевским Окрвоенкоматом Нарымского округа [5] был мобилизован и передан для работы на оборонные предприятия. Волокитин, являясь выходцем из семьи кулаков, будучи классово-враждебным элементом – за репрессию органами Советской власти его родных, он с первых дней прибытия на завод № 1 комбината № 179 злостно саботировал работу завода по выпуску боеприпасов. 3-го июля 1942 г. Волокитин самовольно оставил работу и вместе с группой других рабочих в числе 8 чел. самовольно оставили производство.

5-го июля 1942 г. подсудимый с частью группы лиц в числе 4 чел. были задержаны и доставлены снова на завод, но к работе Волокитин не приступил, а с группой в числе 7 чел. 13-го июля 1942 г. снова с завода дезертировал. Причем подстрекателем к побегу с оборонного завода оба раза являлся Волокитин.

Таким образом, доказана виновность Волокитина в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-14 УК РСФСР [6], руководствуясь ст. 319 и 320 УПК ВТ приговорил:

Волокитина Федора Федоровича на основании статьи 58-14 УК подвергнуть высшей мере уголовного наказания расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

<...>

Зам. наркома боеприпасов СССР (Ивановский)

ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.
Незаверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

⁶ Так в документе. Следует читать: беспартийная.

^в Так в документе. Следует читать: тюремного заключения.

^г Военный трибунал.

№ 3

[извлечение из документа]

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 3

ВОЕННОМУ СОВЕТУ СИБВО

СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП/Б/

СЕКРЕТАРЮ ОМСКОГО ОБКОМА ВКП/Б/

СЕКРЕТАРЮ КРАСНОЯРСКОГО КРАЙКОМА ВКП/Б/

СЕКРЕТАРЮ АЛТАЙСКОГО КРАЙКОМА ВКП/Б/

КОПИЯ: НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ НКЮ

СОЮЗА ССР

БРИГВОЕНЮРИСТУ ТОВ. ЗЕЙДИНУ

ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОДКА**Об осужденных за дезертирство с предприятий военной и угольной промышленности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 года за сентябрь–ноябрь 1942 года военными трибуналами Сибирского военного округа**

<...> Мобилизованные на завод № 17 [7] Алтайского края Попова, Ситникова, Краснова, Илуева и Куксина износили имеющуюся у них обувь и одежду, и так как администрация новую не дала и отказала отпустить домой, они уехали самовольно к родителям, оделись и возвратились обратно на завод, но их к работе не допустили, арестовали как дезертиров и отправили в тюрьму, а материалы о них передали в Военный трибунал гарнизона гор. Барнаула, который их освободил из-под стражи и наказал только за фактически совершенный прогул по Указу от 26.6.40 г. [8]

<...> Работница завода № 166 [9] Омской области Шалашова, 1924 года рождения, имеет на своем иждивении шесть малолетних братьев и сестер. Мать у нее умерла, а отец находится на фронте. Содержать такую семью в условиях города Шалашовой было трудно, поэтому она просила администрацию завода отпустить ее с завода и помочь уехать с детьми в деревню, где у нее есть родственники, но ее не уволили. Тогда Шалашова ушла самовольно с завода. Прокурор, вместо того, чтобы самому разобраться в причинах ухода Шалашовой с завода и понять ее, арестовал Шалашову и дело передал в трибунал. /Военный трибунал освободил Шалашову из-под стражи, определив ей наказание условным/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВТ СИБВО
БРИГВОЕНЮРИСТ /КАКОУЛИН/

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 41, 41 об., 43 об.
Заверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

Комментарии

1. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».
2. Завод № 301 – одно из предприятий Наркомата авиационной промышленности, эвакуированных во втором полугодии 1941 г. из Москвы на площадку новосибирского завода № 153 им. В.П. Чкалова.
3. Простой – временная остановка производства на предприятии из-за отсутствия сырья, полуфабрикатов, электроэнергии, поломки оборудования и т.п.
4. Комбинат № 179 – крупнейшее предприятие Наркомата боеприпасов СССР, действовавшее в Новосибирске и состоявшее из нескольких номерных заводов (в том числе эвакуированных). До завершения разукрупнения комбината им руководил центральный аппарат отраслевого наркомата.
5. Нарымский округ – административно-территориальное образование с центром в поселке Колпашево, входившее в состав Новосибирской области с 28 сентября 1937 по 13 августа 1944 г.
6. Статья 58-14 УК РСФСР – 14-я статья подраздела «Контрреволюционные преступления» первой главы («Преступления государственные») статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Определяла понятие

- «контрреволюционный саботаж» и меры наказания за его совершение – от лишения свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества до расстрела, с конфискацией имущества.
7. Завод № 17 – предприятие Наркомата вооружения СССР, эвакуированное во втором полугодии 1941 г. из Подольска Московской области на площадку Барнаульского плательно-бельевого комбината.
 8. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».
 9. Завод № 166 – предприятие Наркомата авиационной промышленности, созданное за счет объединения омского моторостроительного завода № 166 и заводов № 81, 256 и 288 НКАП, эвакуированных из Москвы и Кимры во втором полугодии 1941 г.

Литература

- Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонно-промышленного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.
- Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
- Исупов В.А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.
- Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.
- Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103, No. 1. P. 107–144.
- Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф, 2011. 331 с.

References

- Bukin, S.S., Romanov, R.E. (2012). *Rabochaya molodezh' predpriyatiy oboronnoy kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Working Youth of Siberian Defense Industry Enterprises (1941–1945)]. Novosibirsk, Parallel'. 430 p.
- Isupov, V.A. (2008). *Lyudskie resursy Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Human Resources of Western Siberia during the Second World War]. Novosibirsk, Sova. 378 p.
- Papkov, S.A. (2011). Karatel'noe pravosudie na trudovom fronte v SSSR v 1941–1945 gg. [Punitive Justice on the Labor Front in the USSR in 1941–1945]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 72–80.
- Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow, ROSSPEN. 440 p.
- Suresh, N., Yuchtman, N. (2013). Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain. In *The American Economic Review*. Vol. 103, No. 1, pp. 107–144.
- Voznesenskiy, N. (1948). *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The Military Economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat. 192 p.
- Yakovenko, I.G. (2011). *Rossiya i repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and Repression: The Repressive Component of Russian Culture]. Moscow, Novyy khronograf. 331 p.

Н.А. Потапова*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТХОДНИЧЕСТВА
В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)doi:10.31518/2618-9100-2023-1-14
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Потапова Н.А. Государственное регулирование отходничества в 1920-е годы (на материалах Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 178–185.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-14.pdf>

N.A. Potapova*

STATE REGULATION OF OTKHODNICHESTVO
IN THE 1920S (ON THE MATERIALS OF SIBERIA)

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-14

How to cite:
Potapova N.A. State Regulation of Otkhodnichestvo in the 1920s (On the Materials of Siberia) // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 178–185.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-14.pdf>]

Abstract. The article, based on the materials of the Siberian region, examines the phenomenon of otkhodnichestvo that existed in pre-revolutionary Russia and revived under the Bolshevik rule in the early 1920s. This process was generated by the desire of the peasants to earn extra money outside the places of permanent residence, was temporary, most often seasonal, after which the population returned home for agricultural work. During the period of the empire, such a process most often had an unorganized character, although the government tried to control seasonal industries, but it did not succeed in doing this in full. The Soviet leadership, starting from the second half of 1921, is gradually trying to resolve this problem by establishing state control over unregulated waste. The study clarifies the methods of control over otkhodniks, the results of the attempts made, as well as the scale of otkhodnichestvo in the whole country and in Siberia.

Keywords: otkhodnichestvo, trade migrations, peasants, unemployment, People's Commissariat of Labour, state regulation.

The article has been received by the editor on 01.12.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на материалах Сибирского края рассматривается феномен отходничества, существовавший в дореволюционной России и возродившийся при большевистской власти в начале 1920-х гг. Данный процесс порождился желанием крестьян подзаработать вне мест постоянного жительства, носил временный, чаще всего сезонный характер, по завершении которого население возвращалось домой на сельскохозяйственные работы. В период империи такой процесс чаще всего имел неорганизованный характер, хотя правительство пыталось контролировать отхожие промыслы, но в полной мере ему этого сделать не удавалось. Советское руководство, начиная со второй половины 1921 г., постепенно пытается решить этот вопрос путем установления государственного контроля над нерегулируемыми отходами. В исследовании выясняются методы контроля над отходниками, итоги предпринятых попыток, а также масштабы отходничества в целом по стране и в Сибири.

* **Наталья Анатольевна Потапова**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru

Natalya Anatolyevna Potapova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

Ключевые слова: отходничество, промысловые миграции, крестьяне, безработица, Народный Комиссариат Труда, государственное регулирование.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022 г.

Отхожие промыслы – явление, которое возникает в России, по оценкам исследователей, еще в начале XVIII в. и сохраняется в трансформированном виде до сегодняшних дней¹. Отходничество как вид трудовой внутренней миграции стало одним из факторов формирования рынка наемной рабочей силы не только в аграрном секторе, но и в других отраслях экономики. Сам феномен, его масштабы, влияние на хозяйство страны обусловили интерес исследователей к данной проблематике. В историографии темы можно выделить три периода: дореволюционный², советский³ и постсоветский⁴. На всем протяжении рассмотрения этой темы главным образом дореволюционное отходничество привлекало внимание исследователей. И в настоящее время эта тенденция сохраняется. Однако в последние годы стали появляться работы, посвященные современному отходничеству⁵. Что же касается советского отходничества, то этот период остается малоизученным. Долгое время из-за скудности источниковой базы в историографии доминировало мнение, что из-за революционных событий и последующей политики большевиков этот феномен исчезает в начале 1930-х гг. Однако, как нам представляется, отходничество приобрело несколько иные формы, но имело место быть и в советской истории.

Прежде чем приступить к данному исследованию, следует определиться с содержанием понятия. В более широком толковании под отходом понимается периодическое (один-два раза в год, один раз в два года и т.д.) длительное проживание (более трех месяцев) за пределами мест постоянного жительства. В целом это определение дает общее представление о рассматриваемом явлении, однако оно не раскрывает причины отхода, цели, его социальный состав и т.д. Поэтому следует обратиться к более узкой трактовке феномена. Так, дореволюционный словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона весьма емко описывает это понятие⁶. В словарной статье «отхожие промыслы» названы одним из источников дохода крестьянского населения. Причины, побуждавшие деревенское население сниматься с мест, могли быть разные, в том числе малоземельность, неплодородие почвы, неурожай, спрос на рабочие руки по случаю крупных сооружений и т.д. Крестьяне трудились на полевых работах, в шахтах, на фабриках, участвовали в строительных работах (каменщики, штукатуры, маляры, мостовщики, плотники), занимались извозом и т.д. Уходили крестьяне преимущественно из центральных губерний в промышленные районы, а также в столицы. В статье Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона исчерпывающе определены социальный состав отхода, его цели, причины, направления и виды. В целом это определение достаточно точно определяет суть рассматриваемого явления, но обозначать им советское и постсоветское отходничество следует с оговорками, так как эти периоды имели свои особенности.

¹ Плюснин Ю.М. Отходники. М., 2013. С. 14.

² См., например: Карышев Н.А. К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство. 1896. № 7. С. 1–24; Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в новороссийские губернии. СПб., 1895; Шаховский Н.В. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М., 1896; и др.

³ См., например: Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927; Буркин С.А. Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 201–209; и др.

⁴ См., например: Андришин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012; Смурова О.В. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX вв.). Кострома, 2008.

⁵ См., например: Плюснин Ю.М. Отходники. М., 2013; Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М., Позаненко А.А. К вопросу о современном отходничестве как преемственной модели жизнеобеспечения российской периферии // Мир экономики и управления. 2015. № 15 (2). С. 132–142; и др.

⁶ Брокгауз и Ефрон. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Современная версия. М., 2005. Т. Н–О.

Масштабы этого явления в Российской империи позволяют говорить о сложившейся тенденции в деревне. Если в 1880-х гг. только в Европейской России явление захватывало около 5 млн чел. ежегодно⁷, то перед Первой мировой войной в отходе было задействовано уже около 9,4 млн чел. На рубеже XIX–XX вв. отходники составляли третью часть населения сельской местности, а в некоторых центрально-промышленных районах на заработки уходило до половины крестьян⁸. Статистические данные, имеющиеся в распоряжении исследователей, как нам представляется, подтверждают вывод о том, что отходничество в конце XIX – начале XX в. представляло собой основную, наряду с сельским хозяйством, модель жизнеобеспечения аграрного населения на значительной территории страны⁹. Отход за короткий период времени трансформировался из явления, вызванного материальным неблагополучием крестьянства, в главное условие благополучия сельского населения.

Первая мировая война, последовавшие революционные события привели к снижению численности отходников, что объясняется неблагоприятной экономической обстановкой, гибелью населения, голодом 1921 г. и т.д. С одной стороны, безработица в городах, отсутствие спроса на сезонную рабочую силу, введенные правила регистрации всех работников биржами труда сдерживали отходничество, но, с другой стороны, новые налоги, разрушенные хозяйства подталкивали крестьян отправляться в город. И уже во второй половине 1921 г. большевики столкнулись с массовым стихийным выходом сельского населения из деревни. Последующее десятилетие ознаменовалось попытками ограничить неорганизованную трудовую миграцию.

Советское руководство уже в 1921 г. столкнулось с проблемой существования массовой и растущей резервной армии труда. К весне 1927 г. в СССР насчитывалось около 1,5 млн незанятых¹⁰. В этих условиях во второй половине 1920-х гг. был взят курс на ликвидацию безработицы, тем более что ее существование не соответствовало идеологической доктрине большевиков, которая допускала наличие безработицы только в капиталистическом общественном строе. Неорганизованная трудовая миграция в таких условиях рассматривалась как ресурс, увеличивающий численность незанятого населения. И ограничение отходничества заняло важное место в работе НКТ (Народный комиссариат труда)¹¹ по сокращению количества безработного населения. Стоит отметить, что регулирование отхожих промыслов стало лишь одним из направлений по борьбе с резервной трудовой армией¹². К началу 1928 г., наряду с регулированием отхода сельского населения, перед НКТ СССР стояли задачи, направленные на этатизацию труда, в том числе обеспечение плановости регулирования рынка труда и организованного снабжения рабочей силой промышленности городского и сезонного рынка труда, а также предполагалось принять активное участие в перераспределении излишков рабочей силы и освобождении бирж труда от кадров, работавших по найму, и т.д.¹³

Начиная с 1923 г. НКТ СССР ежегодно предоставлял сведения о численности отходников в стране. На основании этих данных можно утверждать о росте промысловой миграции, несмотря на ограничительные государственные меры. Так, за период 1923/1924 г. было учтено около 1,7 млн чел., а к 1925/1926 г. этот показатель вырос почти вдвое и составил около 3,3 млн чел.¹⁴, а менее чем за десять лет численность крестьян-отходников увеличилась в 2,5 раза, так как к 1929 г. показатели возросли до 4,3 млн чел.¹⁵ Из отчета

⁷ Брокгауз и Ефрон... Т. Н–О.

⁸ Большая российская энциклопедия. Статья «Отходничество» [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (дата обращения: 10.10.2022).

⁹ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.

¹⁰ Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–135. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf>

¹¹ ГАНУ. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 1–10.

¹² Там же. Д. 1283. С. 107.

¹³ Из отчета Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926/27 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/6182> (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁴ Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г. М., 1929.

¹⁵ Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926–1927 гг., подготовленного зимой 1928 г., следует, что только 18 % сельского населения, занимающегося отхожими промыслами, не попало в общую статистику¹⁶. Если принять это замечание во внимание, то порядка 1 млн человек не было учтено. Несмотря на то, что НКТ с 1924 г. ежегодно проводил обследование отходничества, организация учета оставляла желать лучшего. Так, в докладе о состоянии труда и мерах борьбы с безработицей в городах Сибирского края отмечалось, что осветить в полном объеме отход крестьян по всем населенным пунктам региона не представляется возможным, так как вместо 255 районно-исполнительных комитетов имеются сводные данные по этому вопросу только от 148¹⁷.

Наиболее широкое распространение отход получил в РСФСР, доля крестьянского населения, участвовавшего в промысловой деятельности в 1920-е гг., варьировалась в диапазоне 81–90 % от общесоюзного масштаба. Лидером на всем протяжении оставался Центрально-Промышленный район, около трети отходников приходилось на этот регион. Сибирский край занимал одно из последних мест по масштабам промысловой миграции, хотя показатели неизменно росли. За период 1925–1926 гг. в регионе учету подверглось около 41 тыс. крестьян, а уже в 1928–1929 гг. – около 144 тыс. человек¹⁸, т.е. почти за пять лет численность отходников в крае увеличилась в 3,6 раза, что даже больше, чем по стране в целом.

В масштабе всей страны внеземледельческие промыслы преобладали примерно в семь раз над сельскохозяйственными¹⁹. Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области, позволяют сделать вывод о том, что мужчины чаще отправлялись на заработки – около 77,5 %, в то время как численность женщин (около 17 %) и подростков (около 5,5 %) была значительно ниже²⁰. Вероятно, что похожая картина складывалась и в других регионах страны. Более половины отходников были чернорабочими, что ухудшало позиции крестьян на рынке труда, где они конкурировали с горожанами. Кроме того, труд сельского населения применялся в строительстве, на транспорте, при заготовке леса и др.²¹

В конце июня 1924 г. Народный комиссариат труда издал циркуляр «О производстве обследований по выявлению размеров отхожих промыслов и о порядке участия местных органов НКТ в проведении этого обследования»²². Цель данного распоряжения заключалась в установлении ежегодных масштабов отходничества как в целом по стране, так и в регионах, организованности движения, определении специализации крестьян, ищущих работу в городе. С этого циркуляра процесс стихийного неорганизованного отхода постепенно начинает вставать под контроль нового государства. Отход крестьян на заработки являлся одной из причин безработицы, так как наплыв рабочей силы из деревни значительно превышал потребности в ней еще не восстановившейся экономики. Кроме того, отходников обвиняли в массовых общественных беспорядках в городах. В планы большевиков входило установление полного административного регулирования над сезонными передвижениями крестьян.

В 1920-е гг. можно выделить три периода в регулировании отходничества, при этом каждый из них все более сильнее закручивал гайки и ограничивал промысловые миграции. В первый, или подготовительный, этап НКТ начинает исследование вопроса, регионы обязывались собирать и предоставлять подробные сведения о поле и возрасте крестьян, их численности и специализации, месяце ухода и возвращения, месте работы. Такие обследования НКТ проводил до 1929 г. ежегодно. Биржи труда постепенно начали выполнять роль посредника между рабочими и промышленностью. В некоторых крупных городах, в первую очередь в Москве и Ленинграде, биржи труда стали ограничивать или не регистрировать приезжих, в результате чего отходники не могли попасть на работу. Однако предпринятые

¹⁶ Из отчета Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926/27 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/6182> (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 4.

¹⁸ Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

¹⁹ Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г. М., 1929.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 4.

²¹ Там же.

²² ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 656. Л. 146–147.

ограничительные меры советского руководства не привели к спаду процесса, крестьяне устремились на общественные работы в регионы, где планировалось масштабное строительство.

В рамках второго периода (1925–1926 гг.) советское государство активно стало вводить вербовочную систему. Уже в конце января 1925 г. постановление НКВД и НКТ РСФСР предписывало обязать волостные исполкомы и сельсоветы контролировать найм рабочей силы из числа крестьянства для работы вне места жительства²³. Вербовочные бюро обязывались нанимать крестьянскую рабочую силу для основных сезонных отраслей экономики. Однако сельское население неохотно шло на такое предложение от государства, так как зачастую возникали противоречия и недоговоренности в оплате труда и проезда, предоставлении жилья и др. В связи с этим в 1926 г. биржам труда передали полномочия проводить вербовочные кампании, смысл которых заключался в том, что биржи труда набирали на основании присланной предприятием заявки группу наемных рабочих и направляли в место назначения. Регулируемая вербовочная система постепенно вытесняла неконтролируемые крестьянские отходы. Усиливало эти меры и письмо НКТ РСФСР от 11 февраля 1926 г., согласно которому льготный тариф для проезда по железной дороге до места работы распространялся только на городских рабочих и служащих. Сельское население не имело право пользоваться этим видом льгот²⁴. Однако отходники в этот же год получили скидку в 35 % на билет, но она предоставлялась только тем крестьянам, которые получали работу через биржи труда²⁵. Все эти меры были предприняты для перераспределения рабочей силы, в том числе и для разгрузки некоторых городов (Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку и многих других), где положение с безработицей было очень тяжелым²⁶.

Кроме того, для регулирования сезонной миграции НКТ была развернута в местах отхода специальная сеть корреспондентско-информационных пунктов, которые занимались учетом отходников и участием в вербовках рабочих, проводимых биржами труда и хозяйственными организациями. Всего в 1927 г. было создано 929 таких пунктов. Как правило, последние открывались в губерниях, где существовал наиболее массовый отход населения на промыслы. Часть подразделений находилась в сельской местности, районах прихода сезонных рабочих (главным образом сельскохозяйственных рабочих). Эти пункты производили, помимо вышеперечисленного, непосредственную отправку рабочих в государственные сельскохозяйственные предприятия (сахарные заводы и свекловичные поля).

Следует отметить, что к 1926 г. численность незанятого населения росла. И по-прежнему главную причину НКТ СССР видел в нерегулируемых наплывах сельского населения в города. Поэтому борьба с отходничеством воспринималась одним из направлений сокращения безработицы в стране. К этому времени стало очевидно, что цель советского руководства – поставить под контроль массу незанятого населения для их перемещения в регионы, где нуждались в рабочих руках. Именно биржи труда должны были это обеспечить, на них же возлагалось и наблюдение за тем, чтобы отходники обязательно получили работу, в противном случае биржам предписывалось отправлять население на другую работу или домой²⁷.

Следующий этап регулирования отходничества (1927–1930 гг.) происходил в условиях свертывания нэпа и реализации первого пятилетнего плана. В это время определился ряд городов, в которые въезд сельского населения был запрещен: к таковым, помимо Москвы и Ленинграда, относились Ярославль, Псков, Ростов-на-Дону, Грозный, Харьков, Одесса, Минск, Фрунзе и многие другие²⁸. В этот период расширились полномочия НКТ СССР по оперативному проведению вербовочных операций. Теперь найм на работу был возможен только на основании заблаговременно заключаемых специальных соглашений между

²³ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 796. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 1033. Л. 25.

²⁵ Там же. Л. 56.

²⁶ Там же. Л. 45.

²⁷ Там же.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033. Л. 178.

предприятиями, с одной стороны, и НКТ или местными отделами труда – с другой. Такие соглашения давали основания или непосредственного набора рабочих государственными, общественными, частными фирмами, или право на осуществление этого набора оставалось за представителями власти. Любые другие способы набора, как-то услуги частных посредников, специальных лиц, вызов на предприятия рабочих письмами, публикациями, запрещались²⁹. Эта же практика будет действовать и в 1930-е гг., что свидетельствует о том, что в 1920-е гг. советскому правительству не удалось окончательно победить неконтролируемый отход. Так, летом 1931 г. на одном из совещаний И.В. Сталин подчеркивал, что «от политики “самотека” надо перейти к политике организационного набора рабочих. Но для этого существует один лишь путь – путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками»³⁰.

Кроме того, в конце 1920-х гг. устанавливаются непосредственные связи между отходниками и предприятиями, последние получили достаточно широкие права. Теперь они могли заниматься наймом и направлением крестьян на работу, а также определенные группы сезонных рабочих прикреплялись к предприятиям и территориям. С завершением работы составлялись списки из числа тех, кто должен был возвратиться на предприятие в следующий сезон. Это решение ограничивало выбор мест работы для крестьянского населения, обеспечивало первоочередное предоставление работы. С другой стороны, «приписывание рабочих» обеспечивало сезонные отрасли постоянными кадрами. Кроме того, происходило прикрепление районов нахождения сезонников к регионам, где существовал спрос на их труд³¹. Параллельно биржи труда потеряли функции регулирования над отхожими промыслами.

Положение крестьянского населения, занимавшегося отхожими промыслами, на всем протяжении 1920-х гг. было тяжелым. Однако в конце десятилетия этот социальный кризис еще более обострился. На основании поступавших жалоб инспектору труда можно говорить о следующих недостатках в организации работы: неорганизованность работы, задержка заработной платы, потери времени на ее получение, низкий уровень оплаты труда, отсутствие пособий за увечья, тяжелые жилищные условия (отсутствие печей, ламп, столов, нар), невыдача квартирных, отсутствие аптек на производственных участках, отсутствие расчетных книжек, неудовлетворительная доставка рабочих на медпункты и т.д.³²

Таким образом, советское руководство в 1920-е гг. пыталось отходничество сделать сферой государственного регулирования. Главная причина, побуждавшая большевиков к этому, заключалась в том, что само по себе существование неорганизованной промысловой миграции вступало в противоречия с системой плановости строительства народного хозяйства. В конце 1920-х гг. отходничество было заменено организованными наборами, но нельзя утверждать, что это явление было полностью ликвидировано. С 1929 г. рост численности промысловых мигрантов не уменьшается, что, вероятнее всего, говорило о проблемах, существовавших в советской деревне, где начиналась коллективизация, которая спровоцировала новый гигантский поток отходников. Эти события происходили на фоне индустриализации, которая обнажила нехватку рабочей силы. Данную проблему решали, в том числе привлекая крестьян-отходников. Советское руководство пыталось не столько уничтожить рассматриваемый феномен, сколько превратить его в контролируемый процесс для перераспределения трудовых ресурсов. С одной стороны, это сокращало безработицу в городах (особенно крупных), с другой – обеспечивало рабочими руками промышленность Урала, Сибири и особенно Дальнего Востока.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1379. Л. 44–47.

³⁰ Правда. 1931. 5 июля.

³¹ ГАНО. Ф. Р-532. Д. 1379. Л. 59–62.

³² Там же. Д. 1176. Л. 22–23.

Литература

Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый Хронограф, 2012. 464 с.

Большая российская энциклопедия. Статья «Отходничество» [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (дата обращения: 10.10.2022).

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Современ. версия. М.: ЭКСМО, 2005. Т. Н–О.

Буркин С.А. Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 201–209.

Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела, 1927. 204 с.

Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М., Позаненко А.А. К вопросу о современном отходничестве как преемственной модели жизнеобеспечения российской периферии // Мир экономики и управления. 2015. № 15 (2). С. 132–142.

Карышев Н.А. К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство. 1896. № 7. С. 1–24.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. 743 с.

Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народнонаселение. 2017. № 3 (77). С. 51–62.

Плюснин Ю.М. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013. 288 с.

Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в новороссийские губернии. СПб., 1895.

Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–135. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).

Смурова О.В. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX вв.). Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. 203 с.

Шаховский Н.В. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М., 1896.

References

Andryushin, E.A. (2012). *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of the Labor Legislation of the USSR and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources]. Moscow, Novyy Kronograf. 464 p.

Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Stat'ya "Otkhodnichestvo" [Great Russian Encyclopedia. Article "Otkhodnichestvo"]. Available at: URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2699278?ysclid=ldjzrqw8xm785482942 (date of access 01.10.2022).

Brokgauz, F.A., Efron, I.A. (2005). *Illyustrirovanny entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. Sovrem. versiya* [Illustrated Encyclopedic Dictionary F.A. Brockhaus and I.A. Efron. Modern Version]. Moscow, EKSMO. T. N–O.

Burkin, S.A. (1978). Chislennost' otkhodnikov v Rossii v kontse XIX v. [The Number of Otkhodniks in Russia at the End of the 19th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 201–209.

Karyshev, N.A. (1896). K izucheniyu nashih otkhozhih promyslov [To the Study of Our Otkhozhnyh Trades]. In *Russkoe bogatstvo*. No. 7, pp. 1–24.

Kulisher, I.M. (2004). *Istoriya russkogo narodnogo hozyaystva* [History of the Russian National Economy]. Chelyabinsk, Socium. 743 p.

Moiseenko, V.M. (2017). Otkhod sel'skogo naseleniya na zarabotki v SSSR v 1920-e gody [Departure of the Rural Population to Work in the USSR in the 1920s]. In *Narodonaselenie*. No. 3 (77), pp. 51–62.

Plyusnin, Yu.M. (2013). *Otkhodniki* [Otkhodniks]. Moscow, Novyy Khronograf. 288 p.

Ponomarev, N.V. (1985). *O peredvizhenii sel'skohozyaystvennykh rabochikh, napravlyayushchih'sya v novorossiyskie gubernii* [On the Movement of Agricultural Workers Heading to the Novorossiysk Provinces]. St. Petersburg.

Potapova, N.A. (2021). Bezrabotitsa v SSSR v 1920-e gody: ideologicheskaya doktrina i ekonomicheskaya real'nost' [Unemployment in the USSR in the 1920s: Ideological Doctrine and Economic Reality]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 6 (20), pp. 134–135. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf> (date of access 01.10.2022).

Shahovskiy, N.V. (1896). *Sel'skohozyaystvennye othozhie promysly* [Agricultural Outdoor Activities]. Moscow.

Smurova, O.V. (2008). *Mezhdu gorodom i derevney (obraz zhizni krest'yanina-othodnika vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.)* [Between the City and the Countryside (the Way of Life of a Otkhodnik Peasant in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Kostroma, Izd-vo KGTU. 203 p.

Vladimirskiy, N.N. (1927). *Othod krest'yanstva Kostromskoy gubernii na zarabotki* [Departure of the Peasantry of the Kostroma Province to Work]. Kostroma, Izdanie Kostromskogo gubstatotdela. 204 p.

Zhidkevich, N.N., Plyusnin, Yu.M., Pozanenko, A.A. (2015). K voprosu o sovremennom othodnichestve kak preemstvennoy modeli zhizneobespecheniya rossiyskoy periferii [To the Question of Modern Otkhodnichestvo as a Successive Model of Life Support for the Russian Periphery]. In *Mir ekonomiki i upravleniya*. No. 15 (2), pp. 132–142.

В.Г. Зеляк*

**ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННЫЕ КОНТОРЫ СИБИРИ
В 1923–1925 ГОДАХ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-15
УДК 94(571)

Выходные данные для цитирования:
Зеляк В.Г. Золотопромышленные конторы Сибири в 1923–1925 годах: основные итоги деятельности // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 186–196. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-15.pdf>

V.G. Zelyak*

**GOLD-MINING OFFICES OF SIBERIA
IN 1923–1925: MAIN RESULTS OF ACTIVITY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-15

How to cite:
Zelyak V.G. Gold-Mining Offices of Siberia in 1923–1925: Main Results of Activity // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 186–196. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-15.pdf>]

Abstract. The main purpose of the article is to analyze the activities of four gold-mining offices in Siberia for the entire period of their existence (1923–1925), to determine their role and significance in Siberian gold mining. The relevance of the research is determined by the fact that significant gaps in the historiography of the industrial development of Siberia of the 1920s are filled, the experience of organizational work and the main results of the activities of small-scale gold industry units in the conditions of the new economic policy are studied. The author used historical-genetic, historical-comparative, concrete-historical methods. The methodological basis of the research is a region-oriented approach developed within the framework of modernization theory. In the course of the study, it was established that the Altai, Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk gold-mining offices were organized by the Siberian authorities under the general leadership of Sibprombyuro to involve a huge mass of remote mines in the operation. These divisions gave organizational stability to mining operations in their areas of activity and consistently implemented a course of transition from buying gold to organizing prospecting works. At the same time, gold-mining offices failed to satisfactorily resolve a number of acute problems: to ensure their own self-sufficiency, organize geological exploration, mechanize production, etc. Having found out that, on average, during the 1922/1923–1924/1925 operational years, gold-mining offices gave the country about one ton of gold (this corresponded to 4.2 % of all-Siberian and 2.16 % of all-Union production during this period), the author comes to the conclusion about a relatively small but valuable contribution to the replenishment of the country's gold reserves. In the future, it seems promising to compare the work of gold-mining offices with the activities of the Sibzoloto trust, which replaced them, to consider the problems of the development of the prospecting sector and the work of tenants of gold mines by the mid-1920s related to the activities of gold-mining offices.

Keywords: Siberia, Sibprombyuro, goldmining industry, gold-mining offices, prospectors.

The article has been received by the editor on 10.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Основная цель статьи – провести анализ деятельности четырех золотопромышленных контор Сибири за весь период их существования (1923–1925 гг.), определить их роль и значение в общесибирский золотодобыче. Актуальность исследования определяется тем, что восполняются существенные пробелы в исто-

* **Виталий Григорьевич Зеляк**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: Zelyak75@mail.ru
Vitaliy Grigorievich Zelyak, Doctor of History, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: Zelyak75@mail.ru

риографии промышленного развития Сибири 1920-х гг., изучается опыт организационной работы и основные итоги деятельности подразделений мелкой золотопромышленности в условиях новой экономической политики. Автором использовались историко-генетический, историко-сравнительный, конкретно-исторический методы. Методологической основой исследования является регион-ориентированный подход, разрабатываемый в рамках теории модернизации. В процессе исследования установлено, что для вовлечения в эксплуатацию огромной массы отдаленных приисков сибирскими властями под общим руководством Сибпромбюро были организованы Алтайская, Иркутская, Красноярская и Томская золотопромышленные конторы. Эти подразделения придали организационную стабильность добычным работам в районах своей деятельности и последовательно реализовывали курс на переход от скупки золота к организации артельно-старательских работ. Вместе с тем конторам не удалось удовлетворительно разрешить ряд острых проблем: обеспечить собственную самокупаемость, организовать геолого-разведочные работы, механизировать добычу и т.д. Выяснив, что в среднем за 1922/1923–1924/1925 операционные годы золотопромышленные конторы дали стране около одной тонны шлихового золота (это соответствовало 4,2 % общесибирской и 2,16 % общесоюзной добычи за этот период), автор приходит к выводу об относительно небольшом, но ценном вкладе в пополнение золотого запаса страны. В дальнейшем перспективным представляется сравнить работу золотопромышленных контор с деятельностью треста «Сибзолото», который пришел им на смену, рассмотреть связанные с деятельностью контор проблемы развития старательского сектора и работы арендаторов золотых приисков к середине 1920-х гг.

Ключевые слова: Сибирь, Сибпромбюро, золотодобыча, золотопромышленные конторы, старательство.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022 г.

В течение 1922 г. властям удалось добиться определенной стабилизации работы золотодобывающей промышленности. При этом в Сибири государственная поддержка оказывалась крупным подразделениям на рр. Лена и Енисей, в то время как сотни небольших приисков, рассредоточенных на огромных пространствах, оставались без нее. Однако государству представлялось важным сохранить контроль над этой массой предприятий, не допустить их дальнейшего разрушения. Решение данной проблемы возлагалось на золотопромышленные конторы Сибири.

Изучение истории сибирских золотопромышленных контор является весьма актуальным, так как их деятельность оказалась заслонена анализом более известных и крупных подразделений золотодобычи, прежде всего «Лензолото» и «Енисейзолото». Вместе с тем исследование работы золотопромышленных контор позволит получить более полное представление о развитии отечественной золотопромышленности к середине 1920-х гг., осветить еще один аспект мероприятий нэпа в Сибири, связанный с работой огромного количества мелких приисков. Анализ управленческого опыта золотопромышленных контор по развитию старательских работ на небольших приисках также представляется весьма востребованным, так как на современном этапе разработкой золота занимаются предприятия разной величины, в том числе с незначительными объемами добычи.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной историографии проанализированы основные итоги работы всех четырех золотопромышленных контор Сибири за весь период их существования.

Хронологические рамки исследования включают в себя период 1923–1925 гг. Нижняя граница определена тем, что в апреле 1923 г. были образованы Алтайская, Иркутская, Красноярская и Томская золотопромышленные конторы. Верхняя граница в целом определена октябрём 1925 г., т.е. началом деятельности треста «Сибзолото», созданного вместо

золотопромышленных контор. Территориальные границы исследования охватывают районы Сибири, находившиеся в ведении Сибирского революционного комитета, а в более узком отношении – территории Томско-Алтайского, Енисейского и Иркутского горных округов.

Цель исследования состоит в исторической реконструкции организации работы золотопромышленных контор Сибири за весь период их существования (1923–1925 гг.), определении их роли и значения в общесибирской золотодобыче.

Источниковую базу преимущественно составили материалы фонда Р-918 «Сибирское областное промышленное бюро ВСНХ «Сибпромбюро»» Государственного архива Новосибирской области, привлекались документы фонда Р-22 «Западно-Сибирский краевой совет народного хозяйства «Запсибкрайсовнархоз»» и фонда Р-195 «Западно-Сибирское производственное золотодобывающее объединение «Запсибзолото» Главного управления драгоценных металлов и алмазов при Совете Министров СССР» этого же архива, публикации «Горного журнала» и другие источники. Анализ источниковой базы показал, что данные по поступлению золота от золотопромышленных контор, в том числе и по итогам за соответствующий год, сильно разнятся. Основной причиной этого, как правило, являлась задержка предоставления соответствующей информации Красноярской и Иркутской конторами, а они, в свою очередь, не имели устойчивой связи со своими подразделениями в отдаленных таежных местностях. В результате в открытую печать, включая авторитетный «Горный журнал», попадали заниженные данные¹. В предлагаемом исследовании использованы преимущественно сведения, собранные сотрудниками горного отдела Сибпромбюро Н.А. Матрошиным и Н.Д. Горковенко. Эти специалисты владели наиболее полной информацией по данному вопросу.

К изучению деятельности золотопромышленных контор Сибири обратились уже современники в публикациях, как правило, экономического характера. Так, П. Зуев в обзоре работы золотопромышленности Сибири (1925) в том числе указал, что государство через создание золотопромышленных контор, стремилось ввести старательство «в известные рамки» и «изжить отрицательные стороны», главная из которых – хищнический метод добычи. Он привел количественные данные по золоту, полученному конторами в 1922/1923 и 1923/1924 операционных годах, однако их следует признать заниженными².

На более высоком аналитическом уровне проведены исследования А.И. Крылова и Г.А. Маркова, сотрудников центрального аппарата ВСНХ, подготовленные ими для I Всесоюзного золотопромышленного съезда, состоявшегося в 1926 г. в Москве³. Они выявили факторы, предопределившие невысокие показатели работы контор, привели ценные сведения по проблемам финансирования, но в целом весьма критично оценили значение золотопромышленных контор.

Впоследствии в историографии долгое время золотопромышленным конторам практически не уделялось внимания. Так, уже в Сибирской советской энциклопедии (1929) им не только не посвящены отдельные статьи, в этом издании конторы вообще не упоминались (например, в статье «Золотопромышленность» и в других тематически связанных статьях)⁴. В четвертом томе «Истории Сибири» (1968) имеется одно указание на то, что, наряду с трестами «Лензолото» и «Енисейзолото», в Сибири действовали и «четыре золотопромышленные конторы по организации артельных работ», однако не были приведены даже их названия⁵.

В лучшую сторону отличалась монография М.М. Хатылаева (1983), в которой он перечислил все золотопромышленные конторы, но основное внимание уделил тем, которые вели

¹ Золотопромышленность в 1922-23 и 1921-22 опер. году // Горный журнал. 1924. № 2. С. 245; Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири. 1922–1923 г. Новониколаевск, 1923. С. 12.

² Зуев П. Золотопромышленность Сибири // Вся Сибирь со включением Уральской области. Справочная и адресная книга на 1925/26 г. М., 1925. С. 22–23.

³ Крылов А.И. Формы организации в золотопромышленности // Золотопромышленность СССР (I Всесоюзный золотопромышленный съезд). М.; Л., 1927. С. 17–29; Марков Г.А. Пути к развитию мелкой золотопромышленности // Золотопромышленность СССР (I Всесоюзный золотопромышленный съезд). М.; Л., 1927. С. 81–92.

⁴ Советская сибирская энциклопедия. Т. 1: А–Ж. Новосибирск, 1929. Ст. 176–180.

⁵ История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 195–196.

свою деятельность на территории Восточной Сибири: Красноярской и Иркутской. Он справедливо указал, что на территории деятельности Иркутской конторы «безраздельно господствовал ручной труд», а Красноярская контора располагала механизированными предприятиями, но они были сданы в аренду. Организация контор, по мнению М.М. Хатылаева, дала дополнительный резерв увеличения добычи золота в стране и явилась переходной ступенью к созданию треста местного значения – «Сибзолото»⁶. Следует отметить, что этот вывод не потерял своей актуальности.

На современном этапе отечественной историографии интерес к истории советской золотопромышленности эпохи нэпа в целом возрос, некоторые авторы уделяют внимание и золотопромышленным конторам Сибири. В.Д. Томилов и А.П. Семьинин в «Краткой хронике становления, развития и технических достижений отечественной золотопромышленности» (1995) сообщили о съезде уполномоченных, на котором было принято решение об образовании золотопромышленных контор, но при этом были допущены существенные неточности⁷.

В.Т. Давыдов в работе «Прииск “Алтайский”» (2000) указал на функционирование Томской и Алтайской золотопромышленных контор и принятие Сибпромбюро «Положения об управлении средней и мелкой золотопромышленности». Также В.Т. Давыдов поместил в свое издание доклад горного инспектора А.К. Бредихина по обследованию Алтайской золотопромышленной конторы в 1925 г., сопроводив его краткими авторскими комментариями⁸. Соответственно остальные сибирские конторы данным автором не изучались.

Более тщательно к изучению золотопромышленности Западной Сибири подошла О.Я. Гутак. В научной статье 2003 г. она проанализировала хозяйственную деятельность Томской и Алтайской (Бийской) золотопромышленных контор, но не за три года их деятельности, а только за два⁹. Аналогичным образом она осветила данные проблемы и в своем диссертационном исследовании¹⁰. Внимание О.Я. Гутак было сосредоточено на Западной Сибири, поэтому деятельность Иркутской и Красноярской контор ею не рассматривалась.

В обобщающих монографиях по истории отечественной золотопромышленности Л.В. Сапоговской (2008) и В.Г. Лешкова (2008), так же как и в коллективных изданиях «Золото российских недр» (2000) и «Золото России» (2002), при освещении периода 1920-х гг. внимание уделялось только трестам, тогда как золотопромышленные конторы выпадали из поля зрения исследователей¹¹.

Англоязычные исследования социально-экономических процессов Сибири в XX в. в отношении золотодобычи рассматривают общие тенденции развития отрасли и наиболее крупные предприятия, соответственно золотопромышленные конторы не изучались. Таковы работы В. Моута (V. Mote), А. Вуда (A. Wood) и др.¹²

Таким образом, в изучении деятельности золотопромышленных контор Сибири в 1923–1925 гг. очевидны серьезные пробелы, которые призвано восполнить предлагаемое исследование.

В 1920-х гг. на основе указаний ВСНХ РСФСР сложилось деление предприятий золотопромышленности на крупные, средние и мелкие. Крупными предприятиями золотопромышленности в Сибири в изучаемый период считались тресты «Лензолото», «Енисейзолото» и

⁶ Хатылаев М.М. Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири (1917–1925). Якутск, 1983. С. 35, 40–41.

⁷ Томилов В.Д., Семьинин А.П. Краткая хроника становления, развития и технических достижений отечественной золотопромышленности (к 250-летию золотодобывающей отрасли). 1745–1995. Иркутск, 1995. С. 62.

⁸ Давыдов В.Т. Прииск «Алтайский». Страницы истории. 1845–2000 гг. Новокузнецк, 2000. С. 69–77.

⁹ Гутак О.Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 147–152.

¹⁰ Гутак О.Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 64–77.

¹¹ Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVII–XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008; Лешков В.Г. Российское золото – государственная и старательская добыча (1917–2007). М., 2008; Лешков В.Г., Бельченко Е.Л., Гузман В.В. Золото российских недр. М., 2000; Золото России. М., 2002.

¹² Mote V.L. Siberia: Worlds Apart. Boulder, Colo., 1998; Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.

«Алданзолото». Именно на обеспечении их стабильной работы государство сосредоточило основные усилия. К средним предприятиям были отнесены прииски и рудники, имевшие определенное оборудование например, паровые установки, гидравлики и т.д. Они должны были сдаваться в аренду отдельным предпринимателям или надежным артелям¹³. Мелкие предприятия не имели подобного оборудования и вели разработки простыми промысловыми устройствами, изготовленными, как правило, подручными средствами. Предполагалось, что для эксплуатации средних и мелких предприятий будут привлечены частный капитал и частная инициатива, средства местных органов управления, а центральные власти на этом направлении не будут нести каких-либо затрат.

Состояние сотен небольших приисков оценивалось специалистами того времени как плачевное¹⁴. Однако власти старались не допустить потери контроля над отдаленными приисковыми районами. Помимо общей необходимости их развития, своего решения требовала проблема нелегальной добычи золота из недр и продажи его на «черном рынке».

Важную роль в активизации возрождения мелкой золотопромышленности сыграл декрет СНК РСФСР от 6 марта 1923 г. «О мероприятиях по развитию золотой и платиновой промышленности»¹⁵. Правительство обязало Сибпромбюро без промедления приступить к организации арендных и старательских работ на приисках, не вошедших в тресты. Наркомфин РСФСР обязывали выделять необходимые денежные средства на ведение золотодобычи. К этому времени стало очевидно, что других источников ассигнования добычных работ на местах явно не хватает.

Существенную роль в организации стабильной работы мелкой золотопромышленности сыграло Сибирское горное управление, позже переименованное в Сибирское управление горной промышленности (далее – СУГП), а затем реорганизованное в горный отдел Сибпромбюро¹⁶. На основании настойчивых указаний Центра в Сибири был взят курс не только на скупку золота в местах его добычи, но и на организацию артельно-старательских работ, позволявших в более значительной степени упорядочить эту сферу деятельности.

Важной вехой в организации золотодобычного дела в Сибири стало совещание уполномоченных по организации мелкой и средней золотопромышленности, прошедшее в Новосибирске 31 марта – 1 апреля 1923 г.¹⁷ На нем выступили заместитель председателя Сибпромбюро Е.М. Шпиндлер, заместитель начальника СУГП Н.А. Матрошилин, уполномоченный по Алтайской губернии М.А. Каликин, уполномоченный по Красноярской губернии инженер К.Г. Вильм, представитель от Томской губернии инженер И.И. Лацкий, представитель Сиббюро ЦК Всероссийского союза горнорабочих Исаев. По итогам работы совещания была принята резолюция, одобрен ряд положений и инструкций. На базе аппаратов уполномоченных были образованы четыре золотопромышленные конторы: Алтайская, Иркутская, Красноярская и Томская.

Алтайскую золотопромышленную контору возглавил Матвей Алексеевич Каликин, а с мая 1923 г. – Николай Александрович Козловский. Местонахождение конторы было в Бийске, в котором осуществлялась и скупка вольноприносительского золота. В 1923 г. Алтайская контора вела работы в верховьях рек Лебедь и Кондома, Егорьевском и Уксунайском золотоносных районах. После ликвидации в 1924 г. Томской конторы деятельность Алтайской конторы распространилась на Салаирский кряж и р. Балыксу. По сведениям на 1 октября 1923 г. штат Алтайской конторы насчитывал 14 сотрудников, в том числе в Бийске – 6, на р. Кондоме – 3, на р. Лебедь – 1, в с. Егорьевское – 3, на р. Уксунай – 1. В 1923/1924 г. на объектах Алтайской конторы работало 283 старателя.

¹³ ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 330. Л. 172.

¹⁴ Там же. Д. 198. Л. 206.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 20. Ст. 240.

¹⁶ Зеляк В.Г. Организация управления золотодобывающей промышленностью Сибири в начале 1920-х годов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 83–84.

¹⁷ Протокол совещания уполномоченных Сибгорпрома по организации мелкой и средней золотопромышленности от 31 марта – 1 апреля 1923 г. // ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 167. Л. 5–14.

Иркутской золотопромышленной конторой первоначально руководил горный техник Георгий Спиридонович Креминский, впоследствии – горный инженер Николай Михайлович Скуляри¹⁸. Центр конторы находился в Иркутске, в ее ведении были Бирюсинский и Южно-Байкальский приисковые районы, а также Джидинский район в Бурятии. Штат конторы насчитывал 13 чел., в том числе в Иркутске – 6, Южно-Байкальском – 3, в Джидинском – 4. При этом в Бирюсинском районе добычных работ организовать не удалось, по-видимому, в нем велась только скупка. Число старателей Иркутской конторы на 1 сентября 1924 г. насчитывало 365 чел.

Красноярской золотопромышленной конторой управлял горный инженер Гаральд Карлович Вильм, затем он перешел на работу в трест «Енисейзолото». С 15 ноября 1923 г. контору возглавил Михаил Сергеевич Обрезков, а с конца 1924 г. – К.П. Сотников¹⁹. Местонахождение конторы и скупка были в г. Красноярске, районами деятельности являлись Южно-Енисейский, Минусинский, Западно-Минусинский и Абаканский. Штат конторы составлял 10 чел., из них шесть работали в Красноярске, в остальных районах – по одному сотруднику. На подведомственной Красноярской конторе территории в 1923/1924 операционном году действовало 13 арендаторов и 63 небольшие артели. В 1924/1925 г. деятельность Красноярской конторы распространялась на Красноярский, Канский, Северо-Енисейский и Южно-Енисейский, Восточно-Минусинский и Саралинский районы.

Изучение административно-управленческого персонала Алтайской, Иркутской и Красноярской золотопромышленных контор по состоянию на 1924 г. показало, что в них работали достаточно опытные управленцы²⁰.

Томская золотопромышленная контора (в делопроизводственной документации она также обозначалась как «Томзолото») возглавлялась В.Г. Кирилловым, а с 5 января 1924 г. – Федором Матвеевичем Родиным²¹. Центр и скупка конторы находились в г. Томске, в ее ведении были база в с. Тисуль, рудник «Центральный» и прииски Мариинской тайги, район Салаирского кряжа, золотоносные площади р. Балыксы. Штат конторы составлял 54 чел., в том числе в Томске – 11, в с. Тисуль – 10, на «Центральном» – 28, на Салаире – 3, на Балыксе – 2 сотрудника²². В своей работе Томская контора практически не подчинялась общесибирским органам управления. По этой причине в течение всего 1923 г. и в начале 1924 г. имело место противостояние между СУГП и Томской золотопромышленной конторой, над деятельностью которой не удавалось установить централизованный контроль. Однако после пожара, происшедшего в начале 1924 г. на руднике «Центральный», и последующего расследования руководство конторы подверглось жесткой критике. В марте 1924 г. Сибпромбюро констатировало, что в свое время, учитывая «желание мест и в виде опыта», Томская золотопромышленная контора была выделена в самостоятельную единицу с полным подчинением ее Томскому губсовнархозу. Однако год работы этой конторы, по мнению Сибпромбюро, дал отрицательные результаты²³.

Вскоре после этого, 30 мая 1924 г., президиум Сибревкома постановил прекратить работы на руднике «Центральный», а Томскую контору упразднить, предприняв соответствующие формальные процедуры. В июле 1924 г. деятельность Томской золотопромышленной конторы была прекращена, хотя ликвидационная комиссия и сменившее ее ликвидационное бюро работали еще в течение нескольких месяцев²⁴. Закрытие Томской конторы привело к передаче ее южного района (Салаир, Балыкса) Алтайской конторе, а в северном районе Томского подразделения начала свою деятельность Мариинская группа (с правами

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 472. Л. 70.

¹⁹ Там же. Д. 306. Л. 153; Д. 337. Л. 14.

²⁰ Зеляк В.Г. Административно-управленческие работники золотопромышленных контор Сибири в 1923–1925 гг.: анализ анкет сотрудников // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. IV Междунар. науч. конф. Омск, 2021. Вып. 17. С. 55–62.

²¹ ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 435. Л. 7.

²² Там же. Д. 198. Л. 233.

²³ Там же. Д. 335. Л. 77 об.

²⁴ Там же. Д. 332. Л. 97; Д. 328. Л. 42.

золотопромышленной конторы), которую возглавил Михаил Сергеевич Обрезков, переведенный из Красноярска.

Одной из наиболее острых проблем в развитии мелкой золотопромышленности являлась острая нехватка финансирования. Достаточно быстро стало очевидным, что частного капитала и средств местных губернских властей для возрождения массы отдаленных приисков было недостаточно. В том числе и по этой причине декрет от 6 марта 1923 г. возлагал финансирование этих работ на центральные органы. По данным Г.А. Маркова в 1922/1923 г. на поставку 20 пудов химически чистого золота (327,6 кг) от золотопромышленных контор Сибпромбюро получило от Наркомфина ссуду в 240 тыс. руб., в 1923/1924 г. на поставку 18 пудов (295 кг) – 200 тыс. руб., в 1924/1925 г. на поставку 20 пудов (327,6 кг) – 300 тыс. руб.²⁵ На случай недопоставки драгметалла назначалась существенная неустойка, при этом авансы в счет ссуды выдавались финансовыми органами с большой задержкой, вследствие чего товары для приисков зачастую приходилось доставлять во время весенней распутицы и по более дорогим расценкам. К завершению деятельности золотопромышленных контор, по данным горного отдела Сибпромбюро, их задолженность Промбанку на 1 октября 1925 г. составляла около 212 тыс. руб.²⁶

Общесибирские органы управления кардинальное решение проблемы видели в организации треста, который объединил бы предприятия средней и мелкой золотопромышленности. Этот проект горный отдел Сибпромбюро начал реализовывать по меньшей мере с октября 1924 г., однако процесс сильно затянулся, и только постановлением Сибревкома от 29 июля 1925 г. был утвержден устав Сибирского треста средней и мелкой золотопромышленности «Сибзолото»²⁷. С 1 октября 1925 г. прииски бывших золотопромышленных контор перешли в его подчинение. В центре также с одобрением отнеслись к проводимой реорганизации золотопромышленных контор в трест²⁸.

В табл. 1 на основе отчетных материалов горного отдела Сибпромбюро и сменившего его Сибкрайсовнархоза систематизированы данные о поступлении шлихового золота в сибирские конторы за три года их существования.

Таблица 1

Поступление шлихового золота в сибирские золотопромышленные конторы в 1922/1923–1924/1925 гг., кг

Операционные годы / Конторы	1922/1923	1923/1924	1924/1925	1922/1923 – 1924/1925
Алтайская	29,72	83,4	154,25	267,37
Иркутская	59,16	68,08	105,37	232,61
Красноярская	14,63	81,69	57,2	153,52
Томская (Мариинская)	134,98	142,36	43	320,34
Всего	238,49	375,53	359,82	973,84

Подсчитано автором по: ГАНУ. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 198. Л. 228; Д. 799. Л. 75.

Из представленных данных следует, что золотопромышленные конторы за весь период своей деятельности получили около одной тонны шлихового золота. Ежегодный рост объемов поступления драгметалла в первые два года работы был прерван в 1924/1925 г., прежде всего вследствие значительного падения добычи в Томском подразделении. Работа

²⁵ Марков Г.А. Пути к развитию мелкой золотопромышленности... С. 86.

²⁶ Там же. Д. 718. Л. 30.

²⁷ ГАНУ. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4.

²⁸ Крылов А. Золотопромышленность СССР // Горный журнал. 1925. № 9. С. 792.

Алтайской конторы характеризуется положительной динамикой: начав в 1922/1923 г. с 29,72 кг, в 1924/1925 г. ей удалось нарастить поступление золота до 154,25 кг (рост в 5,2 раза), опередив в этот год все конторы. Данный успех был обусловлен улучшением качественных показателей Алтайской конторы и включением в ее состав новых территорий.

Иркутская контора также ежегодно наращивала объемы поступления драгметалла, особенно заметный рост по отношению к результату предыдущего года наблюдался в 1924/1925 г. (в 1,55 раза). Динамика работы Красноярской конторы отличалась нестабильностью – увеличение поступления драгметалла в первые два года сменилось существенным снижением этого показателя в 1924/1925 г. до 57,2 кг (в 1,43 раза).

Томская контора в первые два года являлась лидером среди всех контор, опережая их с заметным преимуществом. Однако после ее закрытия работа преемника – Мариинской группы – была не так эффективна, и падение добычи в 1924/1925 г. по отношению к предшествующему году составило почти 100 кг. Тем не менее каждый третий килограмм золота сибирских золотопромышленных контор был получен Томской конторой. За три года деятельности сибирских золотопромышленных контор удельный вес Томской конторы к общему итогу составил 32,9 %, Алтайской – 27,4 %, Иркутской – 23,9 %, Красноярской – 15,8 %.

В табл. 2 систематизированы данные по способам поступления золота, при этом достаточно полные сведения, подготовленные сотрудником горного отдела Сибкрайсовнархоза Н.Д. Горковенко, имеются только за 1923/1924 и 1924/1925 операционные годы.

Таблица 2

Поступление золота в сибирские золотопромышленные конторы по видам в 1923/1924–1924/1925 гг., в кг

Годы / Вид поступления	1923/1924					1924/1925				
	Томская	Красноярская	Алтайская	Иркутская	Всего	Томская / Мариинская	Красноярская	Алтайская	Иркутская	Всего
Хозяйственный способ	40,95	0	0	0	40,95	0	0	0	0	0
Арендная плата от арендаторов приисков	0	30,13	0	16,02	46,15	35,63	29,11	49	39,01	152,75
Старательское	99,1	26,58	67,7	49,96	243,34	7,37	16,38	66,35	55,39	145,49
Вольноприносительское (скупка)	2,31	24,98	15,7	2,1	45,09	0	11,71	38,9	10,97	61,58
<i>Всего</i>	<i>142,36</i>	<i>81,69</i>	<i>83,4</i>	<i>68,08</i>	<i>375,53</i>	<i>43</i>	<i>57,2</i>	<i>154,25</i>	<i>105,37</i>	<i>359,82</i>

Источник: ГАНУ. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 799. Л. 75.

Приведенные данные свидетельствуют, что добычу золота хозяйственным способом (или хозяйственными работами) осуществляла только Томская контора. В 1923/1924 г. этим способом было получено 40,95 кг, что составило 28,8 % по Томскому подразделению и соответствовало 10,9 % от годового итога по всем конторам за этот год. С закрытием Томской конторы этот вид добычи был прекращен, другие сибирские конторы его не использовали. Специфика данного вида добычи заключалась в том, что оплата производилась не за металл в золотниках или граммах, а за объем выполненных работ. Впоследствии термин «хозяйственные работы» («добыча») будет заменен на «государственные работы» («государственная добыча»).

Поступление золота в виде арендной платы от арендаторов приисков по всем конторам за 1923/1924–1924/1925 гг. возросло с 46,15 до 152,75 кг (в 3,3 раза), удельный вес этого вида по годовым итогам увеличился с 12,3 до 42,5 % соответственно. Это в целом отражало нэповскую практику по передаче многих приисков в аренду частным предпринимателям. По старательскому способу наблюдалось снижение добычи в 1,67 раза (с 243,34 до 145,49 кг) и его удельного веса по годовым итогам с 64,8 до 40,4 %. Это объясняется прежде всего тем, что весомая часть старателей в силу разных обстоятельств переходила на прииски арендаторов. Объемы скупленного или вольноприносительского золота увеличились с 45,09 до 61,58 кг, а удельный вес этого способа – с 12 до 17,1 %, однако, например, по Томской конторе скупка имела незначительные размеры, а в 1924/1925 г. вообще официально не была зафиксирована.

Число работников на территории деятельности сибирских золотопромышленных контор в 1922/1923 г. составляло 800, в 1923/1924 г. – 1 200, в 1924/1925 г. – 926 чел.²⁹ Большинство из них составляли старатели например, в 1924/1925 г. их удельный вес достигал 97,6 %. В августе 1925 г. Сибпромбюро констатировало, что почти все прииски, входившие в состав золотопромышленных контор, эксплуатировались без проведения геологической разведки и использовали только мускульную силу, так как наиболее оборудованные предприятия были переданы в пользование различным арендаторам³⁰.

Основываясь на материалах сборника статистических сведений М.Н. Джаксона и А.Н. Флерова³¹ и архивных данных, становится возможным определить роль золотопромышленных контор в общесибирской и общесоюзной золотодобыче изучаемого периода. Удельный вес золотопромышленных контор в общей золотодобыче Сибири в 1922/1923 г. составил 4,4 %, в 1923/1924 г. он повысился до 4,6 %, но в 1924/1925 г. снизился до 3,8 %. В общесоюзной добыче удельный вес сибирских контор в 1922/1923 г. составил 2,6 %, однако далее он в 1923/1924 г. снизился до 2,3 %, а в 1924/1925 г. – до 1,9 %.

В завершение исследования целесообразно подвести определенные итоги. За период своей работы в 1922/1923–1924/1925 гг. Алтайская, Иркутская, Красноярская и Томская золотопромышленные конторы обеспечили поступление в государственную казну около одной тонны шлихового золота. В среднем за эти три года удельный вес контор в общесибирской добыче составил 4,2 %, а в общесоюзной – 2,16 %. Это был относительно небольшой, но ценный вклад в пополнение золотого запаса страны.

Золотопромышленные конторы, безусловно, сыграли положительную роль прежде всего в том, что придали организационную стабильность добычным работам в районах своей деятельности. Конторы последовательно реализовывали курс на переход от скупки золота к организации артельно-старательских работ и добились в этом определенных успехов. Работа контор позволила прекратить дальнейшее разрушение массы небольших приисков, а отдаленные районы получили новый импульс в своем хозяйственном развитии.

Вместе с тем конторам не удалось обеспечить самокупаемость и к концу своей деятельности по разным причинам они накопили существенные долги. Хроническая нехватка средств не дала конторам возможности проводить масштабную геологоразведку для восполнения минерально-сырьевой базы (эксплуатационная разведка проводилась, но ее масштабы были скромными, при этом специалисты-геологи отсутствовали). По этой же причине не получилось механизировать добычу и практически все работы осуществлялись мускульным трудом. Вследствие недофинансирования медицинское и культурно-бытовое обслуживание приисковых районов находилось на низком уровне; конторы данным направлением почти не занимались. Все это время остро не хватало квалифицированных специалистов горного дела и опытных старателей. Однако, следует отметить, что преемнику золотопромышленных контор – тресту «Сибзолото» – также не удалось удовлетворительно разрешить многие из перечисленных проблем.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 38. Л. 9 об.; Д. 1228. Л. 215; Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15.

³⁰ Там же. Оп. 1а. Д. 3. Л. 57.

³¹ Джаксон М.Н., Флеров А.Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 44–47.

Сравнительный анализ деятельности золотопромышленных контор позволяет сделать вывод о том, что Томская контора существенно отличалась от трех остальных контор Сибири. Прежде всего, она тесно взаимодействовала с Томским губернским совнархозом, получая от него финансирование и практически не подчинялась горному отделу Сибпромбюро, что нарушало централизацию управления. Другой особенностью Томской конторы являлось то, что ею была организована добыча золота хозяйственным способом при серьезных перспективах его дальнейшего развития, однако пожар на ведущем предприятии конторы не дал этим планам осуществиться. Также Томская контора (включая ее преемницу – Мариинскую группу) внесла самый значительный вклад в добычу золота из всех четырех контор. Наконец, Томская контора была закрыта самой первой.

Выводы и обобщения, содержащиеся в предлагаемой работе, могут быть использованы при составлении обобщающих трудов по истории Сибири 1920-х гг., истории отечественной золотопромышленности периода нэпа, а также органами управления при планировании освоения золотоносных месторождений небольшими предприятиями (артелями).

Литература

Гутак О.Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 147–152.

Гутак О.Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 218 с.

Давыдов В.Т. Прииск «Алтайский». Страницы истории. 1845–2000 гг. Новокузнецк: Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2000. 239 с.

Джаксон М.Н., Флеров А.Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л.: Издание геол. комитета, 1928. 165 с.

Зеляк В.Г. Административно-управленческие работники золотопромышленных контор Сибири в 1923–1925 гг.: анализ анкет сотрудников // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. IV Междунар. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. Вып. 17. С. 55–62.

Зеляк В.Г. Организация управления золотодобывающей промышленностью Сибири в начале 1920-х годов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 78–86.

Крылов А.И. Формы организации в золотопромышленности // Золотопромышленность СССР (I Всесоюзный золотопромышленный съезд). М.; Л.: Промиздат, 1927. С. 17–29.

Лешков В.Г. Российское золото – государственная и старательская добыча (1917–2007). М.: Горная книга, 2008. 206 с.

Лешков В.Г., Бельченко Е.Л., Гузман В.В. Золото российских недр. М.: ЭКОС, 2000. 628 с.

Марков Г.А. Пути к развитию мелкой золотопромышленности / Золотопромышленность СССР (I Всесоюзный золотопромышленный съезд). М.; Л.: Промиздат, 1927. С. 81–92.

Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVII–XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.

Томилов В.Д., Семенин А.П. Краткая хроника становления, развития и технических достижений отечественной золотопромышленности (к 250-летию золотодобывающей отрасли). 1745–1995. Иркутск: Иргиредмет, 1995. 130 с.

Хатылаев М.М. Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири (1917–1925). Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1983. 92 с.

Mote V. Siberia: Worlds Apart. Boulder, Colo: Westview Press, 1998. 239 p.

Wood S. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. Bloomsbury Academic, 2011. 272 p.

References

- Davydov, V.T. (2000). *Priisk Altayskiy. Stranitsy istorii. 1845–2000 gg.* [Altai Mine. Pages of History. 1845–2000 Years]. Novokuznetsk, Novokuznetskiy poligrafkombinat. 239 p.
- Dzhakson, M.N., Flerov, A.N. (1928). *Sbornik statisticheskikh svedeniy po gornoy i gorno-zavodskoy promyshlennosti SSSR za 1911–1924/25 gg.* [Collection of Statistical Data on the Mining and Mining-Factory Industry of the USSR for 1911–1924/25 Years]. Leningrad, Izdanie geol. komiteta. 165 p.
- Gutak, O.Ya. (2003). *Zolotopromyshlennost' Yuga Zapadnoy Sibiri v pervoy polovine 1920-kh gg.* [Gold Industry in the South of Western Siberia in the First Half of the 1920s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 276, pp. 147–152.
- Gutak, O.Ya. (2005). *Zolotopromyshlennost' Yuga Zapadnoy Sibiri v 1917–1950 gg.* [Gold Mining Industry in the South of Western Siberia in 1917–1950]. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk. 218 p.
- Hatylaev, M.M. (1983). *Zolotodobyvayushchaya promyshlennost' Vostochnoy Sibiri (1917–1925)* [Gold Mining Industry in Eastern Siberia (1917–1925)]. Yakutsk, Izd-vo Yakutskogo filiala SO AN SSSR. 92 p.
- Krylov, A.I. (1927). *Formy organizatsii v zolotopromyshlennosti* [Forms of Organization in the Gold Industry]. In *Zolotopromyshlennost' SSSR (I Vsesoyuznyy zolotopromyshlennyy s'ezd)*. Moscow, Leningrad, Promizdat, pp. 17–29.
- Leshkov, V.G. (2008). *Rossiyskoe zoloto – gosudarstvennaya i staratel'skaya dobycha (1917–2007)* [Russian Gold – State and Prospector Mining (1917–2007)]. Moscow, Gornaya kniga. 206 p.
- Leshkov, V.G., Bel'chenko, E.L., Guzman, V.V. (2000). *Zoloto rossiyskikh nedr* [Gold of Russia's Subsurface Resources]. Moscow, EKOS. 628 p.
- Markov, G.A. (1927). *Puti k razvitiyu melkoy zolotopromyshlennosti* [Ways to Develop Small-Scale Gold Industry]. In *Zolotopromyshlennost' SSSR (I Vsesoyuznyy zolotopromyshlennyy s'ezd)*. Moscow, Leningrad, Promizdat, pp. 81–92.
- Mote, V. (1998). *Siberia: Worlds Apart*. Boulder, Colo, Westview Press. 239 p.
- Sapogovskaya, L.V. (2008). *Natsional'naya zolotopromyshlennaya politika XVII–XX vv., ili Nuzhno li Rossii zoloto?* [National Gold Industry Policy of the 17th–20th Centuries, or Does Russia Need Gold?]. Ekaterinburg, UrO RAN. 328 p.
- Tomilov, V.D., Semynin, A.P. (1995). *Kratkaya hronika stanovleniya, razvitiya i tekhnicheskikh dostizheniy otechestvennoy zolotopromyshlennosti (k 250-letiyu zolotodobyvayushchey otrasli). 1745–1995* [A Brief Chronicle of the Formation, Development and Technical Achievements of the Domestic Gold Industry (To the 250th Anniversary of the Gold Mining Industry). 1745–1995]. Irkutsk, Irgiredmet. 130 p.
- Wood, A. (2011). *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. Bloomsbury Academic. 272 p.
- Zelyak, V.G. (2021). *Administrativno-upravlencheskie rabotniki zolotopromyshlennykh kontor Sibiri v 1923–1925 gg.: analiz anket sotrudnikov* [Administrative and Managerial Employees of Gold Mining Offices in Siberia in 1923–1925: Analysis of Employee Questionnaires]. In *Voprosy istorii Sibiri. Sbornik nauchnykh statey IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Omsk, Izd-vo OmGPU. Iss. 17, pp. 55–62.
- Zelyak, V.G. (2021). *Organizatsiya upravleniya zolotodobyvayushchey promyshlennost'yu Sibiri v nachale 1920-kh godov* [Organization of Management of the Gold Mining Industry in Siberia in the Early 1920s]. In *Gumanitarnyy vector*. Vol. 16, No. 6, pp. 78–86.

В.А. Ломанов*

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
НЕМЕЦКИХ КОЛХОЗОВ НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РСФСР В 1930-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-16
УДК 94:631.115.6(470.1/.2)"193"(=112.2)*Выходные данные для цитирования:**Ломанов В.А. Особенности функционирования немецких колхозов на территории Северо-Запада РСФСР в 1930-е годы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 197–207. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-16.pdf>*

V.A. Lomanov*

**FEATURES OF THE FUNCTIONING
OF GERMAN COLLECTIVE FARMS
IN THE NORTH-WEST OF THE RSFSR IN THE 1930S.**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-16

*How to cite:**Lomanov V.A. Features of the Functioning of German Collective Farms in the North-West of the RSFSR in the 1930s // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 197–207. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-16.pdf>]*

Abstract. The subject of this publication is the functioning of German collective farms of the North-West of the RSFSR in the period of the 1930s, the features of their economic activity and the factors influencing it are identified and characterized. During the process of functioning, the German collective farms of the region faced a number of difficulties of personnel, organizational, resource and financial nature, which undermined their economic productivity and encouraged German peasants to engage in side earnings or leave the collective farms. Throughout the 1930s. German collective farms were able to eliminate the existing problems and become advanced agricultural enterprises not only within the North-West, but also on an all-Union scale.

Keywords: the Germans, North-West of the RSFSR, collectivization, German settlements, German collective farms.

The article has been received by the editor on 31.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Предметом данной публикации является функционирование немецких коллективных хозяйств Северо-Запада РСФСР в период 1930-х гг., выявляются и характеризуются особенности осуществления их экономической деятельности и влиявшие на нее факторы. В ходе процесса функционирования немецкие колхозы региона столкнулись с рядом трудностей кадрово-организационного, ресурсного и финансового характера, которые подрывали их экономическую продуктивность и побуждали немецких крестьян заниматься побочными заработками или выходить из состава колхозов. На протяжении 1930-х гг. немецкие коллективные хозяйства смогли устранить имеющиеся проблемы и стать передовыми сельскохозяйственными предприятиями не только в рамках Северо-Запада, но и во всесоюзном масштабе.

Ключевые слова: немцы, Северо-Запад РСФСР, коллективизация, немецкие поселения, немецкие колхозы

Статья поступила в редакцию 31.09.2022 г.

* **Владислав Андреевич Ломанов**, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Vladislav.Lomanov@yandex.ru
Vladislav Andreevich Lomanov, Postgraduate Student, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: Vladislav.Lomanov@yandex.ru

После завершения Великой Российской революции 1917 г. на территории Советской России, а потом СССР, вновь возобновляется прерванный в годы Первой мировой войны процесс модернизации экономики и других сфер общественной жизни. К концу 1920-х гг. большевистское руководство начинает осознавать необходимость ликвидации экономического отставания от западных капиталистических стран путем ускоренного наращивания промышленного потенциала, используя перекачку средств из аграрного сектора в индустриальный. Главной проблемой для проведения означенных мероприятий являлось доминирование в сельском секторе мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, на основе которого, по мнению Советского правительства, нельзя было произвести получение необходимых людских и материальных ресурсов для форсированной индустриализации. Поэтому, согласно решению XV съезда ВКП(б), с конца 1920-х гг. в стране начинается сплошная коллективизация, подразумевающая создание крупных сельскохозяйственных объединений крестьян.

Характерная особенность проведения коллективизации на Северо-Западе РСФСР заключалась в многонациональном составе населения, выражавшемся в высокой концентрации этнодисперсных народностей, одной из которых являлись проживавшие в регионе в течение двух столетий немцы. Новый скачок модернизации существенно отразился на экономическом состоянии означенного национального меньшинства, до неузнаваемости изменив некоторые аспекты его хозяйственного положения и преобразив социально-экономический облик немецких поселений в целом.

Особенностям социально-экономического положения и взаимоотношений разных национальных меньшинств в регионах СССР в годы проведения советской модернизации уделялось внимание со стороны отечественных исследователей¹. Экономическая история немецких колоний СССР в 1920–1930-е гг. в рамках отдельных регионов, в частности Поволжья, Украины, Донбасса, Кавказа и Сибири, была затронута в трудах А.А. Германа², В.К. Клёца³, В.И. Шабельникова⁴, Т.Н. Плохотнюк⁵, П.П. Вибе⁶, О.А. Гербер⁷, В.Н. Шайдурова⁸. Данная тематика подвергалась рассмотрению в работах не только российских, но германских историков⁹. Особенности хозяйственной деятельности колхозов Северо-Запада и ее результатов в

¹ Каменских М.С. «Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в Тундрах между русскими, зырянскими и самоедами»: повседневность советской кооперации на тобольском Севере в 1920-е гг. // История повседневности. 2022. № 3 (23). С. 24–40.; Черных А.В., Каменских М.С., Христов П.П. Болгары в регионах Урала в 1920–1930-е гг.: формирование и развитие этнодисперсной группы // Вопросы истории. 2020. № 10-1. С. 187–198; Черных А.В., Каменских М.С. Цыгане Урала в национальной и экономической политике Советского государства 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 4. С. 851–868; Шайдуров В.Н. Цыгане и землеустройство в СССР во второй половине 1920-х гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. 2021. Т. 2. С. 289–293; Шайдуров В.Н., Сапронова Н.А., Гончаров Ю.М., Новгородский Т.А. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 60–72.

² Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М., 2007.

³ Клёц В.К. Социально-экономическое положение немецких колоний Приднепровья в предвоенные годы // Образование, жизнь и судьба немецких поселений России: мат-лы 15-й междунар. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Маркса и 20-летию Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Днепропетровск, 2016. С. 230–246.

⁴ Шабельников В.И. Хозяйственная деятельность немецких и греческих национальных меньшинств Донбасса в условиях административных преобразований и коллективизации сельского хозяйства (вторая пол. 20-х – первая пол. 30-х гг. XX в.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 1 (64). С. 126–133.

⁵ Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001.

⁶ Вибе П.П. Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Омск, 2011.

⁷ Гербер О.А. Раскулачивание немецкой деревни в Сибири: этапы и особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (32). С. 50–55; История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009.

⁸ Шайдуров В.Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х–1920-х гг. // Журнал фронтальных исследований. 2021. Т. 6, № 4 (24). С. 155–178.

⁹ Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen, 2001.

годы сплошной коллективизации были освещены в трудах Т.А. Шрадер¹⁰, Н.С. Федорук¹¹ и И.В. Черказьяновой¹². Историографический аспект рассматриваемой проблемы был изучен нами в отдельной статье¹³. Вышеозначенные исследования дают общее представление о ходе экономического развития немецкой деревни, но оставляют в стороне множество важных аспектов данного процесса, не позволяя составить полную и целостную картину о ходе функционирования коллективных хозяйств, что предоставляет возможность более досконального изучения проблематики.

В центре внимания данной статьи находится функционирование немецких колхозов Северо-Запада РСФСР в 1930-е гг. Для достижения поставленной цели требуется выявить и охарактеризовать специфические особенности процесса осуществления их хозяйственной деятельности и повлиявшие на него факторы. Для досконального изучения проблемы были привлечены законодательные, делопроизводственные и статистические источники из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) и Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ). В первую очередь были использованы уставы об образовании колхозов, отчеты и сведения о составе и хозяйственной деятельности немецких коллективных хозяйств, протоколы заседаний руководства и собраний колхозников и деловая переписка между колхозами и разного рода учреждениями. Некоторые документы в научный оборот вводятся впервые.

Великая Российская революция 1917 г. положила начало значительным трансформациям во всех сферах жизни немецких поселений Северо-Запада, существенно ударив по традиционно-устоявшимся нормам экономических взаимоотношений между крестьянами¹⁴. Закономерным итогом экономической политики большевиков в годы «военного коммунизма» и начале проведения новой экономической политики стало снижение экономической эффективности многих немецких хозяйств, что спровоцировало падение уровня благосостояния изучаемого национального меньшинства. Данный фактор подтолкнул немецкое крестьянство к приспособлению к новым экономическим условиям, выражавшемуся в поиске других источников заработка и форм организации сельскохозяйственной деятельности, которые частично были найдены в кооперации¹⁵ и государственных сельскохозяйственных предприятиях (совхозах)¹⁶. Несмотря на некоторые сдвиги в сторону инновационных социально-экономических изменений, в конце 1920-х гг. немецкая деревня в большинстве аспектов все еще сохраняла традиционный хозяйственный облик с экономической опорой на единоличное семейное хозяйство¹⁷.

Численность населения немецкой деревни Северо-Запада в конце 1920-х гг. составляла около 30 тыс. чел.¹⁸, большинство которого проживало вблизи Ленинграда и в его окрестностях¹⁹, а также в Новгородском и Чудовском районах под Новгородом. В ходе администра-

¹⁰ Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 17–20 сентября 1998 г.). М., 1999. С. 156–173.

¹¹ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821–1941 гг. // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. док-тов. СПб., 2019. С. 9–73.

¹² Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: судьбы военных поколений (1941–1955 гг.). СПб., 2011.

¹³ Шайдунов В.Н., Ломанов В.А. Немцы Северо-Запада (1918–1939 гг.): историографический аспект // Вопросы истории. 2022. № 4 (1). С. 207–222.

¹⁴ Ломанов В.А. Общая характеристика положения российских немцев Новгородской губернии в период Гражданской войны 1918–1922 гг. (на основе опубликованных источников) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2021. С. 283–289.

¹⁵ Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии... С. 162–163.

¹⁶ Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: судьбы военных поколений... С. 13–15.

¹⁷ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 45.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 196.

¹⁹ Андрияйнен С.В. Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 13.

тивных преобразований на территории Северо-Запада в 1920–1930-е гг. немецкие колонии под Ленинградом переходили из одного района в другой, и многие из них со временем были включены в черту города²⁰.

При реализации политики коренизации, проводимой в 1920-е гг., некоторые районы компактного проживания немецкого национального меньшинства получили свои национальные административно-территориальные единицы. Двумя крупнейшими национальными сельсоветами Северо-Запада, образованными в местах скопления немецкого населения, являлись Ново-Саратовский под Ленинградом и Ново-Николаевский под Новгородом.

К процессу сплошной коллективизации сельского хозяйства немецкие крестьяне отнеслись преимущественно негативно. Подобной реакции способствовал не только консервативно-индивидуалистический взгляд немцев на ведение хозяйственной деятельности, обусловивший неприятие коллективных форм ведения хозяйства²¹, но и объективные экономические факторы, связанные с нехваткой сельскохозяйственной техники, сменного материала и удобрений²².

Коллективизация в немецких поселениях на протяжении первой половины 1930-х гг. проходила волнообразно, и ее темпы периодически подвергались колебаниям и изменениям. Данная тенденция хорошо прослеживается на примере колхоза «Красный механизатор» (Ново-Саратовская колония). Так, в 1930 г. в колхоз были объединены 55 хозяйств, а общее количество членов составляло 231 чел.²³ В марте 1931 г. в колхозе насчитывалось уже 123 хозяйства – 92 семьи и 21 бесхозяйный хозяин²⁴. В августе-сентябре 1932 г. колхоз насчитывал 124 хозяйства²⁵. По другим сведениям, к концу 1932 г. в колхозе состояло 131 хозяйство, из которых бедняцких – 16, середняцких – 88 и зажиточных – 20²⁶. В 1933 г. наблюдается снижение численности объединяемых домохозяйств. По состоянию на 15 марта 1933 г. колхоз насчитывал 93 хозяйства²⁷, а 15 июня 1933 г. – уже 86 хозяйств²⁸. Данные могут различаться, так как в сведения могли включать домохозяйства, располагавшиеся на территории колхоза, но предположительно не входящие в него.

Показатели темпов коллективизации в немецкой деревне Северо-Запада в первой половине 1930-х гг. в сравнении с аналогичными показателями по Ленинградской области практически не отличались. В 1932 г. на территории Ново-Николаевского сельсовета было коллективизировано около 68 % хозяйств²⁹, а на территории Ново-Саратовского сельсовета к 1933 г. коллективизировано 60 % хозяйств³⁰. В процентном отношении, по данным на декабрь 1934 г., в 34 районах Ленинградской области коллективизация была осуществлена на 70 %³¹.

Процесс объединения немецких крестьян в коллективные хозяйства на Северо-Западе РСФСР начался с 1929 г. и продолжался в течение первой половины 1930-х гг. За исследуемый хронологический период на территории региона было создано до 20 немецких колхозов под Ленинградом³² и 4 колхоза под Новгородом³³. Численность колхозов периодически менялась, так как некоторые из них подвергались ликвидации и сливались с более крупными сельскохозяйственными объединениями³⁴.

²⁰ Андрияйнен С.В. Национальные меньшинства Ленинградской области...

²¹ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 46–47.

²² Там же. С. 48.

²³ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 110. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 113. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 8.

²⁷ Там же. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 16.

²⁹ Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. док-тов. СПб., 2019. С. 335.

³⁰ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1383Л. Оп. 2. Д. 240. Л. 5.

³¹ Вторый В.Ф. Механизация сельскохозяйственного производства в период коллективизации Ленинградской области (1928–1936 годы) // АгроЭкоИнженерия. 2020. № 3 (104). С. 122–136.

³² Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии... С. 166.

³³ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 50.

³⁴ Там же.

По типу и организационной структуре немецкие колхозы Северо-Запада являлись сельскохозяйственными артелями³⁵ со специализацией на мясо-молочном скотоводстве и овощеводстве³⁶. При образовании колхоза обобществлению подвергались все земельные наделы, весь рабочий и товарно-продуктивный скот, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные постройки, а также семенные запасы в размерах, необходимых для ведения хозяйства. Не были подвержены обобществлению мелкий сельскохозяйственный инвентарь и единственные коровы в хозяйстве. Жилые постройки членов артели и приусадебные участки с садами и огородами также обобществлению не подлежали³⁷.

Немецкие колхозы создавались стандартным способом – путем объединения единоличных хозяйств, но данный организационный путь не являлся единственным. Имелись случаи образования коллективных хозяйств на основе уже функционирующих сельскохозяйственных предприятий. Подобным образом в 1930 г. на территории Заводского сельсовета сельскохозяйственная артель «Красное знамя» была реорганизована в колхоз «Роте Фане», подавляющее большинство членов которого составляли немцы из Стрельнинской колонии³⁸.

В системе организации трудовой деятельности немецкие колхозы фактически не отличались от других сельскохозяйственных артелей региона. Распространенной формой организации рабочего процесса являлась сдельщина³⁹, при которой зарплата колхозников определялась в зависимости от количества и качества проделанной работы, а мера оценивания и учета количества и качества осуществления хозяйственной деятельности определялась в трудоднях⁴⁰. Основными производственными единицами в колхозах были бригады, получавшие задание на выполнение работ и делившиеся в зависимости от сферы трудовой деятельности⁴¹.

Оплата труда определялась в зависимости от сельскохозяйственной специализации колхозов. Если в колхозе им. Карла Либкнехта (Ново-Парголовская колония), имевшем молочно-скотоводческую ориентацию, оплата производилась с литра молока⁴², то в колхозе «1 мая» (колония Янино), имеющем преимущественно овощеводческую направленность, оплата производилась с килограмма овощей и зерновых⁴³.

В связи с относительно низкими темпами коллективизации отличительной характеристикой функционирования немецких колхозов в начале 1930-х гг. являлась нехватка рабочих рук⁴⁴ и дефицит квалифицированных кадров⁴⁵. Означенные обстоятельства вынуждали руководство данных сельскохозяйственных предприятий восполнять имеющиеся кадровые бреши за счет увеличения рабочей нагрузки на имеющийся контингент трудящихся и совмещения нескольких должностей одним человеком, что приводило к неспособности кадровых рабочих в полной мере осуществлять свои трудовые обязанности и побуждало их писать прошения об увольнении с занимаемых должностей⁴⁶. В некоторых случаях дефицит трудящихся компенсировался за счет наемных рабочих⁴⁷.

В немецких коллективных хозяйствах Северо-Запада существовали затруднения в области организации рабочего процесса и обеспечения трудовой дисциплины. Низкий уровень дисциплинированности обусловил наличие значительного числа прогулов и саботирования распоряжений руководства, угрожавших падением продуктивности сельскохозяйственной деятельности и грозивших срывами необходимых для выполнения плана сельскохозяйственных мероприятий⁴⁸.

³⁵ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 49.

³⁶ Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: судьбы военных поколений... С. 13–15.

³⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6738. Оп. 1. Д. 165. Л. 38–39.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 33. Л. 32.

⁴⁰ Там же. Оп. 25. Д. 28. Л. 34 об.

⁴¹ Там же. Л. 35.

⁴² Там же. Л. 34 об.

⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. О-1416. Оп. 1. Д. 76. Л. 9.

⁴⁴ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 29. Л. 25.

⁴⁵ Там же. Д. 110. Л. 2 об.

⁴⁶ Там же. Д. 31. Л. 37.

⁴⁷ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 25. Д. 28. Л. 33.

⁴⁸ Там же. Д. 29. Л. 5 об.

Значительная проблема некоторых немецких колхозов заключалась в дефиците необходимых для продуктивного ведения хозяйства ресурсов, в частности сельскохозяйственных машин и инвентаря. На периодический дефицит означенного оборудования в 1930 г. жаловалось руководство колхоза «Большевик» (Ново-Александровская колония) и просило Рыбацкий сельсовет разобраться в данной ситуации⁴⁹.

Трудности в осуществлении хозяйственной деятельности заключались в истощенности и болезнях скота, а также в нехватке кормов. Так, в докладе правления колхоза им. Карла Либкнехта Парголовского сельсовета от 27 марта 1931 г. указывалось: «Из-за отсутствия кормов часто лошади выходят из строя, и получается ежедневное отставание, что может повлечь за собой невыполнение плана»⁵⁰. Качество крупного рогатого скота в означенном сельскохозяйственном предприятии также оставляло желать лучшего⁵¹.

Не лучше обстояли дела и в колхозе «Красный механизатор» Ново-Саратовского сельсовета. В 1931 г. в колхоз поступили коровы низкого качества⁵², а в 1933 г. в ходе падежа было потеряно 44 головы скота, заболеваемость коров туберкулезом составила 50 %⁵³. Состояние рабочего скота также было далеко от идеального – лошади болели, а уровень их истощенности был настолько высок, что они висели на веревках. Колхоз также испытывал нехватку сена и овса, что предопределяло необходимость их дополнительной закупки⁵⁴.

Уменьшению количества рабочего скота способствовали случаи его несанкционированного убоя. Так, из протокола заседания президиума Ново-Николаевского сельсовета о работе колхозов следует, что: «...есть случаи в колхозе “Трудовик” убоя скота и молодняка без всякого на то разрешения, когда можно бы обменять плохой скот на продуктивный, дабы увеличить стадо. В дальнейшем за убоем скота без ведома сельсовета следует привлечь к ответственности председателей колхозов»⁵⁵.

Периодически возникавшие стихийные бедствия имели негативные последствия для продуктивности хозяйственной деятельности. Так, в августе 1934 г. в колхозе им. Макса Гельца (колония Овцино) произошел пожар, уничтоживший около 20 тонн заготовленного сена и спровоцировавший нехватку кормов для рабочего и крупного рогатого скота⁵⁶.

Размер зарплат, выплачиваемых за исполнение должностных обязанностей, и выплат получаемых за отработку трудодней, а также доход, получаемый с подсобных хозяйств, далеко не всегда могли покрыть ежедневные потребности колхозников и обеспечить приемлемый уровень жизни для них и их семей⁵⁷. Распространенным явлением был так называемый «отход»⁵⁸ членов колхозов на заработки, подразумевающий занятие параллельно с сельскохозяйственной деятельностью другими видами труда. Так, некоторые члены Ново-Саратовского колхоза «Красный механизатор» совмещали сельскохозяйственную работу с промышленным трудом расположенных на ближайших к колонии заводах⁵⁹, а один из членов и вовсе оставил работу в колхозе и трудился машинистом на железной дороге⁶⁰. Параллельно с сельскохозяйственным, промышленным трудом занимались члены колхоза «Рот Фронт» (колония «Веселый поселок»)⁶¹ и колхоза «Большевик»⁶². В начале 1930-х гг. в колхозе им. Карла Либкнехта из 82 трудоспособных мужчин 9 находились в отходе⁶³.

⁴⁹ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 25. Д. 45. Л. 25.

⁵⁰ Там же. Д. 29. Л. 10.

⁵¹ Там же. Л. 4 об.

⁵² ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 110. Л. 2.

⁵³ Там же. Л. 12.

⁵⁴ Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии... С. 167.

⁵⁵ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 333.

⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1416Л. Оп. 1. Д. 43. Л. 45.

⁵⁷ Там же. Д. 71. Л. 2–2 об.

⁵⁸ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 69.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1416Л. Оп. 1. Д. 71. Л. 2–2 об.

⁶⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 110. Л. 4 об. – 5.

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1416Л. Оп. 1. Д. 71. Л. 2–2 об.

⁶² ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 29. Л. 15–15 об.

⁶³ Там же. Оп. 25. Д. 28. Л. 33.

Подобного рода трудовая занятость чаще всего носила вынужденный и временный характер⁶⁴, но периодически возникавшие материальные и финансовые трудности могли вынуждать немецких крестьян заниматься сторонними заработками на постоянной основе или вовсе менять сферу трудовой занятости. В августе 1932 г. в районе колхоза «Красный механизатор» проживало 7 человек, не занимавшихся сельским трудом⁶⁵.

Определенные побочные виды трудовой деятельности, в частности извоз, приносили колхозам дополнительный доход⁶⁶, поэтому они охотно отпускали своих членов на заработки с условием, что полученные денежные средства колхозниками не будут утаиваться⁶⁷.

Непростое экономическое состояние немецких коллективных сельскохозяйственных объединений и высокая рабочая нагрузка на трудящийся персонал вынуждали крестьян выходить из состава колхозов. При выходе крестьянину возвращались скот и имущество. Земля также подлежала возвращению, но данная процедура осуществлялась в отдельном порядке⁶⁸. Означенному процессу способствовали чрезмерно высокие требования по сдаче продукции, предъявляемые немецким коллективным хозяйствам со стороны государства. Так, в феврале 1932 г. вышестоящие учреждения потребовали от колхоза «Большевик» сдать в пользу государства 90 % произведенного молока⁶⁹. Подобные распоряжения способствовали отчуждению колхозников от результатов труда и негативно влияли на мотивацию немецких крестьян, не оставляя им дальнейших перспектив для пребывания и трудовой деятельности в коллективном хозяйстве.

Несмотря на вышеизложенные обстоятельства, число немецких индивидуальных хозяйств, вступавших в колхозы, постепенно увеличивалось. Росту их числа способствовал как насильственный характер коллективизации, так и возрастающая экономическая нагрузка на крестьян-единоличников в виде твердого задания, нормы выполнения которого постоянно повышались и со временем делались непосильными для отдельных немецких семей⁷⁰.

Экономическая продуктивность немецких коллективных хозяйств в течение 1930-х гг. постепенно возрастала, и данная тенденция сохранялась на протяжении всего исследуемого периода. Так, к 25 апреля 1932 г. колхоз «Красный механизатор» выполнил план по посеву овса, вика, корнеплодов, силосных и картофеля на 100 % и перевыполнил план по посеву свеклы и капусты на 125 и 107 % соответственно⁷¹. К январю 1932 г. немецкие колхозы, относящиеся к Ново-Николаевскому сельсовету, по многим показателям в области заготовок продовольствия выполнили и перевыполнили установленные нормы и, по мнению членов местной партийной ячейки, «выполнили долг перед государством»⁷². Экономическое благосостояние колхозников также шло на повышение. К 1934 г. в колхозе «Рот Фронт» (колония «Веселый поселок») остался только один крестьянин, не имевший коровы⁷³.

В качестве примера повышения продуктивности экономической деятельности немецких сельскохозяйственных объединений возьмем сведения по колхозу «1 мая». Показатели его товарности с 1933 по 1934 г. увеличились: по зерновым с 5423 до 21 300 кг; по картофелю с 40 300 до 163 000 кг⁷⁴. Численность рогатого скота выросла с 35 голов в 1932 г. до 52 в 1933 г. и до 54 в 1934 г.⁷⁵ Семенным материалом и кормами колхоз был обеспечен полностью⁷⁶. По состоянию на 1934 г. отмечается выполнение плана по всем пока-

⁶⁴ Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев... С. 69.

⁶⁵ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 113. Л. 10.

⁶⁶ Там же. Оп. 25. Д. 28. Л. 35 об.

⁶⁷ Там же. Оп. 13. Д. 27. Л. 23 об.

⁶⁸ Там же. Л. 10.

⁶⁹ Там же. Д. 49. Л. 17.

⁷⁰ Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. док-тов. СПб., 2019. С. 249.

⁷¹ ЛОГАВ. Ф. Р-300. Оп. 13. Д. 113. Л. 7.

⁷² Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области... С. 334–335.

⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1392Л. Оп. 1. Д. 414. Л. 3 об.

⁷⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1416Л. Оп. 1. Д. 76. Л. 8.

⁷⁵ Там же. Л. 10.

⁷⁶ Там же. Л. 6.

зателям, а по некоторым установкам его перевыполнение⁷⁷. Аналогичные тенденции наблюдались и в других немецких колхозах, расположенных вблизи Ленинграда⁷⁸.

К концу 1930-х гг. некоторые немецкие коллективные крестьянские объединения Северо-Запада стали передовыми сельскохозяйственными предприятиями, причем не только в рамках исследуемого региона, но и в масштабах всей страны. Крупнейшим в области овощным колхозом-миллионером был колхоз им. Тельмана, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1939 и 1940 гг. Колхозники добились стабильно высоких урожаев картофеля в 1938–1940 гг. (по 136,3 ц с 1 га) и капусты (347 ц с 1 га). Рекордные результаты показывали отдельные немецкие крестьяне. Эйдемиллер из колхоза «Роте Фане» добился самого высокого коэффициента размножения семян картофеля в области – 65 вместо 41. В «Почетную книгу» ВСХВ 1940 г. внесены немецкие хозяйства: колхоз «Красный механизатор», колхоз им. Обкома МОПР, колхоз «Роте Фане», колхоз «Арбайтер» (Ораниенбаумский район), колхоз им. Карла Либкнехта (Парголово-Восточный район), колхоз им. Макса Гельца, колхоз им. Тельмана⁷⁹.

Значительное влияние на повышение уровня экономического развития немецких коллективных хозяйств оказали социалистические соревнования, в которые означенные сельскохозяйственные предприятия включились уже в первой половине 1930-х гг.⁸⁰. Соревнования проходили как между колхозами, так и внутри них между бригадами⁸¹. Данные мероприятия могли служить своеобразным аналогом капиталистической конкуренции и являлись инструментом дополнительной мотивации, позволявшим стимулировать немецких крестьян к повышению производительности труда.

Огромный вклад в повышение эффективности деятельности немецких коллективных хозяйств внес личный энтузиазм отдельных колхозников, выразившийся в форме ударничества. Так, в колхозе им. Макса Гельца ударники Ф.Г. Эргарт и Р.Х. Шефер при норме вспашки в 0,75 га выполнили ее до 1,05 га. При бороньбе колхозник Я.Я. Бич при норме 4 га выполнял 6 га, а при прополке Е.Я. Бич при норме в 500 м выполнила 900 м. Ударницы Е.Я. Бич, Фогельгезанг и другие при норме копки картофеля в 300 м выполняли 400 м⁸².

Таким образом, в ходе процесса функционирования немецкие коллективные хозяйства региона столкнулись с рядом затруднений, препятствовавших повышению уровня их экономического развития. Проблемы заключались в дефиците рабочих рук и специализированных кадров, обусловивших высокую рабочую нагрузку на имеющийся трудовой контингент, недостаточности механизации – нехватки сельскохозяйственных машин и инвентаря, истощенности, болезнях и низком качестве крупного рогатого и рабочего скота, дефиците кормов и семенного материала. Зарплаты, получаемые колхозниками в ходе осуществления должностных обязанностей, и размер денежных средств, получаемых за отработку трудодней, были недостаточными для обеспечения приемлемого уровня существования, что вынуждало членов колхозов искать сторонних заработков на промышленных предприятиях или других отхожих занятиях, вести полугородской-полусельский образ жизни или полностью менять сферу трудовой деятельности. Данные обстоятельства в совокупности с высокими требованиями от государства по сдаче произведенной продукции привели к утрате мотивации немецких крестьян к повышению продуктивности труда и рабочей активности и побуждали их выходить из состава колхозов. Со временем немецкие коллективные хозяйства смогли приспособиться к новым экономическим условиям, устранить вышеизложенные проблемы, существенно повысить продуктивность хозяйственной деятельности и стать передовыми образцовыми сельскохозяйственными предприятиями не только в границах Северо-Запада РСФСР, но и во всесоюзном масштабе.

⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1416Л. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Д. 43.

⁷⁹ Черказянова И.В. Ленинградские немцы: судьбы военных поколений... С. 13–15.

⁸⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1416Л. Оп. 1. Д. 76. Л. 76.

⁸¹ Там же. Д. 43. Л. 28.

⁸² Там же.

Литература

Андриайнен С.В. Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 9–14.

Вибе П.П. Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Омск: Наука, 2011. 320 с.

Вторый В.Ф. Механизация сельскохозяйственного производства в период коллективизации Ленинградской области (1928–1936 годы) // АгроЭкоИнженерия. 2020. № 3 (104). С. 122–136.

Гербер О.А. История и этнография немцев в Сибири. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2009. 752 с.

Гербер О.А. Раскулачивание немецкой деревни в Сибири: этапы и особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (32). С. 50–55.

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.

Каменских М.С. «Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в Тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на тобольском Севере в 1920-е гг. // История повседневности. 2022. № 3 (23). С. 24–40.

Клёц В.К. Социально-экономическое положение немецких колоний Приднепровья в предвоенные годы // Образование, жизнь и судьба немецких поселений России: мат-лы 15-й междунар. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Маркса и 20-летию Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Днепрпетровск: РусДойч Медиа, 2016. С. 230–246.

Ломанов В.А. Общая характеристика положения российских немцев Новгородской губернии в период Гражданской войны 1918–1922 гг. (на основе опубликованных источников) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2021. С. 283–289.

Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. 238 с.

Салонилов Н.В., Федорук Н.С., Черказьянова И.В. Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. док-тов. СПб.: Нестор-История, 2019. 584 с.

Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821–1941 гг. // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. док-тов / сост. Н.В. Салонилов (отв. сост.), Н.С. Федорук и др.; науч. ред. И.В. Черказьянова. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9–73.

Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955 гг.). СПб.: Нестор-История, 2011. 400 с.

Черных А.В., Каменских М.С. Цыгане Урала в национальной и экономической политике Советского государства 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 4. С. 851–868.

Черных А.В., Каменских М.С., Христов П.П. Болгары в регионах Урала в 1920-1930-е гг.: формирование и развитие этнодисперсной группы // Вопросы истории. 2020. № 10-1. С. 187–198.

Шабельников В.И. Хозяйственная деятельность немецких и греческих национальных меньшинств Донбасса в условиях административных преобразований и коллективизации сельского хозяйства (вторая пол. 20-х – первая пол. 30-х гг. XX в.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 1 (64). С. 126–133.

Шайдунов В.Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х–1920-х гг. // Журнал фронтальных исследований. 2021. Т. 6, № 4 (24). С. 155–178.

Шайдунов В.Н. Цыгане и землеустройство в СССР во второй половине 1920-х гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. 2021. Т. 2. С. 289–293.

Шайдуров В.Н., Ломанов В.А. Немцы Северо-Запада (1918–1939 гг.): историографический аспект // Вопросы истории. 2022. № 4 (1). С. 207–222.

Шайдуров В.Н., Сапронова Н.А., Гончаров Ю.М., Новгородский Т.А. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 60–72.

Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 17–20 сентября 1998 г.). М.: Готика, 1999. С. 156–173.

Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext Verlag, 2001. 495 s.

References

Andriajnen, S.V. (2017). Natsional'nye men'shinstva Leningradskoy oblasti v 1920-e gg.: rasselenie i hozyaystvennyye zanyatiya [National Minorities of the Leningrad Region in the 1920s: Settlement and Economic Activities]. In *Vysokie intellektual'nye tekhnologii v nauke i obrazovanii. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp. 9–14.

Brandes, D., Savin, A. (2001). *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938* [The Siberian Germans in the Soviet State 1919–1938]. Essen, Klartext Verlag. 495 p.

Cherkaz'yanova, I.V. (2011). *Leningradskie nemtsy: sud'ba voennykh pokoleniy (1941–1955 gg.)* [Leningrad Germans: The Fate of Military Generations (1941–1955)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 400 p.

Chernyh, A.V., Kamenskih, M.S., Hristov, P.P. (2020). Bolgary v regionah Urala v 1920–1930-e gg.: formirovanie i razvitie etnodispersnoy gruppy [Bulgarians in the Ural Regions in the 1920s–1930s: Formation and Development of an Ethnodisperse Group]. In *Voprosy istorii*. No. 10-1, pp. 187–198.

Chernyh, A.V., Kamenskih, M.S. (2020). Tsygane Urala v natsional'noy i ekonomicheskoy politike Sovetskogo gosudarstva 1920–1930-e gg. [The Gypsies of the Urals in the National and Economic Policy of the Soviet State in the 1920s and 1930]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 19, No. 4, pp. 851–868.

Fedoruk, N.S. (2019). Hozyaystvennaya deyatelnost' i povsednevnyaya zhizn' nemetskiikh poselentsev na Novgorodskoy zemle. 1821–1941 gg. [Economic Activity and Daily Life of German Settlers on Novgorod Land. 1821–1941]. Nemetskie kolonii Novgorodskogo i Chudovskogo rayonov Leningradskoy oblasti (1927–1941 gg.): sbornik dokumentov. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–72.

Gerber, O.A. (2009). *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia]. Omsk, Omsk State Museum of Local Lore. 752 p.

Gerber, O.A. (2013). Raskulachivanie nemetskoy derevni v Sibiri: etapy i osobennosti [Dekulakization of the German Village in Siberia: Stages and Features]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 6-2 (32), pp. 50–55.

German, A.A. (2007). *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941 gg.* [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Moscow, MSNK-press Publ. 576 p.

Kamenskih, M.S. (2022). “My dolzhny otmenit' tot antagonizm, kotoryy sushchestvuet v Tundrah mezhdru russkimi, zyryanami i samoedami”: povsednevnyy zhizn' sovetskoy kooperatsii na tobol'skom Severe v 1920-e gg. [“We Must Abolish the Antagonism that Exists in the Tundra between Russians, Zyryans and Samoyeds”: The Everyday Life of Soviet Cooperation in the Tobolsk North in the 1920s]. In *Istoriya povsednevnosti*. No. 3 (23), pp. 24–40.

Klets, V.K. (2016). Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie nemetskiikh koloniy Pridneprov'ya v predvoennyye gody [Socio-Economic Situation of the German Colonies of the Dnieper Region in the Prewar Years]. In *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskiikh poseleniy Rossii. Materialy 15-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 250-letiyu g. Marksa i 20-letiyu Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, pp. 15–20.

dunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskih nemtsev. Dnepropetrovsk, RusDojch Media, pp. 230–246.

Lomanov, V.A. (2021). Obshchaya karakteristika polozheniya rossiyskih nemtsev Novgorodskoy gubernii v period Grazhdanskoj vojny 1918–1922 gg. (na osnove opublikovannyh istochnikov) [General Characteristics of the Situation of the Russian Germans of the Novgorod Province during the Civil War of 1918–1922 (based on published sources)]. In *Vyzov v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. St. Petersburg, pp. 283–289.

Plohotnjuk, T.N. (2001). *Rossiyskie nemtsy na Severnom Kavkaze* [Russian Germans in the North Caucasus]. Moscow, Public Academy of Sciences of Russian Germans Publ. 238 p.

Salonikov, N.V., Fedoruk, N.S., Cherkaz'yanova, I.V. (2019). Nemetskie kolonii Novgorodskogo i Chudovskogo rayonov Leningradskoy oblasti (1927–1941 gg.): sb. dokumentov [German Colonies of the Novgorod and Chudovsky Districts of the Leningrad Region (1927–1941): Collection of Documents]. St. Petersburg, Nestor-History. 584 p.

Shabel'nikov, V.I. (2018). Hozyaystvennaya deyatel'nost' nemetskih i grecheskih natsional'nyh men'shinstv Donbassa v usloviyah administrativnyh preobrazovaniy i kollektivizatsii sel'skogo hozyaystva (vtoraya pol. 20-h – pervaya pol. 30-h gg. XX v.) [Economic Activity of the German and Greek National Minorities of Donbass in the Context of Administrative Changes and Collectivization of Agriculture (the second half of the 20s – the first half of the 30s of the XX century)]. In *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnyh issledovaniy*. No. 1 (64), pp. 126–133.

Shaidurov, V.N. (2021). Tsygane i zemleustroystvo v SSSR vo vtoroy polovine 1920-h gg. [Gypsies and Land Management in the USSR in the Second Half of the 1920s]. In *Vyzov v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. T. 2, pp. 289–293.

Shaidurov, V.N. (2021). Nemetskoe naselenie Sibiri v usloviyah obshhestvennyh transformatsiy 1900-kh–1920-kh gg. [The German Population of Siberia in the Conditions of Social Transformations in the 1900s–1920s]. In *Zhurnal frontirnyh issledovaniy*. T. 6, No. 4 (24), pp. 155–178.

Shaidurov, V.N., Lomanov, V.A. (2022). Nemtsy Severo-Zapada (1918–1939 gg.): istoriograficheskiy aspekt [Germans of the North-West (1918–1939): Historiographical Aspect]. In *Voprosy istorii*. No. 4 (1), pp. 207–222.

Shaidurov, V.N., Saprionova, N.A., Goncharov, Yu.M., Novgorodskij, T.A. (2022). Tsygane v Sibiri (konets XVIII v. – XX v.) [Gypsies in Siberia (Late XVIII Century – XX Century)]. In *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 2, pp. 60–72.

Shrader, T.A. (1999). Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie nemetskih kolonistov Petrogradskoy gubernii (Leningradskoy oblasti) v 1920–1930-e gg. [Socio-Economic Situation of the German Colonists of the Petrograd Province (Leningrad Region) in the 1920–1930s]. In *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoy istorii: obshhie problemy i regional'nye osobennosti: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Moscow, Gothic Publ, pp. 156–173.

Vibe, P.P. (2011). *Nemetskie kolonii Sibiri v usloviyah sotsial'nyh transformatsiy kontsa XIX – pervoy treti XX vv.* [German Colonies of Siberia in the Conditions of Social Transformations of the Late 19th – First Third of the 20th Centuries]. Omsk, Science Publishing House Publ. 320 p.

Vtoryi, V.F. (2020). Mekhanizatsiya sel'skohozyaystvennogo proizvodstva v period kollektivizatsii Leningradskoy oblasti (1928–1936 gody) [The Second V.F. Mechanization of Agricultural Production during the Collectivization of the Leningrad Region (1928–1936)]. In *AgroEkoinzheneniya*. No. 3 (104), pp. 122–136.

Д.Л. Островкин
М.В. Попов*

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-17
УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:
Островкин Д.Л., Попов М.В. *Здравоохранение и санитарно-эпидемическое состояние уральской деревни в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 208–219. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-17.pdf>*

D.L. Ostrovkin
M.V. Popov*

HEALTH CARE AND SANITARY-EPIDEMIC STATE OF THE URAL VILLAGE IN THE 1920–1930S

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-17

How to cite:
Ostrovkin D.L., Popov M.V. *Health Care and Sanitary-Epidemic State of the Ural Village in the 1920–1930s // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 208–219. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-17.pdf>]*

Abstract. On the basis of federal and regional archives the article describes one of the understudied aspects of country life in the 1920s and 1930s connected with the establishment of a network of healthcare facilities, medical treatment and sanitary and phyto-sanitary measures in villages. The article argues that those measures established a state healthcare and medical treatment system in that period based on the principles of centralization, uniformity and free-of-charge basis of medical care. At the first stage (1920s), the government, alongside state financial support, took money from the agricultural sector to finance healthcare. But in the 1930s, the village was in decline because of collectivization and hunger, and no money could be taken from the village people. As a result of modernization of the 1930s aimed at industrial development, money was channeled to the needs of industry, and agriculture was severely underfinanced. Consequently, healthcare in the village faced serious problems as it was funded residually by the Bolsheviks. At the same time in the mid-1930s due to stabilization and improvement of life in the village and rise of the living standards of the population, the state regulates and develops the healthcare network with the help of financial support from collective farms (known as kolkhoz) and state farms (sovkhoz). This allowed to increase the number of hospitals and ambulance stations, as well as the number of doctors in the Urals villages in late 1930s early 1940s; sanitation of villages was improved. There were no epidemics of smallpox in the Urals anymore; outbreaks of typhus were very rare. However these results should not be overestimated. Before the Great Patriotic War the health situation and sanitation in the Urals were on the same level as in the Russian SFSR in general, but they were much worse than those in the Western Europe and in the USA.

Keywords: health care, Urals, medicine, village, collectivization, sanitation, epidemics, mode of life, peasantry.

The article has been received by the editor on 17.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Денис Леонидович Островкин**, кандидат исторических наук, Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

Denis Leonidovich Ostrovkin, Candidate of Historical Sciences, Ural State Forest Engineering University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

Михаил Валерьевич Попов, доктор исторических наук, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: m-v-popov@yandex.ru

Mikhail Valerievich Popov, Doctor of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: m-v-popov@yandex.ru

Аннотация. Авторы на материалах федеральных и региональных архивов исследуют один из недостаточно изученных аспектов деревенской жизни 1920–1930-х гг. – формирование сети сельских учреждений здравоохранения, оказание медицинских услуг жителям села и проведение санитарно-гигиенических мероприятий в деревне. Исследователи доказывают, что в данный период была создана государственная система здравоохранения и медико-санитарного обслуживания основанная на принципах централизации, единства и бесплатности медицинской помощи. При этом для первого этапа (1920-е гг.) характерно привлечение средств крестьянства для материальной поддержки здравоохранения, что проводилось наряду с бюджетным финансированием, однако это оказалось абсолютно невозможным на втором этапе (1930-е гг.) из-за разорения деревни, связанного с насильственной коллективизацией и голодом. В результате проходившие в 1930-е гг. модернизационные процессы, связанные прежде всего с индустриальным развитием Уральского региона, обусловили изъятие значительных средств из сельского хозяйства, вследствие чего государственное финансирование сельской медицины сталкивалось с серьезными трудностями и осуществлялось большевистским руководством по остаточному принципу. В то же время в середине 1930-х гг. в результате стабилизации ситуации в деревне и общем подъеме жизненного уровня населения в стране государство в сельской местности переходит к упорядочению и расширению сети медицинских учреждений, привлекая средства колхозов и совхозов. Это позволило расширить число больниц и амбулаторий, количество врачей в сельской местности на Урале в конце 1930-х – начале 1940-х гг., провести мероприятия по улучшению санитарного и бытового состояния деревни. В результате в Уральском регионе ушли в прошлое эпидемии оспы, значительно сократились вспышки сыпного тифа. Однако вряд ли следует переоценивать достигнутые результаты. Накануне Великой Отечественной войны уровень санитарно-эпидемического состояния и медицинского обслуживания сельского населения Урала не был хуже, чем в целом по РСФСР, однако значительно, в полтора-два раза, уступал показателям городской медицины.

Ключевые слова: здравоохранение, Урал, медицина, уральская деревня, коллективизация, быт, крестьянство.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022 г.

Качество медицины и поступательное здоровьесбережение граждан страны составляют базовые принципы социального государства и общества, формируют его успешное развитие. Однако состояние системы здравоохранения в РФ в результате перехода к рыночным отношениям в значительной степени не оказало должного положительного влияния на медицинское обслуживание населения. Перманентные реформы медицинской системы не только не дали благоприятного результата, но в значительной мере ухудшили ситуацию. Так, в отчете об аудиторской проверке Счетной палаты РФ в 2020 г. прямо констатируется, что на 1 января 2019 г. 14 % (из 116 865) медицинских учреждений России находятся в аварийном состоянии, в которых невозможно проводить работу (отсутствует водопровод (30,5 %), горячее водоснабжение (52,1 %), центральное отопление (41,1 %) и канализация (35 %))¹.

Между тем невозможно отрицать тот факт, что, несмотря на ряд недостатков, в СССР, в том числе на Урале, в 1920–1930-е гг. складывается государственная система здравоохранения, которая улучшила обеспечение населения качественной и бесплатной медицинской помощью.

Особые трудности в первые десятилетия советской власти представляла организация медицинского обслуживания и улучшение санитарно-эпидемического положения в деревне, поскольку модернизация, проходившая в этот период, в большей степени проходила за счет

¹ Отчет о работе направления аудита здравоохранения и спорта Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/reports/2020_zdrav.pdf (дата обращения: 19.09.2022).

сокращения финансирования села. Изучение опыта решения государством социальных проблем в этих условиях, безусловно, актуально на современном этапе. Однако специальных исторических исследований по истории сельской медицины в обозначенный период в научной литературе крайне мало. Частные сюжеты о преимуществах государственной медицины в социалистической деревне были выпущены еще в 1930–1940-х гг., в которых авторы указали на расширение сети больниц, амбулаторий, появление специального персонала в период коллективизации. Вместе с тем исследователи не рассмотрели негативные стороны данного процесса: существенное отставание от сети городского здравоохранения, нехватку медицинской инфраструктуры². Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. интерес к данной теме увеличивается, что связано, по нашему мнению, со смертью И.В. Сталина и изменением государственной политики в отношении колхозного населения. В это время выходят не только труды по истории здравоохранения, где уделяется внимание сельской медицине³, но и специальные исследования⁴. В последующий период внимание к обозначенной проблематике заметно снижается, отсутствуют научные исследования, в которых содержались бы комплексные оценки процесса формирования и функционирования сельской медицинской сети. В современной исторической литературе основное внимание авторов сосредоточено на региональном аспекте рассматриваемой тематики⁵. Для данных работ характерно расширение круга используемых источников, стремление к объективному изложению исторических фактов, а также исследователи далеки от панегирии положительных моментов в колхозной деревне, присущих советскому периоду. При этом на сегодняшний день отсутствуют современные научные исследования проблемы раскрывающие специфику построения сельского здравоохранения в контексте единого Уральского региона.

Авторы данной статьи поставили целью проследить изменения в государственной политике в сфере медицины и ее результаты на материалах Урала в довоенный советский период. Территориальные рамки настоящего исследования охватывают так называемый «Большой Урал». На сегодняшний день это территории четырех областей (Челябинской, Свердловской, Оренбургской и Курганской), одного края (Пермского) и двух автономных республик (Башкортостан и Удмуртия).

Отметим, что в исследуемый период происходили крупные административно-территориальные изменения в Уральском регионе. Первоначально в ноябре 1923 г. была создана Уральская область, в состав которой вошли Екатеринбургская, Пермская и Челябинская губернии. В январе 1934 г. существовавшая территория была разделена на Свердловскую (сюда вошла Пермская), Челябинскую (с Курганской) и Обско-Иртышскую область. В 1938 г. была образована отдельная Пермская область.

Оренбургская область свою территориальную обособленность приобрела в 1934 г., до этого поочередно входя в состав Киргизской АССР, с апреля 1925 г. – Казакской АССР, а с 1928 г. – Средне-Волжской области (края) на правах округа. В 1938 г. Оренбургская область была переименована в Чкаловскую.

Республика Удмуртия первоначально носила название Вотская автономная область, с 1932 г. – Удмуртская автономная область, затем – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика.

² Котов Г., Струков М., Горбатенко Г., Френкель Я. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 5. С. 228–241; Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М., 1937; Алтайский И., Попов А. Колхозная Кубань // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1938. № 2. С. 32–53; Баткис Г.А. Двадцать лет советского здравоохранения. М., 1944.

³ Ашурков Е.Д. Очерки истории здравоохранения в СССР (1917–1957). М., 1957; Владимирский М.Ф. Вопросы советского здравоохранения. М., 1960; Леви М.Ф., Каневский Л.О. Участие трудящихся в СССР в строительстве здравоохранения. М., 1957.

⁴ Горфин Д.В. Очерки истории развития сельского здравоохранения в СССР. М., 1961; Виноградов Н.А. Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934). М., 1955.

⁵ Филипенко В.А. Становление и развитие здравоохранения в Коми АССР в 1920–1930-х годах: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006; Борлакова Ф.А. Развитие здравоохранения в Карачае и Черкессии (1860–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Черкесск, 2002; Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2006; Самсоненко Т.А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России 1930-х годов. Новочеркасск, 2011.

листоческая Республика (28 декабря 1934 г.). Республика Башкортостан носила название Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, включив в себя в 1922 г. Уфимскую губернию, таким образом, расшив свою территорию до границ «Большой Башкирии».

В качестве методологической основы исследования использовалась теория модернизации. Авторами под «модернизацией» понимается процесс, результатом которого становится переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. Сплошная коллективизация крестьянства в Советском Союзе – уникальное явление, которое проводилось с целью обеспечения преобразований в индустриальном секторе экономики⁶. Однако по своей сути она изменила не только экономическое положение крестьянства, но и его сознание. Потребность в грамотных кадрах, обеспечивающих промышленность, привела к тому, что советское руководство пыталось революционными методами изменить не только экономическую, но и социальную сферу, в том числе здравоохранение.

По мнению современных авторов с середины XX в. в мире начался переход к постиндустриальному обществу, которое нередко называют информационным. Многие ученые высказывают мысль, что наряду с прогрессом техники в новом обществе на смену «массовому производству» идет большая культура⁷. Такая культура должна включать в себя позитивные изменения, в том числе в здравоохранении. Отсюда большое значение придается изучению становления и развитию культуры «индустриальной цивилизации», ее исторического наследия, информационная роль которого усиливается при решении современных проблем.

При проведении исследования основополагающими стали принципы историзма, объективности и научности, которые позволили провести анализ развития и изменения уральского сельского здравоохранения. В процессе написания работы авторами применены общенаучные методы: синтез, анализ, дедукция, индукция, классификация. Из специальных исторических методов выделим сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, статистический. В результате использования указанных методик авторам удалось изучить развитие медицинских учреждений в уральской деревне в исторической динамике, дать объективную характеристику историческим процессам, протекавшим в данный период.

Источниковая база исследования была сформирована на неопубликованных материалах региональных (ОГАЧО, НАРБ, ЦДООСО, ЦДНИУР, ГАСО, ЦДНИОО, ГАПК) и федеральных архивов (ГАРФ, РГАЭ). Кроме того, в статье использованы данные делопроизводственных и статистических сборников, а также периодической печати центральных и местных органов власти.

Изменения в уральской деревне в 1920–1930-е гг. были обусловлены глубокими экономическими преобразованиями, влиявшими на сам строй крестьянской жизни, в том числе на санитарно-эпидемическое состояние села и медицинское обслуживание сельского населения. Модернизационные процессы на Урале, как и во всей стране, проходили прерывисто и носили неорганичный характер. Несомненными факторами были упадок сельскохозяйственного производства в годы Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., последующий рост экономики села в период нэпа, падение экономического потенциала с переходом к сплошной коллективизации, в определенной степени стабилизация экономической жизни деревни в середине 1930-х – начале 1940-х гг.

Особенности экономического положения села в обозначенные периоды оказывали решающее влияние на государственную политику в области здравоохранения и на санитарно-эпидемическое состояние в регионах. После окончания Гражданской войны на Урале восстановление сети сельской медицины проходило с большими трудностями. Бюджет здравоохранения, переведенный на местные средства, в первой половине 1920-х гг. был ограниченным и не мог обеспечить нужды системы медицинского обслуживания сельского насе-

⁶ Корнилов Г.Е., Пересторонина Л.И., Каракулов Д.В. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX в.) // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 381.

⁷ Алексеев В.В., Логунов Е.В. Индустриальное наследие в постиндустриальном обществе // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. Екатеринбург, 1995. С. 9.

ления. Заведующий окружным отделом в Челябинской области в своем докладе, датированном 8 января 1924 г., отмечал, что «медицинская помощь в деревне организована весьма нерегулярно, с перебоями, а квалификация медицинского персонала снизилась в сравнении с дореволюционным временем, в связи с чем среди местного населения процветает знахарство и шарлатанство»⁸.

Крайне плачевным было состояние сельских лечебных учреждений в 1923/1924 хоз. г. в Башкирии: почти все участковые больницы нуждались в том или ином крупном ремонте, в 40 % всех участков отмечалась острая нужда в больничном и хозяйственном инвентаре и в различных видах белья. В 65 % участков не хватало медицинских инструментов, 70 % фельдшерских пунктов находились в малопригодных и необорудованных помещениях⁹.

При этом подавляющее большинство населения Уральского региона проживало в сельской местности, тогда как в начале 1920-х гг. на Урале 78 % высшего медицинского персонала (врачей) были трудоустроены в городах¹⁰. В результате, например в Башкирии, на одного врача в деревне приходилось 26 000 жителей, тогда как в Уфе на одного врача было около 4 000 человек¹¹.

В неудовлетворительном состоянии пребывало в 1920-е гг. санитарное и гигиеническое положение уральской деревни. Традиционно питьевой водой для крестьян служили открытые источники – водоемы и колодцы, которые, как правило, не имели никакой защиты от загрязнений, сточных вод и т.п. Ситуация усугублялась тем, что такую воду перед употреблением зачастую не кипятили¹². Несмотря на то, что в соответствии с традициями, русские крестьяне достаточно часто пользовались банями, гигиенические принадлежности и привычки среди населения не были распространены. Вследствие бедности сельские жители расходовали на мыло и иные средства не более одного рубля в год (по данным обследования крестьянских бюджетов в Уральской области в 1925/1926 хоз. г.)¹³, а зачастую полотенце и посуда были общие.

Еще более удручающее санитарно-гигиеническое положение было среди малых национальностей: татар, марийцев, башкир и др. Следуя своим религиозным воззрениям, часть из них отвергала помывки в бане или использование выгребных ям. Например, в середине 1920-х гг. при осмотре Катайского медицинского участка в Челябинском округе (где местное население почти полностью состояло из башкир и татар) ревизоры отметили, что жители «о мыле понятия не имеют, большинство деревень чуть ли не кругом обложены навозом»¹⁴. Такая же характеристика дана удмуртской деревне в 1927 г., где указано, что «мыло употребляется очень редко»¹⁵.

Несоблюдение правил личной и коллективной гигиены вызывало распространение инфекционных заболеваний. Например, в середине 1920-х гг. в сельскохозяйственных округах Урала из общего количества больных 8–10 % приходилось на зараженных чесоткой. Среди крестьянства были распространены трахома и сифилис. В Уральской области в 1927 г. на 10 000 населения было 92 больных трахомой¹⁶. В Башкирии в середине 1920-х гг. на 10 000 жителей больных трахомой насчитывалось 126 человек¹⁷. В Вотской области, где санитарно-гигиенические условия жизни удмуртского крестьянства были особенно плохими, в Можгинской волости в 1927 г. 40 % удмуртов болели трахомой, а в некоторых деревнях Дебесской волости поражение сифилисом доходило до 33 %¹⁸.

⁸ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 59. Л. 186.

⁹ Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 156. Л. 13.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 1. Д. 253. Л. 18.

¹¹ НАРБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 151. Л. 13.

¹² Округ. 1928. № 10 (69).

¹³ Бюджеты крестьянских хозяйств на Урале за 1925/26 г. Свердловск. 1928.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

¹⁵ Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 95.

¹⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 424. Л. 49.

¹⁷ НАРБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 138. Л. 2.

¹⁸ Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 101.

В начале 1920-х гг. материальное положение в стране было настолько тяжелым, что большевистское руководство вынуждено было для финансирования и поддержки деревенской медицины привлечь общественные силы и денежные средства сельских земельных обществ. В 1921 г. Народный Комиссариат здравоохранения даже передает содержание сельских медико-санитарных учреждений на крестьянские Комитеты крестьянских обществ взаимопомощи (ККОВ). Они должны были обеспечить сельских жителей минимальной медицинской помощью за счет средств, полученных путем денежного и натурального самообложения крестьянских хозяйств¹⁹. На Урале в ряде случаев местное руководство применяло чрезвычайные меры для получения средств на нужды сельской медицины. Например, в нескольких волостях Челябинской губернии был установлен добровольный сбор денежных средств с местного населения, который получил название «мирского сбора». Фактически он должен был обеспечивать затраты по выплате заработной платы персоналу и обслуживанию (либо строительству) сельских медицинских пунктов²⁰.

Успешное хозяйственное развитие на базе новой экономической политики позволило значительно расширить государственное финансирование медицины. В середине 1924 г. подавляющее большинство расходов на здравоохранение стало осуществляться за счет государственного централизованного и местного бюджетов²¹. Однако и во второй половине 1920-х гг. часть средств, полученных в результате самообложения крестьянских общин, использовалась для финансирования сельской медицины. Тем более что 4 октября 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О порядке самообложения в 1928/1929 году» в результате которого самообложение фактически утратило статус добровольности²². В результате в 1928/1929 хоз. гг. в Уральской области путем самообложения было получено 7,3 млн руб., что позволило привлечь дополнительные средства на содержание сельских медицинских учреждений²³.

Характерно, что в середине 1920-х гг. советским руководством был принят ряд постановлений, касающихся расширения и упорядочения сети учреждений здравоохранения на селе, улучшения материального положения медицинских работников в деревне. В течение 1925 г. был принят декрет ВЦИК РСФСР «Об основах построения нормальной волостной (районной) организации здравоохранения» и постановление СНК РСФСР «Об обеспечении сельских местностей медицинской помощью и об улучшении материально-бытового положения участкового медицинского персонала»²⁴. Документами предполагалось создание сети районных больниц широкого профиля, а также укомплектование сельских медицинских пунктов врачами высшей категории. Привлечение специалистов в деревню происходило за счет предоставления ряда льгот: надбавки к окладу, обеспечения жилой площадью, сырьем для отопления квартиры и дома, зачисления детей врачей в любые учебные учреждения на льготных условиях, а также возможности перевода на врачебную должность в городскую местность через три года службы²⁵.

Расширение финансирования и организационная поддержка государством медицинского обслуживания сельского населения во второй половине 1920-х гг. позволили улучшить деятельность медицинских учреждений и персонала в деревне. В Уральской области количество врачей в сельской местности увеличивается со 117 в 1926 г. до 198 в 1928 г.²⁶, в Башкирии с 85 врачей в 1924 г. до 103 в 1929 г.²⁷ Для борьбы с трахомой и венерическими заболеваниями органами здравоохранения в села посылались отряды глазных врачей,

¹⁹ Горфин Д. В. Очерки истории... С. 22.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 59. Л. 190.

²¹ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925–1940: сб. док-тов и мат-лов. М., 1973. С. 20.

²² Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932). Оренбург, 2004. С. 441.

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 395. Л. 9.

²⁴ Известия ЦИК СССР от 13 декабря 1925 г.

²⁵ Известия ЦИК СССР от 18 декабря 1925 г.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 424. Л. 50.

²⁷ Башкирская АССР за 15 лет... С. 101.

венерологов. Так, в Воткинской области в 1927 г. работали 3 глазных и 2 венерологических отряда²⁸. В том же году в Удмуртии была оказана помощь 15 тыс. больных трахомой²⁹. Для проведения прививок против заразных болезней на село направлялись специальные группы медицинских работников. В 1927 г. прививки против оспы были поставлены более 1 млн жителей Уральской области³⁰. Продолжала развиваться санитарно-просветительская работа среди уральского крестьянства. В 1927 г. в Вотской области было проведено более 1 600 бесед по санитарии и гигиене почти для 75 000 человек³¹. В районах Уральской области количество проведенных лекций и бесед по санитарному просвещению увеличилось с 5 099 в 1924 г. до 23 305 в 1928 г., а охват ими слушателей – с 404 600 до 1 336 400 чел³². Новой формой санитарно-просветительской работы в деревне стало проведение санитарных выставок, кинопередвижки демонстрировали тематические кинокартины. В результате всех проводимых мероприятий во второй половине 1920-х гг. на Урале значительно снизилась заболеваемость оспой, сыпным тифом. Однако заболеваемость скарлатиной, дизентерией, брюшным тифом, малярией оставалась на высоком уровне, а в Вотской области – трахомой и сифилисом.

Однако, несмотря на некоторое улучшение, медицинское обслуживание сельского населения Урала было достаточно ограниченным. Данные статистики гласят, что в 1927 г. в Уральской области на одного врача, работающего в деревне, приходилось 39 583 сельских жителя³³, в Вотской области – 21 278 чел.,³⁴ в Оренбургском округе – 10 740 жителей³⁵. Оставались недоукомплектованными сельские медицинские учреждения больничными койками. Так, в 1927 г. в Уральской области на 1 больничную койку на селе приходилось 2 321 человек³⁶, в Удмуртии – 1 200 жителей³⁷, в Оренбургском округе – более 1 000 человек³⁸. Характерно, что Уральский регион не был исключением. Аналогичная ситуация наблюдалась в целом по РСФСР. Так, если в Уральской области в 1927 г. приходилось 0,6 больничной койки на одну тысячу жителей, то в РСФСР в 1928 г. на одну тысячу сельского населения было 0,51 койки³⁹.

Переход к форсированной индустриализации в конце 1920-х гг. привел к значительному изъятию бюджетных средств из социальной сферы, в том числе из здравоохранения. Финансирование и развитие здравоохранения на селе происходило по остаточному принципу, упор был сделан на промышленные районы Уральской области. Достаточно указать, что денежные ассигнования на строительство медицинских учреждений в 1930–1931 гг. в сельской местности составляли в среднем по Уральской области 3–4 % от необходимой потребности⁴⁰. В результате имевшиеся больничные здания в селах были ветхи, не приспособлены и в ряде мест скорее дискредитировали идею медико-санитарного обслуживания, чем ее пропагандировали, а в ряде сельскохозяйственных районов полностью отсутствовали (в 11 сельских районах Уральской области совсем не было больниц⁴¹).

В эти годы, разоренные насильственной коллективизацией, крестьянство не могло оказывать сколько-нибудь значительную финансовую поддержку сельской медицине. Партийно-советское руководство попыталось на вновь созданные колхозы возложить финансовые обяза-

²⁸ Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 106.

²⁹ Филиал ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 10. Д. 215. Л. 131.

³⁰ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 87.

³¹ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 10. Д. 215. Л. 132.

³² ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2528. Л. 2.

³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 424. Л. 50.

³⁴ Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции... С. 108.

³⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 77. Л. 81.

³⁶ Там же. Оп. 6. Д. 287. Л. 84.

³⁷ Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции... С. 108.

³⁸ Подсчитано авторами: ЦДННОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1179. Л. 93.

³⁹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1. Л. 145.

⁴⁰ Там же. Д. 9. Л. 83.

⁴¹ Там же. Д. 8. Л. 4.

тельства по содержанию медицинской сельской сети, обязав сельхозартели на эти цели выделять не менее 30 % общей сметы расходов. Однако в силу отсутствия денежных средств у колхозов крестьяне вынуждены были возмещать финансовые издержки в натуральном виде (продуктами питания, заготовительными материалами для строительства и просто рабочей силой)⁴².

Кроме того, советско-партийное руководство внедряло дифференцированный подход в медицинском обслуживании сельского населения. Первоочередное право на медицину было предоставлено работникам совхозов, а также пастухам, батракам, лесорубам и другим застрахованным лицам. Во вторую очередь обслуживались члены их семей и лишь потом остальное сельское население. Наиболее распространенной формой поддержки колхозников в данный период стали выезды медицинских работников в деревню во время полевых работ. Например, летом–осенью 1930 г. Уралоблздравотдел направил более 200 работников среднего и высшего медперсонала на село⁴³.

Однако, несмотря на это, большинство колхозного населения в начале 1930-х гг. было лишено возможности воспользоваться качественной медицинской помощью. Лишь со второй половины 1934 г. на Урале в сельской местности властями стали широко проводиться мероприятия по преодолению эпидемических заболеваний и исправлению санитарной обстановки в регионе. К примеру, благодаря внедрению широкой системы оспопрививания на Урале ко второй половине 1930-х гг. была побеждена оспа⁴⁴. Во второй половине 1930-х гг. значительно снизилась заболеваемость крестьян чесоткой, особенно в национальных районах. Так, в Коми-Пермяцком округе, где в 1920-е гг. заболеваемость этой болезнью регистрировалась повсеместно, в 1937 г. болел лишь 1 % сельского населения⁴⁵.

Благодаря санитарному просвещению сельского населения были улучшены сангигиенические привычки крестьян. На это указывают затраты колхозников на приобретение мыла и парфюмерии. Так, в Уральской области в октябре 1933 г. крестьянин в среднем тратил 8 копеек на мыло⁴⁶ (что соответствует показателям 1925/1926 гг.), а в декабре 1937 г. в Свердловской области (сюда входила и Пермская) – уже 77 копеек⁴⁷.

Особенностью 1930-х гг. было проведение культурно-бытовых походов на селе. Добровольцы-общественники обследовали санитарное состояние крестьянских изб, сельских общинных зданий. Культармейцы помогали крестьянам навести порядок в домах, во дворах, учили навыкам личной гигиены. В Удмуртии зимой 1934/1935 гг. под руководством культурармейцев крестьяне строили общественные бани и уборные⁴⁸.

Большое значение для расширения медицинского обслуживания сельского населения имело создание во второй половине 1930-х гг. на Урале «колхозных родильных домов». Если до 1933 г. в Уральской области на селе совсем не было роддомов, то в 1940 г. только в Свердловской области вело работу 41 родовспомогательное учреждение⁴⁹. Популяризация больничного родовспоможения в сельской местности ознаменовала постепенный переход от «повитух-родильниц» к специализированной помощи.

Однако медико-санитарное состояние и медицинское обслуживание уральской деревни в середине 1930-х вряд ли можно высоко оценивать. По-прежнему у значительного числа сельского населения отмечались бытовые инфекционные болезни. Так, в 1935 г. в Бижбуланском районе Башкирии 46 % населения болели трахомой⁵⁰, в Удмуртии в 1936 г. в сельской местности лечение прошли 11 тыс. больных сифилисом и 12 тыс. больных трахомой⁵¹.

⁴² Сербин Г.М. Здравоохранение в сельско-хозяйственном социалистическом секторе // Уральский медицинский журнал. 1930. № 1. С. 10.

⁴³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 142. Л. 74.

⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 837. Л. 103.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 835. Л. 3.

⁴⁶ Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 145. Л. 104.

⁴⁷ Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 169.

⁴⁸ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 11. Д. 592. Л. 172.

⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 491. Л. 14.

⁵⁰ Удмуртская правда. 1940. 22 сентября.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 23. Д. 379. Л. 24.

Одной из главных причин такого положения являлось недостаточное финансирование деревенских лечебных учреждений, которые осуществлялось за счет сельского бюджета, и нехватка медицинского персонала в сельской местности. Так, в Челябинской области в 1934 г. в сельских больницах не хватало 189 врачей⁵², а в Свердловской области в начале 1937 г. во врачах нуждались 76 больниц и 54 амбулатории⁵³.

Весной 1938 г. для того, чтобы изменить ситуацию, советским руководством принимается ряд мер. Так, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР «Об укреплении сельского врачебного участка» от 23 апреля 1938 г. финансовое содержание этих участков перераспределялось с сельских бюджетов на районные⁵⁴. Кроме того, для решения проблемы дефицита кадров было запрещено отзывать или переводить сельских участковых врачей на городские участки работы⁵⁵.

В результате в конце 1930-х – начале 1940-х гг. количество медицинских учреждений, врачей и среднего медперсонала в уральской деревне увеличивается. Представление о типах сельских медицинских учреждений, их количестве, численности медицинских работников в предвоенный период в шести областях и автономных республиках Урала (Свердловская, Челябинская, Оренбургская области, Пермский край, Башкирия и Удмуртия) представлено в табл.

Таблица

Медицинское обслуживание сельского населения в Уральском регионе в 1938–1940 гг.⁵⁶

Область, АССР	Кол-во стационаров, имеющих врачей		Кол-во коек в стационарных больницах		Кол-во амбулаторий, имеющих врачей		Кол-во амбулаторий, имеющих фельдшеров		Общее кол-во врачей	
	1938	1940	1938	1940	1938	1940	1938	1940	1938	1940
Свердловская	65	73	1 691	1 876	92	107	454	588	1 404	1 801
Челябинская	97	108	3 000	3 483	108	197	432	588	985	1 192
Пермская	Нет свед.	92	Нет свед.	2 221	Нет свед.	124	Нет свед.	443	Нет свед.	1 095
Башкирская	101	112	2 326	2 752	241	259	831	978	783	887
Удмуртская	45	53	1 527	1 751	121	137	751	919	395	514

Материалы, представленные в таблице, в сопоставлении с данными о численности сельского населения на Урале дают возможность рассчитать количество сельских жителей, приходящихся на одну больничную койку и на одного врача в различных частях Уральского региона. Если в 1927 г. на одну больничную койку в деревне в Уральской области приходилось 39 585 человек, то в 1940 г. в Свердловской области – 537 человек сельского населения, в Челябинской – 465 человек, а в Пермской – 567⁵⁷. Таблица указывает и на значительное увеличение числа амбулаторных медицинских учреждений. В Башкирии в 1925 г. было всего 86 медицинских пунктов, а в 38 волостях вообще не было врачебной помощи⁵⁸. В 1940 г. в башкирской деревне функционировало уже 259 врачебных амбулаторий и 978 фельдшерских амбулаторных учреждений (см. табл.).

Однако, несмотря на заметное увеличение медицинских учреждений и кадрового персонала в деревне во всех уральских областях в исследуемый период, существенной проблемой оставалась диспропорция по сравнению с их количеством в городах. Если на

⁵² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

⁵³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 837. Л. 98.

⁵⁴ Трофимов В.В. Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет. М., 1967. С. 193.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Подсчитано по данным: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 98. Л. 94, 238; Д. 99. Л. 46, 94, 118.

⁵⁷ Подсчитано по данным: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 98. Л. 87; Д. 99. Л. 64; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1582. Оп. 336. Д. 308. Л. 3; Оп. 323. Л. 3; Оп. 336. Д. 331. Л. 3.

⁵⁸ НАРБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.

городское население, проживающее в различных регионах Урала, приходилось от 35,3 до 49,3 % жителей, то количество врачей, в общей штатной численности работающих в городе, составляло 81–84 %. Соответственно, на большую часть уральского населения, проживающего в сельской местности, приходилось не более 19 % врачей. Что касается специализированной медицинской помощи, то система родовспоможения в сельской местности охватывала лишь 26 % (в городах – 97 %) ⁵⁹.

В результате этой диспропорции в области здравоохранения складывается система, при которой основные лечебно-профилактические мероприятия в сельской местности берут на себя фельдшеры. Именно они составляли значительную часть работников. Врачи в большей степени, становятся приезжающими специалистами, консультантами и организаторами системы здравоохранения в деревне. В дальнейшем, данная политика советского государства, будет продолжена. В результате, в деревне складывается система «фельдшеризации».

Таким образом, в 1920–1930-х гг. в нашей стране, в том числе на Урале, была создана государственная система здравоохранения и медико-санитарного обслуживания основанная на принципах централизации, единства и бесплатности медицинской помощи, которая значительно улучшила бытовое положение крестьянства. Однако проходившие в этот период модернизационные процессы, связанные прежде всего с индустриальным развитием, обусловили необходимость изъятия значительных средств из сельского хозяйства и социальной сферы села. Поэтому государственное финансирование сельской медицины и санитарно-противоэпидемических мероприятий сталкивалось с серьезными трудностями и осуществлялось большевистским руководством по остаточному принципу.

Привлечение средств крестьянства для материальной поддержки здравоохранения наряду с бюджетным финансированием, имевшее место в 1920-е гг., оказалось невозможным в предвоенное десятилетие из-за разорения деревни, связанного с насильственной коллективизацией и голодом. В то же время во второй половине 1930-х гг. и в конце исследуемого периода на Урале имело место значительное расширение сети учреждений здравоохранения на селе, улучшение эпидемического и бытового состояния деревни: в уральских областях ушли в прошлое эпидемии оспы, сократились вспышки сыпного тифа, населению были «привиты» элементарные правила бытового обслуживания. Однако в национальных районах Уральского региона высокой оставалась заболеваемость трахомой и венерическими болезнями, детскими инфекциями.

Улучшению бытового положения в сельской местности способствовала большая работа органов здравоохранения по привитию крестьянству санитарно-гигиенических навыков, расширению снабжения деревни средствами гигиены. В конце исследуемого периода государством были предприняты первые шаги по улучшению санитарного состояния районных сельских центров уральских областей и автономных республик.

В целом, положительно характеризуя государственную политику по расширению медицинского обслуживания и улучшению санитарно-эпидемического состояния сельского населения Уральского региона, хотелось бы не допустить переоценки результатов этой деятельности в конце 1930-х – начале 1940-х гг., что имело место прежде всего в советской исторической литературе. Функционирование централизованной государственной системы медицинского обслуживания было возможно лишь за счет расширения ее финансирования из государственного бюджета. Осуществляя модернизацию, государство в исследуемый период обеспечивало индустриальное развитие во многом за счет средств, изъятых из сельскохозяйственного сектора экономики, сокращая финансирование социальной сферы, в том числе здравоохранения. В предвоенные годы уровень материального благосостояния деревни и качество медицинского обслуживания сельского населения Уральского региона были вполне сопоставимы с показателями в целом по РСФСР, однако значительно уступали аналогичным показателям в городской местности.

⁵⁹ Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 81

Литература

Алексеев В.В., Логунов Е.В. Индустриальное наследие в постиндустриальном обществе // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. Екатеринбург, 1995.

Алтайский И., Попов А. Колхозная Кубань // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1938. № 2. С. 32–53.

Ашурков Е.Д. Очерки истории здравоохранения в СССР (1917–1957). М., 1957. 168 с.

Баткис Г.А. Двадцать лет советского здравоохранения. М., 1944. 124 с.

Борлакова Ф.А. Развитие здравоохранения в Карачае и Черкессии (1860–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Черкесск, 2002. 242 с.

Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2006. 253 с.

Виноградов Н.А. Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934). М., 1955. 228 с.

Владимирский М.Ф. Вопросы советского здравоохранения. М., 1960. 168 с.

Горфин Д.В. Очерки истории развития сельского здравоохранения в СССР. (1917–1957 гг.). М., 1961. 236 с.

Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925–1940: сб. док-тов и мат-лов / сост. Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев, П.П. Ковалев и др. М.: Медицина, 1973. 327 с.

Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.

Корнилов Г.Е., Пересторонина Л.И., Каракулов Д.В. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX в.) // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 381–412.

Котов Г., Струков М., Горбатенко Г., Френкель Я. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 5. С. 228–241.

Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932). Оренбург, 2004. 676 с.

Леви М.Ф., Каневский Л.О. Участие трудящихся в СССР в строительстве здравоохранения. М., 1957. 172 с.

Пилипенко В.А. Становление и развитие здравоохранения в Коми АССР в 1920–1930-х годах: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 244 с.

Самсоненко Т.А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России в 1930-х годов. Новочеркасск, 2011. 224 с.

Сербин Г.М. Здравоохранение в сельско-хозяйственном социалистическом секторе // Уральский медицинский журнал. 1930. № 1. С. 8–13.

Трофимов В.В. Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет. М., 1967. 332 с.

Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М.: Госполитиздат, 1937. 166 с.

References

Alekseev, V.V., Logunov, E.V. (1995). Industrial'noe nasledie v postindustrial'nom obshchestve [Industrial Heritage in Post-Industrial Society]. In *Opyt izucheniya i ispol'zovaniya pamyatnikov industrial'noy kul'tury Rossii. Ekaterinburg*.

Altayskiy, I., Popov, A. (1938). Kolkhoznaya Kuban' [Kolkhoznaya Kuban]. In *Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya sel'skogo khozyaystva*. No. 2, pp. 32–53.

Ashurkov, E.D. (1957). *Ocherki istorii zdravookhraneniya v SSSR (1917–1957)* [Essays on the History of Healthcare in the USSR (1917–1957)]. Moscow, 168 p.

Batkis, G.A. (1944). *Dvadtsat' let sovetskogo zdravookhraneniya* [Twenty Years of Soviet Healthcare]. Moscow. 124 p.

Borlakova, F.A. (2002). *Razvitie zdravookhraneniya v Karachae i Cherkessii (1860–1941 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk [History of Health Care and Medical Education in the Don and the North Caucasus (19th Century – 1940)]. Cand. hist. sci. diss. Cherkessk. 242 p.

Vasilenko, V.G. (2006). *Istoriya zdavookhraneniya i meditsinskogo obrazovaniya na Donu i Severnom Kavkaze (XIX v. – 1940 g.): dis. ... kand. ist. nauk* [History of Health Care and Medical Education in the Don and the North Caucasus (19th Century–1940)]. Cand. hist. sci. diss. Armavir. 253 p.

Vinogradov, N.A. (1955). *Zdavookhranenie v period bor'by za kollektivizatsiyu sel'skogo khozyaystva (1930–1934)* [Health Care during the Struggle for the Collectivization of Agriculture (1930–1934)]. Moscow. 228 p.

Vladimirskiy, M.F. (1960). *Voprosy sovetskogo zdavookhraneniya* [Issues of Soviet Health Care]. Moscow. 168 p.

Gorfin, D.V. (1961). *Ocherki istorii razvitiya sel'skogo zdavookhraneniya v SSSR (1917–1957 gg.)* [Essays on the History of the Development of Rural Health Care in the USSR (1917–1957)]. Moscow. 236 p.

Zavalishchenko, L.I., Gusev, P.I., Kovalev, P.P. (1973). *Zdavookhranenie v gody vosstanovleniya i sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo hozyaystva SSSR: sb. dok-tov i mat-lov* [Health Care during the Years of Restoration and Socialist Reconstruction of the National Economy of the USSR: Collection of Documents and Materials]. Moscow. 327 p.

Kornilov, G.E. (2014). *Evolyutsiya mladencheskoy smertnosti na Urale v pervoy polovine XX v.* [The Evolution of Infant Mortality in the Urals in the First Half of the 20th Century]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 80–89.

Kornilov, G.E., Perestoronina, L.I., Karakulov, D.V. (2000). *Agrarnaya sfera Urala v usloviyakh modernizatsii (pervaya chetvert' XX v.)* [Agrarian Sphere of the Urals in the Conditions of Modernization (The First Quarter of the 20th Century)]. In *Ural'skiy vestnik*. No. 5-6, pp. 381–412.

Kotov G., Strukov M., Gorbatenko G., Frenkel' Ja. (1939). *Sovetskaya derevnya k tret'ey pyatiletke* [Soviet Village to the Third Five-Year Plan]. No. 5, pp. 228–241.

Labuzov, V.A. (2004). *Agrarnye otnosheniya na Juzhnom Urale v pervye desyatiletiya Sovetskoy vlasti (1917–1932)* [Agrarian Relations in the Southern Urals in the First Decades of Soviet Power (1917–1932)]. Orenburg. 676 p.

Levi, M.F., Kanevskiy, L.O. (1957). *Uchastie trudyashchikhsya v SSSR v stroitel'stve zdavookhraneniya* [Participation of Workers in the USSR in the Construction of Healthcare]. Moscow. 172 p.

Pilipenko, V.A. (2006). *Stanovlenie i razvitie zdavookhraneniya v Komi ASSR v 1920–1930-kh godakh: dis. ... kand. ist. nauk* [The Formation and Development of Health Care in the Komi ASSR in the 1920s–1930s]. Cand. hist. sci. diss. Syktyvkar. 244 p.

Samsonenko, T.A. (2011). *Kollektivizatsiya i zdavookhranenie na Yuge Rossii 1930-kh godov* [Collectivization and Health Care in the South of Russia in the 1930s]. Novocherkassk. 224 p.

Serbin, G.M. (1930). *Zdavookhranenie v sel'sko-khozyaystvennom sotsialisticheskom sektore* [Health Care in the Agricultural Socialist Sector]. In *Ural'skiy meditsinskiy zhurnal*. No. 1, pp. 8–13.

Trofimov, V.V. (1967). *Zdavookhranenie Rossiyskoy Federatsii za 50 let* [Health Care of the Russian Federation for 50 years]. Moscow. 332 p.

Shuvaev, K.M. (1937). *Staraya i novaya derevnya* [Old and New Village]. Moscow, Gospolitizdat. 166 p.

В.Б. Лапердин*

**ОПЛАТА ТРУДА РАБОЧИХ МТС
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-18
УДК 94(571.1)"1930/1940"

Выходные данные для цитирования:
Лапердин В.Б. Оплата труда рабочих МТС в Западно-Сибирском крае в 1930-е годы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 220–229.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-18.pdf>

V.B. Laperdin*

**REMUNERATION OF MTS WORKERS
IN THE WEST SIBERIAN REGION IN THE 1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-18

How to cite:
Laperdin V.B. Remuneration of MTS Workers in the West Siberian Region in the 1930s // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 220–229.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-18.pdf>]

Abstract. Author analyzes the wage system of workers and employees of machine-tractor stations in 1930's. It is shown that two different wage systems were preserved in MTS. One was for clerks and regular employees of the stations, the other was for workers. The wage system for full-time employees remained unchanged. But the wage system for workers was reorganized throughout the decade. The main part of machine operators remained by their social status collective farmers, and had a system of payment peculiar to this category of the population – in “labor days”. Already in the years of the first five-year plan, it became clear that mechanics could not be kept in MTS without improving their material standard of living. In 1932, government increased the cost of “labor days” for machine operators by introducing fixed rates. In 1933 the “weight” of a “labor day” was again increased and progressive wage system was introduced. However, high turnover of personnel persisted. By 1935 MTS staff included most qualified workers – foremen and combine harvesters. Following this, there was a need to enlist rank-and-file workers. But the state, seeking to save money, was unwilling to take such measures, shifting the responsibility for paying mechanics to collective farms. Desire of mechanics to join the staff of MTS was explained not so much by the desire to secure a privileged position in collective farm society. But rather the need to create a mechanism to protect their own labor rights, regularly violated by both the station management and collective farm management. Delays in payment of wages on the part of collective farms and numerous fines imposed by MTS directorate became ubiquitous phenomenon. Only in 1939 a half-hearted decision was made. “Mekhanizators” remained in collective farms, but monetary part of wages was taken by the state. Natural part, as before, continued to be paid by collective farms. Thus, not only rural youth had to adapt to the new social conditions of collective farm village, an integral part of which became the MTS. The ruling regime was forced to make certain concessions, improving the system of payment for station workers. The final decision to enroll mechanics in the staff of MTS was delayed and was implemented only in the postwar years, shortly before the liquidation of the system of machine and tractor stations.

Keywords: machine and tractor stations, agrarian policy of the state, collective farms, Siberia.

The article has been received by the editor on 22.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Вячеслав Борисович Лапердин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru
Vyacheslav Borisovich Laperdin, Candidate of History Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется система оплаты труда рабочих и служащих машинно-тракторных станций в 1930-е гг. Показано, что в МТС сохранились две различные системы оплаты труда: одна – для служащих и штатных работников станций, другая – для рабочих. Система оплаты труда штатных сотрудников оставалась практически неизменной. Но система оплаты труда рабочих на протяжении десятилетия подвергалась реорганизации. Основная часть механизаторов оставалась по своему социальному статусу колхозниками и имела свойственную для данной категории населения систему оплаты – в трудоднях. Уже в годы первой пятилетки стало ясно, что механизаторов не удержать в деревне без улучшения их материального уровня жизни. В 1932 г. государство повысило стоимость трудодня механизаторов, введя твердые расценки. В 1933 г. был вновь увеличен «вес» трудодня и введена прогрессивная система оплаты труда. Однако высокая текучесть кадров сохранялась. К 1935 г. в штат МТС зачислили наиболее квалифицированные рабочие кадры – бригадиров и комбайнеров. Вслед за этим возникла потребность зачисления в штат рядовых рабочих. Но государство, стремясь сэкономить, не желало идти на подобные меры, перекладывая ответственность за оплату труда механизаторов на колхозы. Стремление механизаторов войти в штат сотрудников МТС объясняется не столько желанием закрепить за собой привилегированное положение в колхозном социуме, а скорее необходимостью создания механизма защиты собственных трудовых прав, регулярно нарушавшихся как со стороны дирекции станций, так и колхозного правления. Задержки оплаты труда колхозами и многочисленные штрафы, накладываемые дирекцией МТС, стали повсеместным явлением. Только в 1939 г. было принято половинчатое по своему характеру решение. Механизаторы оставались в колхозах, но денежную часть оплаты труда брало на себя государство. Натуральную часть, как и ранее, продолжали выплачивать колхозы. Таким образом, не только сельской молодежи приходилось адаптироваться к новым социальным условиям колхозной деревни, неотъемлемой частью которой стали МТС. Правящий режим оказался вынужден пойти на определенные уступки, улучшая систему оплаты труда рабочих станций. Окончательное решение о зачислении в штат МТС механизаторов откладывалось и было реализовано только в послевоенные годы, незадолго до ликвидации самой системы машинно-тракторных станций.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции, аграрная политика государства, колхозы, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022 г.

Взятый сталинским руководством курс на сплошную коллективизацию и создание колхозной системы предполагали организацию сети машинно-тракторных станций. МТС не имели аналогов в истории, являясь абсолютно новыми хозяйственными структурами, выполнявшими в том числе политические и социальные функции. В советской деревне внутри колхозного социума появилась обособленная категория населения – рабочие машинно-тракторных станций (механизаторы). Цель данной статьи – изучение рабочих отношений в МТС и изменение системы оплаты механизаторов в 1930-е гг. на примере Западно-Сибирского края.

Первоначально исследованием МТС и рабочих отношений занимались советские ученые-экономисты¹, очень быстро к ним подключились историки². Наибольший вклад в изучение рабочих отношений в советской историографии внес Ю.В. Арутюнян³, рассматривавший социально-экономическое положение механизаторов и размер заработной платы.

¹ Вопросы экономики МТС. Материалы науч. конф. (Киев, 4–6 февраля 1955 г.). М., 1955.

² Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 274–279; Аграрная политика коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939 гг.): сб. статей. Владимир, 1985.

³ Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М., 1960.

Основным стимулом для реформирования государством системы оплаты труда был низкий материально-бытовой уровень жизни большинства рабочих МТС и вызванная этим высокая текучесть кадров. Несмотря на ряд принятых мер, государству в 1930-е гг. так и не удалось создать приемлемые условия в МТС для механизаторов, что привело к самовольному оставлению ими мест работы.

В современной историографии в рамках направления, сформированного В.П. Даниловым, Н.А. Ивницким, И.Е. Зелениным⁴, основное внимание уделяется изучению социально-политических функций МТС. Перечисленные исследователи уделяют мало внимания рабочим отношениям внутри МТС, в основном говоря о бегстве рабочих станций в города с целью поиска лучшей жизни. Несколько лучше разработали данную проблему ученые, использующие парадигму модернизации при изучении аграрной истории России. Так, по мнению М.А. Безнена и Т.М. Димони, механизаторы являлись не просто новой социальной группой, а особым социальным классом с собственным самосознанием и привилегированным положением в советской деревне, выражавшемся в более высоком, по сравнению с рядовыми колхозниками, материально-бытовом уровне жизни⁵. Схожей точки зрения придерживается Ш. Фицпатрик, проводившая свое исследование в рамках социальной истории. Для нее механизаторы также являются привилегированной группой, чья социальная мобильность и возможности продвижения значительно превосходили возможности других крестьян⁶. Между тем в современной историографии существует и противоположная оценка. В.Н. Томилин оспаривает мнение о механизаторах как «рабочей аристократии» на селе и считает, что их материально-бытовое положение оставляло желать лучшего, а социальные возможности сильно преувеличены⁷.

Для решения данного дискуссионного вопроса будет полезным детально проследить изменение системы оплаты труда механизаторов и особенности их социального положения. Механизаторы, являясь рабочими МТС, оставались членами колхозов, а значит входили в социальную группу колхозников со свойственной ей системой оплаты труда в трудовнях. Иными словами, механизаторы, как и рядовые колхозники, работали «за трудовни», которые им начисляли МТС, а выплачивали колхозы. Служащие станций не относились к данной социальной категории и получали твердую заработную плату из финансовых фондов МТС. В данной статье будет показано, что основной тенденцией реформирования системы оплаты труда механизаторов являлось повышение их материально-бытового уровня жизни, сопровождавшееся стремлением со стороны рабочих добиться своего зачисления в штат машинно-тракторных станций и изменения социального статуса.

Первоначально гарантированного минимума оплаты труда механизаторов не существовало, они зарабатывали наравне с остальными колхозниками. В 1932 г. трактористы стали получать 1 руб. 30 коп. на трудовень, что кардинально не изменило их положение⁸. В 1933 г. в Западной Сибири лучшие трактористы не вырабатывали за год на тракторах СТЗ более 170, а на тракторах меньшей мощности – 135 трудовых. Они относились к рабочим колхоза повышенной квалификации, т.е. за выполненную ими работу начислялось больше трудовых, чем рядовым колхозникам. На практике же даже колхозник низкой квалификации при условии добросовестного отношения к своим обязанностям и регулярного выхода на работу за год зарабатывал трудовых больше, чем механизатор. Колхозники повышенной квалификации вырабатывали за сезон 350–400 трудовых⁹. Таким образом, существовавшая система начисления трудовых не только не стимулировала работу механизаторов, но и стала причиной их ухода из МТС.

⁴ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 251–257.

⁵ Безнен М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 481.

⁶ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 21.

⁷ Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 210–245.

⁸ Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 32.

⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 355. Л. 237–238.

Тяжелое положение рабочих кадров машинно-тракторных станций осознавалось руководством Западно-Сибирского края, искавшим выход из сложившейся ситуации. В 1933 г. заместитель заведующего краевым земельным управлением П.И. Меерченко предложил проект улучшения оплаты труда трактористов, сводившийся к следующим пунктам:

«1. В оплате работы по пахоте перейти к прогрессивной сдельщине, установив дифференциацию в зависимости от производительности и мощности трактора, с резким повышением оплаты последующего гектара, с расчетом обеспечения при выполнении нормы заработка до 3½ тр[удо]дней и всякое перевыполнение нормы оплачивать в тройном размере в сравнении с первым гектаром.

2. По всем остальным работам на тракторах, за исключением трактористов работающих комбайнами, существующую сдельную расценку увеличить не меньше как на 70–80 %, что также обеспечит при выполнении нормы 3½ трудодня.

3. За работу, проведенную сверх установленной нормы выработки, при применении простой сдельщины, трактористам начисляют трудодни в двойном размере.

4. Установить твердый гарантированный минимум оплаты трудодня для всех трактористов не меньше 2 руб[лей] 50 коп[еек] деньгами и не меньше 3 килограммов хлеба на трудодень.

<...>

5. Оплату начальника отряда (бригадиром) и их помощникам предлагаем установить в прямой зависимости от количества трудодней, вырабатываемых всеми трактористами его отряда»¹⁰.

Но даже в случае реализации предложенного проекта, по заключению П.И. Меерченко, фактическая оплата труда механизаторов лишь приблизится, но не достигнет среднего заработка колхозника повышенной квалификации.

Руководство страны также пришло к идее реформирования системы оплаты труда. Согласно постановлению СНК СССР от 21 сентября 1933 г., начиная с 1934 г. все расчеты с трактористами производились непосредственно МТС, для чего колхозы вносили им деньги в размерах, определяемых количеством трудодней, выработанных трактористами. Последние имели гарантированный минимум заработка в размере 2 руб. 50 коп. и 3 кг хлеба на трудодень. Кроме того, СНК СССР постановил перейти к прогрессивной системе оплаты труда за работу по пахоте, установив оценку одного гектара, вспаханного за смену, в 0,5 трудодня, второго – в 0,7, третьего – в 1,2 и четвертого – в 1,7 трудодня. Время простоя трактора не оплачивалось. Для трактористов первой категории каждая из этих расценок повышалась на 0,1 трудодня. За выполнение сменной нормы выработки по посеву, бороньбе и т.д. трактористам начислялось три трудодня. Кроме того, полагались премии за экономию горючего, перевыполнение норм выработки, хорошее техническое состояние трактора, а также штрафы и взыскания за невыход на работу, перерасход горючего, нарушение агрономических и технических правил.

Оплата тракторных бригадиров была выше и до 1 января 1934 г. сохранялась по количеству выработанных трудодней с доплатой от МТС в размере до 90 руб. в месяц в зависимости от успешности работы бригады. После 1 января 1934 г. бригадир имел право сохранить существующую систему оплаты труда или же перейти целиком на содержание от МТС с платой в размере до 150 руб. в месяц и выдачей хлеба по твердым нормам из фондов станции. Ремонтный бригадир получал до 200 руб. в месяц, премию за хорошую организацию ремонта тракторов и их содержание в надлежащем виде в течение года¹¹.

Таким образом, произошло не только введение прогрессивной системы оплаты труда механизаторов, но и перевод отдельных категорий рабочих (тракторных и ремонтных бригадиров) на положение штатных работников МТС, чей заработок не зависел от количества выработанных трудодней. В 1935 г. это же право получила одна из категорий рабочих – комбайнеры. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР, они становились постоян-

¹⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 355. Л. 239–240.

¹¹ СЗ СССР. 1933. № 60. Ст. 361.

ными штатными работниками МТС¹². По всей видимости, это произошло с целью снижения текучести кадров и необходимости закрепления комбайнеров на своих местах как наиболее квалифицированных рабочих. Во все остальное время, кроме уборки, комбайнеры использовались в качестве тракторных бригадиров, трактористов или ремонтных рабочих с оплатой труда в размере от 200 до 240 руб. в месяц в зависимости от выработки. При привлечении на тракторные работы комбайнеры имели право вместо установленной денежной оплаты получать заработанное в трудоднях на общих основаниях с другими трактористами. При прямом использовании в качестве комбайнеров им устанавливалась прогрессивная система оплаты труда, зависящая от выработки и состоявшая как из денежной, так и натуральной части.

Основной проблемой для механизаторов стал не низкий уровень оплаты их труда, а невозможность получить заработанное от колхозов, постоянно задерживавших выплаты. Обследование Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР в 1933 г. установило¹³, что натуральная и денежная оплата труда трактористов во многих регионах страны производится несвоевременно, а принятые Наркомземом СССР меры по ликвидации задолженности недостаточны. Для исправления сложившейся ситуации Народный комиссариат земледелия СССР отправил на места ответственных работников для принятия совместно с краевыми и областными земельными органами срочных мер к ликвидации задолженности механизаторам. Трактористы должны были немедленно получить гарантированный минимум натуральной и денежной оплаты труда (2 руб. 50 коп. и 3 кг хлеба за трудодень). В случае продолжения задержки на директоров МТС накладывались взыскания.

Принятые меры не изменили ситуацию коренным образом. Проверка работы трех МТС Мамонтовского района Западно-Сибирского края в 1936 г. выявила значительную задолженность заработной платы трактористам со стороны колхозов. Подобная ситуация сложилась в первую очередь по причине отсутствия внимания к данному вопросу дирекции станций¹⁴. Колхозы оплачивали работу трактористов в денежной форме, переводя средства МТС, а те в свою очередь распределяли их между рабочими. Натуральную часть колхозы выдавали на руки, минуя дирекцию станций. При этом последняя не следила, получили рабочие причитающееся или нет. Отсюда огромные задолженности по заработной плате со стороны колхозов. Кроме того, они не всегда соблюдали условия минимальной оплаты, выдавая на трудодень хлеб наравне с рядовыми колхозниками.

Заработок тракториста зависел от характера выполняемой работы. Трактористы старались заниматься видом деятельности, позволявшим получить большее количество трудодней (посев, пахота), и увиливали от культивации, дискования и боронования. МТС произвольно меняли установленные Наркомземом СССР расценки, поэтому в соседних станциях одна и та же работа оплачивалась по-разному. По данным МТС Мамонтовского района, «При выполнении нормы мягкой пахоты трактором СХТЗ Крестьянская МТС начисляет 6,3 трудодня, Колхозная – 3,2 трудодня, Мамонтовская – 4,1 трудодня»¹⁵. Работавшие на гусеничных тракторах зарабатывали меньше, чем на колесных. Все вышеперечисленные нарушения в системе оплаты труда возникли из-за отсутствия контроля со стороны центральных и региональных организаций за нормированием и расценками. МТС изменяли их согласно собственным потребностям. Пострадавшей стороной оказывались рядовые рабочие машинно-тракторных станций, недополучавшие заработную плату.

Аналогичное положение складывалось и в других районах. В 1936 г. начальник Алейского районного отдела НКВД докладывал: «В колхозе “Новая жизнь” тракторист ПЕРМЯКОВ Алексей 9/IX с.г. говорит, что трактористы наших колхозов намерены бросить работу и уйти, но боятся того, что будут привлекаться как за срыв уборочной, это объясняется тем, что зарплата Кашинской МТС не выплачивается с начала весенней посевной, как пример: “Я, ПЕРМЯКОВ, и еще со мной товарищ 13/IX с.г. идем в армию РККА, а зарплату директор МТС ТРУБНИКОВ не выдает, говорит, что у вас перерасход горючего”.

¹² СЗ СССР. 1935. № 21. Ст. 164.

¹³ СЗ СССР. 1933. № 66. Ст. 399.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 805. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 7.

Такого же настроения трактористы колхоза им. Петровского ПИЛИПЕНКО Сидор и МЕРЩУК, которые говорят, что “лето проработали, а зарплаты не получали, как только кончится уборочная, бросаем работу и уходим в колхоз”.

Этого же настроения бригадиры тракторных отрядов в колхозах Кобаковского с[ель]совета ШЛЫКОВ и МАЗУРОК»¹⁶.

Не в лучшем положении находились ремонтные рабочие машинно-тракторных мастерских, особенно зимой. Их прикрепляли к колхозам, начислявшим до одного трудодня за выполнение дневной нормы. При этом им полагалась доплата от МТС или МТМ. Подобная система оплаты ставила в невыгодное положение целый ряд колхозов, которым приходилось оплачивать труд рабочих, задействованных на ремонте техники, потом обслуживавшей соседние колхозы. Председатели сельхозартелей различными способами старались уклониться от расчетов с механиками за произведенный ремонт. Складывалась ситуация, невыгодная всем сторонам: отдельным колхозам приходилось оплачивать ремонт тракторов за всю округу, рабочие получали оплату с большой волокитой, а МТМ чуть ли не силой заставляли лучших специалистов заниматься ремонтом техники, в то время как они всячески уклонялись от данного задания¹⁷.

Задержка заработной платы механизаторов стала столь распространенной, что правительству пришлось издать в 1937 г. специальный указ, устанавливающий порядок рассмотрения судебных исков механизаторов к МТС и колхозам¹⁸. Все три стороны имели право в судебном порядке отстаивать свои интересы. Однако, учитывая волокиту судебных органов, положение простых рабочих с выходом этого указа не изменилось к лучшему. Летом 1938 г. НКВД по Новосибирской области сигнализировал о проблемах с выплатой зарплаты в ряде МТС: «В той же Усть-Сосновской МТС Топкинского р[айо]на комбайнерам, работающим в МТС, давно не полностью выплачена зарплата за 2 года. Задолженность трактористам и комбайнерам достигает 100 тыс. руб.

Директор РУБЦОВСКИЙ на требования комбайнеров погасить задолженность по зарплате отвечает: “Зарплату спрашивайте с Ваньки ВЕТРОВА, а я тут не причем. В МТС был вредитель СОБИЩУК он вам пусть и платит”. Такой ответ законно возмущает комбайнеров и трактористов, последние многие намерены уходить с работы.

Рабочие МТС находятся в самых скверных бытовых условиях»¹⁹.

Кроме невыплаты заработной платы, рабочие МТС столкнулись с проблемой штрафов, налагавшихся за простои, невыход на работу, поломки техники и пережог горючего. Руководство МТС, используя систему штрафов, перекладывало ответственность за перерасход горючего на механизаторов. Согласно утвержденному 23 сентября 1933 г. СТО СССР положению, трактористы штрафовались за перерасход горючего в пятикратном размере его стоимости. Одновременно с этим государственные цены на горючее для МТС увеличивались в 10 раз (если ранее тонна керосина стоила 70–80 руб., то к концу 1933 г. уже 800 руб.)²⁰. Отсюда и столь значительная общая сумма налагавшихся штрафов: в Западно-Сибирском крае в 1936 г. из долга 6,9 млн руб. задолженности МТС за ГСМ перед государством было взыскано с механизаторов путем начисления штрафов 3,7 млн руб.²¹ Дирекция Тогульской МТС удержала с рабочих плату за перерасход горючего согласно старым нормам его потребления вопреки постановлению краевого земельного управления об увеличении нормы. В итоге комбайнеры не только не получили причитающуюся им зарплату, но и остались должны дирекции 472 руб.²² Только после вмешательства Западно-Сибирского крайкома был произведен перерасчет. Впрочем, механизаторы не отставали от дирекции станций и всячески старались схитрить, сэкономив горючее в ущерб качеству своей работы: вместо

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 852. Л. 105.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 869. Л. 102.

¹⁸ СЗ СССР. 1937. № 50. Ст. 214.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 63. Л. 83.

²⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 101.

²¹ Там же. Л. 1.

²² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 779. Л. 293–295.

глубокой пахоты производили мелкую вспашку, не обрабатывали в необходимом объеме поднятые пары и т.д.

Невысокие профессиональные качества многих рабочих приводили к увеличению поломок техники. Зачастую сельская молодежь ни по своему образованию и техническим навыкам, полученным до поступления на курсы механизаторов (учителям приходилось преподавать им не только технические дисциплины, но и общеобразовательные, например русский язык), ни по своему крестьянскому менталитету оказалась не готова к освоению сложной техники и уж тем более к качественной работе. С целью стимулировать развитие технических навыков государство в 1938 г. решило дополнить существовавшую ранее практику наказания за поломку техники поощрением за ее сохранность после окончания сельскохозяйственных работ. СНК СССР постановил²³: в случае одобрения комиссии под руководством старшего механика МТС, осматривавшего технику, выплачивать трактористам премию в размере 40 % от экономии средств, отчисленных на текущий ремонт закрепленной за ними машины. Бригадир и его заместитель за хорошее техническое состояние тракторов своей бригады также получали премию. Материальное поощрение полагалось механику по сельскохозяйственным машинам и старшему механику. Тогда же правительство постановило премировать тракторные бригады за экономию горючего в размере 10 % стоимости сэкономленного²⁴. Впрочем, немногие механизаторы сумели поправить свое материальное положение благодаря данным поощрительным мерам. Техника ломалась не только по причине плохого ухода, но и невысокого заводского качества. А перерасход горючего происходил вследствие низких норм его потребления, установленных государством.

Необходимость реорганизации осознавалась Наркомземом, предлагавшим принять за счет государства денежную часть оплаты работы трактористов в 1937 г.²⁵ Данное положение содержалось в проекте реформирования финансовой системы МТС, предложенном репрессированным главой Наркомзема М.А. Черновым. Уже после его ареста на местах широко развернулось обсуждение проекта. В конце 1937 г. руководство сельских районов совместно с директорами МТС и их заместителями рассмотрело представленный Наркомземом проект и выдвинуло встречные предложения. В основном они касались не столько финансовой системы, а работы машинно-тракторных станций в целом, в том числе проблемы подготовки кадров и заработной платы. Местные власти шли дальше предложенных государством мер и предлагали государству гарантировать рабочим МТС полную оплату труда.

Данные изменения были связаны с реформированием финансовой системы машинно-тракторных станций и являлись составной частью проекта, представленного Наркомземом в 1937 г. Правительство реализовало данный проект в два этапа, изменив финансирование МТС в 1938 г., а оплату труда рабочих – в 1939 г. Ситуация требовала скорейших действий, только в 1939 г. государство выдало в виде ссуды колхозам СССР 111 млн руб., чтобы те могли погасить свои задолженности перед трактористами²⁶. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 января 1939 г., государство взяло на себя обязательство по оплате гарантийного денежного минимума (2 руб. 50 коп. за трудовой день) трактористам, оставив за колхозами обязанность выплачивать им разницу между гарантийной денежной оплатой и фактической стоимостью денежной части трудового дня, если та превышала установленный минимум. Также в обязанность колхозов входила выплата натуральной части заработка²⁷.

К 1939 г. стали видны недостатки прогрессивной системы оплаты труда трактористов. На практике в каждой МТС существовала своя собственная норма выработки. Применение прогрессивной системы на пахоте привело к ликвидации всяческих норм. Посев, культивация и боронование оплачивались хуже, чем работа на пахоте, поэтому трактористы старались увильнуть от подобных заданий.

²³ СП СССР. 1938. № 4. Ст. 10.

²⁴ Там же. Ст. 11.

²⁵ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 821. Л. 78.

²⁶ СП СССР. 1939. № 17. Ст. 116.

²⁷ Там же. № 4. Ст. 13.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8 марта 1939 г. отменили введенную до этого систему оплаты труда трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, а также учетчиков-заправщиков²⁸. Вводились новые нормы выработки с дифференциацией по республикам, краям и областям²⁹. Региональные власти получили право уменьшать или увеличивать их по отдельным МТС в пределах установленных норм в зависимости от глубины пахоты, особенностей почвы, величины земельных участков и т.д. Такое же право получили директора МТС в отношении сменных норм выработки.

Начисление трудодней трактористам на всех видах полевых работ, за исключением комбайновой уборки и молотбы, производилось за выполнение сменной нормы в размере 4 трудодней на колесных тракторах и 5 трудодней на гусеничных. Для трактористов первой категории оплата повышалась на 10 %. При перевыполнении сменной нормы устанавливалась прогрессивная система оплаты труда по всем видам тракторных работ. Перевыполнение на 25 % оплачивалось на 25 % выше обычных расценок; если норма перевыполнялась в размере от 25 до 50 %, то работа оплачивалась в полуторном размере, свыше 50 % – в двойном размере. Во избежание вынужденных простоев тракторов допускалась сверхсменная работа, оплачиваемая в полуторном размере. За каждый гектар, выполненный сверх сезонной нормы выработки, при хорошем качестве работы трактористам, работающим на колесных тракторах, дополнительно начислялось по 1/2 трудодня, на гусеничных тракторах – по 1/5 трудодня. Проверка качества работы трактористов проходила ежедневно и осуществлялась бригадиром полеводческой бригады в присутствии бригадира и учетчика тракторной бригады. При нарушении установленной глубины вспашки с трактористов удерживалось 50 %, а с бригадира тракторной бригады – 10 % стоимости горючего, израсходованного на забракованные работы. Оплата за простой тракторов, полевой ремонт, переезд тракторов и доставку машин от усадьбы МТС до места работы и обратно не производилась. С целью стимулировать сжатые сроки весенних полевых работ первые два дня работы на бороновании и первые шесть дней на весенней культивации и весеннем севе оплачивались в двойном размере.

Размер оплаты труда трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников сохранялся в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 января 1939 г.: гарантированный государством минимум денежной оплаты в 2 руб. 50 коп. за трудодень, а также выплачиваемая колхозами разница между установленным минимумом и реальной денежной оплатой трудодня. Кроме того, рабочим МТС полагалось получить с колхозов натуральную оплату – не менее 3 кг хлеба за заработанный трудодень. Колхозы обязаны были самостоятельно доставлять продукты рабочим МТС на дом.

Бригадирам тракторных бригад трудодни начислялись на 30 %, а помощникам бригадира – на 20 % выше среднего заработка тракториста. За хорошее качество работы бригадир получал премию в размере 75 коп. за каждый выработанный им трудодень, а его помощник – в размере 50 коп. Учетчикам-заправщикам за рабочий день колхозами начислялось по два трудодня с установленным гарантийным минимумом натуральной оплаты в размере 3 кг хлеба на трудодень. Всем категориям механизаторов устанавливалась дополнительная надбавка за экономию горючего, а за его перерасход полагалось удержание из заработной платы.

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. в МТС сохранялись две различные системы оплаты труда: одна – для служащих и штатных работников станций, другая – для рабочих. Наиболее квалифицированная часть механизаторов (начиная с 1934 г. тракторные и ремонтные бригады, а с 1935 г. – комбайнеры) была зачислена в штат для сокращения текучести кадров. Система оплаты труда штатных сотрудников оставалась практически неизменной. Совершенно иное дело – основная часть рабочих, оставшихся по своему социальному статусу колхозниками, с характерной для данной категории населения системой

²⁸ СП СССР. 1939. № 17. Ст. 116.

²⁹ Опубликовано в газете «Социалистическое земледелие» от 9 марта 1939 г., а также в СП СССР. 1939. № 17. Ст. 116.

оплаты труда в трудоднях. Уже в годы первой пятилетки стало ясно, что механизаторов без повышения материального уровня жизни в деревне не удержать. Заработок на уровне рядовых колхозников не устраивал новоиспеченных трактористов и комбайнеров, становясь причиной оставления ими работы в МТС. Высокая текучесть кадров превратилась в настоящее бегство – механизаторы не просто покидали МТС, вместе с односельчанами они уезжали из деревни. Советское государство в 1930-е гг. столкнулось с весьма значительной проблемой: передовая часть сельской молодежи, имевшая рабочие навыки и олицетворявшая будущее советской деревни, бежала в города. По данным Ю.В. Арутюняна, текучесть кадров трактористов в Сибири в 1931 г. составляла 30 %, в целом по стране до 1933 г. из МТС ежегодно уходило до половины всех механизаторов, к 1939 г. этот показатель удалось сократить до 25 %³⁰.

В 1932 г. государством было решено повысить стоимость трудодня механизаторов, введя твердые расценки. Уже в следующем году как региональному, так и центральному руководству стало ясно, что принятых мер мало. В 1933 г. вновь был увеличен «вес» трудодня и введена прогрессивная система оплаты труда. Сельская молодежь получила возможность зарабатывать значительно больше, чем рядовые колхозники, что повысило их статус в колхозной среде и привлекательность работы механизаторов. Однако увеличив оплату, государство не создало специального механизма по защите трудовых прав механизаторов, подвергавшихся дискриминации как со стороны колхозов, задерживавших выдачу причитающихся денег и хлеба, так и со стороны дирекции МТС, обладывавших своих рабочих всевозможными штрафами. Принятый в 1937 г. указ, нормирующий порядок рассмотрения судебных исков трактористов к МТС и колхозам, коренным образом не менял дело. Высокая текучесть кадров сохранялась, а руководству станций было проще не бороться с ней, а подготовить новых рабочих на краткосрочных курсах. Таким способом решалась проблема восполнения дефицита трактористов, шоферов, прицепщиков. Но наиболее квалифицированную часть рабочих – бригадиров и комбайнеров – быстро заменить оказалось невозможным, поэтому к 1935 г. их зачислили в штат МТС, уравнивая систему оплаты труда со служащими станций. Это, казалось бы, незначительное изменение имело весьма важные социальные последствия, позволяя сельской молодежи перейти из категории колхозников в более высокую по статусу категорию штатных рабочих МТС. Соответственно, увеличился и престиж профессии механизаторов. Тем не менее уровень текучести кадров кардинально не изменился, для осваивания навыков бригадира или комбайнера требовались годы. Новоиспеченные трактористы, недавно получившие модную профессию и отработавшие сезон или два в МТС, предпочитали не дожидаться повышения в должности и покидали место работы, уходя в совхоз или переезжая в город. Возникла потребность зачисления в штат рабочих и сотрудников станций. Однако государство, стремясь сэкономить, не желало идти на подобные меры, перекладывая ответственность за оплату труда механизаторов на колхозы. Только в 1939 г. было принято половинчатое по своему характеру решение. Механизаторы оставались в колхозах, но государство обеспечивало денежную часть оплаты труда, в то время как натуральную продолжали выплачивать колхозы. Таким образом, не только колхозникам приходилось адаптироваться к новым социальным условиям колхозной деревни, неотъемлемой частью которой стали МТС. Правящий режим оказался вынужден пойти на определенные уступки, улучшая систему оплаты труда рабочих станций. Окончательное решение о зачислении в штат МТС механизаторов откладывалось и было реализовано только в послевоенные годы, незадолго до ликвидации системы машинно-тракторных станций.

В заключение стоит вернуться к обозначенному в историографическом разделе вопросу о привилегированности положения механизаторов в колхозном социуме. Представленные в данной статье материалы позволяют сделать вывод о том, что определенные привилегии действительно имели место (более высокая по сравнению с рядовыми колхозниками стоимость трудодня). Однако реализовать на практике эти привилегии не всегда удавалось, что

³⁰ Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 28, 47.

привело к высокой текучести кадров в МТС и их бегству из села. Стремление механизаторов войти в штат сотрудников МТС с последующей гарантированной государством выплатой заработанного из финансовых фондов станции можно объяснить не столько желанием закрепить за собой имеющиеся привилегии или повысить социальный статус, а скорее необходимостью создания механизма защиты собственных трудовых прав, регулярно нарушавшихся как со стороны дирекции станций, так и колхозного правления.

Литература

Аграрная политика коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939 гг.): сб. статей / отв. ред. Н.В. Корольков. Владимир, 1985. 133 с.

Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М.: Наука, 1960. 340 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.

Вопросы экономики МТС: мат-лы науч. конф. (Киев, 4–6 февраля 1955 г.) / ред. кол. П.Н. Першин и др. М.: Госиздат сельхозлит., 1955. 254 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма / Н.Я. Гуцин, Л.М. Горюшкин, В.Т. Агалаков и др. 1917–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1983. С. 390.

Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО – XXI, 2009. 409 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

References

Arutunian, U.B. (1960). *Mechanizatory selskogo hozyaystva USSR v 1929–1957 gg.* [Agricultural Machine Operators of the USSR in 1929–1957]. Moscow, Nauka. 340 p.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2014). *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov* [Agrarian System of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, Lenand. 608 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Stalinskie krestyane: sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: A Village]. Moscow, ROSSPEN. 422 p.

Gushin, N.Ya., Goryushkin, L.M., Agalakov, V.T. (1983). *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [The Peasantry of Siberia during the Consolidation and Development of Socialism]. Novosibirsk, Nauka. 398 p.

Korol'kov, N.V. (Ed.). (1985). *Agrarnaya politika kommunisticheskoy partii na etape stroitel'stva MTS (1929–1939 gg.)* [Agrarian Policy of the Communist Party at the Construction Stage of MTS (1929–1939)]. Vladimir. 133 p.

Pershin, P.N. (Ed.). (1985). *Voprosy ekonomiki MTS* [MTS Economics Issues]. Collection of articles. Moscow, State Publishing House of Agricultural Literature. 254 p.

Tomilin, V.N. (2009). *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoennyu period: 1946–1958 gg.* [Our Fortress. Machine and Tractor Stations of the Chernozem Center of Russia in the Post-War Period: 1946–1958]. Moscow, AIRO – XXI. 409 p.

Zelenin, I.E. (2006). *Stalinskaya "revolyutsiya sverkh" posle "velikogo pereloma", 1930–1939: politika, osushchestvleniye, rezultaty* [Stalin's "Revolution from above" after the "Great Turning Point", 1930–1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka. 212 p.

О.В. Рябкова*

**САЛЕХАРДСКИЙ ЛЕСОТАРНЫЙ ЗАВОД:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-19
УДК 93/94,908*Выходные данные для цитирования:
Рябкова О.В. Салехардский лесотарный завод: достижения и проблемы
развития во время Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2023.
№ 1 (27). С. 230–239. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-19.pdf>*

O.V. Ryabkova*

**SALEKHARD FORESTRY PLANT:
ACHIEVEMENTS AND DEVELOPMENT PROBLEMS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-19

*How to cite:
Ryabkova O.V. Salekhard Forestry Plant: Achievements and Development Problems
during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 230–239.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-19.pdf>]*

Abstract. During the Great Patriotic War, the Yamal-Nenets National Okrug had a low population density. In 1941, it was 46 668 people, and the region had one city, Salekhard, which had 11 512 inhabitants. The economy of the region was based on fish harvesting and processing, reindeer breeding, and fur harvesting. It was the supply of fish products in the war and subsequent years before oil and gas development began that the region was famous for, with 810,000 quintals of fish and 22 million cans of fish and meat products produced in the county between 1941 and 1945. Salekhard was home to the largest fish industry enterprise in the region, the Salekhard Fish Canning Plant, but it was not enough to produce food products, as its transportation required a significant amount of packaging. The Salekhard timber plant provided the fish farm with barrels and vats for salting fish, as well as packaging. The company was founded in 1926 in the village of Obdorsk, which in 1933 was renamed Salekhard. In 1941, the enterprise was subordinated to the Ob State Fishery Trust. In 1943, it was transferred to the newly formed Yamal State Fishery Trust. In 1944, to the Siberian Forestry Fishery Trust of the Main Directorate of the Packaging Industry. The plant was located on the banks of the Polui River, had no mooring devices, cargo handling was done manually by the workers of the enterprise. A steam power plant and a power station were built at the plant to provide power for production facilities. The total planned average number of employees of the plant was 279 people, but during the war the enterprise worked under conditions of severe shortage of workers. The staff shortage during the war was compensated by repressed Germans and Kalmyks. The Salekhard timber plant was no exception in particular, in 1944. Thirty-four special immigrants from the Kalmyk ASSR worked at the company. Employees of the timber plant actively participated in the socialist competition and worked for the benefit of the front. In 1943, the leading edge of production, who exceeded the standards of the production plan were 63 people. In 1944, their number rose to 89. At the end of the Great Patriotic War, 53 employees of the Salekhard timber plant were awarded the medal “For Valorous Labor in the Great Patriotic War of 1941–1945”. Among the awardees were also special settlers exiled to the Yamalo-Nenets National District, such as Letkeman Ivan Petrovich and Shauer Rakhmil Yakovlevich.

Keywords: Yamal, Salekhard, the Great Patriotic War, industry, archival documents.

* **Ольга Викторовна Рябкова**, Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», Салехард, Россия, e-mail: ryabkova.olga2016@yandex.ru
Olga Viktorovna Ryabkova, Research Department of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, Russia, e-mail: ryabkova.olga2016@yandex.ru

The article has been received by the editor on 18.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны в Ямало-Ненецком национальном округе на 1941 г. проживало 46 668 человек, в регионе имелся один город – Салехард с численностью населения 11 512 человек. Основой экономики региона была добыча и переработка рыбы, оленеводство и заготовка пушнины. Именно поставками рыбной продукции в войну и последующие годы до начала нефтегазоосвоения был знаменит регион, за 1941–1945 гг. в округе было добыто 810 000 ц рыбы и 22 млн консервных банок с рыбной и мясной продукцией. В Салехарде находилось самое крупное предприятие рыбной промышленности региона – Салехардский рыбоконсервный комбинат, однако мало было произвести пищевую продукцию, для ее транспортировки требовалось значительное количество тары. Обеспечением рыбного хозяйства бочками и чанами для посола рыбы, а также упаковкой занимался Салехардский лесотарный завод. Предприятие было основано в 1926 г. в поселке Обдорск, который в 1933 г. переименовали в Салехард. В 1941 г. предприятие перешло в подчинение Обского государственного рыбопромышленного треста, в 1943 г. передано новообразованному Ямальскому государственному рыбному тресту, в 1944 г. – Сибирскому леснорыбопромышленному тресту Главного управления тарной промышленности. Завод находился на берегу реки Полуй, причальных устройств не имел, грузо-погрузочные работы производились вручную силами работников предприятия. Для обеспечения электроэнергией производственных мощностей на заводе были построены паросиловая станция и электростанция. Общая плановая среднесписочная численность работников завода составляла 279 человек, однако в годы войны предприятие работало в условиях жесткого дефицита рабочих рук. Восполнение дефицита кадров в годы войны производилось в том числе за счет репрессированных немцев и калмыков, не был исключением и Салехардский лесотарный завод, в частности, в 1944 г. на предприятии работали 34 спецпереселенца из Калмыцкой АССР. Работники лесозавода активно участвовали в социалистическом соревновании, трудились на благо фронта. В 1943 г. передовиками производства, перевыполнившими нормы плана производства, были 63 человека, в 1944 г. их количество выросло до 89 человек. По окончании Великой Отечественной войны 53 работника Салехардского лесотарного завода награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Среди награжденных были и высланные в Ямало-Ненецкий национальный округ – например, Леткеман Иван Петрович и Шауэр Рахмиль Яковлевич.

Ключевые слова: Ямал, Салехард, Великая Отечественная война, промышленность, архивные документы.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Промышленное освоение и развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях является важнейшей проблемой российской научной мысли¹, исследуя которую, авторы нередко обращаются к советском прошлому, в частности к опыту освоения и развития регионов Крайнего Севера². Одним из репрезентативных периодов истории развития промышленности СССР являются годы третьей пятилетки и Великая Отечественная война, так как именно в это время наиболее ярко проявились особенности развития и проблемы мобилизационной экономики СССР. Объектом исследования насто-

¹ Arctic region and Arctic cities vs sustainable region and smart cities / G. Detter, A. Ljovkina, J. Tukkel // E3S Web of Conferences. Сер.: Ural Environmental Science Forum «Sustainable Development of Industrial Region», UESF 2021. 2021; «Большие вызовы» освоения арктических пространств в условиях четвертой промышленной революции / Г.Ф. Деттер // Инновации. 2017. № 11 (229). С. 22–28.

² Освоение Арктики 2.0: продолжение традиций советских исследований. М., 2022. С. 209.

ящей публикации является проблема функционирования Салехардского лесотарного завода, который играл основную роль в обеспечении тарой и древесиной предприятий рыбного хозяйства Ямало-Ненецкого национального округа. В свою очередь, регион был знаменит именно поставками рыбной продукции в войну и последующие годы до начала нефтегазоосвоения: за период с 1941 по 1945 г. в округе на предприятиях рыбной промышленности произведено 22 793 000 консервных банок рыбной и мясной продукции³, в 1957–1964 гг. на долю рыбной промышленности округа приходилось 25–30 % от поставок всей Тюменской области⁴.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1941 по 1945 г. Однако для того чтобы показать динамику развития предприятия, автор обращается к более ранним периодам истории завода.

Проблема обеспечения предприятий рыбной промышленности Ямало-Ненецкого национального округа упаковкой и тарой для посола рыбы рассматривалась в контексте работ по истории региона в XX в.⁵, а также в публикациях, посвященных развитию отраслей народного хозяйства Ямало-Ненецкого национального округа⁶. В публикациях, как правило, упоминается, что в округе остро стоял вопрос обеспечения строительными материалами и тарой предприятий рыбного хозяйства.

Цель настоящей статьи – выявление особенностей функционирования завода в указанный период. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить производственные показатели завода на основе отчетной документации, охарактеризовать материально-техническую базу, выявить проблемы, с которыми сталкивалось предприятие. Поставленные цели и задачи определили источниковедческую базу исследования, в качестве основных исторических источников были использованы материалы предприятия, отложившиеся в государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа. В качестве дополнительных источников использованы фотографии, сохранившиеся в Государственном автономном учреждении Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Эти исторические источники иллюстративно дополнили выявленную информацию по Салехардскому лесозаводу, в частности позволили отразить реалии труда на Полярном круге – производство в условиях половодья, а также долгих и холодных зим на Крайнем Севере. Кроме того, используемые снимки позволяют погрузиться в атмосферу северного города в исследуемый период.

В 1926 г. в поселке Обдорск (в 1933 г. переименован в Салехард, в 1938 г. получил статус города) начал действовать лесопильный завод, получивший одноименное название, в 1933 г. переименован в Салехардский, в 1935 г. преобразован в лесотарный завод (рис. 1).

В феврале 1941 г. предприятие перешло в подчинение Обского государственного рыбопромышленного треста (далее – Обьгосрыбтрест). Завод являлся самостоятельной хозяйственной единицей и действовал на началах хозяйственного расчета в соответствии с плановыми заданиями Обьгосрыбтреста. По своим обязательствам завод отвечал лишь своим имуществом, на которое могли быть наложены взыскания, государство за долги предприятия не отвечало. Уставной фонд предприятия на 1 апреля 1940 г. составлял 706 857 руб.⁷ В 1943 г. лесозавод был передан Ямальскому государственному рыбному тресту, а в 1944 – Сибирскому лесорыбопромышленному тресту Главного управления тарной промышленности⁸. Основные задачи предприятия – организация производства бочек заливных и сухотарных, ящиков для консервов и рыбы, чанов для посола, а также пиломатериалов⁹ (рис. 2, 3).

³ Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижневартовск, 2015. С. 143.

⁴ Ямало-Ненецкий национальный округ: Экономико-географическая характеристика. М., 1965. С. 95.

⁵ Там же. С. 147; Ямал. Грань веков и тысячелетий. Салехард; СПб., 2000. С. 470; История Ямала: Т. 2: Ямал современный, Кн. 1: У истоков модернизации. Екатеринбург, 2010. С. 281.

⁶ Славный путь народов Севера: К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа. Омск, 1941. С. 45; Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М., 2008. С. 92; Попов А.С., Залесов С.В., Селезнева Т.В. Лесная отрасль Ямала: отражение в зеркале истории округа... С. 63–65.

⁷ Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО) Ф. 39. Оп. 1. Д. 24. Л. 103.

⁸ ГА ЯНАО Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

⁹ Там же.

Рис. 1. Обдорский лесопильный завод (Фотография из фондов Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»)

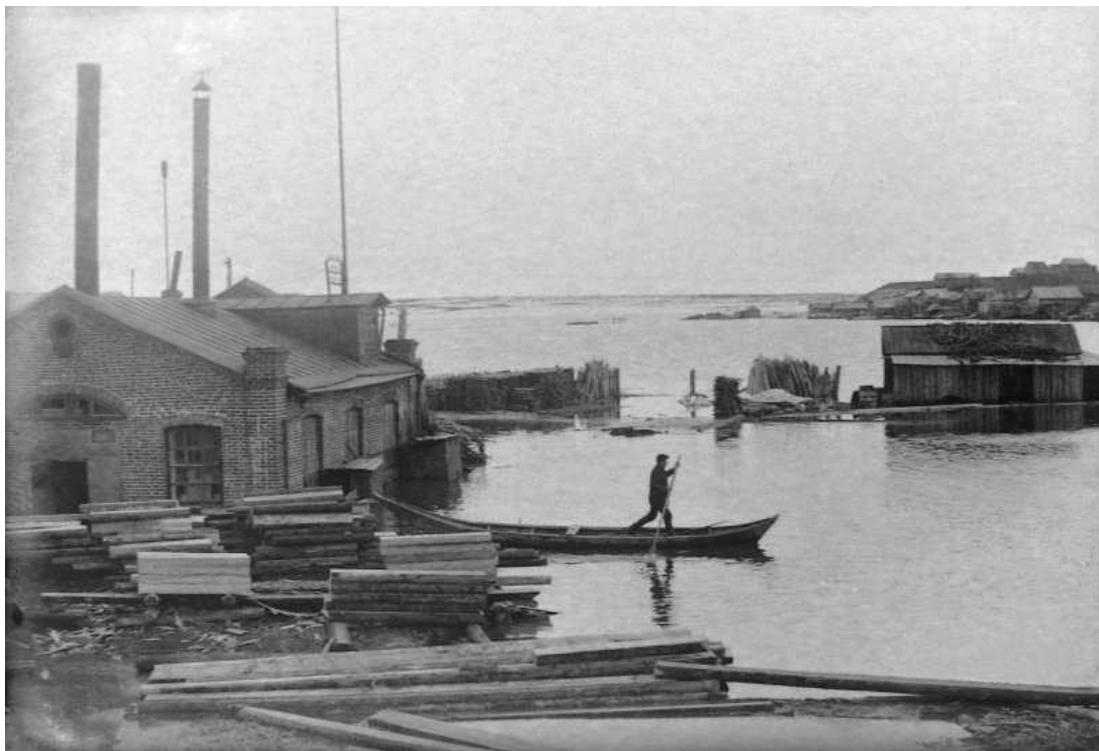

Рис. 2. Затопленная территория Обдорского лесопильного завода во время наводнения в Обдорске (Фотография из фондов Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»)

Рис. 3. Штабеля бочек на Обдорском лесопильном заводе (Фотография из фондов Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»)

Завод находился на берегу реки Полуй, причальных устройств не имел. Для загона плотов была устроена плавучая гавань длиной 50 м. Основное используемое сырье – круглый лес, поступавший сплавом с лесозаготовок по реке Оби¹⁰.

На территории лесозавода находились следующие постройки: паровая станция – бревенчатый дом с двумя баками для воды 1938 года постройки, двухэтажный деревянный дом лесопильного цеха (1935), склад готовой продукции, крытый тесом (1931), здание конторы (1930), пожарное депо (1927), склад каркасный (1936)¹¹ (рис. 4, 5).

Завод имел два основных цеха – лесопильный и бондарно-ящичный. В лесопильном цехе, представлявшем собой двухэтажное деревянное здание, находилось оборудование – лесопильные рамы и лесотаска для подачи леса в цех. Бондарно-ящичный цех включал в себя станочное отделение и клепко-строгательное. В нем производились сборка, стяжка и ремонт тары и ящиков¹², также на территории цеха имелся склад готовой продукции на 10 000 шт. тары. Кроме того, на заводе имелись паросиловая и электростанция, оборудованные паровыми машинами, которые давали двигательную энергию, отапливали помещения предприятия. Топки котлов были приспособлены для сжигания дров и древесных отходов от производства¹³, также на лесозаводе имелись два электрических генератора мощностью 60 и 55 кВт¹⁴.

¹⁰ ГА ЯНАО Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² ГА ЯНАО Ф. 39. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 2 об.

¹⁴ ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 3 об.

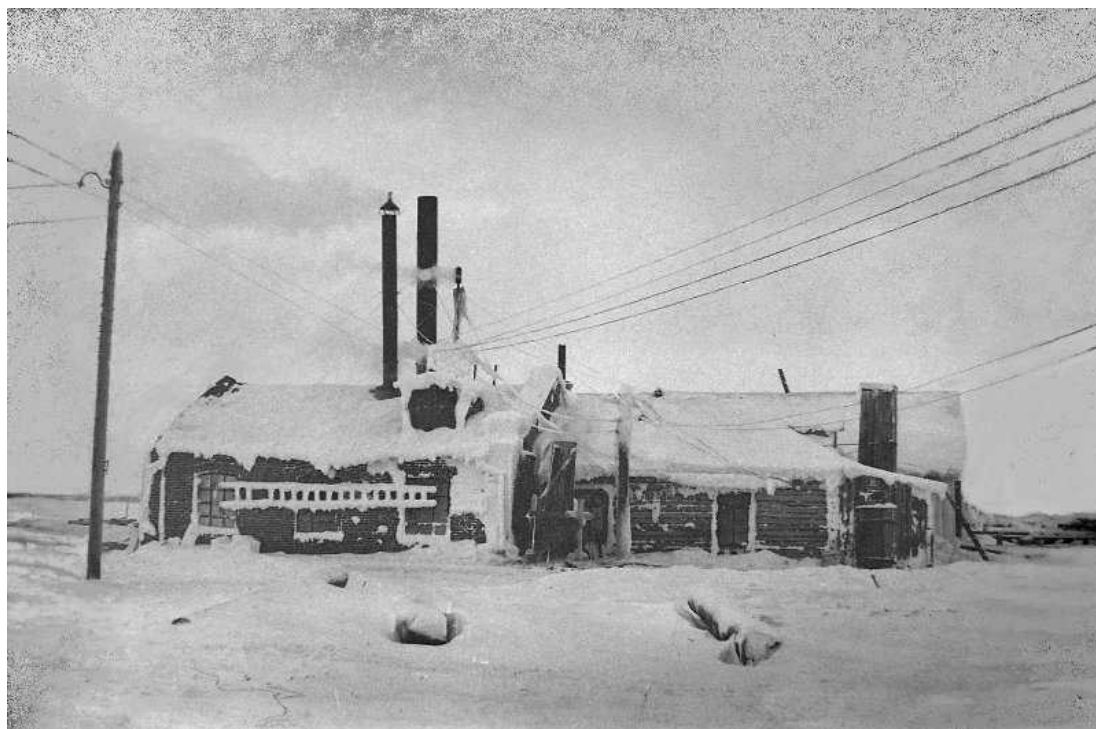

Рис. 4. Кочерга и паросиловой цех Обдорского лесопильного завода (Фотография из фондов Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»)

Рис. 5. Работник лесопильного цеха Салехардского лесотарного завода (Фотография из фондов Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»)

В 1941 г. завод перевыполнил производственную программу по выпуску продукции, невыполнение плана касалось только обработки необрезного пиломатериала¹⁵. Успех был связан с полной загрузкой оборудования, применением рационализаторских методов и участием рабочих в стахановском движении. В 1942 г. плановая программа не была выполнена из-за простоев, которые составили 4 981 час. Их причинами стали проблемы с оборудованием: неисправность паросиловой станции, отсутствие ремней для пилорам и пилотаски. В частности, с мая по июль из двух пилорам работала только одна¹⁶, а также самая большая лесопильная рама простаивала в течение 6 месяцев из-за отсутствия ремней. Проблемой завода также был дефицит лесоматериала. В 1943 г. производственная программа снова не была выполнена в связи с проблемами оборудования: как и в 1942 г., из двух лесопильных рам работала одна, а план был рассчитан на работу двух рам, что привело к нехватке материалов для производства тары¹⁷. В 1944 г. программа производства продукции в денежном эквиваленте была выполнена досрочно¹⁸. В 1945 г. производственный план лесозавода был выполнен на 105 %¹⁹ (табл. 1).

Таблица 1

Производственные показатели Салехардского лесозавода в 1942–1945 гг.

Показатель	1942	1943	1944	1945
Выпущено продукции в неизменных ценах (руб.)	589 200	525 300	567 800	321 900
Бочка сборная	31 100	15 600	30 100	29 300
Комплекты бочкотары	7 600	27 500	11 700	16 500
Сборные чаны (шт.)	223	1 883	832	136
Комплекты ящичков	60 300	32 900	175 800	25 000
Пиломатериалов (м ³)	9 500	3 500	6 000	6 400

Составлено по: ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 7; ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

Для управления заводом Обьгосрыбтрест назначил директора и его заместителя, в 1941 г. исполняющим обязанности директора был Егоров Николай Дмитриевич²⁰. Общая плановая среднесписочная численность работников предприятия составляла 279 чел.²¹ В течение 1941 г. на предприятии в среднем трудилось 172 чел. промышленно-производственного персонала²², в 1943 г. общая численность работников составила 198 чел.²³, в 1945 г. – 184 чел.²⁴ После начала войны часть работников лесозавода была мобилизована в Красную армию и им выплатили выходное пособие и компенсацию за неиспользованный отпуск²⁵, общая сумма выплат по предприятию на всех мобилизованных составила 40 000 руб. Годовой фонд зарплаты предприятия в 1941 г. составил 678 000 руб., средняя годовая зарплата одного рабочего в 1941 г. составила 3988 руб.²⁶ (рис. 6).

¹⁵ ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 21. Л. 46.

¹⁶ Там же. Д. 28. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 38. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 6 об.

¹⁹ Там же. Д. 47. Л. 15.

²⁰ Там же. Д. 24. Л. 107.

²¹ Там же. Д. 27. Л. 123.

²² Там же. Д. 21. Л. 125.

²³ Там же. Д. 38. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 47. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 21. Л. 46 об.

²⁶ Там же. Л. 47.

Рис. 6. Работники Обдорского лесотарного завода 1935–1940 гг. (Фотография из фондов Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»)

Салехардский лесотарный завод производил важную для рыбного хозяйства региона продукцию, при этом на предприятии имелся дефицит рабочей силы, особенно остро ощущалось отсутствие квалифицированных слесарей и токарей для производства и ухода за оборудованием²⁷. В 1943 г. завод не был обеспечен кадрами на 39 %, что также влияло на выполнение показателей плана²⁸. В течение 1944 г. на предприятии из 175 работников 131 работал по сдельной форме оплаты²⁹. Восполнение дефицита рабочих на предприятиях Ямало-Ненецкого национального округа в годы войны производилось в том числе за счет репрессированных немцев и калмыков, не был исключением и Салехардский лесотарный завод, в частности в 1944 г. на предприятии работали 34 спецпереселенца из Калмыцкой АССР³⁰.

Как на любом производственном предприятии СССР, на Салехардском лесотарном заводе велся учет производительности труда. В годы войны на заводе работали люди, перевыполнявшие нормы плана и не справлявшиеся с планом, а также систематически нарушавшие трудовую дисциплину. Например, согласно документу «Объяснительная записка о хозяйственной деятельности Салехардского лесозавода за 1943 г.»³¹, на предприятии было зафиксировано 97 случаев нарушений, из них: 6 чел. получили предупреждения (поставлены на вид), получили выговоры 61 и 30 чел. переданы суду³². Однако, как уже отмечалось выше, на предприятии также были передовики производства. Так, в 1943 г. их количество составило 63 чел.: стахановцев – 22 чел. и ударников – 41 чел., в 1944 г. их количество выросло до 89 чел., из них 39 стахановцев и 45 ударников³³. К категории не выполнявших нормы плана в 1943 г. относились 35 чел., а в 1944 г. – 20 чел. В документе «Объяс-

²⁷ ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 9.

²⁸ Там же. Д. 38. Л. 5.

²⁹ Там же. Д. 42. Л. 8 об.

³⁰ Там же.

³¹ ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

³² Там же.

³³ ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 8 об.

нительная записка о хозяйственной деятельности Салехардского лесотарного завода за 1944 г.»³⁴ отмечалось, что в 1943 и 1944 гг. в основном нормы не выполняли новоприбывшие в регион, так как они не успели освоить производственный процесс. Для решения проблемы на производстве была введена практика стахановских школ, которая подразумевала прикрепление отстающих к передовикам производства³⁵. По окончании Великой Отечественной войны 53 работника Салехардского лесотарного завода награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Среди награжденных были и спецпереселенцы, высланные в Ямало-Ненецкий национальный округ, например Иван Петрович Леткеман и Рахмиль Яковлевич Шауэр³⁶.

Таким образом, в исследуемый период завод являлся важной частью рыбной промышленности региона, в годы войны на него легла основная нагрузка по производству тары: производились бочки для рыбы, чаны для засолки, ящики для упаковки замороженной рыбы и консервов. За период с 1942 по 1945 г. на предприятии было произведено 106 100 сборных бочек, 3 074 чана, 294 000 комплектов ящиков. Предприятие работало в сложных производственных условиях: не хватало рабочих рук, отсутствовали детали для ремонта лесопильного оборудования, что приводило к длительным простоям. Компенсация рабочей силы в годы войны производилась за счет привлечения работников по договорам, а также спецконтингента – репрессированных немцев и калмыков, отправленных в регион в войну, а также сосланных в округ до войны. На предприятии велся учет труда, среди работников завода были как передовики производства, которые после войны отмечены трудовыми наградами, так и работники, не выполнявшие планы и нарушавшие трудовую дисциплину.

Литература

Arctic region and arctic cities vs sustainable region and smart cities // Detter G., Ljovkina A., Tukkel J. / E3S Web of Conferences. Сер.: Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region”, UESF 2021. 2021.

Деттер Г.Ф. «Большие вызовы» освоения арктических пространств в условиях четвертой промышленной революции // Инновации. 2017. № 11 (229). С. 22–28.

Освоение Арктики 2.0: продолжение традиций советских исследований / А.Н. Плясов, Н.Ю. Замятина, Л.А. Рябова и др. М.: Красанд, 2022. 432 с.

Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2015. 169 с.

Ямало-Ненецкий национальный округ: экономико-географическая характеристика / отв. ред. Б.Ф. Шапалин. М.: Наука, 1965. 276 с.

Ямал. Грань веков и тысячелетий: Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен / гл. ред., авт.-сост. Ю. Морозов. Салехард: Артвид; СПб.: Рус. кол-лекция, 2000. 654 с.

Славный путь народов Севера: к 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа / П.В. Байнарович, Л.Б. Басин, К.Ф. Кошелев и др. Омск: Омгиз, 1941. 84 с.

Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. Российская акад. наук, Тобольская биологическая станция. М.: Наука, 2008. 233 с.

Попов А.С., Залесов С.В., Селезнева Т.В. Лесная отрасль Ямала: отражение в зеркале истории округа // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. № 2 (91). С. 63–65.

История Ямала. Т. 2.: Ямал современный. Кн. 1: У истоков модернизации / К.И. Зубков и др. Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.

³⁴ ГА ЯНАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 8 об.

³⁶ ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81г. Л. 15.

References

Detter, G., Ljovkina, A., Tukkel, J. (2021). *Arctic region and arctic cities vs sustainable region and smart cities*. E3S Web of Conferences “Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region”, UESF 2021”.

Detter, G.F (2017). “Bolshie vyzovy” osvoeniya arkticheskikh prostranstv v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [“Big Challenges” of Arctic Space Development in the Context of the Fourth Industrial Revolution]. In *Innovatsii*. No. 11 (229), pp. 22–28.

Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu., Ryabova L.A. (2022). *Osvoenie Arktiki 2.0: prodolzhenie traditsiy sovetskikh issledovaniy* [Arctic Exploration 2.0: Continuation of the Traditions of Soviet Research]. Moscow, Krasand. 432 p.

Alekseeva, L.V. (2015). *Rybnoe khozyaystvo Yamalo-Nenetskogo natsionalnogo okruga v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Fisheries of the Yamalo-Nenets National District during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nizhnevartovsk, Izdatelstvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 169 p.

Shapalin, B.F. (Eds.). (1965). *Yamalo-Nenetskiy natsionalnyy okrug: ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika* [Yamalo-Nenets National District: Economic and Geographical Characteristics]. Moscow, Nauka. 276 p.

Morozov, Yu. (Eds.). (2000). *Yamal. Gran' vekov i tysyacheletiy: Popul. illyustrir. ocherk istorii kraya s drevneyshikh vremen* [Yamal. The Edge of Centuries and Millennia: A Popular Illustrated Essay on the History of the Region Since Ancient Times]. Salehard, Artvid, St. Petersburg, Rus. kolleksiya. 654 p.

Baynarovich, P.V., Basin, L.B., Koshelev, K.F. (1941). *Slavnyy put' narodov Severa: k 10-letiyu obrazovaniya Yamalo-Nenetskogo natsionalnogo okruga* [The Glorious Way of the Peoples of the North: To the 10th Anniversary of the Formation of the Yamalo-Nenets National District]. Omsk, Omgiz. 84 p.

Pribyl'skiy, Yu.P. (2008). *Rybnoe khozyaystvo Ob'-Irtyshtya v XX veke* [Fisheries of the Ob-Irtys Region in the 20th Century]. Rossiyskaya akademiya nauk, Tobol'skaya biologicheskaya stantsiya. Moscow, Nauka. 233 p.

Popov, A.S, Zalesov, S.V, Selezneva, T.V. (2016). *Lesnaya otrasl' Yamala: otrazhenie v zerkale istorii okruga* [Yamal Forest Industry: Reflection in the Mirror of the History of the District]. In *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*. No. 2 (91), pp. 63–65.

Zubkov, K.I. (2010). *Istoriya Yamala. T. 2: Yamal sovremennyy. Kn. 1: U istokov modernizatsiy* [History of Yamal. Vol. 2: Modern Yamal. Book 1: At the Origins of Modernization]. Ekaterinburg, Basko. 368 p.

В.А. Выборнова*

«СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА» В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КАК ОТВЕТ НА РЕШЕНИЯ XXII СЪЕЗДА КПССdoi:10.31518/2618-9100-2023-1-20
УДК 94(47).084.8

Выходные данные для цитирования:
Выборнова В.А. «Строительство коммунизма» в Новосибирском государственном университете как ответ на решения XXII съезда КПСС // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 240–250. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-20.pdf>

V.A. Vybornova*

“BUILDING COMMUNISM” AT NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY AS A RESPONSE TO THE RESOLUTION OF THE XXII CONGRESS OF THE CPSU

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-20

How to cite:
Vybornova V.A. “Building Communism” at Novosibirsk State University as a Response to the Resolution of the XXII Congress of the CPSU // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 240–250. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-20.pdf>]

Abstract. The article considers the socialist commitments made by the Novosibirsk State University in 1961 as a tool of mobilization nature. The strategy of the NSU leaders regarding supranormative work was based on a dual approach: the actors were entrusted with the organization of the structure of the new university, students and the Komsomol part of the teaching staff – routine for the established Soviet system, physical and ideological and educational work. Stable and high-quality performance of public works made it possible to enlist the support of party organizations to fulfill the first task – to defend the right to originality of the scientific and educational structure of the NSU.

Keywords: Novosibirsk State University, building communism, social obligations, above-standard labor.

The article has been received by the editor on 30.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрены «социалистические обязательства», прописанные Новосибирским государственным университетом в 1961 г. как инструмент мобилизационного характера. Стратегия руководителей НГУ относительно над-нормативного труда строилась на дуальном подходе: актерам поручалась организация структуры нового университета, студентам и комсомольской части преподавательского состава – рутинный для устоявшейся советской системы физический и идейно-воспитательный труд. Стабильное и качественное исполнение общественных работ давало возможность заручиться поддержкой партийных организаций для выполнения первой задачи – отстоять право на оригинальность научно-образовательной структуры НГУ.

Ключевые слова: Новосибирский государственный университет, «строительство коммунизма», «соцобязательства», над-нормативный труд.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022 г.

* **Виктория Александровна Выборнова**, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: vybornovavik4@gmail.com

Viktoriya Aleksandrovna Vybornova, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: vybornovavik4@gmail.com

Новосибирский государственный университет (НГУ), открытый в 1959 г., являясь продуктом своего времени, был включен в процедуру различного рода трудовых обязательств. Повседневную жизнь сотрудников и студентов университета с первых дней сопровождали регулярные мероприятия идеологического характера, направленные на повышение трудовой дисциплины и наднормативный труд. В контексте данной статьи под термином «наднормативный труд» автор понимает обязательную функцию, выходящую за рамки установленной деятельности человека как гражданина советского общества. Одной из разновидностей такого труда выступали «соцобязательства», служившие гарантией выполнения сверхплановой деятельности и имевшие под собой мобилизационную интенцию. В изучаемый период функция стимулирования труда приняла рутинный характер. Под термином «рутинизация труда» понимается все более механическое следование заведенному шаблону с потерей идеологического смысла навязанных «сверху» действий. Она стала особенно проявленной в 1960-е гг. в СССР, когда в сознании людей массово возникло двоемыслие, отчужденность своего «я» от государства и власти, приватизация своей личности.

Актуальность темы заключается в востребованности опыта использования наднормативного труда как социального явления советского общества, частично канувшего в прошлое, частично трансформирующегося в современном мире в так называемую общественную работу. Цель статьи заключается в выявлении алгоритма и мотивации принятия «соцобязательств» НГУ периода хрущевской «оттепели». Для ее выполнения использованы историко-хронологический и историко-сравнительный методы, впервые введены в научный оборот документы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) и Архиве НГУ¹, касающиеся проблематики «наднормативного труда» в 1959–1963 гг. – это планы и отчеты по идейно-воспитательной работе, внутриуниверситетские приказы по отправке студентов на сбор урожая, протоколы Ученого Совета (УС), содержащие пункты по выполнению государственного плана, «соцобязательства», прописанные в 1961 г. коллективом партийных и комсомольских ячеек университета.

На момент проведения XXII съезда КПСС, проходившего в Москве с 17 по 31 октября 1961 г., и принятия Программы Коммунистической партии, провозглашавшей новый виток «строительства коммунизма», в Новосибирске шло активное строительство нового научного центра, где академическая наука в представительстве научно-исследовательских институтов СО АН и Новосибирский государственный университет (НГУ) были связаны новаторскими стратегиями организации обучения и исследовательской работы. С момента озвучивания идеи об открытии нового университета его основатели имели стратегические планы для его развития и значения в научном мире.

2 ноября 1957 г. на общем собрании Академии наук СССР М.А. Лаврентьев представил планы на строительство Новосибирского Академгородка: «предусмотрена самая широкая, самая тесная связь этих трех китов – промышленности, науки и подготовки кадров. Все это будет осуществляться в едином комплексе»². Для университета академик видел такое будущее: «кадры будут расти на самом новом оборудовании и под руководством самых крупных наших ученых, которые будут там работать»³. Однако пионерные начинания НГУ, пусть и частично апробированные в принципах работы Московского физико-технического института, считающегося его естественным предшественником, сталкивались с рядом трудностей, в первую очередь связанных с необходимостью добиваться своих прав на новаторские начинания перед центральными и местными партийно-правительственными структурами.

¹ В Архиве Новосибирского государственного университета (Архив НГУ) не указывается номер фонда в наименовании документа, поскольку он единый.

² Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док-тов. Новосибирск, 2007. С. 166.

³ Там же.

Борьба за их отстаивание оказалась затяжной и шла с переменным успехом⁴. В частности, первое время в союзное, а затем и республиканское Министерство высшего и среднего специального образования (МВССО) подавались прошения о проведении ранних вступительных экзаменов и увеличении численности преподавателей-совместителей как ситуативные инциденты до нормативного согласования этих вопросов⁵, приглашения именитых ученых для преподавания, открытия нетипичных кафедр, соотносимых с лабораториями в институтах научного центра⁶, получения двойного финансирования от профильного министерства и СО АН⁷.

Несмотря на трудности, связанные с апробацией новаторских механизмов работы на начальном уровне и отстаиванием вектора развития НГУ как составной части СО АН СССР, шла активная пропагандистская политика его основателей, показывающая «университет нового типа»⁸ как место, где «каждому студенту предоставляются богатые возможности для ознакомления с новейшими достижениями науки и техники»⁹. Такие перспективы привлекали увлеченную молодежь принять участие в новом проекте. Однако студенты и молодые сотрудники, приезжающие в Академгородок, сталкивались с совершенно иного рода задачами и проблемами, нежели его основатели. Территориальная изоляция от городского социального обеспечения, принципиальные затруднения в организации быта, отражающиеся в общем состоянии Новосибирского Академгородка первых лет, были для них куда более ощутимы. «Впечатление было такое, что все полны энтузиазма, но непонятно на какой основе, потому что ничего вокруг нет, кроме двух-трех домов и пробитой просеки, которая сейчас называется Морской проспект. Ведутся разные работы, включая проведение канализационных систем и всего прочего, все разрыто, все необходимо обходить»¹⁰, – вспоминал о лете 1961 г., времени своего поступления в НГУ, П.П. Самойлов, будущий доцент ФЕН НГУ.

Патетичные лозунги о «строительстве коммунизма» произносились с трибун строительных лесов. За этими лозунгами стояло выполнение указаний партийных организаций, не предусмотренных основным родом занятий, в ходе которых применялись механизмы и практики поощрения и санкций за их невыполнение или уклонение. Сущностной характеристикой феномена наднормативного труда была мобилизирующая функция, которая обеспечивалась идеолого-пропагандистским сопровождением: «Страну всколыхнули решения XX–XXII партийных съездов. Царило необыкновенное оживление всей общественной жизни»¹¹.

Социальный фон советского государства требовал с самого начала организации вуза принять заданные правила партийной мобилизационной стратегии по использованию наднормативного труда всех участников учебно-образовательного процесса. Некая абстрактная идея «строительства коммунизма», заявленная ЦК КПСС, как приближение идеального будущего в Новосибирском Академгородке очертилась во вполне понятные и конкретные образы. Здесь строился научный городок будущего с передовым техническим оснащением.

Реагировать на громкие публичные заявления партийного руководства относительно выполнения не только государственного плана, но и брать сверх того «социалистических обязательств» являлось обязательной частью деятельности Ученого Совета НГУ. Так, в протоколе УС от 22 июня 1961 г. отмечена необходимость мер, вытекавших из постановления

⁴ Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 113–135.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–3; ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 4. Д. 110. Л. 8; Архив НГУ. Оп. 2. Д. 23. Л. 318.

⁶ Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск, 2019. С. 108–109.

⁷ Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Университет и Академия наук... С. 120.

⁸ Векуа И.Н. Университет нового типа // Правда. 1959. № 170.

⁹ Там же.

¹⁰ Самойлов П.П. ФЕН в потоке времени // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 400.

¹¹ Штерн В.Н. Захватывало дух // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 379.

Пленума ЦК КПСС от 18 января 1961 г.¹², в котором речь шла о проведении мероприятий по дальнейшему развитию сельского хозяйства (в частности, повсеместном внедрении кукурузы), практически не касающихся университетской работы, однако в условиях советской реальности, требующих нормативно установленного отклика. На повестке дня третьим пунктом шло сообщение «О мероприятиях в НГУ по выполнению решений Январского Пленума ЦК КПСС», его делал секретарь парторганизации НГУ Н.Я. Гуцин. УС лаконично постановил: «одобрить проведенные мероприятия в НГУ по выполнению решений январского пленума ЦК КПСС»¹³. Само сообщение не отражено в протоколе заседания, не сохранено отдельным документом в архивах. Дополнительной работы студентам и преподавателям вследствие решений Пленума назначено не было – велась рутинная идейно-воспитательная работа, сбор урожая в колхозах студентами и др.

В октябре 1961 г. самым знаковым событием года для страны стал XXII съезд партии¹⁴, вошедший в историю фразой, произнесенной первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Развернулась масштабная пропагандистская кампания. Местная газета «За науку в Сибири» освещала ход съезда, а затем и отклик на него в сообществе Академгородка. «Программа партии – новый источник вдохновения»¹⁵, «Мы верны идеям Великого Октября»¹⁶, «Отдать себя борьбе за великое дело»¹⁷ – гласили заголовки. В январе 1962 г. вышло крупное объявление: «Товарищи руководители институтов, производственных и вспомогательных участков! Какие социалистические обязательства приняты вами для реализации решений XXII съезда КПСС?».

«Соцобязательства» НГУ были подготовлены командой представителей разных прослоек партийной и комсомольской организаций: секретарем Партбюро НГУ Н.Я. Гуциным (организатором кафедры истории КПСС НГУ), секретарем комитета ВЛКСМ В.А. Евстигнеевым (студентом ФЕН 3-го курса), председателем месткома А.В. Березовской, председателем профкома Р.П. Фельде и ректором НГУ И.Н. Векуа¹⁸. «Социалистические обязательства» прописаны в 11 пунктах, где указывались задачи по наднормативному труду как основных, так и рядовых сотрудников и студентов университета. Для организаторов учебного процесса за фасадом патетики идеологизации труда была вписана вполне конкретная деятельность по совершенствованию формирования структуры НГУ. Для комсомола – рутинные обязательства по физическому труду и идейно-воспитательной работе. Документ не имеет ни даты, ни подписей его составителей. Однако его наличие в копийном виде в университетской документации за 1961 г. свидетельствует в пользу того, что определенную нормативную силу он имел. Ниже рассмотрены данные «социалистические обязательства» с точки зрения их характера, причин принятия и результатов реализации.

В первых четырех пунктах «соцобязательств» прописаны задачи для организаторов учебного процесса университета:

«1. Открыть специальность “теоретическая медицина”. 2. Начать обучение по специальности в научно-исследовательских институтах – Институте теоретической и прикладной механики, Институте гидродинамики, Институте ядерной физики, Институте химической кинетики и горения, Институте математики с вычислительным центром и Институте теплофизики СО АН СССР. 3. Организовать лабораторный практикум по радиофизике и электронике для различных специальностей к началу учебного года. 4. С целью привлечения в университет рабочей и колхозной молодежи организовать в городах Новосибирске, Омске, Барнауле, Красноярске и Кемерово выступления ведущих ученых с разъяснением задач

¹² Архив НГУ. Оп. 1. Д. 21. Л. 55–58.

¹³ Там же. Л. 58.

¹⁴ Съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/52747/22_sezd_chast_1_1962.pdf (дата обращения: 24.04.2022).

¹⁵ За Науку в Сибири. 1961. № 17. С. 1.

¹⁶ Там же. № 19. С. 1.

¹⁷ Там же. № 20. С. 1.

¹⁸ ГАНУ. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 40. Л. 7–8.

университета и правил приема»¹⁹. Очевидно, что указанные пункты имели под собой определенные обоснования.

Тема открытия специальности «теоретической медицины» за полгода до внесения этого пункта в «социалистические обязательства» обсуждалась на заседании Ученого Совета от 24 марта 1961 г.²⁰ На нем было принято решение о ее развитии в рамках биологического направления с учетом основных принципов НГУ – математизации и междисциплинарности всего учебного процесса с таким расчетом, чтобы студенты приобрели серьезные знания и навыки в области математики, физики и химии, и обучение теоретическим основам современной медицины проводилось на этой научной базе. В данном случае руководство университета в постановлении проявило разумную осмотрительность: «Права медицинской практики выпускникам специальности не присваивать»²¹.

Первым шагом к созданию специальности «теоретическая медицина» стало открытие в 1961/1962 учебном году в рамках ФЕН медико-биологической специальности²² и организация кафедры медицинской биологии приказом МВиССО от 25 июля 1962 г.²³ Однако в дальнейшем взгляды руководства университета на развитие медицинского отделения в НГУ кардинально изменились, поскольку выяснилось, что сочетать требования повышенной физико-математической и общебиологической и медицинской подготовки на младших курсах с принятым в НГУ активным привлечением студентов на 4–5-х курсах к исследовательской деятельности в научных институтах не удастся²⁴. Поэтому от подготовки на факультете исследователей в области медицинской биологии пришлось отказаться. Решением Совета НГУ от 22 декабря 1966 г. кафедра медицинской биологии была преобразована в кафедру физиологии, из кафедры общей биологии выделилась кафедра цитологии и генетики²⁵.

Таким образом, фактически первое «соцобязательство» было выполнено очень условно. Специальность «теоретическая медицина» открыта не была, на небольшой отрезок времени с 1962 до 1968 г. ее заменила близкая по направлению «медико-биологическая», однако с большим акцентом на «решение актуальных биологических проблем»²⁶. Отчетная документация и объяснительные записки университета партийным организациям последующих лет не хранят информации о дальнейшей судьбе этого «соцобязательства» в глазах партийных органов.

Следующие два «соцобязательства» в течение года оказались выполнены. Второму пункту способствовала уже подготовленная база лабораторий указанных институтов. Третьему – открытая летом 1961 г. кафедра радиофизики и электроники²⁷, на базе которой и стал проводиться практикум. Эти пункты также не отражены в дальнейших отчетах университета. Видно, что результат исполнения «соцобязательств» был разным и не влиял на взаимодействие акторов НГУ и парторганизаций. Однако дополнительное озвучивание плана на развертывание одного из элементов научно-учебной структуры НГУ (отделения, кафедры, лаборатории), будь то внесение в «соцобязательства» или в публичное объявление в СМИ, давало официальный ход и поддержку начинаниям, чем активно пользовались акторы НГУ в борьбе за отстаивание самобытности нового вуза.

Важным для парторганизаций явился четвертый пункт, содержащий обязательства общественной работы ведущих ученых – выступления в сибирских городах. Чтение популярных показательных лекций в образовательных, общественных и научных организациях для ведущих ученых были рутинными мероприятиями. Для основателей НГУ они начались еще

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 40. Л. 7–8.

²⁰ Там же. Д. 20. Л. 41–45.

²¹ Там же. Л. 45.

²² ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

²³ Там же. Д. 52. Л. 123.

²⁴ Биченков Е.И., Бондарь В.Д., Гранберг А.Г. Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1970. С. 81.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 310. Л. 65.

²⁶ Биченков Е.И., Бондарь В.Д., Гранберг А.Г. Новосибирский государственный университет... С. 81.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 51. Л. 12.

до открытия самого университета и включали встречи с абитуриентами, затем студентами, для чтения научно-популярных лекций и ознакомлением с принципами работы нового вуза, выступления на радио и телевидении, общение с корреспондентами газет, учителями школ Сибирского региона и строителями Академгородка. Популяризаторская и просветительская функции ученых-преподавателей являлись частью общественной работы и находили отражение в планах и отчетах политико-воспитательной, идейно-воспитательной, культурной, научно-технической работы университета²⁸. Регулярно И.Н. Векуа, С.Л. Соболеву, А.И. Мальцеву, С.А. Христиановичу, А.М. Будкеру, А.В. Бицадзе и многим другим видным профессорам НГУ объявлялась за это благодарность независимо либо с привязкой к праздничным датам²⁹.

Следующие пункты были обращены к студентам и комсомольскому коллективу университета:

«5. Направить на полевые работы 57 трактористов, подготовленных без отрыва от учебы из числа студентов университета. 6. В период летних каникул с.г. организовать агитпоход по районам Новосибирской области с выступлениями студентов-агитаторов в колхозах на научные и политические темы. 7. Силами студентов и преподавателей организовать регулярное чтение лекций и проведение бесед на научные и политические темы для строителей университета. 8. Силами коллектива университета отработать на строительстве нового здания университета 5 000 часов и на работах по благоустройству и озеленению 2 500 часов. 9. Организовать летний спорт-оздоровительный лагерь для студентов. 10. Вовлечь в дружины общественного порядка дополнительно 100 комсомольцев. 11. Организовать во всех учебных группах, на кафедрах, лабораториях и отделах университета изучение предсъездовских документов и материалов»³⁰ (рис. 1).

Рис. 1. А. Виленский и А. Иванов учатся на трактористов. Май 1961 г. Автор: Б.Г. Ненашев. (Фотография из фондов Музея истории Новосибирского государственного университета)

Как и во всех вузах СССР, с первых дней работы НГУ студенчество было включено в социальную жизнь советского общества и наделено «соцобязательствами» по наднормативному труду. Так, первые студенты, только поступив в университет, до официального его открытия 26 сентября 1959 г. и до заселения в общежитие были направлены на сбор урожая в

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–6; Там же. Д. 88. Л. 50–51; Там же. Д. 108. Л. 27–28.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 54; Архив НГУ. Оп. 1. Д. 24. Л. 87; Архив НГУ. Оп. 2. Д. 11. Л. 341; Там же. Д. 23. Л. 49.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 40. Л. 7–8.

Коченевский район³¹. Л.Г. Лавренова, выпускница, а затем профессор ФЕН НГУ, вспоминала: «Часть новоиспеченных студентов уехали в колхоз, а остальные жили в пионерском лагере поселка им. Кирова в палатках. Мы готовили университет к занятиям – мыли окна, полы, мальчики расставляли мебель»³². В.А. Евстигнеев, выпускник, затем профессор ММФ, назначенный в 1959 г. секретарем ВЛКСМ НГУ, вспоминал о своих первых задачах: «Райком ВЛКСМ “вешал” на нас огромную разрядку по сбору металлолома. Лом, может быть, и был действительно кому-то нужен, но откуда мы могли раздобыть его такие количества в только начавшем строиться Академгородке? Сданы целиком были только наше здание, Институт гидродинамики и несколько домов – все остальное стояло в лесах. Не со строек же тащить этот металлолом!»³³ (рис. 2)

Рис. 2. 1-й курс. Колхоз. Таня Янушевич, Ира Моторина, Эля Казакова. Сентябрь 1959 г.
Автор: Б.Г. Ненашев (Фотография из фондов Музея истории Новосибирского государственного университета)

Физический труд студентов использовался на регулярной основе на сборе урожая, на стройках Академгородка и прилегающих районах, для участия в уборке и озеленении на субботниках. Об этом свидетельствуют внутриуниверситетские приказы и отчеты, дополняемые многочисленными воспоминаниями участников. В традициях «коммунистического строительства» организация наднормативного труда была приурочена к громким мероприятиям. В частности, «Университетский комсомол провел субботник в фонд Всемирного форума молодежи в Москве. Субботник проходил на строительстве объектов комплекса ОбьГЭС...»³⁴ (рис. 3).

Как правило, на уборочные работы направлялись студенты первого курса, однако в виде исключения в отдельные годы к ним присоединялись студенты старших курсов. Так, в решении руководства Отделения от 30 августа 1963 г. «О направлении сотрудников учреждений СО АН СССР на заготовку картофеля и овощей для населения Научного городка»³⁵, подписанном председателем СО АН академиком М.А. Лаврентьевым, присутствует пункт о направлении студентов и преподавателей НГУ на заготовку 170 т картофеля на основании решения исполкома Советского районного Совета депутатов трудящихся.

³¹ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 2. Д. 4. Л. 53.

³² Лавренова Л.Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 367.

³³ Евстигнеев В.А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 389.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 89. Л. 73–74.

Исполнение Решения сохранилось в воспоминаниях участников: «Осенью 1963 г., когда мы учились уже на пятом курсе, съездили в колхоз. В стране был неурожай, поэтому в колхоз отправляли всех. Наша группа провела несколько незабываемых недель в с. Чупино Маслянинского района, где мы работали “на картошке” и отдохнули»³⁶. Количество студентов, участвующих в сборе урожая, на 1963 г. было следующим: поступило 607 студентов на дневное отделение³⁷, отправлено в колхоз «Искитимский» Искитимского производственного управления 500 чел.³⁸; студенты 2, 3, 4 и 5 курсов в количестве 1 100 чел. работали в колхозах Черепановского производственного управления³⁹, всего на момент 1.01.1964 г. на очном отделении обучалось 1 688 студентов⁴⁰. За исполнением обязательств по наднормативному труду последовала практика поощрения: «За все это студенты заслужили положительные отзывы рабочих совхозов, колхозников, местных руководителей совхозов и колхозов, руководства производственных управлений и партийных комитетов. Подтверждением этого являются более 100 почетных грамот и похвальных листов, врученных нашим студентам за отличную работу»⁴¹.

Рис. 3. Октябрь, 1960 г. Субботник на шлюзе. Слева – В. Евстигнеев.
Автор: Б.Г. Ненашев. (Фотография из фондов Музея истории
Новосибирского государственного университета)

Использование физического труда студенты воспринимали обычным рутинным делом. «Собственно, понятие “общественная работа” трудно было вычленил тогда из студенческой жизни как таковой. Таким было время...»⁴². Однако ВЛКСМ НГУ настаивал на преимуще-

³⁶ Лавренова Л.Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 370.

³⁷ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 108. Л. 31.

³⁸ Там же. Д. 89. Л. 92.

³⁹ Там же. Л. 92.

⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 110. Л. 8.

⁴¹ Там же. Д. 89. Л. 92.

⁴² Штерн В.Н. Захватывало дух // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 380.

ственном использовании «интеллектуальной мощи» актива молодежи. «Мы считали, что главная работа “вовне” – это агитация за поступление в университет, работа с будущими абитуриентами»⁴³. Позиционирование основателей нового университета как престижного центра интеллектуального мира способствовало формированию комсомольского самосознания как части этого мира и стремлению выразить себя через трансляцию идей прогрессивной научной мысли и принципов работы НГУ. И такой труд был предоставлен комсомолу в полной мере. «На начальном этапе существования Новосибирского научного центра сложилась уникальная ситуация, когда практически любая молодежная инициатива встречала самое положительное одобрение со стороны руководства Сибирского отделения»⁴⁴. Политико-воспитательная работа проходила на общественных началах и по своей природе уже являлась наднормативным трудом. В Едином плане политико-воспитательной работы НГУ на 1960/1961 учебный год⁴⁵ оказывались прописаны текущие и планируемые мероприятия. В него включалось политическое просвещение в рамках работы семинаров и кружков по изучению марксистско-ленинской теории. Проходили конференции на темы «Воспитание научного диалектико-материалистического мировоззрения у студентов в процессе преподавания естественно-научных дисциплин» и «Борьба коммунистической партии за развитие производительных сил и науки в Сибири» и др.

Также план включал в себя работу лектория, где читались лекции по общественно-политической и научно-технической тематике, проходили выступления ученых, старых революционеров, бригад коммунистического труда и т.д. Мероприятия лектория планировались не реже двух раз в месяц, ответственными назначались члены партбюро, преподаватели кафедры общественных наук. Художественная самодеятельность, воспитательная работа в общежитии, организация красного уголка для агитационной работы с населением, вечера вопросов и ответов, распространение в студенческих группах политической литературы, организация спортивно-оздоровительных лагерей и дружины по охране общественного порядка были подведомственны комсомольской организации НГУ.

Среди пунктов указаны и нормативные, оплачиваемые и вписанные в учебный план лекции по научному атеизму, основам марксистско-ленинской этики и др., «методический семинар по теории познания для профессорско-преподавательского состава раз в месяц вел доцент Н.П. Антонов. Семинар по основам марксизма-ленинизма для преподавателей и сотрудников университета раз в месяц читала В.В. Гуцина. Кружок текущей политики для сотрудников университета вел ассистент Б.В. Федотов»⁴⁶.

Политико-воспитательные планы и относящиеся к ним отчеты выходили ежегодно и содержали типовую, структурно схожую информацию. Часть наднормативной интеллектуальной работы прописывалась и в отчетах приемной комиссии⁴⁷ как мероприятия по организации новых наборов студентов. Они включали в себя в том числе подготовку листовок из серии «Беседы о специальностях», лекции об университете по школам Новосибирска и Сибири студентами и преподавателями, снабжение материалами об университете студентов, уезжающих на каникулы, для бесед в местных школах.

Относительно пункта об организации спортивно-оздоровительного лагеря отметим, что он организовывался дважды в год – зимой и летом с 1960 г.⁴⁸ Лагеря устраивались для студентов дневного отделения кафедрой физического воспитания, за что заведующему кафедрой традиционно после их сезонного проведения объявлялась благодарность⁴⁹. Графа о студентах содержала, с одной стороны, список фамилий, удостоившихся благодарности, с

⁴³ Евстигнеев В.А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 389.

⁴⁴ Муренко Д.И. Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 87–88.

⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–6.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Д. 108. Л. 27–28.

⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 2. Д. 4. Л. 133.

⁴⁹ Там же. Д. 44. Л. 72.

другой – выговора: «Некоторые студенты во время лагерной жизни нарушали распорядок дня, уклонялись от занятий и проявляли грубость с преподавательским составом»⁵⁰. Другим видом порицания было «поставить на вид». Аналогичный механизм благодарностей-выговоров распространялся и на другие виды студенческого труда, в частности на работу дружин общественного порядка, упомянутую следующим пунктом в «соцобязательствах». Общественная работа студенчества на регулярной основе освещалась и в местных СМИ, подчеркивающих образ положительного советского человека, который трудится на благо советского общества и его антагониста – дебошира и лентяя: «Ни одно нарушение не оставим без наказания. За два месяца июль-август заметно возросла активность добровольной народной дружины в Академгородке. Ежедневно в будни и воскресные дни выходят на дежурство отряды институтов. Дежурства шли на пляже, в микрорайонах А, Б, В. Не раз дружинники пресекали на месте случаи дебоша, приходили на помощь малолетним, заботились о пожилых»⁵¹.

Таким образом, дуализм двух начал (самоорганизации и обязательности) наложил свой отпечаток на включенность преподавателей и студентов университета в систему трудовых «соцобязательств», необходимую в реалиях того времени. Для акторов структуры НГУ этот труд заключался, во-первых, в организации новых научных направлений, кафедр, лабораторий и др.; во-вторых, в пропаганде прогрессивных идей университета как доказательства правильности политики советской власти. Для студентов и рядовых сотрудников, в первую очередь в физическом труде – работа на стройках Академгородка, сбор урожая, и только во вторую – интеллектуальном, включающем в себя чтение лекций по марксистско-ленинской теории, агитацию за поступление в университет абитуриентов, агитпоходы, ведение кружков, различные выступления и экскурсии по НГУ и др.

Обязательность наднормативного труда играла значимую функциональную роль в мобилизационной парадигме. Его сущностными характеристиками были стимулирующая и дисциплинирующая контрольно-надзорными действиями функции, подпитываемые идеолого-пропагандистским сопровождением. Так и исследуемый в данной статье случай принятия «соцобязательств» не являлся новым явлением политической стратегии СССР: за громкими заявлениями и реакцией на них подчиненных организаций «движение за коммунистический труд» оказывалось рутинизированной практикой, а работа по увеличению производительности наднормативного труда контролировалась через проверенные методы поощрения и наказания. Руководители университета, используя привычные механизмы взаимодействия с партийными организациями, знали, какой ответ от них требуется на решения XXII съезда КПСС. Они вписали в обязательства именно те задачи, которые предполагали исполнение независимо от «соцобязательств», т.е. пункты, важные для развития структуры университета, с целью подкрепить их поддержкой партии. Второй блок задач – использование интеллектуального и физического наднормативного труда молодежи – также являлся обязательным пунктом в «соцобязательствах» и рутинным делом в СССР. Процедура требовалась «правильно» вписать в обязательства их некоторое возможное количественное увеличение. В описанных выше социальных действиях мобилизационного типа содержалось противоречие между целевым идеологическим назначением данной формы труда и его рутинизацией как разновидностью конформизма.

Литература

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2019. 404 с.

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 113–135.

⁵⁰ ГАНУ. Ф. Р-1848. Оп. 2. Д. 44. Л. 72.

⁵¹ За науку в Сибири. 1962. № 36. С. 1.

Биченков Е.И., Бондарь В.Д., Гранберг А.Г. Новосибирский государственный университет. Новосибирск: Ротапринт НГУ, 1970. 209 с.

Евстигнеев В.А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 388–390.

Лавренова Л.Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 367–373.

Муренко Д.И. Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 84–100.

Самойлов П.П. ФЕН в потоке времени // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 400–416.

Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док-тов / сост. Е.Г. Водичев, И.С. Кузнецов, Л.И. Пыстина. Новосибирск: Нонпарель, 2007. 374 с.

Штерн В.Н. Захватывало дух // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 379–381.

References

Ablazhei, N.N., Vodichev, E.G., Krasil'nikov, S.A. (2019). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: sozдание, stanovlenie, razvitie (1959–2019)* [State University: Creation, Formation, Development (1959–2019)]. Novosibirsk, Novosibirsk University Publishing House. 404 p.

Ablazhei, N.N., Vodichev, E.G., Krasil'nikov, S.A. (2021). *Universitet i Akademiya nauk: pas de deux v ritmakh epokhi* [University and Academy of Sciences: pas de deux in the rhythms of the epoch]. In *Sotsiologiya nauki i tekhologii*. Vol. 12, No. 1, pp. 113–135.

Bichenkov, E.I., Bondar', V.D., Granberg, A.G. (1970). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet* [State University. Novosibirsk]. Novosibirsk, Rotaprint NSU. 209 p.

Evstigneev, V.A. (1999). *Komsomol NGU. Pervye shagi* [Komsomol of NSU. The First Steps]. In *Science Akademgorodok University. Memories. Essays. Interview. Novosibirsk*. Vol. 1, pp. 388–390.

Lavrenova, L.G. (1999). *Tak nachinal'sya universitet* [So the University Began]. In *Science Akademgorodok University. Memories. Essays. Interview. Novosibirsk*. Vol. 1, pp. 367–373.

Murenko, D.I. (2020). *Osobennosti zarozhdeniya i razvitiya Soveta molodykh uchenykh Novosibirskogo nauchnogo tsentra v 1960-kh gg.* [Features of the Origin and Development of the Council of Young Scientists of the Novosibirsk Scientific Center in the 1960s]. In *Intelligentsia i mir*. No. 2, pp. 84–100.

Samoilov, P.P. (1999). *FEN v potoke vremeni* [FEN in the Flow of Time]. In *Science Akademgorodok University. Memories. Essays. Interview. Novosibirsk*. Vol. 1, pp. 400–416.

Shtern, V.N. (1999). *Zakhvatyvalo dukh* [Breathhtaking]. In *Science Akademgorodok University. Memories. Essays. Interview. Novosibirsk*. Vol. 1, pp. 379–381.

Vodichev, E.G., Kuznetsov, I.S., Pystina, L.I. (Comp.). (2007). *Sibirskoe otdelenie Rossiiskoy akademii nauk: sozдание (1957–1961 gody). Sbornik dokumentov* [Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Creation (1957–1961). Collection of Documents]. Novosibirsk, Nonparel. 374 p.